

A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns in a dark brown color, framing the central text.

**Милый,
единственный,
инопланетный**

**Юлия Владимировна
Монакова**

Марина. Типичное дитя двухтысячных: учится на журфаке, подрабатывает ведущей на радио, страдает от лишнего веса, зависит от гаджетов, ведёт блог в инстаграме и мечтает о большой взаимной любви.

Лиза. Взросление пришлось аккурат на лихие девяностые: незапланированная беременность, предательство любимого, насмешки друзей, непонимание родных, отказ от карьеры и личной жизни.

Что объединяет их — непохожих друг на друга, принадлежащих разным поколениям, имеющих различные жизненные установки? Любовь к одному молодому человеку.

Для Марины он — возлюбленный, для Лизы — сын. Парень с синдромом Аспергера, который нередко называют “синдромом инопланетянина”.

•

Пролог

Мы, полностью одетые, сидим друг напротив друга на аккуратно заправленной кровати. Я искоса поглядываю на Илью, а он уставился куда-то в сторону, машинально вертя в руках спиннер. Я уже знаю: так он делает всегда, когда волнуется. Боже, да он нервничает едва ли не больше, чем я сама!..

Илья периодически перебрасывает спиннер из одной руки в другую, а я наблюдаю за вращением, как заворожённая, хотя... на самом-то деле, вероятно, просто тяну время. Мне немного страшно переходить к делу. Тому самому, ради которого я и нахожусь сейчас в спальне Ильи, чувствуя себя дура дурой.

Мы впервые собираемся переспать друг с другом, но я покривлю душой, если скажу, что атмосфера в комнате тянет на “возбуждающую” или хотя бы на “романтическую”. Ни фигя подобного!

Кашляю, пытаюсь привлечь его внимание. Илья не реагирует, только спиннер начинает крутиться с поистине сумасшедшей скоростью. Господи, он же откровенно не улавливает моих мысленных посылов и не понимает неуклюжих попыток подтолкнуть его к решительным действиям. Я должна всё сказать ему прямо, самыми конкретными словами...

Открываю рот и выпаливаю вовсе не то, что собиралась изначально:

— Слушай, а ты вообще-то уверен, что хочешь секса?

— Да, — серьёзный кивок, взгляд по-прежнему устремлён мимо меня, спиннер всё ещё бешено вращается.

— Но ты на меня совсем не смотришь...

Его брови приподнимаются удивлённым домиком.

— Во время секса обязательно смотреть друг на друга?

Я понимаю, что для него это мучительно. Илья совершенно не может выдержать чужой пристальный взгляд “глаза в глаза”, испытывая при этом настоящий физический

дискомфорт, вплоть до тошноты.

— Необязательно, — вынужденно признаю я. — Глаза можно просто закрыть.

Он вздыхает с явным облегчением.

Я знаю, что раньше у него была девушка. Честно говоря, не представляю, как они в принципе занимались любовью — со всеми его тараканами в башке. Впрочем, неудивительно, что в конце концов она не выдержала и сбежала. Одного не пойму, какого чёрта теперь в это вляпалась и я?! Оно мне надо? Илья ведь даже целоваться не любит, наверняка в сексе у него тоже масса своих заморочек, с которыми, хочешь не хочешь, мне придётся считаться... Зачем, господи, заче-е-ем?.. Я мазохистка или просто дура?

— Может, уже начнём? — между тем деловито спрашивает Илья, словно речь идёт не об интимно-сокровенном, а о какой-нибудь скучной совместной работе. Я чувствую, как против воли заливаюсь румянцем. Чёрт! Это самая странная прелюдия к сексу, которая у меня когда-либо была. Неуверенно пожимаю плечами, понятия не имея, с чего, собственно говоря, следует начинать:

— Ну... э-э-э... давай.

— Я знаю, что девушкам обычно нравятся поцелуи во время соития, — произносит он всё тем же деловым тоном. — Если ты планируешь со мной целоваться, то тебе нужно почистить зубы.

О боже. О, боже!!!

— Может, мне ещё душ принять перед процессом? — интересуюсь я иронично. Но Илья, как обычно, не считывает иронию. С ним нужно быть предельно прямолинейной и ясной, я же постоянно об этом забываю...

— Да, это было бы замечательно, — он серьёзно кивает. — Мне будет гораздо приятнее заниматься с тобой сексом, если ты помоешься.

Ему будет гораздо приятнее... Эй, а как насчёт меня?! После этих слов я чувствую себя будто облитая помоями. Можно подумать, от меня воняет, а изо рта несёт чесноком!

Так, стоп, Марина. Стоп! Успокойся. Это именно то, о чём предупреждал Руслан — Илья маниакально задвигнут на чистоте и излишне чувствителен к посторонним запахам и новым вкусам, воспринимая их во сто крат острее, чем обычные люди. Он вовсе не хотел меня обидеть. Я ему нравлюсь. Ведь нравлюсь же?!

— Ты... находишь меня привлекательной?

— Я уже говорил тебе, что да, — кажется, Илья немного раздражён. Его утомляют долгие церемонии и пустые разговоры, ему хочется поскорее перейти к главному. Но я, как истинная девочка-девочка, в данный момент хочу нежности и разговоров о любви... иначе у нас с ним вообще ничего не выйдет. Я привыкла к взаимоотношениям в мире, полном условностей, недосказанностей, лицемерия и спасительной лжи, а сейчас оказалась в столь деликатной ситуации один на один с человеком, который всегда говорит только правду и ждёт того же от остальных. Илья абсолютно не понимает намёков, никогда не льстит, не обманывает и не притворяется. Быть с ним рядом — нечеловечески тяжёлое, непосильное испытание для нервной системы. Но... что поделать, если жизнь без него уже кажется невыносимой?

— А что тебе больше всего во мне нравится?

Он добросовестно задумывается, а через несколько мгновений решительно заявляет:

— Твой голос и ямочки на щеках.

Голос... ну, тут всё понятно. Он и услышал-то меня впервые именно по радио, во время

прямого эфира. А вот ямочки... странно, что он их вообще заметил. Иногда мне кажется, что с тех пор, как мы познакомились, Илья ни разу толком не посмотрел мне в лицо. Как бы я ни пыталась наладить с ним контакт глазами — он неизменно отводил взгляд.

Смущаясь, я неловко тереблю краешек платья и застенчиво улыбаюсь, невольно демонстрируя те самые ямочки.

— Папа всегда говорил мне, что ночами к спящим младенцам прилетают ангелы и трогают пальчиком самых симпатичных... Ямочки — это следы, оставшиеся от их прикосновений, — даже сейчас, в двадцать лет, эта наивная легенда умиляет меня точно так же, как в детстве.

Илья протестующе качает головой.

— На самом деле ямочки на щеках — это генетический дефект, возникающий при недостаточной длине лицевой мышцы, — обстоятельно объясняет он мне. — Когда ты улыбаешься, недоразвитая укороченная мышца стягивает кожу и образует впадинку.

Я беззвучно глотаю ртом воздух. Недоразвитая лицевая мышца? Серьёзно?! Мать твою, он правда планирует переспать со мной сегодня или, напротив, делает всё для того, чтобы я ушла?!

Поднимаю глаза к потолку и часто моргаю, чтобы непрошенные слёзы вкатились обратно. Господи, и почему я всегда влюбляюсь в тех парней, которые гарантированно обеспечивают мне сплошные проблемы?! Это что, карма или просто моя потребность найти приключения на свою пухлую задницу? Сначала — женатый Карик, теперь — Илья, практически “инопланетянин”, у которого в голове творится чёрт-те что...

И тут вдруг Илья совершает невозможное. Практически нереальное, абсолютно ему несвойственное: он берёт меня за руку и бережно целует в ладонь. Я в шоке — по-моему, это первое проявление подобия нежности и ласки с его стороны за всё время, что он меня знает.

— Мариша, — говорит Илья извиняющимся тоном, по-прежнему не глядя мне в глаза. — Я знаю, что со мной... с такими, как я... другим людям приходится очень трудно. Но я и сам от этого страдаю, пойми. Я не умею нормально общаться, заводить отношения, но это не значит, что мне этого не нужно. Мне тоже бывает одиноко, хоть я и привык находиться один. Я не умею говорить правильные слова, признаваться в любви так, как это положено у вас... у остальных... но просто знай — ты нужна мне. Очень.

У меня перехватывает спазмом горло, в носу щиплет от долго сдерживаемых слёз, а ресницы начинают предательски дрожать.

— Ты тоже нужен мне, — сиплю я, — так сильно нужен, что меня это пугает... Мне трудно, Илья. Трудно и страшно. Иногда мне кажется, что я... не справлюсь. Просто не смогу.

Он делает над собой заметное усилие и, подавшись вперёд, крепко меня обнимает. Я знаю, что Илья терпеть не может все эти нежности и обнимашки, поэтому забываю даже дышать, чтобы не спугнуть его внезапный порыв, но сама так и не рискую обнять в ответ.

И что — мне так и придётся постоянно бороться с собой и своими желаниями? Считаться с законами и пунктиками Ильи? Бояться сделать лишнее движение, не сметь обнять и поцеловать, когда вздумается? Я в стотысячный раз за сегодняшний вечер мысленно задаю себе вопрос: надо ли оно мне?

Наконец Илья негромко выдыхает, словно тоже не дышал всё это время, и осторожно отстраняется. Очевидно, за сегодняшний вечер он уже превысил свой лимит прикосновений.

— Мариша, — спрашивает он осторожно, — ты выйдешь за меня замуж?

Замуж? *Замуж*, чёрт побери?! Я не ослышалась? Мы даже не пробовали жить вместе, я вообще не представляю, каково с Ильёй в быту — но не без оснований предполагаю, что совершенно невыносимо. В конце концов, мы даже ни разу ещё не занимались любовью — а вдруг у нас полная, абсолютная несовместимость в постели?

Я открываю рот для того, чтобы сказать что-то вроде: “Ах, это так неожиданно, мне нужно время, чтобы серьёзно всё обдумать, мы должны получше привыкнуть друг к другу” и прочий вежливый дежурный бред, который в подобных случаях полагается лепить в качестве отмазки, но... с моего языка вдруг срывается:

— Да, конечно! Я согласна!

И только потом понимаю, как круто попала...

1

ПРОШЛОЕ

Лиза, октябрь 1994 года

— Лизюкова-а-а!.. — послышалось под балконом. — Подъём! Ну, Лиз!.. Выходи!

Что и говорить, глотку драть Берендеев умел на славу. Эти его позывные, должно быть, переполошили всех жителей двора, ещё пребывающих в сладкой утренней полудрёме.

— Я вот щас в милицию позвоню, шпана малолетняя! — раздался откуда-то сверху сварливый женский голос. — Чего разорался с ранья? Людям спать не даёшь в их законный выходной, между прочим!

Тимка незамедлительно вступил в диалог с неизвестной тёткой, проявляя чудеса дипломатии и на время отвлекшись от основного занятия, так что Лиза, уютно обняв подушку и пристроив на ней щеку, незаметно снова поплыла в манящий мир сновидений.

— Лизка-а-а! — очередной вопль со двора заставил её вздрогнуть и в испуге открыть глаза. Сколько времени? Неужто уже восемь?.. Господи, как же ей не хотелось вылезать из мягонькой, тёплой, удобной постели и тащиться на улицу!

На соседней кровати недовольно заворочалась сестра.

— Когда-нибудь я убью и тебя, и твоего рыжего идиота Берендеева, — простионала она. — Я мечтала, что отосплюсь в субботу... А этот гад мне весь сон перебил.

— Прости, Ларис, — Лиза от души зевнула, прикрыв рот ладошкой. — Это я виновата, не услышала будильник... а может, он просто не сработал. Тимка не стал к нам подниматься, чтобы не тревожить ранним визитом.

Лариска скептически фыркнула.

— Можно подумать, когда он орёт у нас под окнами — то совершенно никого не тревожит! Иди уже, заткни его чем-нибудь, или я за себя не ручаюсь.

Лиза выскочила на балкон — как была, в пижаме, лохматая и неумытая.

— С ума сошла, Лизюкова?! — поразился её внешнему виду одноклассник. — Ты ещё не готова, что ли?! Нам в девять нужно быть в школе! Одуван меня загрызёт, если подведу. Я же ей обещал...

“Одуваном” вся школа дружно называла директрису за её перманентную химическую завивку — миллион мелких кудряшек, которые забавной пушистой копной колыхались над её головой, как у молодого Валерия Леонтьева. Звали так директрису не в лицо, разумеется,

а за глаза, но все — даже учителя — были в курсе.

— Ты обещал, а я должна страдать вместе с тобой, — негромко проворчала Лиза, ёжась на октябрьском холодке. — Не знаешь, почему я согласилась на эту идиотскую затею?

— Потому, что я твой лучший друг? — с обаятельнейшей улыбкой предположил Берендеев.

— Увы мне, — удручённо вздохнула Лиза. — Ладно, жди, я быстро.

Она вернулась в комнату и, наскоро набросив покрывало на смятую постель (времени полноценно заправлять не было), запахнула шкаф. Хлопанье дверцы и скрип выдвигаемых ящиков разбудили задремавшую было Лариску, и та снова недовольно заныла:

— Систер, совести у тебя нет! Я, между прочим, всю неделю вкалывала как проклятая, готовилась к семинарам и коллоквиуму, торчала в библиотеке до закрытия, делала доклады... На “автоматы” пашу, недосыпаю, недоедаю!

— У меня тоже в школе неделка была не из лёгких, — огрызнулась Лиза. — Извини, что не хожу на цыпочках, но это и моя комната тоже.

Она не выспалась, спешила, и раздражение, копившееся внутри, выплеснулось на старшую сестру.

— Эгоистка... — злобно прошипела та, накрываясь одеялом с головой.

Лизины отношения с Лариской всегда были далеки от идеальных. В те периоды, когда сёстры не находились в открытой конфронтации, они пытались сохранять вежливый нейтралитет, но всё же чаще общались с бесконечными шпильками, подколками и подковырками, словно нарочно провоцируя друг у друга взрыв эмоций.

Лизу откровенно подбешивала позиция старшей сестры, которая вечно строила из себя бедную овечку. Её амплуа в семье негласно именовалось “несчастненькая Лорочка” и бесконечно поддерживалось родителями, но не Лизой. Она не понимала, за что жалеть эту здоровую, как кобыла, сытую и благополучную девицу.

— Будь снисходительнее и добрее к Лоре, Лизок, — наставляла её мама, пока старшая дочь не слышала. — Ей и так приходится нелегко...

Нелегко?! Да Лариска как сыр в масле каталась!

Отцы у сестёр были разные — Лизин папа женился на маме, когда маленькой Лорочке только-только исполнился годик, а через пять лет родилась и сама Лиза. Но отец никогда не делил дочерей на “кровную” и “неродную”, обе — и старшая, и младшая — были для него бесконечно дороги и любимы. Лариска звала его папой с самого начала, хоть и была в курсе, что у неё существует ещё и биологический папаша, ничуть, впрочем, ребёнком не интересующийся.

Девочка с болезненной остротой восприняла появление в семье нового ребёнка. Младенцы, едва родившись, волей-неволей перетягивают на себя львиную часть внимания и заботы домашних, и Лора начала жутко ревновать к сестре. Она устраивала истерики и скандалы, требовала вернуть малютку Лизочку обратно в роддом, ей категорически не нравилось то, что отныне не она — центр Вселенной и всеобщая любимица. Эта сообразительная не по годам шестилетка научилась мастерски манипулировать, вызывая у родителей чувство стыда и глубокого раскаяния за своё мнимое “невнимание” к старшей. Слезы, дрожащие губки, отказ от еды и мультиков... даже самое жестокое сердце не выдержало бы такого прессинга!

Родители всячески пытались умаслить Лариску, заглаживая свою вину за то, что стали

уделять ей чуть-чуть меньше ласки и любви, а та бессовестно этим пользовалась... и продолжала пользоваться по сию пору, хотя ей уже исполнился двадцать один год.

2

Натянув тёплое шерстяное платье и колготки, Лиза поплелась в ванную. Там почистила зубы и хорошенько ополоснула лицо холодной водой, чтобы поскорее проснуться, а затем замешкалась перед зеркалом. Времени начёсывать чёлку по последней моде и заливать её лаком уже не оставалось, и она в который раз подумала, что надо бы обрезать к чертям собачьим свои длинные волосы — сколько с ними хлопот! Вот пострижётся, как Кати в сериале “Элен и ребята”*... А что, она тоже чернявенькая, ей наверняка пойдёт. Может быть, хоть тогда Олег обратит на неё внимание! Тяжело вздохнув, Лиза стянула волосы в хвост на затылке — а, плевать, не перед Тимкой же выделываться, тот видел её любой.

На кухне уже возилась проснувшаяся мама — уютная и заспанная, со смешным помятым лицом, в любимом байковом халате с маками. Она наполнила чайник водой из-под крана и поставила его на плиту, чиркнула спичкой о коробок, а затем, открыв холодильник, деятельно зашуршала какими-то пакетами и зазвенела склянками.

— Доброе утро, мам, — поздоровалась Лиза, на ходу отщипывая кусок от батона и засовывая его в рот. — На меня не готовь, я не буду завтракать, Берендеев внизу ждёт...

— Как это — не будешь завтракать?! — вскинулась мама, огорчённо всплеснув руками. — И вот так, на голодный желудок, собираешься куда-то по своим делам?

— Мы с ним в парк идём, — пояснила Лиза, — нужно собрать и притащить в школу мешок листьев для осеннего бала.

— Заработаешь язву, чего доброго... — заворчала родительница.

— Ничего, куплю себе чебурек по дороге, — отмахнулась Лиза. На вещевом рынке, мимо которого пролегал путь в её школу, располагался ларёк, торгующий ужасно вредными, но невыносимо вкусными беляшами, чебуреками, пирожками с печёнкой и сосисками в тесте, которые всегда так восхитительно пахли, что пройти мимо было решительно невозможно.

Мама поморщилась.

— Чебурек из собачьего мяса, который хватают немытыми руками и жарят на прогорклом машинном масле? — скептически поинтересовалась она.

— М-м-м... аж слюнки потекли, — засмеялась Лиза. Ей нравилось вот так невинно поддразнивать маму. — Да ты не переживай, к обеду я вернусь, поем нормально.

— Кстати, Лизок, — спохватилась та, — раз уж ты всё равно не сидишь дома, забеги к тётке Алле за платьем! Она звонила вчера, всё готово. Так неохота сегодня выползть на улицу, имею я право на полноценную ленивую субботу?!

У Лизы ёкнуло где-то под ложечкой, а щёки окрасились нежным румянцем.

— Имеешь, мам. Конечно, заскочу, — отворачиваясь и пряча лицо, чтобы не спровоцировать лишние вопросы и подозрения, отозвалась она. — Без проблем.

Тётя Алла была старой маминной подругой и работала портнихой в ателье при ГУМе, однако не брезговала брать заказы и на дом — лишняя копейка никому не помешает. Именно она доводила до ума Лизино платье к осеннему балу, ушивая его по фигуре девушки.

Но разволновалась Лиза вовсе не из-за готовности платья. Нет, причина была куда более деликатной и волнующей: в том же доме, где обитала портниха, жил Олег Тошин — Лизин

одноклассник, а также предмет её тайных девичьих грёз и объект безмолвного обожания, чуть ли не поклонения.

Конечно, она каждый день видела Олега в школе. Но их общение было минимальным, чисто формальным — “привет-привет, пока-пока”. Лизе не хватало смелости на большее, поэтому она просто любовалась Олегом издали, а тот, должно быть, и не подозревал, какую бурю эмоций вызывает в душе своей одноклассницы.

В мечтах она рисовала себе их нечаянные встречи — где угодно, кроме школьных стен, без любопытных глаз и ушей вездесущих одноклассников. Вот тогда-то, в своём воображении, Лиза блистала остроумием и сражала Тошина наповал! Но всякий раз, когда эти случайные встречи всё-таки происходили (пусть не так часто, как ей хотелось бы), Лизой снова овладевало дикое смущение, и они с Олегом расходились в разные стороны после дежурных приветственно-прощальных фраз.

Но сама вероятность встречи... шанс увидеть Олега и поболтать с ним... всё это привело Лизу в невероятное волнение и воодушевление.

— Шапку надень! — крикнула мама ей вслед, но Лиза только страдальчески закатила глаза — ну какая шапка?! На улице не так уж и холодно, а выглядеть чучелом перед Тошиным в своей уродливой вязаной шапочке она не собиралась.

**“Элен и ребята” — культовый французский молодёжный телесериал, демонстрировавшийся в России в начале девяностых годов. Жанр — ситком (ситуационная комедия, комедия положений с закадровым смехом), однако забавные переделки и весёлые истории, в которые периодически попадали герои, могли сменяться серьёзными молодёжными проблемами — безопасный секс, наркотики, секты, насилие и др.*

3

Тимка поджидал её на улице, подпрыгивая от нетерпения, и дул на озябшие пальцы. Шапку он тоже проигнорировал, так что теперь кончики его оттопыренных ушей были совершенно алыми. Впрочем, как все белокожие и рыжеволосые люди, он вообще довольно легко краснел. Это служило дополнительным поводом для насмешек “добреньких” однокашников, которые с первого класса избрали Берендеева объектом травли: идеальный мальчик для битья, который словно создан для того, чтобы на нём упражнялись в остроумии, придумывая всё новые и новые унижительные прозвища.

Высмеивали и пресловутые торчащие уши, и рыжий цвет волос, и буйные натуральные кудряхи, которые вполне могли посоперничать с “химией” Одувана, и веснушки, золотой россыпью разбежавшиеся по его лицу... Правда, классу к пятому всем порядком надоело “травить Ушастого”, да и отдача была слишком мала, никакого интереса. На реплики обидчиков Берендеев неизменно тоже отвечал какой-нибудь колкостью, да столь едкой и меткой (язык у него был подвешен как надо), что дураками выглядели уже они сами, а не Тимур. Мало-помалу от него и вовсе отстали, от греха подальше.

Что касается Лизы, то она никогда не принимала участия во всех этих злорадных школьных забавах, и Тимка платил ей в ответ самой искренней и преданной дружбой.

— Блин, Лизюкова, — выговорил он с досадой при виде одноклассницы, — тебя только за смертью посылать... Чуть не задубел тут, ожидаючи.

— А я, между прочим, даже не позавтракала, — отчеканила Лиза. — Так торопилась на свидание к тебе...

Берендеев с готовностью заржал, по достоинству оценив шутку, а затем полез в карман куртки, извлёк оттуда шоколадный батончик “Snickers” и протянул Лизе.

— Вот, держи. “Полон орехов, съел — и порядок!” — процитировал он строчку из знаменитой телерекламы*.

— Ух ты, спасибо! — обрадовалась она. — Я с тобой поделюсь.

Но Тимка лишь великодушно махнул рукой:

— Да ладно, жри сама... Батя вчера зарплату получил и наклюкался по этому поводу, а когда он выпьет, то сразу становится добрым-предобрым! Притащил домой целый кулёк этого добра: шоколад, жвачку, даже вафли “Кукуруку”, представляешь? По ходу, он думает, что я всё ещё малолетний сопляк, который моментально обоссется от счастья при виде шоколадки... Ну я, конечно, слопал три “сникерса”, да только фигня всё это — “лучший способ утолить голод”, — ехидно передразнил Берендеев диктора из рекламы. — Уже через полчаса мне снова захотелось жрать, и желательно чего-нибудь нормального — к примеру, котлет с картошкой.

Лиза слушала его рассеянно, наслаждаясь вкусом молочного шоколада с жареным арахисом, нугой и карамелью. Что бы там ни болтал Тимка, а это было божественно!

Между тем одноклассник с беспокойством глянул на электронные часы на своём запястье.

— Блин, уже половина девятого... Давай быстрее, а? Не хотелось бы с тройками четверть заканчивать.

Берендеев поддержал идею директрисы украсить актовый зал настоящими осенними листьями не потому, что был каким-то особым романтиком или любителем гербариев. Он имел здесь вполне определённый, корыстный интерес: Одуван пообещала замолвить за него словечко перед некоторыми учителями, чтобы они натянули парню итоговые четвёрки.

Точные науки давались Тимке легко, Лиза порой ему немного завидовала: ни химия, ни физика, ни биология, ни даже ненавистная алгебра и не менее богомерзкая геометрия не вызывали у друга никаких затруднений. Он планировал поступать в медицинский институт после школы, и у него для этого были неплохие задатки. А вот гуманитарные предметы — литература, история, русский и английский языки... здесь Тимка принимался безбожно плавать, даже тонуть.

Лиза проглотила последний кусочек батончика и облизала губы, чтобы не потерять ни единой крошки.

— Я готова, — заявила она. — Ну что, побежали?

— Наперегонки? — хитро прищурился Тимка.

— Ну вот ещё! — фыркнула Лиза. — Просто побежали.

Взявшись за руки, они дружно помчались по направлению к ближайшему парку, на ходу резво перепрыгивая через широченные тёмные лужи и залиvisto хохоча.

*Рекламный слоган “Полон орехов, съел — и порядок!” был популярен в России в начале девяностых годов, ещё до знаменитого “Не тормози, сникерсни!” В то время заморский шоколадный батончик активно позиционировался как замена полноценному обеду. В телевизионной рекламе “сникерса” в 1994 году снялись известный футболист Игорь

НАШИ ДНИ

Марина, сентябрь 2019 года

Каждый мой будний день начинается в пять утра с писка электронного будильника. Со стоном открываю глаза и в очередной раз задаюсь одним-единственным вопросом: как получилось, что я, стопроцентная, прирождённая “сова”, ввязалась в авантюру под названием “утренняя программа на радио”?!

Тем не менее факт остаётся фактом: вот уже второй год я — внештатный сотрудник радиостанции “Молодёжка FM”, веду передачу “Утренний кофе с Маришей” в прямом эфире.

Откровенно говоря, раньше я мечтала о том, что сделаю карьеру на телевидении. Что у меня непременно будет своя авторская программа, какое-нибудь серьёзное ток-шоу, поднимающее самые острые вопросы и обсуждающее наиболее злободневные проблемы современности. Но, к сожалению, не с моей внешностью становиться телезвездой. Я, конечно, не уродина, вполне ничего, но... видео и так полнит, а я не могу похвастать излишней худосочностью. Боюсь, с моими-то габаритами я просто не влезу в экран ТВ!

На самом деле, работа на радио мне тоже очень нравится. Во-первых, она интересна сама по себе: ко мне в студию приходят известные музыканты, артисты, спортсмены, политики, писатели... Покажите мне человека, который отказался бы выпить чашечку кофе и запросто поболтать с настоящей звездой! Во-вторых, рабочий график (прямой эфир длится час, с семи до восьми утра, а затем — гуляй, Вася!) идеально сочетается с учёбой в универе. В-третьих, это отличная практика для моей будущей профессии, поскольку я — студентка журфака. Ну, и в-четвёртых, за год я уже успела обзавестись армией преданных поклонников и даже фанатов — какая-никакая, а популярность, что приятно щекочет моё самолюбие. Правда, на официальном сайте “Молодёжки FM” и в моём инстаграме выложены фото, которые, скажем так, сильно мне льстят — хорошо иметь лучшую подругу-фотографа! Полагаю, если я и мои обожатели столкнёмся нос к носу где-нибудь на улице — они меня просто не узнают! На фотках в сети я более стройная, более ухоженная, более гламурная и вообще... более шикарная, чем в реале.

Но в целом, повторюсь, работа мне очень нравится, и коллектив тоже подобрался замечательный, все относятся ко мне с теплом и уважением, даром что я там самая младшая. Вот только ранние подъёмы... ранние подъёмы — это единственное, что действует мне на нервы и заставляет каждое утро чувствовать себя глубоко несчастной.

Без четверти шесть выхожу из дома — у подъезда меня ожидает служебная машина. Пока мы мчимся по непривычно пустой утренней Москве, я заканчиваю то, что не успела сделать дома: наношу лёгкий макияж. Водитель Петька не обращает на мою возню никакого внимания — он занят тем, что с аппетитом уплетает горячие пирожки с капустой и яйцом, испечённые моей бабушкой Дусей. Бабуля неисправима! Я сто раз говорила ей, что по утрам у меня совершенно нет аппетита, что при всём желании я не смогу запихнуть в себя ни кусочка, и всё равно перед каждым моим выходом из дома она тайком (думая, что наивная

внучка ничего не видит) суёт мне в сумочку очередной благоухающий свёрток с выпечкой. Я благородно делаю вид, что не замечаю бабушкиной уловки, оставляя её дома спокойную и преисполненную уверенности, что теперь-то любимая Маринушка не будет голодать.

Где-то я читала, что поколение уютных, домашних, толстых бабушек в платочках, которые пекут пирожки, варят варенье и вяжут носки внукам, скоро канет в лету. Нас ждёт поколение курящих бабушек с пирсингом и татуировками. Возможно, доля правды в этом есть, и моя бабуля — одна из последних представительниц вымирающего вида. Она толстая, домашняя, уютная и очень заботливая. Порой даже чрезмерно! На самом деле, если бы я и впрямь съедала всё, что она для меня готовит, то в жизни не влезла бы не только в условный телевизионный экран, но даже в салон автомобиля.

За год наших совместных поездок Петька стал настоящим фанатом бабушкиных кулинарных шедевров. Пирожки, шарлотка, сырники, домашнее печенье, курники, блинчики с различными начинками... Каждое утро он с нетерпением ждёт, чем сегодня мы с бабулей Дусей его осчастливим, и всякий раз радуется как ребёнок новому или старому любимому лакомству.

В половине седьмого утра я уже на работе. До эфира полчаса, мне нужно подготовиться, повторить заготовленные заранее вопросы, встретить очередного звёздного гостя... Я торопливо шагаю по коридору и здороваюсь с коллегами, которые приветливо кивают мне и улыбаются:

— Доброе утро, Маришка! Чудесно выглядишь!

Нет, я определённо люблю свою работу и всех сотрудников нашего радио. И пусть я провожу здесь намного меньше времени, чем они, до сих пор не имею диплома о высшем образовании и получаю не полноценную зарплату, а почасовой гонорар за каждую смену — мне никогда не давали понять ни словом, ни взглядом, что мы не ровня. Коллеги — значит, коллеги!

Есть, впрочем, ещё одна причина, по которой я ежедневно рвусь на работу, словно мне тут мёдом намазано. Но эта причина относится к личным и субъективным, поэтому... о ней чуть позже.

5

Я не знаю, в какой момент Блинчик (а если официально — то наш программный директор Роман Романович Романов... ну и шутники же его родители, давшие отпрыску столь звучное имя!) разглядел в глупой, восторженной и неопытной студентке-практикантке диджейский потенциал, но именно он предложил мне остаться на радио после завершения летней практики. И я с радостью осталась!

Конечно, Москва не сразу строилась — пилотные выпуски моей утренней программы получились совершенно кошмарными. Я мямлила, заикалась, глотала слова, тормозила и смущалась в разговорах с приглашёнными гостями и вообще вела себя непрофессионально. Но Блинчик никогда не ругал и не отчитывал меня, уверяя, что навыки придут со временем. Главное, на что он клюнул — это тембр моего голоса. Он сказал, что такие голоса бывают один на миллион, что все радиослушатели должны просто впадать в экстаз уже от самих звуков, которые я произношу, и не особо вникать в их смысл.

Само собой, было лестно, что моим голосом так восхищаются. Вообще-то, у меня нет музыкального слуха. Я с детства привыкла к тому, что все сразу принимались страдальчески

морщиться, едва я начинала петь. Но оказалось, что мой голос может быть красив сам по себе, без всяких вокальных экспериментов!

Я всерьёз взялась за собственную дикцию. Ежедневные упражнения — к примеру, быстро и без запинки произносить совершенно дикий и ржачный набор невозможных звуко сочетаний:

— Рлилри, рлэлрэ, рлалра, рлолро, рлулру, рлылры, рлёлрë, рлюлрю!

Или:

— Стизди, стэздэ, стазда, стоздо, стужду, стызды!

А уж скороговорка “Лигурия”^{*} и вовсе была вызубрена мною как “Отче наш”!

Студия пока занята. Над дверью предостерегающе горит табло: “Не беспокоить! Идёт прямой эфир!” Я знаю, что там внутри Карик дорабатывает свою смену.

Мечтательно зажмуриваюсь и ясно вижу его за работой: наушники, сосредоточенное лицо, упавшая на лицо светлая чёлка, скрывающая внимательные голубые глаза, губы, чётко проговаривающие текст в микрофон...

В отличие от меня, Карик (точнее, Макар Руденский) — линейный ведущий^{**}. Если моя программа длится всего час, то Карик торчит у микрофона не менее семи часов в сутки! Не покривлю душой, если скажу, что он настоящий Бог эфира. Карик может одинаково увлечённо вещать о котиках, проблемах экологии, геополитической ситуации, музыке, моде и погоде... да о чём угодно! У него потрясающий кругозор и возмутительно сексуальный голос. Он объявляет музыкальные композиции, рассказывает о пробках на дорогах, читает прогноз погоды, принимает звонки и СМС от радиослушателей... Его главное кредо в эфире: не быть звездой, быть человеком, таким “парнем из соседнего двора”, и рассказывает он не о возвышенном и далёком, а о простом и жизненном, что близко и понятно каждому радиослушателю: о забавном диалоге с таксистом по дороге на работу, о том, что он любит есть на завтрак, как пытается научиться играть на гитаре (клянусь, однажды Карик даже притащил гитару в студию и сыграл в прямом эфире!) и что порою испытывает острое чувство одиночества... Если, переключая FM-каналы, вы случайно наткнётесь на нашу радиостанцию в тот момент, когда там солирует Руденский — гарантирую, что вы так и останетесь на этой волне, загипнотизированные магией и обаянием Карика.

Наверное, все уже догадались, что я по уши влюблена в него?

А я действительно влюблена. С первого взгляда, брошенного на него в студии, на рабочем месте. В тот самый момент, когда Карика в прямой эфир дозвонилась девочка-самоубийца...

**Скороговорку “Лигурия” называют самой длинной в мире. Её используют дикторы, радиоведущие, актёры и т. д. для развития техники речи. Чтобы прочитать её без запинки в быстром темпе, даже профессиональным дикторам потребуется минимум две с половиной минуты. Начинается она так:*

“В четверг четвёртого числа в четыре с четвертью часа лигурийский регулировщик регулировал в Лигурии, но тридцать три корабля лавировали, лавировали, да так и не вылавировали, и потом протокол про протокол протоколом запротоколировал, как интервьюером интервьюируемый лигурийский регулировщик речисто, да не чисто рапортовал, дорапортовывал, да так зарпортовался про

размокропогодившуюся погоду, что дабы инцидент не стал претендентом на судебный прецедент, лигурийский регулировщик акклиматизировался в неконституционном Константинополе, где хохлатые хохотушки хохотом хохотали и кричали турке, который начерно обкурен трубкой: не кури, турка, трубку, купи лучше кипу пик, лучше пик кипу купи, а то придет бомбардир из Бранденбурга — бомбами забомбардирует за то, что некто чернорылый у него полдвора рылом изрыл, вырыл и подрыл...”

***Различают несколько основных типов радиоведущих:*

— линейные (которые проводят больше всего времени в эфире и способны вещать буквально обо всём),

— ведущие программ (они ведут лишь определённые передачи с узкоспециализированной тематикой),

— новостные (зачитывают актуальную новостную сводку и проводят в эфире считанные минуты, их основная работа — сбор горячих, полезных и интересных новостей),

6

Илья, сентябрь 2019 года

Пять часов тридцать минут утра — время ежедневного пробуждения.

Открываю глаза за секунду до того, как прозвенит будильник. Эта многолетняя привычка выработалась в результате моей склонности к ранним прогулкам. Люблю гулять по улицам, пока город ещё крепко спит либо только-только просыпается — тогда можно сполна насладиться одиночеством, тишиной и покоем.

Дальнейший распорядок действий расписан буквально до мелочей, я предпочитаю ни на минуту не отклоняться от собственного графика. Многие называют меня занудой, но это не совсем справедливо: дело не в занудстве, просто я весьма болезненно воспринимаю любые незапланированные события. Терпеть не могу сюрпризы, неожиданности способны надолго нарушить моё душевное равновесие, а если меняется привычный уклад — то я и вовсе впадаю в панику. Меня пугают внезапные звонки и нечаянные встречи, необходимость разговоров, к которым я не подготовился... В общем, жить по чёткому устоявшемуся графику мне легче и проще. Проверено.

Заправляю постель и иду в ванную комнату. Там тщательно чищу зубы — не менее пяти минут, потому что не выношу ощущения утренней сухости во рту. Затем так же обстоятельно принимаю душ и отправляюсь на кухню, чтобы приготовить завтрак. Сегодня у меня по плану яичница-глазунья, а значит, мне понадобится небольшая сковородка с толстым дном.

Аккуратно разбиваю яйца, чтобы не повредить оболочки желтков, и поджариваю яичницу на трёх ложках топлёного масла в течение двух минут на слабом огне. Выключив газ, солю и посыпаю блюдо паприкой.

После еды выпиваю чашку эспрессо, приготовленного в кофемашине, затем мою посуду — и вот теперь, наконец, можно выходить из дома. Часы показывают половину седьмого. Прикрепляю к толстовке плеер с FM-тюнером, вставляю в уши наушники, беру телефон, ключи и булку для уток, которых обычно кормлю каждое утро в ближайшем сквере. Напоследок проверяю, везде ли выключен газ, свет и электроприборы.

Это моё обычное время для прогулок, и чаще всего мне удаётся удачно избежать встреч

с соседями или знакомыми. Жители мегаполиса просыпаются поздно, так что улицы пока ещё относительно пусты и безлюдны.

К сожалению, сегодняшним утром мне не везёт с самого начала.

Уже на лестничной клетке сталкиваюсь с соседкой, которая возвращается домой вместе со своей глупой собакой — эрдельтерьером Лоттой. Соседка выгуливает псину всегда в разное время... поэтому, к сожалению, совершенно невозможно предугадать вероятность нашей встречи и заблаговременно избежать её.

Я внутренне напрягаюсь. Не люблю собак, они непредсказуемы, слюнявы и ужасно навязчивы. Вот и сейчас при виде меня Лотта начинает бешено молотить хвостом, обнюхивать мои ладони, а затем предпринимает попытку встать на задние лапы, чтобы передними упереться мне в грудь и облизать лицо. Пасть её широко распахнута, оттуда невыносимо разит собачьим кормом... а может быть, какой-нибудь другой гадостью, которую эта бестолковая псина только что нашла и сожрала на улице. Я невольно пчусь, чувствуя отвращение и дурноту.

— Ты чего испугался, Илюшенька? — беззаботно хохочет соседка. — Лотта ведь не кусается, ты же в курсе.

Дура. Господи, какая же она дура. При чём тут — “кусается” её собака или “не кусается”? Меня сейчас просто стошнит...

Буквально кубарем вываливаюсь из подъезда и без сил опускаюсь на скамейку, чтобы отдышаться. Сердце стучит как бешеное. Чтобы справиться с пережитым стрессом, я резко раскачиваюсь туда-сюда, пытаюсь успокоиться, и машинально дёргаю себя за волосы — физическая боль отвлекает. На самом деле, меня буквально трясёт... Это, конечно, ещё не мелтдаун*, но я к нему очень близок.

— Остынь. Остынь. Остынь, — повторяю я негромко, как заведённый. Ничего ужасного не произошло. Просто незапланированная встреча и неприятные ощущения, только и всего.

Тахикардия постепенно затихает, сердце успокаивается, но я ещё некоторое время остаюсь сидеть на скамейке, собираясь с духом для того, чтобы продолжить путь. Расстояние до сквера — всего лишь квартал, пять минут быстрым шагом. Я всегда хожу одним и тем же проверенным маршрутом. Вероятность снова кого-нибудь встретить ничтожно мала, и всё же мне страшно. Очень страшно... Уровень тревожности зашкаливает, и я начинаю нервно вращать спиннер, пытаюсь справиться с дрожью в руках.

Затем левая ладонь невольно тянется к плееру. До начала передачи, которую я жду, остаётся пятнадцать минут — вот то, что гарантированно меня успокоит. Вообще-то, честно говоря, я не любитель музыки и пустопорожней болтовни в эфире. Обычно, если мне нужно изолироваться от громко галдящего внешнего мира, я предпочитаю старые добрые беруши — лучшее изобретение человечества. Но только не с семи до восьми утра: тогда я слушаю радио “Молодёжка FM”, будто загипнотизированный. Наверное, все мои знакомые очень удивились бы, узнав об этом.

Всё дело — в голосе *той девушки...*

*Мелтдаун (от англ. *meltdown*) — срыв. Многие люди с аутизмом постоянно испытывают более высокий уровень стресса и тревоги, чем остальные, и намного быстрее достигают критической точки.

Иногда эта точка проявляется через срывы (мелтдаун), иногда — через отключения (шатдаун, от англ. shutdown).

7

Я вообще ничего о ней не знаю, даже сколько ей лет и как она выглядит. Мне известно только имя — Мариша, и оно ей очень подходит. На самом деле, можно просто погуглить и, скорее всего, с лёгкостью найти её в соцсетях, но мне это не особо важно. Меня действительно интересует не она сама, а её чудесный голос. Он такой манящий, глубокий и завораживающий... Мне кажется, что Мариша по жизни очень добрая и славная — человек, который *так* разговаривает, не может быть дерьмом.

Едва я успеваю немного прийти себя после встречи с соседкой, как начинает вибрировать телефон. Кидаю взгляд на определившийся номер — это Рус. Он мой друг, я его люблю, но, поскольку он не предупредил о том, что будет звонить, я снова испытываю неприятное чувство тревоги. Зачем он звонит? Что-то случилось?.. Внезапные звонки — это всегда стресс, и сейчас я пытаюсь справиться с разрастающимся внутри беспокойством.

Мне требуется несколько секунд для того, чтобы ответить. Собираюсь с силами и морально готовлюсь, а затем всё-таки принимаю входящий вызов.

— Привет, Илья! — голос Руса бодр и жизнерадостен, но я всё ещё не могу расслабиться, подсознательно ожидая плохого. — Я знаю, что ты не спишь, поэтому не извиняюсь за ранний звонок...

Я молчу, ожидая, что он дальше скажет.

— Между прочим, у меня сегодня день рождения! — весело говорит Рус.

— А-а, — неопределённо откликаюсь я, не понимая, какой реакции он сейчас от меня ждёт.

— “А-а”, — передразнивает он и смеётся. — Вообще-то, в таких случаях положено поздравлять, балбес!

Рус знает меня с детства и давно привык к моим “закидонам”, как он их называет. Я ценю это, действительно ценю — мне важно, когда близкие люди не просто удивляются странностям в моём поведении (кое-кто даже смеётся над ними), а всеми силами стараются помочь мне это преодолеть. Я безумно благодарен им всем за помощь: к примеру, Рус с завидным терпением регулярно подсказывает мне, что делать в той или иной ситуации, как правильно реагировать на те или иные события, что принято говорить в различных конфликтных и спорных моментах. Наверное, большинству людей эти знания покажутся элементарными, не требующими особых умственных усилий. Для меня же все эти правила и нормы абсолютно неочевидны, приходится всякий раз усваивать их с нуля.

Правило номер раз: со знакомыми *всегда* следует здороваться, даже если не хочется. Так надо.

Правило номер два: если это не просто знакомые, а близкие друзья, следует обязательно спросить, как у них дела, даже если это тебе совершенно неинтересно.

Правило номер три: если они в ответ поинтересуются твоими делами, не нужно честно и подробно отвечать на поставленный вопрос, достаточно отделаться дежурной фразой “всё нормально” и обязательно поблагодарить.

Всё это кажется мне глупым, энергозатратным и абсолютно нелогичным, но внешний

мир вообще полон условностей и социальных реверансов, обязательных к исполнению. Мне остаётся только принимать правила игры, чтобы не слишком выделяться из толпы. Каждый день — это преодоление и борьба с собственными страхами, а также эмоциональными перегрузками. Я уже не спрашиваю, почему надо делать так, а не иначе, просто делаю.

К примеру, вполне могу понять, когда день рождения празднуют в кругу родных и друзей — с подарками, тортом и прочими угощениями. Это логично и объяснимо в моих глазах. Но я совершенно не вижу в смысле в обязательных поздравлениях в соцсетях или по телефону, для чего они? Однако полагается непременно поздравлять, причём не только с днём рождения, а ещё с кучей других, каких-то совершенно непонятных и странных, праздников...

Впрочем, раз надо — значит, надо.

— Поздравляю тебя с днём рождения, — послушно произношу я в трубку.

— Ох, спасибо, Илья, это так неожиданно и приятно! — он ржёт, и я начинаю подозревать, что в его словах таится скрытая ирония. Впрочем, мне вообще сложно даётся понимание чужих шуток, потому что я воспринимаю их буквально и всегда испытываю затруднения с тем, что принято называть “чувством юмора”. Каждый раз, когда я нахожусь в компании и слышу смех, то невольно поёживаюсь и подозреваю, что они смеются надо мной. В детстве я запоем читал сборники анекдотов, рассказывая их затем родственникам и гостям. Мне очень хотелось вписаться в общепринятую схему общения, и я изо всех сил старался запомнить, что смешит людей.

— Я, собственно, чего звоню-то... — голос Руса делается серьёзным. — Отмечать буду в клубе, с друзьями. Ты, разумеется, тоже приглашён.

Я снова напрягаюсь.

— Ты же знаешь, я... не любитель клубов.

— Знаю, конечно, — подтверждает он. — Но, чёрт побери, Илья... ты мой друг с детского сада! Я очень хочу видеть тебя на своей вечеринке. Мне это важно, понимаешь?

Я молчу.

— В конце концов, тебе же необязательно танцевать и общаться с окружающими. Можешь даже надеть беруши. Обещаю, никто не будет к тебе цепляться, я поговорю с пацанами. Просто посидим, расслабимся, вкусно пожрём, немного выпьем...

“Нет, нет, нет, нет!” — нарастает во мне внутренний протест. Но я понимаю, что в мире *нормальных* людей друзья не поступают так, как собираюсь поступить я.

— Ну хорошо, — соглашаюсь наконец. — Только пообещай, что позволишь мне уехать сразу же, как только я этого захочу.

— Договорились! — он явно обрадован тем, что я так легко сдался.

Вспоминаю, что на дни рождения полагается являться с подарками, и спрашиваю Руса прямо:

— Что ты хочешь, чтобы я тебе купил?

Он фыркает.

— Ой, да ладно... Заеду к тебе на следующей неделе, посмотришь мой ноут. Что-то подвисать стал. Может, вирус словил или винду переустановить надо... Будем считать, что это и есть твой подарок мне на день рождения. Сделаешь?

— Легко, — соглашаюсь я. Это и в самом деле суший пустяк для меня — гораздо проще и приятнее, чем таскаться по магазинам в поисках подходящего подарка.

— Ну, тогда до вечера, — прощается Рус. — Явки-пароли сейчас скину тебе в ватсап.

Целый час сижу возле пруда: слушаю радио и бросаю кусочки булки прожорливым уткам.

Я люблю это место. Мама часто гуляла здесь со мной, когда я был ещё совсем маленьким. Сначала возила в коляске, а позже, когда я подрос и зашагал самостоятельно, мы вместе подолгу бродили по аллеям, взявшись за руки. Раньше это был целый Парк культуры и отдыха, но после развала СССР постепенно пришёл в запустение и перестал приносить доход, поэтому в конце девяностых его распродали “по кусочкам”. Впоследствии одна часть парка превратилась в красивый ухоженный сквер с маленьким искусственным водоёмом, другую отдали под кафе и рестораны, ну, а всё остальное просто снесли и построили на участке земли огромный торговый центр. Однако я ещё помню, как громыхали по детской железной дороге разноцветные вагончики, как возвышалось над деревьями колесо обозрения, как визжали школьники на “Сюрпризе” и заливисто смеялись малыши на цепочной карусели...

В сквере сейчас безлюдно и хорошо, можно расслабиться и не думать о том, как себя вести и что делать. Я могу просто побыть собой — таким, какой я есть и каким навсегда останусь, не притворяясь “нормальным” и не подстраиваясь под других.

Впервые ощущение, что я — инопланетянин, появилось у меня ещё в детском саду. Как будто меня привезли на Землю и бросили здесь адаптироваться самостоятельно. Это очень странное и неловкое чувство — когда ты вроде бы понимаешь местный язык и сам неплохо говоришь на нём, но при этом какие-то нюансы, скрытые смыслы и значения постоянно от тебя ускользают. А уж менталитет, культура и обычаи новой планеты и вовсе неподвластны твоему пониманию... Уже позже я узнал, что синдром Аспергера действительно часто называют синдромом инопланетянина.

Это ощущение не ослабевает, а только крепнет с годами. Совершенно очевидно, что “инопланетянином” я останусь на всю оставшуюся жизнь, сделаться “таким, как все” у меня всё равно не получится. Несколько лет назад я даже набил себе татуировку с одиноким человечком на шарике Земли.

Впрочем, говоря о собственном одиночестве, я немного лукавлю. У меня есть семья, есть друзья — их мало, но они всё же есть. Время от времени случается даже секс. Это миф, что аспи не нуждаются в общении — меня периодически тянет к людям, я испытываю потребность быть кому-то важным и любимым... Просто я никогда по-настоящему не чувствовал себя одиноким, внутренний мир с самого раннего детства был интереснее и ярче, чем внешний. Мне вполне комфортно одному, “в себе”, но при этом я не социофоб и не человеконенавистник, несмотря на все мои коммуникативные затруднения и барьеры.

В данный момент, слушая “Утренний кофе с Маришей”, я не в первый раз ловлю себя на мысли: как было бы замечательно, если бы эта девушка сидела сейчас здесь, рядом со мной. Чтобы я мог слышать её голос не по радио, а вживую...

Я по привычке мало вникаю в смысл фраз, которые произносит Мариша. Сегодняшний гость программы — какая-то писательница, я её не читал, поэтому мне всё это не особо интересно. Хотя к писателям с некоторых пор я вообще отношусь с настороженностью и предубеждением, получив не самый приятный опыт...

Передача заканчивается. Я по-настоящему расстроен — завтра суббота, а значит, ещё

целых два дня я не услышу её голос, потому что по выходным “Утренний кофе с Маришей” не выходит в эфир. А ведь сегодня ещё вечеринка по поводу дня рождения Руса, на которую я, к сожалению, пообещал прийти... настроение начинает стремительно портиться.

Решаю вернуться домой и немного поработать, это всегда успокаивает.

Кстати, я — один из немногих сотрудников компании “Google Россия”, которым позволено трудиться из дома, по удалёнке. Иные знакомые, услышав, где я работаю, безмерно удивляются — ведь в глазах большинства я психопат, припадочный истерик и дурачок. Бесплезно говорить, что мой IQ равен ста тридцати пяти. Раз я не в силах справиться со своим эмоциональным состоянием — значит, дебил, и точка. Впору табличку на грудь вешать: “Я аспи, но я не идиот”.

9

ПРОШЛОЕ

Лиза, октябрь 1994 года

Все аттракционы давно уже завершили свой сезон, и парк казался непривычно тихим и опустевшим. Возвышающаяся вдаль над жёлто-красными кронами деревьев громада “чёртова колеса”, окутанная туманной дымкой, выглядела нереальной, почти призрачной. Даже не верилось, что ещё каких-то пару месяцев назад здесь всюду кипела жизнь: крутились карусели, звенел детский смех, малыши рассекали по залитым ярким солнечным светом дорожкам на самокатах и трёхколёсных велосипедах, каникулярные школьники ломались за сахарной ватой или мороженым в стаканчиках, а в кассы за билетами на аттракционы выстраивались длиннющие очереди.

Впрочем, несколько маленьких кооперативных кафе, которые за последние годы повзростили на территории детского парка, словно грибы после дождя (Лиза подозревала, что не слишком законным путём), работали даже осенью. Но сейчас были закрыты и они: в половине девятого утра мало кто стремился отведать жилистого шашлыка и выпить пива, одновременно услаждая себе слух песнями Круга или Шуфутинского.

— Давай скорее за дело! — поторопил Тимка, присаживаясь на корточки и разворачивая захваченный дома большой холщовый мешок. — Быстрее начнём — быстрее освободимся...

Лиза с сомнением пошевелила носком ботинка грудю опавшей листвы. Вместо ласкающего слух шуршания золотистого ковра она явственно различила противное хлюпанье.

— Слушай, да они все мокрые! — наклонившись, она брезгливо, двумя пальчиками, ухватила один лист за черешок. — И грязные...

— Тоже мне, принцесса, — беззлобно огрызнулся Берендеев, уже резво наполняя мешок листьями. — Конечно грязные. И конечно мокрые. Ночью же дождь был!

— Но я так не могу, — Лиза растерянно пожала плечами. — Знала бы — хоть резиновые перчатки взяла, что ли...

— Чистоплюйка-неженка, — снова подколот он её, похоже, не особо удивлённый поведением одноклассницы. — Ну ладно, тогда ты просто держи мешок, а я сам буду туда всё складывать, так уж и быть.

Лиза осторожно присела рядышком и послушно ухватила за края мешка. Тимка

деятельно продолжил свою работу.

— Вообще тупая идея, если честно, — подумав, сказала Лиза. — Как можно украсить листьями зал?

— Ну почему “тупая”... — рассеянно откликнулся Берендеев, не отрываясь от своего занятия. — В принципе, есть много способов. К примеру, расставить листья в стеклянных банках, как букеты цветов. Подвесить на ниточках к потолку. Украсить ими сцену и занавес...

— А ещё врал, что мышление у тебя не творческое, — проворчала она. — Вон как фантазия разгулялась!

По небу низко прошёл самолёт. Лиза и Тимка синхронно подняли глаза и проводили его взглядами.

— Лизюкова, — спросил вдруг одноклассник, — а о чём ты мечтаешь?

— Я? — Лиза смутилась. — Даже не знаю...

На самом деле, она, конечно же, знала, но не собиралась озвучивать это перед Берендеевым. Все её мечты сейчас связывались с Олегом и были переполнены романтикой первой любви.

— Да ладно врать-то, — фыркнул Тимка. — Твоя мечта у тебя на лбу написана. “Ах, пусть сегодня на осеннем балу Олежек пригласит меня потанцевать!” — пропищал он смешным тоненьким голоском, явно передразнивая её саму, Лизу.

Она вспыхнула.

— А что, это... действительно так очевидно?

— Ну, вообще-то, нет, — Тимка почесал нос, не замечая, что там остаётся грязный след. — Просто я слишком хорошо тебя знаю. К тому же полшколы сохнет по этому придурку и зазнайке Тошину, ты не исключение...

Лизе почему-то стало чуточку обидно, что она — такая же, как все.

— Ладно, — сказала она торопливо, чтобы перевести тему. — А вот ты... сам-то ты о чём мечтаешь?

— Стать хорошим врачом, — без запинки ответил Берендеев. — И... жить в домике у самого моря. По утрам выходить из дома в собственный сад прямо босиком, есть немывтый виноград с куста, слышать, как плещутся волны неподалёку... А ещё, чтобы жена пекла пирожки с орехами и абрикосами на завтрак. И с рыбой, я их тоже очень люблю, — завершил он свой монолог.

Несколько ошеломлённая такой чёткой и одновременно идиллической картинкой, Лиза посмотрела на него насмешливо.

— Жена-а? — протянула она многозначительно.

Тимка покраснел весь, не только его уши — и лоб, и щёки, и подбородок, и даже шея запылала. Друг явно пребывал в сильнейшем смущении.

— Ну да, жена. А что здесь странного? Ведь будет же она когда-нибудь у меня... Или, по-твоему, я такой урод, что вообще без шансов?

— Что ты! — торопливо заверила Лиза. — Ты очень даже ничего. Я бы даже сказала, симпатичный.

Берендеев запылал ещё ярче.

10

К девяти часам они притащили в школу обещанный Одувану мешок листьев и, пока их

не запрягли заодно украшать актовъй зал к празднику, быстренько свалили. Тимка отмыл перепачканные руки в туалете, а затем они с Лизой вышли на школьное крыльцо и остановились в задумчивости.

— Ну что, по домам? — спросил Берендеев. — Вечером увидимся, спасибо за помощь...

— Я не домой сейчас, — Лиза вспомнила о платье. — Нужно заскочить кое-куда по делам.

— А может, напоследок сожрём по чебуреку? — Тимка кивнул в сторону вещевого рынка. — Я угощаю.

Лиза расплылась в довольной улыбке.

— Змей-искуситель! Конечно же, сожрём!

В этот раз решено было остановить свой выбор на беляшах — сегодня они как-то особенно удались, аромат из ларька доносился просто одуряющий. Расплатившись, Тимка подал однокласснице румяный беляш в промасленной бумажке, и Лиза, стараясь не капнуть на куртку жиром, с наслаждением впила зубами в пышное жареное тесто, пропитанное пахучим мясным соком, обжигаясь и жмурясь от удовольствия.

— Здорово, Ушастый! — раздалось вдруг прямо над ухом, и шокированная Лиза вздрогнула, моментально узнав голос, ещё даже не разглядев толком его обладателя.

— Даров, Тотошка, — невозмутимо откликнулся Берендеев, окидывая одноклассника снисходительным взглядом и спокойно принимаясь за свой беляш: он увлечённо жевал и с аппетитом причмокивал, только что не чавкал, и Лиза готова была поклясться, что он делает это напоказ, специально и демонстративно, в пику такому чистенькому и прилизанному Олегу, похожему на героя американского молодёжного сериала.

Это и в самом деле был он, Олег Тошин — объект Лизиной тайной влюблённости. Если его и смутило детское обидное прозвище “Тотошка”, то виду он не подал — по сути ведь, сам напросился. Взгляд Олега переместился на одноклассницу.

— Привет, Лизюкова, — поздоровался он.

Лиза хотела было ответить, но от волнения кусок беляша в буквальном смысле встал у неё поперёк горла. Она отчаянно пыталась проглотить его и сделать вдох, боясь, что сейчас просто некрасиво раскашляется и расплюётся. Тараща глаза и чувствуя, что вот-вот оконфузится (если до этого, конечно, не задохнётся), Лиза вдруг громко икнула и с облегчением почувствовала, что злосчастный кусок наконец проваливается и скользит вниз по пищеводу.

— П... привет, — выговорила она с запинкой, невольно краснея.

Некоторое время помолчали. Тимка старательно продолжал жевать свой беляш, а у Лизы же вмиг пропал весь аппетит. Как можно было есть при Тошине? Она неловко держала недоеденное, прежде такое желанное лакомство в руке и тайком выискивала взглядом какую-нибудь урну поблизости, чтобы незаметно от него избавиться.

К счастью, внезапно у их ног материализовалась тощая ободранная кошка и громко заорала, не выпрашивая, а буквально требуя еды. Лиза страшно обрадовалась и, присев на корточки, принялась скармливать остатки беляша голодной животине. Та покончила с угощением, презрительно обнюхала Лизины руки, сердито зыркнула злющими жёлтыми глазами и испарилась так же внезапно, как появилась.

Снова повисло неловкое молчание. Лиза отчаянно пыталась придумать тему для общего разговора и втянуть туда Олега.

— Ты на осенний бал идёшь? — с полным ртом промышчал Берендеев, выручая подругу.

Тошин ухмыльнулся.

— Ой, девчонки все как с ума посходили: “Ах, бал, бал, бал!..” Наверное, воображают, что они Золушки. Я, вообще-то, не этот детский сад, а нормальные дискотеки предпочитаю. Ты бываешь на таких?

К великому удивлению Лизы, Тимка спокойно кивнул.

— Да, иногда в “Звезду” хожу, иногда в “Юность”... Только один фиг, ничего интересного там не происходит. Музыка по ушам долбит, все курят, бухают, дерутся и трах... — он кинул осторожный взгляд на Лизу и тут же исправился, — то есть, сношаются в туалетах.

— Ну, а что там ещё делать? — хохотнул Олег.

— Так значит, ты не придёшь сегодня вечером в школу? — огорчённо спросила Лиза, не в силах скрыть разочарование в голосе.

— Приду, куда я денусь, — он пожал плечами. — Динка хочет, чтобы я непременно был, а желание дамы — закон...

Взметнувшаяся в Лизиной груди радость слегка померкла — Динка Старцева была их одноклассницей и по совместительству девушкой Олега. Они, как принято было говорить среди молодёжи, “ходили вместе” — то есть встречались. Лиза терпеть не могла Старцеву за высокомерие и кукольную красоту, отчаянно, зверски ей завидуя. Конечно, она знала, что Олег и Динка — пара. Но слышать об этом из его уст всё равно было неприятно.

— Ну ладно, — Тошин заскучал и покосился на часы. — Мне пора, увидимся вечером. Вы сейчас куда?

— Я домой, — Берендеев неопределённо махнул рукой.

— А я в Луков переулок, — торопливо вставила Лиза. Олег округлил глаза.

— Правда? Мне тоже в Луков... я там живу.

— А я... мне платье надо забрать у портнихи, — выпалила она, чувствуя себя карточным шулером. Хотя, по сути, не соврала ведь — надо ей зайти к тёте Алле и забрать готовое платье? Надо.

— Ну, тогда пойдём? — он приветливо улыбнулся, приглашая её проделать этот путь с ним вместе. Лиза чуть не умерла от восторга, одновременно замирая в ужасе: боже, а что, если от неё воняет жареным фаршем и луком?

И снова проницательный мудрый Тимка понял её затруднения. Подмигнув Лизе, он незаметно вложил в её ладонь пластинку мятной жвачки.

Лиза от всего сердца послала ему искреннюю благодарную улыбку.

11

НАШИ ДНИ

Марина, июль 2018 года

Наверное, нетрудно догадаться, что все звонки от радиослушателей поступают не напрямую в студию, а операторам, которые “фильтруют базар”. Но операторы — всего лишь люди, а не боги и даже не психологи. Иной раз просачивается настоящий неадекват, поскольку дозвонившиеся бывают весьма хитры и изобретательны — оператору скажут одно, а в прямой эфир выдадут нечто из серии:

— И сами вы — говно, и радио ваше — отстой, и песни ставите дебилские, и даже

диджеи у вас ужасны, как на подбор!

Вот и в тот жаркий июльский день случилось непредсказуемое...

Мы с Лёлькой, только-только окончившие второй курс журфака, устроились на “Молодёжку FM” для прохождения летней производственной практики. Положа руку на сердце, ну кого интересует практика на младших курсах, тем более во время каникул? Так, формальность для галочки... Тем более, как рассказали нам по секрету ребята-третьекурсники, никто из преподав к этой практике всерьёз не относился, детального отчёта не требовал и к студентам по итогам не цеплялся, поэтому многие наши однокурсники намеревались в сентябре принести в универ липовые справки об отработке. Только самые сознательные действительно попытались устроиться в редакции газет или журналов, а также на радио и ТВ.

Не могу сказать, что мы с Лёлькой отличались какой-то особенной сознательностью и тягой к учёбе, но тут удачно совпал ряд факторов, важнейшим из которых был роман моей подруги с одним из диджеев “Молодёжки”. Лёлька крутила с ним шашни уже месяц, и в конце концов парнишка “сосватал” нас к себе на радио.

Разумеется, никто не собирался даже близко подпускать нас к микрофону и выводить в свет, то бишь в эфир. Однако мы с Лёлькой всё равно находили чем заняться: помогали ведущим делать подборку самых интересных новостей, прочёсывая интернет, иногда бегали сотрудникам за кофе к автомату, но чаще всего, конечно, просто торчали в зоне отдыха на мягких удобных диванчиках и точили лясы друг с другом и незанятыми в эфире диджеями. Хотя общалась больше я, а Лёлька всё свободное время обжималась со своим любимчиком.

Однако через несколько дней подружка заскучала и начала подумывать о том, как бы стрясти с Блинчика справку о прохождении практики и отправиться восвояси — наслаждаться летом, солнцем и свободой. Я же, наоборот, уже загорелась атмосферой радио, прониклась ею и перестала воспринимать производственную практику как простую нудную формальность.

Вот тогда-то нас и повели на экскурсию в святая святых — то есть в студию во время эфира. У микрофона был Карик; точнее, для нас обеих, зелёных наивных студенточек, он пока ещё оставался Макаром Руденским, неприступным и недостижимым кумиром с безумно чувственным голосом, практически небожителем.

Блинчик велел нам заткнуться и не отвечивать — дескать, внимайте молча, салаги, не мешайте и учитесь, как работают профессионалы. Мы действительно вели себя тише воды, ниже травы, даже сам Карик, заметив, как мы оробели, подмигнул поочерёдно сначала мне, потом Лёльке, но затем...

Затем в студию дозвонилась девушка, которая надрывно, с истерикой и слезами в голосе, сообщила, что стоит сейчас на крыше и собирается прыгнуть вниз.

Помню, в первые мгновения все просто онемели. А, как известно, молчание в эфире есть самое страшное из зол, и это было накрепко усвоено даже нами, неопытными юными практиканточками.

Вообще, факторы, влияющие на эфир, условно делились на технические и человеческие. Однако пункт “дыра”* относился и к тем, и к другим. Что бы ни происходило в студии, здании, городе или на целой планете — the show must go on!** Всегда, что бы ни случилось, и я сейчас не шучу и не утрирую.

Вырубилось электричество, рухнул интернет, в здании начался пожар или внутри пробрался дикий медведь... да, чёрт возьми, даже если к Земле приближался метеорит, эфир *должен* был звучать!

Конечно, на самые экстренные случаи предусматривались пути спасения: резервный компакт-диск в проигрывателе, если полетели компьютеры, резервный источник питания и интернета, если упало электричество... в конце концов, резервная студия, если медведь. На “Молодёжке FM” включать резерв были обучены все, даже уборщицы и охрана. Однако самый ненадёжный фактор — как раз человеческий. Поэтому в тот памятный день даже столь опытный ведущий, как Карик, на пару секунд растерялся, услышав от радиослушательницы угрозу самоубийства.

Мы все понимали, что ни в коем случае нельзя прерывать звонок — кто знает, может, девчонка и впрямь собиралась сигануть с крыши, а не просто решила нас попугать. Если бы связь оборвалась, эта суицидница могла бы сгоряча сделать то, что намеревалась... Карик тем временем пришёл в себя и начал вежливо — о-о-очень вежливо, едва ли не почтительно, разговаривать с этой ненормальной, пытаясь заставить её расслабиться.

На счастье, звуковик Костя тоже быстро сориентировался и по-тихому вывел их обоих из эфира, запустив какую-то бодренькую музыку, а Карик, сделавшись неслышным для аудитории, продолжал убеждать девчонку не делать глупостей и не спешить сводить счёты с жизнью.

*“Дыра” — тишина в эфире (проф. сленг)

***The show must go on* — шоу должно продолжаться (англ.)

12

В голливудском кино подобные сцены выглядят красиво и захватывающе: к примеру, отважный, честный и добросердечный полицейский уговаривает потенциального самоубийцу остановиться клишированными фразами:

— Парень, парень, успокойся, только не прыгай, мы сделаем всё, что ты хочешь! У тебя проблемы, чувак? Хочешь поговорить об этом?..

В жизни это выглядело совершенно иначе. Мы все, в том числе и сам Карик, понимали, что, вступив в контакт с потенциальной жертвой суицида, он возложил на себя сейчас невероятную, огромнейшую ответственность. Даже если могло показаться, что девушка излишне драматизировала или находилась в состоянии стресса (чего не скажешь сгоряча?!), а может быть, она просто была пьяна — всё равно Карик не имел права относиться к этому не всерьёз. Он не мог действовать грубо, напролом, заявив что-то вроде: “Ну, раз решила прыгать — так прыгай, я не буду тебе мешать!”, подобное работает только в кино про “Титаник”, да и то лишь потому, что вода в Атлантическом океане очень холодная.

Меня всегда интересовали мотивы суицидников, которые стремились распрощаться с жизнью “на публику”. Впрочем, имела ли я право обобщать или обесценивать? Личных причин могло быть так же много, как и человеческих судеб, и ответ на вопрос “почему” доподлинно знала только сама жертва. Возможно, у дозвонившейся в эфир девушки был посыл “спаси меня”, а возможно, как раз наоборот — “не пытайся меня спасти, всё равно не сможешь, я просто хотела быть услышанной”.

Карик держался молодцом. Мы наблюдали за ним затаив дыхание, а он, включив всё своё обаяние, пытался раскрутить радиослушательницу на доверительный разговор. Постепенно она перестала всхлипывать и задыхаться и даже нашла в себе силы представиться: Женя, выпускница школы. Всего лишь на пару лет моложе нас с Лёлькой...

В общем-то, проблемы у неё оказались вполне типичными для её возраста: не понимают родители, в институт не поступила, а в довершение всех бед ещё и парень бросил. Карик терпеливо успокаивал и утешал её как мог: ну просто старший брат, заботливый отец и преданный возлюбленный в одном лице. В конце концов, он даже осмелился предложить Жене спор: они созвонятся ровно через год, чтобы убедиться, какими ничтожными и мелкими ей покажутся все эти старые проблемы.

— На что спорим? — девица шмыгнула носом, но в её голосе уже был различим отзвук слабой улыбки.

— Если я окажусь прав, то исполню любое твоё желание, — не моргнув глазом, пообещал Карик. — Ну и, соответственно, наоборот... Я даже могу заранее признаться тебе, что именно я пожелаю.

— И что же? — в тоне Жени послышался неприкрытый интерес с ноткой кокетства.

— Приглашу тебя на свидание!

В общем, мало-помалу девушку удалось успокоить. Она клятвенно заверила Карика, что сейчас же спустится с крыши (по лестнице!) и пойдёт домой, выкинув из головы все мысли о самоубийстве. Карик напоследок даже упросил её сказать пару слов в эфир, чтобы успокоить слушателей, которые успели застать начало их диалога. Женя согласилась и, когда Костя снова подключил их к прямому вещанию, долго и горячо благодарила за поддержку и помощь Макара Руденского, называя его “лучшим радиоведущим на свете”...

Наконец Женя попрощалась с Кариком и первая положила трубку. Блинчик вытер платком взмокшее лицо и показал ведущему большой палец, а в эфире снова заиграла очередная весёлая песенка. Что тут началось! Все заорали, засвистели, зааплодировали; в студию толпой ворвались остальные сотрудники, бешено трясли Карика руку, поздравляя с “успешно проведённой операцией по спасению” и стискивая в объятиях; женщины целовали его в щёчку... Карик стянул с головы наушники и жадно, залпом, выпил протянутый ему кем-то стакан воды. Рука его чуть подрагивала, лоб, как и у Блинчика, был влажным.

А я... я смотрела на него во все глаза и понимала, что пропала. Я *уже* была по уши влюблена в него и ничего не могла с собой поделать. В моих глазах он был и прекрасным принцем, и отважным рыцарем, и сказочным героем... Если бы он поманил меня пальчиком — я пошла бы за ним в ту же секунду.

Хоть на край света...

13

НАШИ ДНИ

Марина, сентябрь 2019 года

Сегодня у меня в гостях — известная писательница Ольга Савёлова. Я подписана на неё в фейсбуке и инстаграме, мне очень импонируют её оптимизм, самоирония и мудрость. К тому же Савёлова ничуть не стесняется своего лишнего веса, превращая его в изюминку, достоинство, пикантную деталь образа... Я немножечко завидую ей и хочу научиться

относиться к собственным лишним килограммам так же легко. Впрочем, родные и друзья в один голос твердят, что с фигурой у меня всё нормально, что я напрасно себя накручиваю, но... они просто любят меня, и оттого необъективны.

Привалившись спиной к стене, я жду, когда освободится студия, и делаю дозвон Савёловой, дабы убедиться, что та не проспала, не забыла об эфире и не застряла в пробке. За год моей работы на радио случилось разное, в том числе всё вышеперечисленное. Иногда, если гость не являлся на передачу, приходилось срочно хватать в охапку кого-нибудь из сотрудников “Молодёжки” (главное — не ведущего, чтобы слушатели не смогли узнать голос) и заставляя его изображать из себя какую-нибудь звезду. Так, охранник Славка побывал у нас однажды модным дизайнером, операторша Лилечка сыграла роль балерины, а водитель Петька, любитель пирожков моей бабушки, заделался шеф-поваром. Блинчик страшно не любит подобные подлоги и страдальчески морщится, но, к счастью, подобные накладки можно пересчитать по пальцам одной руки.

Гости бывают самые разные. Некоторые охотно соглашаются на интервью, но ставят условие: никаких ранних подъёмов, это физически невыполнимо — приехать на радио к семи утра! На подобные случаи у нас заготовлена хитрость: мы записываем интервью заранее, в удобное гостю время, а утром просто ставим банку* в эфир. Хотя в этом случае приходится исключать финальные звонки радиослушателей, но мы говорим, что гость очень спешит и не может задерживаться.

До эфира двадцать минут. Мой звонок тут же сбрасывают, но я не успеваю даже начать волноваться, потому что в этот момент вижу, как в конце коридора появляются двое: моя гостья и Блинчик, который ведёт её под руку и, кажется, рассыпается в комплиментах. Завидев меня, Савёлова успокаивающе машет рукой: мол, я уже здесь, всё в порядке.

— Доброе утро, Маришечка, — здоровается со мной программный директор. Почему ему дали такое аппетитное прозвище? Достаточно взглянуть на круглое, румяное, улыбчивое лицо этого славного полненького мужичка, и все вопросы отпадут сами собой: никакой он не Роман Романович, он именно Блинчик!

Он самый старший на радио, ему уже тридцать пять, и все мы для него — дочери и сыночки. Говорят, у него есть и родные дети, но Блинчик давно в разводе (ни одна нормальная женщина не смогла бы выдержать вечное отсутствие мужа) и редко видится с ними. Он буквально живёт на работе и живёт работой. Нередко и ночует здесь, прямо на диванчике в зоне отдыха. Даже когда он покидает радиостанцию и едет домой, всё равно остаётся на связи семь дней в неделю двадцать четыре часа в сутки. Мы знаем, что можем позвонить ему по рабочим вопросам в любое время дня и ночи, хоть в праздник, хоть в выходной, хоть во время отпуска.

Несмотря на добродушный вид, внешность обманчива: у Блинчика стальная деловая хватка и потрясающее бизнес-чутьё. Он поднимал “Молодёжку” с нуля, и всё, чем сейчас является радиостанция — на девяносто процентов его заслуга.

Карик шутит, что в должностной инструкции Блинчика крупными буквами написана одна-единственная фраза: **“РОМА, СДЕЛАЙ ВСЁ!”** — и тот действительно делает.

— Ольга, — писательница энергично встряхивает мою руку в качестве приветствия.

— Марина, — отзываюсь я ей в тон, хотя виртуально, конечно же, мы познакомились ещё раньше, когда договаривались об интервью.

Карик завершает свою смену, и, пока в эфире звучит добивка**, Блинчик на правах

“хозяина дома” увлекает писательницу за собой в студию, чтобы помочь ей освоиться и расположиться. Я собираюсь проскользнуть внутрь за ними следом, но в дверях меня ловит освободившийся Руденский.

— Попалась! — ухмыляется он довольно, и уже через секунду я оказываюсь прижатой к стене, а он целует меня в шею, дразня, гладит по плечам, быстро скользит ладонями вдоль талии и бёдер... Мои ноги ослабевают и чуть подкашиваются.

— Я так соскучился, — выдыхает он прямо мне в губы, в миллиметре от поцелуя.

— Я тоже, — пишу я, сходя с ума от его запаха, его голоса и близости его тела.

— Свободна сегодня вечером? А ночью? — жарко шепчет он мне. — Завтра же суббота, тебе не нужно на работу... поедem ко мне с ночёвкой?

Я так теряюсь от этого предложения, что впадаю в ступор. К нему домой? Это что, неудачная шутка такая?

— А... твоя жена? — наконец срывается у меня с языка.

— Её не будет несколько дней. Ну же, Маришка, не тормози... только ты и я, нам никто не помешает!

Время поджимает, мне уже пора быть в студии, ответ нужно дать немедленно. Одна половина моего сознания протестует, крича, что это жутко неэтично, подло и непорядочно, а другая половина заманивает соблазнительными картинками — тем, чем мы с Кариком сможем заняться этим вечером.

— Соглашайся, — торопит он, крепче прижимая меня к себе. — Сколько можно мыкаться по квартирам и дачам друзей?

Он прав. Конечно же прав. Унизительно постоянно выпрашивать ключи у знакомых, а перекантовываться в “лав-отелях” с почасовой оплатой ещё унизительнее... Мы всегда находимся в поиске укромного местечка для кратковременного уединения, а тут такой шанс... целая ночь вдвоём!

— Ну хорошо, — киваю я наконец, чувствуя себя несколько неуютно. — Поедем к тебе.

**Банка — заранее записанная программа, которая обычно выходит в прямом эфире.*

***Добивка — музыкальная композиция в конце часа, которая звучит до вступления в эфир рекламного блока.*

14

НАШИ ДНИ

Марина, август 2018

Сблизились мы быстро, буквально месяц спустя после того памятного эпизода со звонком Жени в эфир. Карик сразу же почувствовал мой интерес, который невозможно было не распознать — я взирала на ведущего как на божество, краснела, бледнела и смущённо опускала голову, если он ловил мой взгляд. А уж когда Карик обращался ко мне напрямую — то и вовсе начинала заикаться от волнения, одновременно млея от счастья.

Верная Лёлька тоже моментально просекла мою влюблённость в Руденского... и выразительно покрутила пальцем у виска.

— Ты дура, Белозёрова? — спросила она меня, скорбно приподняв брови. — Он же

женат, ты что, не в курсе?!

Конечно, я была в курсе. Вернее, когда я влюбилась в него, то ещё ничего не знала о его семейном положении. А потом, когда узнала... мне было уже всё равно, да и поздно. Невозможно же отключить в собственных настройках опцию “любить”!

Однако подруга до последнего не позволяла мне совершить грехопадение, как пафосно это именовала, и строго контролировала, чтобы Карик не позволял себе лишнего, пресекая на корню любые его попытки пофлиртовать со мной. Не могу сказать, что я была от этого в восторге, но... не станешь же сама вешаться объекту влюблённости на шею.

А затем летняя практика подошла к концу, и Лёлька с явным облегчением сбросила с шеи этот хомут. Я же лила слёзы от предстоящей разлуки с Кариком, и тут вдруг Блинчик предложил мне остаться на радио, да ещё и в качестве ведущей собственной программы. Как я уже упоминала, его пленил мой голос, а ещё подкупило умение общаться с самыми разными людьми — именно то, что нужно для формата “интервью со звездой”. Надо ли уточнять, что согласилась я моментально, ни секунды не раздумывая?!

Лёлька и радовалась за меня, и украдкой вздыхала, понимая, что без её бдительного присмотра я немедленно совершу то самое пресловутое грехопадение.

— Руденский — не герой твоего романа, — грустно говорила она мне в кафе, куда мы забежали отметить мою новую офигенную должность, — но я понимаю, что ты уже влипла по уши, так что... это твой путь и твои собственные шишки, ты должна набить их сама. Всё равно сейчас все мои советы и увещевания — как мёртвому припарки.

Я лишь счастливо и мечтательно улыбалась, потягивая коктейль через трубочку. Ну как это — “не герой”? Ещё какой герой! Самый лучший, самый настоящий, самый любимый!

Естественно, без вездесущего зоркого ока Лёльки Карик оживился и сразу же принялся оказывать мне самые недвусмысленные знаки внимания, маскируя их за “товарищеской помощью юной неопытной сотруднице”. Я, в общем-то, и не слишком долго сопротивлялась...

“Грехопадение” состоялось во время ночного эфира Карика, когда на радио не было никого, кроме нас двоих. Вернее, где-то внизу обретался охранник, но ему не было равным счётом никакого дела до того, что происходит в студии наверху, так как сам он, по-моему, увлечённо смотрел порнушку. Даже то, что я заявила в офис внеурочно, мало его беспокоило.

Намного сложнее было отпроситься из дома с ночёвкой — когда Карик предложил мне провести смену вместе с ним, я поняла, что скорее умру, чем откажусь от такого заманчивого предложения. Но... легко сказать, трудно сделать. За свои девятнадцать лет жизни я ещё ни разу не ночевала вне дома, если не считать поездок в детский лагерь или на турбазу. Даже за границу мы летали вместе — мама, папа и я. Пришлось прикрываться Лёлькой как щитом — та, конечно, ворчала и ругалась, но не помочь мне не могла, на то она и лучшая подруга. В итоге я отправилась “с ночёвкой к Лёле”, и бабушка традиционно снабдила нас пирожками — на этот раз с вишнёвым вареньем.

В итоге мы жевали эти пирожки в перерывах между песнями, слизывая с губ друг друга кисло-сладкое варенье, запивали шампанским и целовались так, что останавливалось дыхание, а потом Карик невозмутимо возвращался к микрофону. Я могла только поражаться его выдержке и удивляться самообладанию.

С невинностью я распрощалась в ту самую ночь, как бы это дико ни звучало, на

диджейском кресле, во время “Богемской рапсодии”*. Я была пьяна то ли от шампанского, то ли от любви, то ли от волнения, а может быть, от всего сразу. Детали помню плохо, какой-то особой боли — тоже. Отдельные вспышки воспоминаний выглядели скорее как кусочки пазла, а не как целая картинка. Сколько там длится песня? Пять минут пятьдесят пять секунд?.. Этого вполне хватило, даже с избытком.

Когда началась кода, Карик уже подобрался к своему пику, а едва зазвучали слова: *“Nothing really matters, nothing really matters to me”* — он спокойно нацепил наушники и потянулся к микрофону как ни в чём не бывало. Молнию на джинсах он застёгивал, уже находясь в прямом эфире.

Я неловко вытерлась влажными салфетками, затем тщательно протёрла сиденье кресла (хорошо, что оно было кожаным и не сильно пострадало), подтянула трусы и спустила вниз задранный на грудь сарафанчик. Вот и всё грехопадение...

В принципе, я не испытывала ни стыда за содеянное, ни разочарования из-за того, что не умерла от восторга и экстаза. Мозг был словно... затуманен.

Когда Карик вновь “вырвался” из эфира ко мне, то очень нежно и ласково поцеловал в губы и сказал:

— Ну надо же... не ожидал. Польщён, что стал у тебя первым, это большая честь для меня. Спасибо за доверие.

И эти слова вмиг сделали меня самой счастливой на свете!

А вот песня с тех самых пор стала для меня напоминанием о нашей первой ночи — где бы я её ни слышала, щёки мои против воли начинали предательски краснеть. Когда же несколько месяцев спустя на экраны вышел фильм “Богемская рапсодия”, это и вовсе приобрело для меня тайный, сакральный смысл — стоило нам с Кариком услышать, как кто-то обсуждает нашумевшее кино, мы многозначительно переглядывались и улыбались, как заговорщики.

**“Bohemian Rhapsody”* (“Богемная рапсодия”, “Богемская рапсодия”) — песня британской рок-группы “Queen” из альбома “A Night At The Opera”. Написана Фредди Меркьюри в 1975 году и имеет необычную музыкальную форму: её можно разбить на шесть разных по стилю частей, которые не делятся на куплеты и припевы, а представляют отдельные музыкальные направления: оперу и балладу, пение а капелла и хэви-метал.

**“Nothing really matters, nothing really matters to me”* — “Ничто на самом деле не важно, ничто для меня не важно” (англ.)

15

НАШИ ДНИ

Илья, сентябрь 2019

Работа действительно всегда успокаивает и притупляет чувство тревожности, придаёт уверенности в себе. Мысль о предстоящей вечеринке в клубе больше не кажется мне ужасной. Точнее, я и вовсе об этом не думаю: на всякий случай ставлю будильник, если вдруг заработаюсь и забуду обо всём, включая обед (со мной это периодически случается), и

вскоре на самом деле забываю, погрузившись в написание нового кода и его комментирование*.

Мне совершенно очевидно, что мои коды не нуждаются в подробных комментариях, ведь, как известно, хороший код — это самодокументируемый код**. Однако я не забываю о разнице мышления у таких “инопланетян”, как я, и *у земных* людей. То, что лично мне кажется ясным, у других программистов часто вызывает растерянность и недоумение. Они могут часами сидеть над тем, что я написал, но так ни в чём и не разобраться. Мы можем высказывать абсолютно противоположные мнения по поводу корректности и чистоты одного и того же кода, однако руководство “Google Россия” доверяет мне и ценит то, что я делаю.

Многие интересуются, как мне удалось устроиться на эту работу, и выражают безмерное удивление, когда я честно отвечаю: изучил вакансии на официальном сайте, подал заявку онлайн, мне позвонили, пригласили на собеседование, я его прошёл. Всё! Что тут сложного или непонятного?

Да, отправляясь на интервью, я не забывал тот факт, что в реальности обычно произвожу на незнакомых людей менее благоприятное впечатление, чем при виртуальном общении. Помню, в детстве мама иногда просто совала мне блокнот с ручкой и просила сформулировать мысль в письменном виде, это помогало ей лучше понять меня, отбросив эмоции, и избежать многих конфликтных моментов и спорных ситуаций. Когда я пишу то, что думаю, я более убедителен, чем когда говорю. И всё-таки, собираясь на встречу с работодателем, я был уверен в успехе и в своих силах.

Поначалу ко мне предсказуемо отнеслись с изрядной долей настороженности, но это не стало для меня сюрпризом, я давно привык, что моя манера общения многим кажется странной. К примеру, я не могу смотреть в глаза тому, с кем общаюсь, а, как разъяснил мне однажды Рус, человек, избегающий прямого взгляда собеседника, имеет нечистые помыслы или что-то скрывает.

Нет, я абсолютно ничего не скрываю, но поддерживать контакт глазами не могу до тошноты, до нервного тика, это совершенно неопишуемое ощущение. И это не просто интроверсия или робость на психологическом уровне, мне приходится ломать себя буквально физически, до полного упадка сил и перегорания. Если я всё-таки заставлю себя смотреть в глаза собеседнику — внутренних ресурсов на то, чтобы слушать, что он говорит и, тем более, поддерживать беседу, мне точно не хватит. Все силы уйдут просто на то, чтобы выдержать чужой взгляд.

Одним из кошмаров детства стала воспитательница в саду, которая *заставляла* меня смотреть в глаза. Буквально — хватала цепкими крючковатыми пальцами за подбородок, жёстко разворачивала моё лицо к себе и не давала отвести взгляд или опустить голову, несмотря на мои слёзы и протесты. Это было ужасно.

— В глаза! В глаза мне смотри, паскудник мелкий! Куда?! Ты слабоумный, что ли? Чего отворачиваешься? В глаза, я сказала! Да ты что, обоссался? Вот паршивец, вот говнюк...

Мне было три года, и да — я писался в штаны от ужаса и её криков, трясся и пытался зажать руками уши, зажмуриться, испариться...

Приходя вечером забрать меня из детского сада, мама присаживалась передо мной на корточки и каждый раз спрашивала одно и то же:

— Илюша, сыночек, ну почему опять штанишки мокрые? Ты ведь уже большой

мальчик...

Вероятно, она бывала очень расстроена в такие моменты.

Воспитательница сказала ей однажды:

— Вы бы показали ребёнка специалистам. Он сильно отстаёт в развитии от сверстников.

— Отстаёт?! Да Илья собирает пазлы быстрее всех в группе, а из конструктора строит невероятные вещи, не каждый взрослый так сможет! А ещё он знает алфавит, и у него огромный словарный запас для трёхлетки!

— Возможно, но его поведение... порою, уж простите, оно совершенно неадекватное. Он устраивает истерики и пугает других детей, безобразно кричит, плачет без причины, бьёт себя или дёргает за волосы, падает на пол... вы слишком его избаловали.

— Это не избалованность, — возразила мама. — Он никогда ничего не делает просто так, “без причины”, просто это нелегко понять. Он *другой*, понимаете? А не отсталый или неадекватный. Ко многому из того, что задевает нас с вами, он относится абсолютно спокойно. И наоборот — то, что нам безразлично и привычно, он может воспринимать очень тяжело. У него просто иные реакции, понимаете?..

— Вот поэтому и нужен хороший врач, — отозвалась воспитательница. — Чтобы сделать его реакции *нормальными*. Как у всех.

**Код в программировании — это специальный текст, состоящий из набора пошаговых инструкций. Компьютер считывает код, который сообщает ему, какие операции следует выполнить с данными. Комментарии к коду предназначены для тех, кто в будущем станет использовать исходный код, созданный программистом, но вряд ли сможет понять или прочитать его самостоятельно.*

***“Хороший код — это самодокументируемый код” — расхожая фраза в среде компьютерщиков, означающая, что в теории код настоящего профессионала должен быть настолько ясен и удобочитаем, что ни в каком комментировании просто не нуждается. На практике же нужда в комментариях есть всегда, однако определённые техники программирования делают код яснее, что упрощает его понимание и помогает улучшить архитектуру всей программы.*

16

Рассказать о своём внутреннем состоянии и объяснить мучения, которые причиняют мне походы в детский сад, я не мог, а выражать мысли в письменной форме тогда ещё не научился. Однако это не мешало мне устраивать бунты: я протестовал против ежедневных походов в садик всеми доступными мне методами. К примеру, по утрам, когда мама будила меня, я просто не реагировал. Она могла делать со мной что угодно: тормошить, встряхивать, уговаривать, ругать — я совершенно расслаблял все мышцы своего тела и валялся обратно в постель. Если мама пыталась меня посадить — я тут же падал обратно. Если она силой вытаскивала меня из кровати и пробовала поставить на ноги — я сваливался на пол и оставался лежать там. Она не могла заставить меня ни умыться, ни поесть, ни одеться, в итоге выполняла все эти манипуляции со мной сама и тащила в детский сад на руках, выговаривая по дороге, что опоздает из-за меня на работу и у неё будут большие

неприятности.

— Да что с тобой, сынок? — спрашивала она без конца. — Зачем ты всё это делаешь? У тебя что-нибудь болит?

Я отрицательно мотал головой.

— А в чём тогда проблема?

И только спустя несколько дней такого поведения она наконец догадалась:

— Ты что, не хочешь идти в сад?!

Я кивнул, обрадовавшись, что она наконец-то меня поняла и теперь мои муки точно прекратятся. Однако мама уселась рядом со мной и принялась долго объяснять, что не может оставить меня дома, что ей нужно каждое утро вовремя являться на работу, за которую она получает деньги, что у неё просто нет другого выхода...

— Давай договоримся так, — сказала она вдруг. — То, что ты ходишь в садик — это не наказание и не повинность, это такая игра. Я даю тебе задание: выдержать в детском саду весь день, до вечера. Если ты справишься — каждый раз, приходя за тобой, я буду приносить тебе “Сникерс”.

Я задумался. Эти шоколадные батончики были моими любимыми, но ради них пришлось бы продолжать посещать то невыносимое место и страдать из-за противных людей, которые меня там окружали...

— И бассейн каждую субботу и воскресенье. Обещаю! — добавила мама. Я очень любил плавать, поэтому это решило дело.

— Ну так как? Согласен? — уточнила мама.

— Да.

На самом деле, легче от этого не стало. Я просто добросовестно выполнял мамино “задание” ради желанного приза и терпел, но мои ежедневные страдания нисколько от этого не уменьшились.

Мне были совершенно непонятны и неприятны шумные игры остальных детей в группе. Они толкались, дрались друг с другом, кричали, приставали ко мне... кто-то из них первым догадался, что я боюсь щекотки, и в итоге они с хохотом наваливались на меня целой толпой и доводили буквально до припадка, скандируя хором: "Ура-а-а! *Щекоти* идиота!"

Щекотку я ненавижу до сих пор. Она вызывает у меня не просто дискомфорт, а самую настоящую боль. Как, в общем-то, и все остальные лёгкие прикосновения и поглаживания, я их физически не выношу.

После дня в саду на восстановление мне требовалось несколько часов. Мы приходили с мамой домой, и я мог просто упасть и лежать на полу час или полтора, набираясь сил, а потом вставал и требовал с мамы обещанную шоколадку. Иногда я замолкал и просто не разговаривал ни с кем день или даже два — это тоже было одним из способов восполнения утраченной энергии.

В старшей группе мне наконец стало легче. Не потому, что я привык или приспособился. Просто в детском саду и в моей жизни появился Рус...

17

НАШИ ДНИ

Марина, сентябрь 2019

Эфир проходит отлично, именно так, как я люблю: гладенько, на позитиве, с шутками-прибаутками и чувством глубокого удовлетворения, практически кайфа от интеллекта и чувства юмора собеседницы. Савёлова сыплет остротами, байками из писательской биографии, комично и очень узнаваемо, в лицах, изображает ситуации из жизни... Вскоре живот у меня начинает болеть от смеха, а губы — от широченной искренней улыбки.

Хорошее настроение — то, что надо для нашей передачи. Принимая меня на работу, Блинчик сразу же заявил, что наиглавнейшая цель программы “Утренний кофе с Маришей” — доносить нотки радости и веселья до тех слушателей, которые собираются или уже едут на работу или учёбу.

Остаётся интерактивная часть эфира — то есть звонки радиослушателей. Тут тоже всё идёт хорошо, Ольга прекрасно общается с аудиторией, “держит” её на крючке и буквально влюбляет в себя. И всё-таки ложка дёгтя просачивается в прямой эфир в тот момент, когда наш оператор Лилечка нечаянно пропускает звонок от деловитой и нахальной, изначально воинственно настроенной тётки.

— Ольга, — вопрошает эта тётка требовательно, — скажите, а где можно бесплатно скачать ваши книги?

В первое мгновение мы с Савёловой просто цепенеем от такой наивной бесцеремонности. Или это не наивность, а наглость?

— Кхм, — прокашливается писательница, — ну, если честно, я надеюсь, что нигде.

— Шутить изволите? — ядовито осведомляется тётка.

— Да бог с вами, я вполне серьёзно.

— И зря! Если бы я прочла вашу книгу бесплатно, я бы оставила на неё отзыв в интернете. Поверьте, в наше время это дороже денег.

— Дороже денег? — переспрашивает Ольга. — Простите, а вы на работу тоже бесплатно ходите? Просто за доброе слово?

— Ну вы сравнили! — фыркает тётка. — Мою работу и ваши... графоманские штучки-дрючки.

— Действительно, — Ольга улыбается, — что это за занятие такое в самом деле — книжки писать... ни труда, ни сил, ни способностей не надо. Да ещё какая наглость — деньги за эту никому не нужную писанину требовать!

— Смейтесь, смейтесь, — отзывается тётка. — Только вы из-за своей жадности сейчас профукали шанс получить от меня отзыв. Вот и сидите теперь с горой непроданных книг!

И собеседница первой бросает трубку. Мы с Ольгой ошеломлённо переглядываемся, а потом... начинаем громко хохотать.

— Правильно, — говорит Савёлова, отсмеявшись, — не подаришь книжку бесплатно? Н-на тебе, *пейсатель*, оплеуху, чтобы знал своё место!

К счастью, последней дозвонившейся оказывается девушка — страстная почитательница творчества Савёловой; она рассыпается в цветистых комплиментах творчеству писательницы и едва ли не признаётся ей в любви, так что уходим мы из эфира красиво и чисто.

Тепло прощаемся с Ольгой, благодарим друг друга за приятно проведённое вместе время, а напоследок она дарит мне свою новую книжку с автографом.

Обычно после эфира я еду на лекции, как раз успевая к первой паре, но сегодня мне

невыносимо хочется прогулять. Настроение приподнятое, мысли то и дело возвращаются к предстоящему свиданию с Кариком: я предвкушаю потрясающий вечер, счастливо жмурюсь и едва ли не мурлычу в голос, как разомлевшая на солнышке кошка.

Слава богу, теперь я уже “большая девочка” и мне не нужно придумывать глупые отговорки, почему я не ночую дома. Меня спокойно отпускают, прекрасно понимая, что я не с Лёлькой, а с молодым человеком. Проблема лишь в том, что домашние до сих пор не в курсе, с кем конкретно я провожу своё время...

Бабушка первая просекла, что я влюбилась. Видимо, мой блаженный вид, мечтательные глаза и сияющая довольная улыбка сказали всё за меня. Разумеется, она начала подкатывать ко мне с задушевными разговорами, многозначительно подмигивая и как бы намекая: уж любимой-то бабулечке Дусечке можно открыться.

Наконец, не выдержав мук неизвестности, она спросила напрямую:

— Когда же ты познакомишь нас со своим мальчиком, Маринушка? Приводи его как-нибудь к ужину, я приготовлю вкусненькое...

Вообразив шок родственников при виде двадцатидевятилетнего “мальчика”, ещё и женатого к тому же, я лишь внутренне содрогнулась и пролепетала какую-то глупую отговорку.

На самом деле, конечно, семейное положение Карика не могло меня не беспокоить. Время от времени я впадала в отчаяние, понимая всю бесперспективность наших отношений, но потом снова испытывала чувство эйфории и безумной влюблённости, понимая, что просто *не могу* с ним расстаться. В общем, кидало меня нешуточно...

Никогда и ни к кому я не ревновала Карика так сильно, как к его жене. А он, надо было иметь смелость признаться себе в этом, был тем ещё дамским угодником, вокруг него постоянно крутились девушки. Ему льстило их внимание, возбуждал их откровенный, неприкрытый интерес. И да, он ведь даже сходил на свидание с Женей — той самой неудавшейся самоубийцей — ровно через год! И я вовсе не могу дать руку на отсечение, что они тогда не переспали, хотя сам Карик, конечно же, уверял меня, что это была исключительно “товарищеская встреча”.

И всё-таки, повторюсь, ни к кому из его мнимых и настоящих девушек я никогда не ревновала так же, как к его законной супруге.

Разумеется, я давно нагуглила её странички в соцсетях и периодически устраивала себе сеансы мазохизма, бесконечно листая её фотки.

Она была красива. Очень. В ней чувствовалась порода и какая-то неуловимая манящая грация. Я же с упорством идиотки сканировала каждое их совместное фото с Кариком и прибегала затем к Лёльке со своими ничтожными находками:

— Слушай, ну согласишься, что они не очень смотрятся вместе?

— Угу, — отвечала подруга, глядя на меня с плохо скрываемой жалостью.

— Прямо вот чувствуется, что между ними нет привязанности, нет настоящего тепла.

— Угу.

— Смотри, они даже улыбаются дежурно, натянуто. А глаза у обоих холодные.

— Угу.

— И обнимает от её как-то... неискренне.

— Угу.

— И вообще, они ещё с института вместе. За столько лет любая страсть поутихнет, ведь правда? Между ними наверняка давно уже нет былого влечения.

— Угу...

Почему Лёлька ни разу не остановила меня? Не промыла мне мозги? Не ткнула носом в очевидное: Карик с женой — потрясающе красивая пара и просто обалденно смотрятся вместе?

Очевидно, потому, что знала: я всё равно не стану слушать.

18

Я направляюсь в зону отдыха, чтобы расслабиться на мягком диванчике, выпить кофе и поболтать с кем-нибудь, втайне надеюсь, что Карик ещё не уехал домой. Хотя глупо надеяться на это — после его ночной смены... Впрочем, мне грех жаловаться, всё равно я встречу с ним сегодня вечером.

Однако на месте меня ожидает сюрприз: там всюду идёт гулянка. Этаким импровизированный банкет а-ля фуршет. На столе накрыта скатерть-самобранка с мясной и сырной нарезками, крошечными бутербродами, тарталетками и фруктами. Все весело галдят, смеются, ходят-туда сюда, жуют и выпивают — слышу, как хлопает пробка от шампанского, и это явно не первая бутылка. Смело — на рабочем-то месте, да в восемь часов утра... О, оказывается, сам Карик на разливе!.. Моё сердце сладко сжимается от радости: он всё-таки остался!

— Мариш, закончила работу? Присоединяйся! — рядом со мной материализуется болтушка Катя из пиар-отдела и быстро суёт мне пластиковый стаканчик с шампанским в одну руку, а канапешку — в другую. — Руденский сегодня проставляется, можно пожрать и выпить на халяву! — шутит она.

— Так это Карик поляну накрыл? — удивлённо спрашиваю я, снова выискивая глазами виновника торжества, который пока что не видит меня. Он выглядит невероятно счастливым, каким-то одухотворённым, а окружающие хлопают его по плечу и что-то радостно говорят, видимо, поздравляют. — А какой повод-то?

— У него сегодня сын родился!

К счастью, меня никогда в жизни не били кулаком под дых, но сейчас я, кажется, испытываю абсолютно идентичные ощущения.

От боли трудно дышать. Я задыхаюсь. Я в шоке и недоумении. Сын? У Карика? Сегодня? Но это же бред, как такое возможно?!

Не обращая внимания на окружающих, я пробиваюсь через толпу сослуживцев к счастливому новоиспечённому отцу. Подняв голову, он встречается со мной взглядом и на секунду смущается. Но только на секунду.

Затем Карик притягивает меня к себе, смачно целует на глазах у всех (спасибо хоть, что просто в щёку) и с гордостью сообщает:

— Пацан! Богатырь на четыре кило! Полчаса назад из роддома позвонили...

— Поздравляю, — откликаюсь я страшным голосом. Мозг совершенно отказывается адекватно воспринимать происходящее и реагировать на него. Что мне делать? Тоже поздравить и дружески чмокнуть в щёчку? Или расцарапать эту наглую самодовольную рожу? И то и другое кажется невыносимым, но что-то ведь я должна сделать?

Страшная, унижительная догадка вдруг прошивает меня насквозь. Проходит навывлет как пуля.

— Ты пригласил меня к себе домой, потому что... твоя жена сейчас в роддоме?

Все вокруг громко переговариваются и веселятся, не обращая на нас внимания, и это

хорошо, потому что наш диалог звучит по-настоящему дико даже на мой собственный слух.

— Ну да, — невозмутимо отзывается он, — а что такого? Ведь реально классная возможность...

— То есть сейчас, отпраздновав с коллегами, ты поехал бы в больницу к жене с поздравлениями, орал бы под окнами признания в любви и слова благодарности за сына, а вечером преспокойно ждал бы меня в гости?

— Ну да, — снова повторяет он. — Что именно тебя смущает? Можно подумать, ты была не в курсе, что у меня есть жена...

— Карик, ты debil? — горько спрашиваю я. — Ты правда не видишь, как омерзительна вся эта ситуация?

— Да брось ты, — он уже слегка захмелел. — Не надо читать мне мораль и строить святошу. Ты тоже в постели с женатым мужиком кувыркаешься, к чему сейчас изображать из себя невинную овечку? Что за лицемерие? Какая разница *где*, если мы с тобой *всё равно* это делаем?

— Даже у таких вещей есть границы. То, что недопустимо ни при каких обстоятельствах... — мне странно, что приходится объяснять ему очевидное, и от этого я чувствую себя очень глупо.

— Хрень это всё, — кривится он со скукой в голосе. — Типа по пятницам и четвергам нельзя, а по субботам и понедельникам — можно? В гостиницах — пожалуйста, а в доме у любовника — ни-ни? Что за ханжество! Марина, — взгляд его становится жёстким, а интонации — стальными. — Ты спишь с несвободным мужчиной. Раздвигаешь перед ним ноги по первому свистку. И сейчас что-то лепечешь о допустимых границах? Не много ли на себя берёшь?

Его слова бьют наотмашь, как пощёчина. Я смотрю на него и буквально слышу, с каким звоном разбивается на мелкие острые осколки моё сумасшедшее, глупое, влюблённое сердце.

Желание выплеснуть шампанское ему в лицо или затолкать в глотку канapé — так, чтобы он подавился, задохнулся и сдох — становится нестерпимым. Я через силу улыбаюсь Карике онемевшими губами, выталкиваю из себя:

— Ещё раз поздравляю! — и бегу прочь сломя голову, не видя ничего и никого перед собой.

Рыдаю всю дорогу до универа. Хорошо, что я не поехала с водителем — мне не стыдно демонстрировать зарёванное лицо пассажирам в метро, точнее, мне плевать, что они обо мне подумают, а вот сочувствующих взглядов и расспросов Петьки я бы уже не вынесла.

Выйдя из вагона на своей станции, тычу в телефон дрожащими пальцами, едва поймав сигнал. Я ничего не вижу, глаза затуманены от слёз, но мозг всё-таки кое-что соображает: единственный, кто сейчас может меня спасти — это верная Лёлька.

Уже через полчаса мы с ней сидим в университетской столовой, злостно прогуливая первую пару — теорию журналистики. Лекции читает древний замшелый доцент Борщёв, который до сих пор свято уверен в том, что хороший журналист должен ходить на интервью не с диктофоном, а с блокнотом и ручкой. Он никогда не отмечает присутствующих и не запоминает лиц, поэтому мы ничего не теряем.

Сейчас Лёлька сидит напротив меня за столом, горестно подперев щеку ладошкой, и с сочувствием наблюдает, как я с каким-то отчаянным ожесточением запихиваю в себя пирожные, одно за другим: наполеон, картошку, эклер... Мне нужно заесть мерзкое послевкусие, оставшееся от разговора с Кариком. Лёлька со вздохом двигает ко мне поближе стакан компота и ждёт, когда меня отпустит. Ресницы всё ещё мокрые от слёз, а губы предательски подрагивают. Такой грязной и униженной я не чувствовала себя ещё никогда и, вспоминая слова Карика про “раздвигаешь ноги по первому свистку”, снова начинаю давиться то ли пирожными, то ли рыданиями.

Слава богу, я не слышу от Лёльки ничего злорадно-ехидного в духе: “А я сразу знала, что этим закончится! Мне этот твой Карик никогда не нравился!” Подруга не спешит добивать поверженную меня. Наоборот, услышав о том, что произошло на работе парой часов ранее, Лёлька оживляется и торжественно заявляет:

— Так, прекрати реветь! Это не беда, а праздник. Праздник твоего освобождения!

Неуверенно киваю. Хотелось бы верить, что это действительно так, но...

— Ради бога, только не вздумай сгоряча увольняться! — с тревогой предостерегает меня Лёлька. — Руденский не стоит этого. А работа... работа — просто мечта!

Я и не думала об увольнении, хотя сейчас начинаю понимать, что подруга имеет в виду: мне ведь придётся встречаться с Кариком практически ежедневно... ходить мимо него и делать вид, что мне ничуть не больно...

— Хорошо, что завтра выходной, — говорит между тем Лёлька. — Пока ещё стоят тёплые и солнечные деньки, нужно выбраться куда-нибудь на природу и забаловать тебе крутецкую новую фотосессию! Таковую, чтобы твой инстаграм взорвался от лайков, а у всех мужиков пошёл пар из ушей при взгляде на тебя. Обновлённая, сексуальная и свободная — так я вижу твой новый образ! — мечтательно провозглашает она.

Мне нравится идея, хотя сейчас, с распухшим от слёз носом и красными глазами, я меньше всего тяну на “сексуальную”. Но всё равно слова Лёльки вдохновляют. Я её обожаю. Только она одна в целом мире умеет правильно подбодрить!

— Это ещё не всё! — загадочно прищуривается Лёлька. — На сегодняшний вечер у меня планы. Собственно, теперь и у тебя тоже.

— Какие планы? — я подозрительно буравлю подругу взглядом. От неё можно ожидать чего угодно: может позвонить вечером и приказать спуститься вниз, к подъезду, захватив с собой паспорт, а утром ты обнаружишь себя в Питере, на Невском проспекте, с горячей шавермой в одной руке и стаканчиком кофе — в другой.

— Мы идём тусить в клуб! — объявляет Лёлька, и я незаметно выдыхаю с облегчением

— уф, это не так страшно, как могло бы оказаться. Но в это время Лёлька заканчивает фразу:

— Это будет поцелуйная вечеринка! Все-все-все целуются с симпатичными молодыми людьми, даже с незнакомцами!

И, пока я растерянно хватаю ртом воздух и пытаюсь что-то возразить, хлопая ресницами, Лёлька добавляет безапелляционным тоном:

— То, что надо в твоей ситуации. Тебе точно должно понравиться!

20

НАШИ ДНИ

Илья, сентябрь 2019

В шесть часов вечера заезжает мама. Она в курсе, что я не выношу неожиданных гостей, поэтому о сегодняшнем визите мы договаривались заранее. Я очень люблю её и ценю, что она всегда принимала меня таким, какой я есть, не ломала и не перестраивала под себя или общепринятые нормативы. Даже когда я объявил, что собираюсь снимать квартиру и жить отдельно, она отнеслась к этому с пониманием, хотя призналась мне однажды, что ей это далось не очень-то легко. У неё нет никого ближе меня, но она всё равно старается не превышать дозу своего присутствия в моей жизни. Мне сложно в полной мере понять её чувства, лично мне не бывает скучно одному: даже если я не вижу её или Руса подолгу, не встречаюсь и не созваниваюсь с ними, мои мысли заняты чем-то другим и у меня нет времени на тоску. В тот период, когда у меня были отношения с девушкой, я тоже не слишком печалился, если не встречался с Алёной несколько дней и даже дольше.

Мама целует меня в щёку и обнимает. Я не очень-то люблю объятия с поцелуями, но здесь иду на уступки: знаю, что ей это важно.

— Ты ел сегодня? — спрашивает она, присаживаясь на край дивана.

— Ну конечно, ел. Человек же не может существовать без еды, — отзываюсь я. Она вздыхает. Это тоже одна из её тайных печалей, о которой она честно мне рассказала: ей хотелось бы приезжать ко мне с полными сумками продуктов, забивать ими холодильник, жарить-парить-варить для меня обеды и ужины, а затем кормить чуть ли не с ложечки. Только тогда материнское сердце может быть спокойным, это её собственные слова.

Я же предпочитаю покупать продукты сам — раз в неделю, по списку, чётко всё планируя, чтобы не было излишков еды и не приходилось затем от них избавляться. Готовлю тоже самостоятельно — ровно столько, сколько требуется мне одному.

Мы сидим рядом на диване, она задаёт мне стандартные вопросы, я на них терпеливо отвечаю, хотя этот традиционный ритуал кажется мне скучным: помимо питания, она всегда интересуется одним и тем же — здоровьем, настроением, делами на работе. Когда очередь доходит до Руса (“Как поживает твой друг?”), я сообщаю о том, что сегодня приглашён на празднование его дня рождения в клуб.

— Ой, передавай ему самые искренние поздравления от меня! — говорит мама. — Такой отличный парень, я ведь его совсем ещё мальчишкой помню, сколько вам было, когда вы подружились? Лет шесть?

— Пять, — уточняю я.

Я помню детали нашего знакомства так же ясно и хорошо, как будто это случилось

совсем недавно, а не девятнадцать лет назад.

Выдался дождливый день, из-за чего нашу группу не повели на прогулку. Честно говоря, я был этому только рад. Уселся в углу, чтобы меня не беспокоили, и принялся собирать из куцега детсадовского конструктора модель лунохода.

Через какое-то время я почувствовал, что кто-то молча присел рядом. Я покосился в ту сторону и увидел мальчишку. Как его зовут, я не помнил, а может, и вовсе не знал — лица всех пацанов в нашей группе сливались для меня в одно.

— Ты чего строишь? — поинтересовался мальчик.

— Луноход, — ответил я. — Только нескольких важных деталей не хватает, потерялись.

— Ну, построй что-нибудь другое, — предложил он. — Робота сумеешь сделать? А динозавра?

Я молча принялся подбирать детали для робота и соединять их друг с другом. Мальчик тоже хранил молчание, наблюдая за моей работой.

— Круто выходит, — сказал он наконец. — А как тебя зовут?

— Илья Гошин.

Мы ещё немного посидели в тишине.

— Что, тебе разве не интересно, как *меня* зовут? — не выдержал он.

— Нет, — честно ответил я.

— Блин, — он опять некоторое время молчал, видимо, подбирая подходящий ответ, но так и не смог ничего придумать, поэтому спросил другое:

— А ты чего сердитый такой?

— Я не сердитый.

— А чего всё время отворачиваешься?

Я пожал плечами:

— Мне так удобнее.

— Ты боишься меня, что ли?

Я старательно прислушался к своим ощущениям.

— Нет, не боюсь. Но если ты начнёшь меня щекотать, мне будет неприятно и больно.

— Да с чего мне тебя щекотать? Вот ты странный, — сказал он.

— Другие щекочут... — отозвался я.

— Да они придурки все! — заявил мой собеседник. — Они и ко мне тоже приставали. Я там одному уроду руку прокусил до крови, воспиталка разоралась...

— Почему?

— Что “почему”? Почему разоралась?

— Почему руку прокусил, — пояснил я.

— А, да он сам напросился, — отмахнулся мальчик. — Чуркой меня обзывал.

— Как?!

— Ну, чуркой.

— Чурка — это обрубок? Кусок дерева? — уточнил я, вспомнив всё, что вычитал в детских энциклопедиях. У нас дома было очень много книг, мама мне покупала и про динозавров, и про строение человека, и про роботов, и историю древнего мира, и задачи по математике для дошкольников, и ещё полно всяких.

— Сам ты обрубок! — сказал мальчик. — Чурка — это значит, нерусский. Не видно, что ли?

Я искоса взглянул на него и покачал головой. Пацан как пацан...

— Нет.

— Нет?! Да ты посмотри, у меня и кожа темнее, чем у тебя, и волосы чёрные, и глаза...

— И что?

— Остальные *не такие*, понимаешь?

Я не понимал. То есть я, конечно, видел всё, что он называл: и кожу, и волосы, и глаза. Но не мог сообразить, что в этом странного и почему теперь он называется “чуркой”.

— А ты кто? — спросил я на всякий случай.

— Дагестанец. Меня, кстати, Руслан зовут. Руслан Керимов. Хотя это тебе и неинтересно.

Я равнодушно пожал плечами. Ну, Руслан и Руслан...

— У тебя, я смотрю, тоже в этой группе друзей нет? Правда же, тут ни одного нормального пацана?

— Мне с ними скучно и непонятно, — признался я.

— Я у вас первый день только, но мне уже тоже с ними скучно и непонятно. Слушай, а давай с тобой дружить? Ты мне будешь братом.

Необычные речи мальчика всё больше и больше сбивали меня с толку.

— Как я могу быть твоим братом? Моя мама — она ведь не твоя мама.

— Да блин, ты правда странный какой-то... Брат — это просто так говорится. Значит, очень хороший и близкий друг, который никогда не бросит и не предаст.

Я снова кинул на него испытывающий взгляд искоса, а затем проверил на всякий случай:

— Ты меня никогда не бросишь и не предашь?

Руслан отозвался:

— Никогда. Если мы поклялись в дружбе, то слово нельзя нарушать даже под страхом смерти!

— Хорошо, — согласился я, не совсем, впрочем, поняв про “страх смерти”. — Тогда я тоже не нарушу слово.

— Ну что, здравствуй, брат? Давай лапу! — он протянул мне ладошку с растопыренной пятернёй. Я покачал головой.

— Мне не нравится, когда меня трогают. Это обязательно?

— Вообще-то, настоящие мужчины всегда обмениваются рукожо... рукопажо... ру-ко-по-жа-ти-ем, — старательно выговорил он. — Но если тебе прям сильно не нравится...

— Сильно, — подтвердил я. — Терпеть этого не могу.

— Ладно, я понял. А я не люблю, когда меня называют Русланчиком или Русиком, чуркой и черномазым. Просто Руслан, а ещё лучше — Рус. Запомнишь?

— Не любишь, когда тебя называют Русланчиком или Русиком, чуркой и черномазым. Просто Руслан, а ещё лучше — Рус, — повторил я слово в слово.

— Ни фиги себе! Вот это память у тебя. Ты, кстати, вот что... если кто-то тебя станет снова щекотать или бить, или ещё чего, сразу мне говори. Я им всем морды расквашу. До конца жизни забудут, как к тебе приставать!

— Хорошо, — подумав, согласился я. Было бы и в самом деле неплохо избавиться от назойливого внимания товарищей по саду. — Я тебе скажу.

Появившись в моей жизни в тот самый день, Рус так в ней и остался.

Иногда я просто не замечал его присутствия, он, как и мама, умел оставаться

незаметным и ненавязчивым, что я очень ценил. Но он всегда и неизменно был рядом, всё с той же детской готовностью “расквасить” за меня любую “морду”.

21

ПРОШЛОЕ

Лиза, октябрь 1994 года

Вопреки Лизиним надеждам и робким ожиданиям, на осеннем балу всё сразу же пошло не так, как она себе намечтала.

Во-первых, Олег не пришёл. Точнее, в конце концов он всё-таки появился, но к тому моменту настроение Лизы уже упало до критически низкой отметки, весь свет сделался ей не мил, её не радовали ни дискотека, ни новое платье, которое действительно ей очень шло, ни комплименты мальчишек-одноклассников, ни то, как они наперебой приглашали её на “медляки”. Ей не нужны были другие, она ждала только Тошина... Даже Тимка, честно пытающийся развеселить подругу, не снискал в этом успеха — настолько равнодушной и отстранённой выглядела Лиза.

В итоге, когда она потеряла последнюю надежду, практически впала в отчаяние и уже собиралась сбежать потихоньку домой, Олег и появился в актовом зале. Правда, он был не один, а с дамой своего сердца Динкой Старцевой, но парочка выглядела так, словно они только что подрались, а потом, собравшись впопыхах, прибежали в школу. Лица обоих казались злыми и отчуждёнными: хоть Олег с Динкой и пришли вместе, но при этом не смотрели друг на друга и не держались за руки.

Лизу, признаться, данное обстоятельство только порадовало — она терпеть не могла эту целлулоидную куклу Динку с глупо вытаращенными синими глазами и золотистыми локонами, которая могла говорить только о парнях да тряпках. Лиза, конечно, ревновала и завидовала, мечтая оказаться на её месте, но ничего не могла с собой поделать. Впрочем, лицо Тошина выглядело таким расстроенным, что радость Лизы несколько померкла, а сердце болезненно сжалось. Судя по всему, они ещё не окончательно выяснили отношения, потому что, оказавшись в центре дискотеки, Олег снова примирительным жестом положил руку Динке на плечо и горячо заговорил, убеждая подругу в чём-то, чего Лиза не могла расслышать из-за расстояния и грохочущей музыки.

Старцева была не на шутку рассержена. Зло прищурившись, она выкрикнула что-то Тошину в лицо, пытаясь сбросить его руку, а когда он попробовал силой притянуть девушку к себе и обнять, вдруг размахнулась и со всей дури залепила ему пощёчину.

Как назло, именно в эту самую секунду музыка стихла, и оглушительный звон ладони, впечатавшейся в щёку, услышали, кажется, все присутствующие. Лиза невольно ахнула. Как можно было ударить Олега по лицу?! По его прекрасному, красивому, благородному лицу?! Эта Старцева совсем берегов не видит...

Олег схватился за щёку. Было видно, что он изо всех сил сдерживает себя, чтобы не ответить Динке тем же.

— Да пошла ты, — прошипел он ей в лицо. — Строишь из себя королеву... Надоело бегать за тобой, не хочешь нормально общаться — ну и хрен с тобой! Достала ты меня, Старцева, поняла?!

— А уж как ты меня достал, придурок! — истерично выкрикнула Динка.

— Только смотри, колени не обдери, когда приползёшь ко мне просить прощения, — парировал Тошин.

— Да кому ты на фиг сдался, урод?!

— А ты кому сдалась, овца кривоногая?!

— Что-о-о? — лицо Старцевой пошло красными пятнами.

— Да что слышала!..

Кое-кто из нечаянных свидетелей этой сцены не смог сдержать злорадных смешков: несмотря на модельный рост, тонкую талию и оформившуюся грудь, ноги у Динки и впрямь были немного “иксовыми”.

Не в силах вынести всю глубину своего унижения, Старцева бросилась вон из актового зала. Лиза наблюдала за этой сценой с ужасом и потрясением. К Олегу тут же подошли друзья, стали его успокаивать и хлопать по спине, а затем, приобняв за плечи, потянули куда-то за собой, подальше от любопытных глаз. Лиза и сама не отказалась бы составить им компанию — утешить Тошина ласковым словом, но, разумеется, её с собой никто не звал, и она снова упала духом.

В зал Олег вернулся где-то полчаса спустя. Лиза была уверена, что его давно уже нет в школе, поэтому сердечко её моментально взмыло от радости. От эмоциональных качелей, которые она испытывала на этом осеннем балу, голова буквально шла кругом.

Тошин выглядел успокоенным и повеселевшим — очевидно, приятели смогли его отлично взбодрить. Он сделал несколько шагов и остановился посреди зала, словно соображая, что ему дальше предпринять — потрястись с другими ребятами в ритме музыки или постоять у стеночки, дружески потрепаться с одноклассниками. В тот же момент заиграл очередной “медляк”, и это решило дело: Тошин с живым интересом огляделся по сторонам, выискивая себе подходящую партнёршу для танца.

Все девчонки затаили дыхание и внутренне подобрались, расправив плечи, выпрямив спины и выпятив грудь, втайне рассчитывая на приглашение от первого красавчика школы. Лиза же не успела толком ни помечтать, ни испугаться, ни обрадоваться, когда Олег вдруг оказался рядом с ней и подмигнул:

— Потанцуем, Лизюкова?..

Она плыла в его объятиях под завистливые взгляды одноклассниц и не верила в то, что всё происходящее с ней — реальность. Её не смущал даже явственный запах алкоголя, который она уловила. Видимо, ребята пропустили под шумок рюмашку-другую, контрабандой пронеся спиртное на школьную вечеринку...

— У тебя всё хорошо? — нерешительно спросила Лиза, практически прижавшись губами к его уху и замирая от чувства острого хрупкого счастья. Брови Тошина чуть приподнялись.

— Да, а почему ты спрашиваешь?

— Ну... вы же с Диной поссорились...

— А, это... — он махнул рукой. Уголок его рта дрогнул в презрительной усмешке. — Достала она меня, честно. Даже думать о ней больше не хочу.

— А что случилось? — набравшись наглости, спросила Лиза.

— Да ревнует меня к каждой юбке, представляешь?! Вот и сегодня застала у меня дома соседку, студентку-первокурсницу, и разоралась. А соседка правда пришла просто соли одолжить, веришь?

— Верю, — выдохнула Лиза влюблённо.

— Ну вот. А Динка не поверила. Говорит, какая такая соль, если у неё халат короткий, ничего не прикрывает, и вообще... Короче, довела, — он с досадой поморщился. — Не выношу ревнивых баб. Бесят!..

Лиза с тревогой завертела головой, проверяя, не вернулась ли Старцева в зал. Не хотелось бы становиться жертвой её болезненной ревности...

— Ты чего, Динку боишься? — догадался Олег и улыбнулся. — Да не переживай, к тебе бы она точно ревновать не стала!

Лизе стало обидно. Неужели она настолько непривлекательна?.. Поняв свою оплошность, Тошин торопливо добавил:

— Я в том смысле, что... ну, мы же с первого класса все вместе учимся. Знаем друг друга как облупленных. Она к тебе привыкла. А на самом деле... на самом деле ты просто классная! — добавил он, убедительно тараща глаза. — И очень красивая... правда.

Лиза замерла от этого неожиданного признания. Ноги у неё подкосились, и если бы Олег не держал её сейчас за талию — точно упала бы к его ногам. Так бывает? Правда? Любовь всей её жизни, Олег Тошин, только что сказал, что считает её красивой?!

Тем временем он поднял руку и коснулся Лизиного лица, очерчивая контур нежных девичьих губ.

— Ты целовалась когда-нибудь? — спросил он с любопытством. Лиза зажмурилась и отрицательно замотала головой.

— Хочешь, научу? — спросил он игриво. Лиза распахнула глаза, а затем, гордо и независимо, как ей казалось, вскинув подбородок, смело ответила:

— Хочу!

22

НАШИ ДНИ

Марина, сентябрь 2019

— Значит, так, — Лёлька окидывает меня критическим взглядом. — Сегодня тебе надо выглядеть не овцой на заклании, а победительницей по жизни, роковой красоткой и разбивательницей сердец! Все молодые люди в клубе должны умирать от желания целовать именно тебя, а не какую-то другую девушку.

Мы сидим в моей комнате, забравшись с ногами на кровать, пьём свежесваренный травяной чай и жуём бабушкино печенье; в ногах у меня раскинулся толстый и лохматый кот Веник и бесцеремонно храпит, всем своим видом демонстрируя презрение к глупым бабским разговорам.

— Может, сразу напишем мне на лбу красной помадой: “KISS ME”? — скептически интересуюсь я, слизывая с губ крошки. Лёлька задумывается.

— Красная помада... Бинго! Ты умница. Считается, что именно ярко-красный цвет вызывает у противоположного пола наибольшее влечение. Тащи косметичку, будем тебя красить!

— Да у меня и нет красной помады, наверное... — сомневаюсь я. — Предпочитаю более сдержанные оттенки.

— Никакой сдержанности! Никакой скромности! Никакого стеснения, будем красить

тебя ярко-ярко!

— Как проститутку? — ехидно уточняю я.

— Как свободную, красивую, счастливую девушку, у которой вся жизнь впереди! Ты не просто идёшь в клуб — ты идёшь в клуб целоваться и отрываться!

— Девочки, — в дверь комнаты деликатно стучится бабуля, — ужин скоро будет готов. Вы сейчас покушаете или подождёте, когда Маринушкины родители с работы вернуться, и тогда уж все вместе сядем за стол?

Лёлька отрицательно мотает головой:

— Спасибо, Евдокия Тимофеевна, но мы с Мариной сегодня идём на вечеринку, так что ужинать не будем.

— Не будете?! — ахает бабушка.

— Не будем?! — эхом возмущаюсь и я.

— Что, любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда? — поддевает меня подруга. — Ты должна быть лёгким, порхающим мотыльком, а не беременной бегемотихой! — затем она поворачивается к бабушке и поясняет:

— Знаю я вас, Евдокия Тимофеевна, у вас же всегда и первое, и второе, и компот... Подумайте сами, неужели Наташа Ростова нажиралась до отвала перед своим первым балом?

— Ну, если уж Наташа Ростова... — бабушка понимающе улыбается и возвращается в своё кухонное царство. Веник, встрепенувшись, соскакивает с кровати и следует за ней — кто-кто, а он не намерен игнорировать заветное слово “ужин”.

Едва мы выходим из дома и садимся в заранее вызванное такси, оживает мой телефон.

— Карик активизировался, — говорю я дрогнувшим голосом, наблюдая за именем, высветившимся на экране.

— Сбрасывай, — решительно командует Лёлька. Я подчиняюсь, потому что совершенно не готова сейчас с ним разговаривать и вообще не знаю, что могу ему сказать.

Карик набирает мой номер снова, я опять прерываю звонок и трусливо спрашиваю у подруги:

— А может, сразу отправить его в чёрный список? Боюсь, долго подобную осаду я не выдержу, а этот мастер... болтать языком может снова меня задобрить.

— Лучше переименуй контакт в телефоне: “Тот, перед кем я раздвигаю ноги по первому свистку”, — невозмутимо советует Лёлька, напоминая о моём недавнем унижении. Таксист с любопытством косится в мою сторону. — Взглянешь — и охоту отвечать отобьёт напрочь!

— Идея неплохая, но, боюсь, это слишком длинно.

Карик опять звонит. Сердце моё начинает стучать всё быстрее. Нет, конечно, я не простила его, но...

— Лучше ответь и пошли его прямым текстом, — снова распоряжается Лёлька. — А то он так весь вечер нам испортит!

— И что мне ему говорить? — пугаюсь я.

— Скажи, что он кобель, подлец, скотина и импотент.

— Но он далеко не импотент!.. — вскидываюсь я. Таксист всё живее интересуется нашей беседой и следит за дорогой уже вполглаза.

— Неважно. Главное, скажи. Это ударит его в самое сердце!

Я дрожащими пальцами принимаю вызов.

— Алло...

— Маришка, привет, — раздаётся в трубке знакомый, с бархатными интонациями, голос. — Всё ещё дуешься?

— Я не дуюсь.

— Ну я же слышу! Обиделась, да? Перестань, пожалуйста. Ты погорячилась, я погорячился...

— Нет, это я погорячилась год назад, когда отдалась тебе прямо во время ночного эфира! — с досадой говорю я. Краем глаза ловлю выражение лица таксиста — ему сейчас только ведёрка попкорна не хватает.

— Злючка моя...

Я слышу по голосу, что он улыбается, и действительно злюсь сейчас — но не на Карика, а на саму себя, потому что предательски таю и “плыву” от его интонаций. Тембр его голоса всегда действует на меня самым волшебным образом — я покрываюсь мурашками и ничегошеньки не соображаю, поскольку мозги превращаются в вату.

— Ну прости, прости, Мариш. Я правда виноват.

— Что с тобой, Карик? — взяв себя в руки, кротко интересуюсь я. — Не с кем сегодняшнюю ночь провести? Ну так ты не тушуйся, время ещё есть, сколько там молодых мамочек в роддоме держат? Дней пять? Может, ещё повезёт и найдёшь себе кого-нибудь до выписки...

— Зачем ты так цинично? — голос меняется с обольстительного на невинно оскорблённый — ох, и мастер же Карик играть интонациями! — Я же попросил у тебя прощения.

— Прощения, мой милый, надо просить не у меня, а у своей жены, — наставительно говорю я. — Вот перед кем ты действительно виноват. И вообще, не заставляй её нервничать, а то молоко пропадёт, — добавляю внушительно и наконец отключаю телефон. Мне больше нечего сказать Карику... зато есть что — не в меру любопытному таксисту, и все слова эти близки к непечатным.

— Смотрите на дорогу! — рявкаю я с экспрессией и пылом базарной бабки, что, в общем-то, мне совершенно не свойственно.

— Не вздумай реветь! — быстро говорит Лёлька, внимательно следя за моей мимикой и, видимо, отметив дрожащие губы. — Макияж потечёт. Всё прошло отлично, ты держалась молодцом! А сейчас — выше нос, мы идём в отрыв!

23

У входа в клуб очередь: работает фейс-контроль, на поцелуйную вечеринку пропускают лишь тех, кому уже исполнилось восемнадцать.

— Можно подумать, тут не целоваться будут, а устроят групповушку, — беззлобно ворчит Лёлька и лезет в сумочку за паспортом.

Внутри, наоборот, пока ещё не слишком многолюдно. Лёлька, быстро оглядевшись по сторонам, тянет меня за собой к барной стойке, заявив, что это лучшая наблюдательная позиция.

Происходящее мало тянет на содом и гоморру. Несколько человек двигается на танцполе под “Kiss It Better” Рианны, кое-где слышны громкие утрированные чмоки (“муа-а-а! муа-а-а! муа-а-а!”), но лишь две-три влюблённые парочки целуются вызывающе страстно и откровенно, причём неясно — пришли они в клуб вместе или познакомились только что.

Остальные ведут себя достаточно сдержанно.

Объявление в баре гласит, что до полуночи шампанское для дам — бесплатно, а порция любого виски для джентльменов обойдётся им всего в сто рублей. Некоторые “джентльмены” так торопятся сэкономить до двенадцати часов, что уже не вяжут лыка и мало интересуются, собственно, тематикой вечеринки.

— Ну что, по шампусику для начала? — интересуется Лёлька. — Что-то ты как-то скисла, подруга, необходимо тебя взбодрить...

Пока я раздумываю, бармен ставит перед нами два коктейля.

— Подарок от заведения, — подмигивает он мне. — Клубничная “Маргарита” — такая же яркая, как ваши губы!

Мы благодарим, а Лёлька незаметно кидает на меня торжествующий взгляд, в котором ясно читается: “Я же говорила, что красная помада сработает!”

Незаметно кошусь на бармена — а он очень даже ничего, милый... интересно, можно ли целоваться с барменами в рамках вечеринки? Или с персоналом запрещено?

Мы потягиваем свои коктейли и продолжаем лениво наблюдать за остальными посетителями. Наконец Лёлька делает охотничью стойку и, дёрнув меня за рукав, указывает подбородком в сторону группки молодых людей, расположившихся за столиком неподалёку.

— Смотри, какие красавчики!

Я приглядываюсь к парням. Действительно, все очень симпатичные, как на подбор, но...

— Заметь — среди них нет ни одной девушки! Тебе не кажется это подозрительным? — спрашиваю у подруги.

— Думаешь, они того... каждый охотник желает знать, где сидит фазан?* — огорчённо отзывается Лёлька.

— Да чёрт их знает. Если геи, то, во всяком случае, никак это не афишируют. Может, специально пришли в клуб холостяцкой компанией, чтобы найти себе девочек на ночь?

Один из компании — чернявенький, темноглазый — явно солирует сегодняшним вечером: он в центре внимания, а все остальные внимают его шуткам, чокаются с ним кружками пива и весело хохочут. Парни как парни... вряд ли студенты, выглядят чуть постарше, хотя кто их разберёт... Мой взгляд перемещается с одного лица на другое и останавливается на одном парне. Он единственный как-то выбивается из компании. Не могу сказать, что конкретно с ним не так, он просто сидит с отстранённо-задумчивым видом и, кажется, вообще не интересуется тем, что происходит вокруг, однако чернявенький время от времени предпринимает попытки втянуть его в общий разговор, и отстранённый даже что-то отвечает. Стесняется, что ли?..

Вскоре к компании подплывает официантка, грациозно покачивая бёдрами, и ставит на стол небольшой круглый торт. В этот самый момент диджей оглушительно врубает “хэппи бёздей ту ю”, все дружно хлопают и что-то орут, а потом чёрненький, поднявшись, смачно целует официантку в губы. Поначалу та слегка трепыхается для приличия, притворяясь, что протестует, но когда молодой человек отстраняется, она лишь довольно улыбается и блестит глазами.

— У этого симпатяги день рождения, — мечтательно говорит Лёлька. — И он явно не гей! Видела, как официантку засосал?! Я просто обязана поцеловать его сегодня!

Аниматоры в клубе стараются всюю: для разогрева объявлен мастер-класс поцелуев, на

который приглашаются все желающие.

— Не хочешь поучаствовать? — спрашиваю я подругу, но Лёлька лишь снисходительно фыркает:

— Да я сама кому хочешь дам мастер-класс по этому делу!

Несколько раз к нам подкатывают мужчины с просьбами о поцелуе, но никто не впечатляет нас с Лёлькой настолько, чтобы позволить целовать себя в губы, так что мы милостиво соглашаемся лишь на дружеский чмок в щёку. Лёлька не сводит глаз с того стола, где празднуют день рождения, и пожирает чернявого взглядом.

— Да иди уже, познакомься с ним! — шутливо подталкиваю её локтем. — А то ведь уведут...

В этот миг, как по заказу, объявляют конкурс поцелуев, обещая подарки от клуба.

— Самый страстный поцелуй! Самый долгий поцелуй! Самый нежный поцелуй! И, наконец, самый невинный поцелуй! Не стесняйтесь, дамы! Приглашайте кавалеров!

— Это мой шанс, — заявляет Лёлька, спрыгивая с высокого барного табурета. — Вот пойду сейчас и предложу ему поучаствовать в конкурсе на самый страстный поцелуй!

— У тебя всё получится, — подбадриваю я её. — Ни пуха ни пера! Буду болеть за тебя изо всех сил!

— Ну, я пошла, — одёрнув платье, решительно произносит Лёлька, устремляясь к заветному столику. Мысленно снова желаю ей удачи.

В это время у меня в сумочке начинает вибрировать телефон. Я с опаской проверяю, кто звонит. Так и есть — Карик! Это навязчивое внимание уже раздражает, честное слово...

— Чего тебе? — не слишком-то вежливо рывкаю я в трубку.

— Мариш, ну пожалуйста... — теперь его голос полон мольбы и страданий. — Мне очень плохо и одиноко сейчас. Ты нужна мне...

— Что ты говоришь? Не слышу, — беззастенчиво вру я.

— А где ты? — настораживается он. — Что это за музыка играет?

— Ничего не слышу, — продолжаю я блефовать, — я в клубе сейчас, не могу с тобой разговаривать.

— В каком клубе? Где? — быстро переспрашивает он. — Хочешь, я сейчас подъеду?..

О, нет... только не это!

— Подожди секунду, я выйду в фойе, — громко говорю я, собираясь отбрызнуть его окончательно и бесповоротно, и быстрыми шагами двигаюсь к выходу.

Однако в дверях случается конфуз — я так тороплюсь, что сталкиваюсь с молодым человеком, который как раз пытается войти внутрь, и от неожиданности роняю свой телефон. Мобильник шмякается об пол и разлетается буквально на куски: аккумулятор в одну сторону, верхняя панель в другую, нижняя — в третью, симка — в четвёртую... Я громко ахаю и, хотя сама виновата в этом неприятном столкновении, машинально кидаю на парня разгневанный взгляд.

То, что я вижу, заставляет меня на несколько мгновений забыть даже о телефоне.

Это тот самый “скромник” из шумной компании друзей, который привлёк моё внимание своим странноватым поведением. Я мимоходом успеваю отметить необычные глаза — светло-голубые, но с чётким тёмным ободком вокруг радужки. Сейчас эти глаза расширены от ужаса, будто он увидел привидение. Поймав мой взгляд, он тут же отворачивается, тяжело дышит и начинает пятиться, словно боится, что я сделаю ему что-то плохое.

Господи, да он растерян и напуган до паники!..

**Поговорка для запоминания порядка цветов радуги (первая буква в слове совпадает с первой буквой в названии цвета: каждый — красный, охотник — оранжевый, желает — жёлтый, знает — зелёный, где — голубой, сидит — синий, фазан — фиолетовый). Радужный флаг — символ ЛГБТ-сообщества.*

24

Молодой человек продолжает отступать, по-прежнему не глядя на меня, пока не упирается спиной в стену, после чего вздрагивает всем телом и начинает затравленно озираться. Его пальцы цепляются за пуговицы на собственной рубашке и принимаются лихорадочно дёргать за них. Вот уже одна вырвана с корнем, вторая... Пребывая в полнейшем офигевании от происходящего, я делаю робкий шаг в его сторону.

— Простите, вам плохо? Я могу чем-то помочь?..

Когда он понимает, что расстояние между нами сократилось, то начинает ещё больше паниковать, растерянно взмахивая руками, точно ища, за что можно ухватиться, а затем, словно пытаюсь спрятаться от меня, отчаянно зажмуривается и зажимает уши ладонями.

Я повышаю голос, пытаюсь до него достучаться, касаюсь его руки.

— Успокойтесь же! Что с вами? Может, вам нужен врач?

Едва я дотрагиваюсь до парня, он дёргается, как будто у меня вместо пальцев — раскалённое железо. Пытаюсь отодвинуться, он ударяется затылком о стену, и я понимаю, что сейчас, чёрт возьми, он себя просто покалечит! Надо немедленно это как-то остановить...

— Отойдите от него! — раздаётся у меня за спиной. — Отойдите немедленно, оставьте его в покое!

Не сразу соображаю, что это обращено ко мне, затем оборачиваюсь и вижу разгневанное лицо того самого чернявенького именинника, на которого открыла охоту Лёлька. Не успеваю я вспомнить о подруге, как тут же вижу и её — она материализуется словно из воздуха.

— Пошла вон, я сказал! — гаркает чернявый, делая мне страшные глаза, потому что я по-прежнему стою на месте и растерянно хлопаю ресницами. Всё происходящее напоминает какой-то сюр, бред, сцену из дурного фильма...

— А чего ты орёшь на мою подругу, совсем оборзел? — моментально вскипает Лёлька и, судя по её воинственному виду, намеревается огреть чернявого своей сумочкой по башке.

— Господи, уйдите все отсюда, а?! Не видите — человеку плохо, вы его пугаете! — с досадой стонет он. До меня наконец доходит.

— Лёль, подожди, — останавливаю я подругу, которая решительно рвётся в бой. — Он хотя бы в курсе, что сейчас происходит... в отличие от нас с тобой.

Не прикасаясь к своему другу и не вторгаясь в его личное пространство, молодой человек ровным и размеренным голосом повторяет:

— Илья, всё в порядке. Всё в порядке. Всё в порядке. Ты в безопасности. Всё хорошо. Всё хорошо, брат.

Парень всё ещё взволнованно и тяжело дышит, мотая головой в немом протесте, но уже, слава богу, не выглядит так, словно вот-вот начнёт визжать и кататься по земле в

истерическом припадке.

Я в шоке от того, что вижу. Это что, какое-то психическое заболевание? Как этого человека вообще пропустили в клуб наравне со здоровыми людьми? А если он опасен для окружающих?!

Тем временем этот ненормальный медленно сползает по стеночке на пол и остаётся сидеть на корточках. Друг стоит в паре шагов от него, не уменьшая дистанции, но продолжая спокойно и негромко твердить:

— Всё хорошо. Всё в порядке, — до тех пор, пока тот постепенно не приходит в себя, успокаиваясь.

— Пойдём, — я дёргаю Лёльку за рукав. — Мы им только мешаем.

Мне очень неуютно и хочется поскорее убраться отсюда. Я чувствую себя ответственной и виноватой за всё, что только что здесь произошло. Наверное, надо бы извиниться перед молодым человеком, которого я (нечаянно, ну честное слово, не специально же!) так сильно напугала, но мне хочется забыть это как страшный сон. И вообще, срочно надо выпить!

Я наклоняюсь, собираю с пола куски рассыпавшегося телефона и дёргаю Лёльку за руку. Та с неохотой отлипает взглядом от чернявенького, и мы возвращаемся к бару. Честно говоря, лучше бы, наверное, и вовсе поехать домой, но... обидно, мы ведь не так давно пришли, из-за какого-то глупого инцидента пропускать самое интересное? Вечеринка только начинается.

— Ну, и что это было? — спрашивает меня подруга, когда мы вновь оказываемся за барной стойкой и получаем законную порцию халявного шампанского. Я развожу руками и начинаю нервно хихикать.

— Да понятия не имею! Позвонил Руденский, тут слишком громко играла музыка и я вышла в фойе поговорить, но столкнулась в дверях с этим... психическим. Разбила телефон к чертям собачьим, — я обиженно шмыгаю носом, вновь и вновь пытаюсь воскресить покалеченный мобильник, но он упорно отказывается включаться, демонстрируя мне безжизненный чёрный экран.

— Аллилуйя! — ликует Лёлька. — Вот хотя бы за это спасибо “психическому” — избавил тебя от общения с Кариком!

— Разве что это... — ворчу я. — А ты-то как там оказалась? Я думала, ты всю окучиваешь своего брюнетика в конкурсе на страстный поцелуй...

— Если бы! — разочарованно фыркает Лёлька. — Только я собралась его пригласить, даже пару приветственных фраз сказала, как он вдруг сорвался с места и помчался к выходу. Ну, я потопталась там у стола, как дура, и решила выйти в фойе за ним, из любопытства, что его так взволновало... выхожу — а там картина маслом с тобой и припадочным в главных ролях. И брюнетик на подхвате — орёт тебе что-то оскорбительное. Вот я и не выдержала...

— Девчонки, простите, — раздаётся рядом знакомый голос. Мы с Лёлькой синхронно вздрагиваем и оборачиваемся: так и есть! Это он, чернявый! Стоит, немного смущённо переминаясь с ноги на ногу, и сконфуженно произносит:

— Мы вас, кажется, немного напугали...

— Да нет, это мы вас напугали, — сварливо возражает Лёлька. Брюнет обезоруживающе улыбается. Улыбка у него потрясающая — я буквально физически ощущаю, как Лёлька начинает плавиться от восторга.

— Илюху немудрено напугать, — говорит молодой человек. — Он впадает в панику от любой мало-мальской неожиданности. Я сглупил, отпустив его одного: думал, что уж дорогу до туалета и обратно он сам преодолет без приключений, а вот видите, что в итоге получилось... Я сгоряча тоже, кажется, сболтнул лишнего. Мне так жаль, — он прикладывает руку к груди в извиняющемся жесте. Виновата я, а прощения просит он! Чувствую себя последней сволочью.

— Мне очень неловко, что так вышло, — я опускаю глаза.

— Вы тут ни при чём, — великодушно заверяет он. — Вы же не могли предвидеть, что Илья так отреагирует. К тому же по незнанию вы делали всё то, что делать категорически нельзя: повысили голос, трогали его, подошли слишком близко, нарушив личное пространство... Это всё лишает его душевного равновесия.

— А что с ним? — робко интересуюсь я.

— Синдром Аспергера.

— Аутизм? — понимающе уточняет Лёлька.

— М-м-м, не совсем. Иногда, впрочем, этот синдром действительно называют лёгкой формой аутизма...

— Это называется — “лёгкая”? — я скептически фыркаю.

— Илья ужасно расстроен тем, что всё так произошло. Он искренне просит у вас прощения и говорит, что вовсе не хотел вас пугать.

— А он умеет разговаривать? — вырывается у Лёльки прежде, чем она соображает, насколько бестактно это звучит. Чернявый не обижается, даже смеётся.

— О, ещё как! Он вообще умный малый. Просто не всегда адекватно реагирует на то, что его тревожит.

— Ладно, проехали, — миролюбиво говорю я. — Передайте ему и мои извинения.

— А пойдёмте за наш стол? — предлагает вдруг он, косясь на Лёльку.

— Неудобно как-то... — кокетничает подруга.

— Очень даже удобно. У меня сегодня день рождения. Неужели вы не исполните желание именинника? — он лукаво подмигивает.

— Пойдём, Марин? — Лёлька умоляюще смотрит на меня. Я не очень-то горю желанием снова встречаться с тем неадекватным типом, но... на кону подружкино счастье. Так уж и быть, потерплю немного. А к этому самому Илье я не подойду ближе чем на два метра, и ни слова ему больше не скажу!

25

НАШИ ДНИ

Илья, сентябрь 2019

Я постепенно прихожу в себя после срыва. Рус отводит меня в угол фойе, усаживает на первый подвернувшийся стул и, загородив спиной от посторонних взглядов, даёт возможность побыть несколько минут в тишине и покое, чтобы я окончательно расслабился.

— Ну, как ты? — спрашивает он наконец, нарушая молчание.

— Всё нормально уже.

— Точно?

— Точно. Голова только немного болит, но у меня есть таблетки. А в целом хорошо.

С возрастом мне стало легче сохранять самообладание и сдерживать себя по мелочам, однако это чревато вот такими вспышками: тревожность и беспокойство накапливаются, растут в течение дня и потом просто “взрываются” в моей голове.

В детстве было проще. Когда у меня случалась очередная сенсорно-эмоциональная перегрузка, я мог упасть на пол, закричать, заплакать, пошвыряться предметами — и меня довольно быстро отпускало. Однако мама постоянно напоминала мне, что нужно уметь сдерживаться, что окружающие просто не поймут такого поведения и оценят это как банальную истерику избалованного капризного ребёнка, не догадываясь о том, как плохо этому ребёнку в данный момент.

Теперь я могу и потерпеть. Немного. Но, к сожалению, отсрочить мелтдаун возможно, а вот совсем предотвратить и отменить — нет, рано или поздно тебя всё равно “накроет”. Так что всё, что я могу — это просто уменьшить вред от этих приступов.

Когда со мной случаются срывы, я абсолютно неспособен себя контролировать. Вообще плохо понимаю и помню, что происходит в эти моменты, только в общих чертах: давление в голове (кажется, что она вот-вот лопнет), дрожь в руках и ногах, гнев, паника, учащённое сердцебиение, нехватка кислорода, глаза застилает серая пелена... Не самые приятные ощущения.

Наверное, если бы не утренняя встреча с соседкой и её собакой, я смог бы избежать сегодняшнего мелтдауна. Столкновение с девушкой стало тем, что меня “добило”.

Мы возвращаемся за стол, Рус тут же протягивает мне пиво — оно обычно помогает расслабиться и вести себя свободнее. Но крепкий алкоголь, тем более в больших количествах, мне противопоказан: организм протестует, чувствую я себя затем очень плохо, могу несколько дней лежать пластом.

— Между прочим, — говорит друг, кивая куда-то в сторону, — девчонки тоже дико перепугались.

— Какие девчонки?

— Ну, та, что с тобой столкнулась, и её подружка.

— Там была ещё и подружка?

— Ага. Забавная такая, боевая. Чуть не покусала меня.

Я молчу, отхлёбывая пиво.

— Наверное, неплохо было бы извиниться? — произносит Рус с нажимом. Он явно намекает на что-то, но я не могу уловить его мысль.

— Кому извиниться?

— Тебе, балбес! Надо попросить прощения.

— За что?

— Ну, в целом... за то, что заставил девушку волноваться.

— Это она сбила меня с ног, — напоминаю я. — Мне не за что просить прощения.

— Господи, какой ты трудный... Ну, так положено, понимаешь? Хочешь, я сам подойду к ним и скажу, что ты раскаиваешься и сожалеешь?

— Но, Рус, я не раскаиваюсь и не сожалею.

Друг громко стонет.

— Ну ладно, ладно... мне просто понравилась одна из них. Нужен повод, чтобы подкатить, понимаешь? Ничего другого, кроме извинений, в голову не лезет.

Я молчу.

— Слушай, а можно, я позову их к нам за стол? — интересуется Рус.

— Если не будешь заставлять меня с ними общаться, то мне всё равно, — отвечаю я.

— Нет-нет, ни в коем случае! Я и посажу их подальше, чтобы они тебя не нервировали... если они, конечно, вообще согласятся, — добавляет он.

Они соглашаются. Внимание Руса и его друзей полностью переключается на девушек, и меня наконец-то все оставляют в покое, чему я очень рад — могу теперь спокойно поесть, выпить, проверить рабочую переписку в телефоне и ответить на срочные мейлы. К сожалению, беруши я забыл дома, поэтому невозможно полностью абстрагироваться от музыки и громких разговоров за столом. Девушки, похоже, не так уж и напуганы, как описал мне Рус — они весело хохочут и трещат без умолку.

Я отвлекаюсь на свои дела и в какой-то момент, услышав *этот голос*, даже не сразу соображаю, что он звучит в реальности, а не в эфире “Молодёжки FM”. Отвожу взгляд от телефона и прислушиваюсь внимательнее. Может быть, показалось?.. Но нет, это хорошо мне знакомый, узнаваемый голос с характерными интонациями, которые я отлично знаю и помню.

Ищу глазами девушку, несколько секунд молча разглядываю её. Вероятно, это та самая, что столкнулась со мной в дверях, хотя и не уверен на сто процентов. Честно говоря, лица её я совсем не помню. А может быть, там была не она, а её подруга? Но это неважно сейчас. Главное — она продолжает что-то говорить, и я отбрасываю последние сомнения, убеждаясь в том, что не ошибся.

Прежде чем я успеваю сообразить, что собираюсь ей сказать, у меня уже вырывается:

— Мариша?..

26

ПРОШЛОЕ

Лиза, октябрь 1994

Целоваться Олег учил её под прокуренной школьной лестницей.

Сравнивать Лизе было не с чем, точнее не с кем, но ей понравилось. Да и могло ли быть иначе? Когда тебя целует тот, кто снится тебе ночами, от звука голоса которого ты впадаешь в эйфорию и чей взгляд постоянно пытаешься поймать исподтишка?.. Даже явственный алкогольно-сигаретный привкус не мог испортить сладости первых Лизиних поцелуев. Поначалу она просто подчинялась Тошину, послушно позволяя ему делать с её губами всё, что он захочет, а затем мало-помалу расхрабрилась и стала застенчиво отвечать.

— Ты... способная ученица, Лизюкова, — выдохнул Олег, отстраняясь и тяжело дыша. — Но надо ещё немного... самую капельку... раскрепоститься. Ты всё ещё слишком зажата.

Лиза опустила голову. Раскрепоститься? Каким образом?..

— Тебе нужно выпить! — пояснил Тошин, легко считывая выражение растерянности с её лица.

— Но я не пью, — робко возразила она. Лиза действительно была равнодушна к алкоголю. Даже шампанское, которое ей впервые было позволено попробовать на семейном новогоднем застолье, не оставило никаких приятных воспоминаний, вызвав лишь

головокружение, сонливость и последующую лёгкую тошноту. Уж лучше лимонада налить в фужер, ей-богу: так же пузырится и покалывает язык, а удовольствия в разы больше.

— Как? Совсем-совсем не пьёшь? — весело удивился он. — Это надо немедленно исправить... Стыдно, Лизюкова, в выпускном классе учишься, а не в детский сад ходишь!

Лиза понимала, что он шутит, и в то же время ей хотелось заслужить его одобрение. Хотелось быть для него взрослой, искушённой и опытной.

— А как это можно исправить? — спросила она с готовностью.

— О, вот это другой разговор! Это по-нашему, — оживился он и, заговорщически приложив палец к губам, схватил одноклассницу за руку и потащил за собой куда-то в сторону спортзала.

— У нас здесь с пацанами заначка, что-то вроде подпольного бара, — пояснил он, останавливаясь перед дверью подсобки, в которой хранились старые пыльные маты, деревянные лыжи и футбольные мячи.

— Так закрыто же, — озадаченно произнесла Лиза, но Тошин, лишь посмеиваясь над её замешательством и наивностью, достал из кармана связку ключей и позвенел ими перед её носом.

— У меня всё схвачено!..

Между матами была надёжно упрятана бутылка какого-то подозрительного пойла.

В то время алкоголем торговали все кому не лень — от круглосуточных ларьков до бабулек возле метро, и отпускали его так же всем без исключения, не требуя паспорт. Спиртное можно было продать даже семилетнему ребёнку, и зачастую оно было откровенно “палёным”: ни о каких разрешениях, сертификатах и акцизных марках и речи не шло. Это было жуткое время экспериментов — намешивали в бутылки всё подряд, наклеивали любые этикетки и продавали под видом алкоголя всё, что угодно, включая разбавленный технический спирт и стеклоочистительную жидкость*.

— Извини, Лизюкова, никакого закусона нет, — Олег виновато развёл руками. — Но эта водка со вкусом дыни. Пить будет легче! Вообще, девчонкам обычно нравится. Практически коктейль!

С сомнением разглядывая бутылку и стараясь не заострять внимание на упомянутых им вскользь “девчонках”, Лиза нерешительно уточнила:

— А как же её пить? Прямо из горла, что ли?

— Обижает... у нас и стаканчик имеется! — он ловко выудил откуда-то захватанный гранёный стакан. Представив на миг, сколько народу успело приложиться к этому “стаканчику” до неё (и разумеется, никто его потом не помыл!), Лиза почувствовала дурноту, но Тошин уже налил туда небольшую порцию и протянул ей со словами:

— Давай пей, не раздумывая! Тяпни одним махом, не тяни, тут ничего сложного!

И Лиза “тяпнула”.

Ей очень быстро, практически моментально, сделалось нехорошо. Сначала побежали стены и поехал потолок, затем к горлу стала подкатывать тошнота, а в висках заломило от боли. Голос Тошина доносился до Лизы как сквозь вату, но ей было так плохо, что она даже из вежливости перестала вслушиваться в то, что он говорит. Ей хотелось только одного: чтобы её оставили в покое, чтобы просто дали возможность тихонько полежать...

Олег, кажется, угадал её желание — она почувствовала, как он бережно обхватывает её

за плечи и укладывает на пропылившиеся насквозь маты. Лиза хотела поблагодарить его, но губы не слушались. Глаза закрывались сами собой, под веками плясали снопы разноцветных искр, настоящие фейерверки. Дышать становилось всё труднее, а тут ещё она почувствовала, как горячие и требовательные губы Тошина вновь приникли к её сомкнутым губам.

— М-м-м, — Лиза сдавленно застонала, протестуя и пытаясь отвернуться. Совсем-совсем не хотелось больше целоваться, ей сейчас банально не хватало воздуха, она мечтала остаться одна!

— Ну, тише, тише... — невнятно шептал Олег, зачем-то расстёгивая молнию на её платье. — Всё хорошо будет.

— М-м-м... — у неё даже не было сил возражать. Она вообще плохо отдавала себе отчёт в том, что сейчас происходит. Тошин зачем-то приспустил платье с её плеч, начал гладить и снова целовать — не только губы, а везде, везде... Зачем он это делает, шумело у неё в голове, чего он хочет от неё сейчас?! Неужели же он сам не видит, как ей паршиво?

— Тебе понравится, — раздалось у неё над самым ухом. — Обещаю, — и Лиза почувствовала, как, приподняв её бёдра, Олег стаскивает с неё колготки вместе с трусиками.

**Автор категорически порицает употребление алкоголя несовершеннолетними и не оправдывает поступок героини!*

27

НАШИ ДНИ

Марина, сентябрь 2019

— Мариша?..

На фоне оживлённых голосов и музыки внезапное восклицание воспринимается неожиданно громко. Я вздрагиваю и оборачиваюсь на зов.

Этот странный Илья сидит, уставившись куда-то мне за спину, по-прежнему упорно избегая прямого контакта глазами. Но я почему-то уверена, что по имени меня позвал именно он, хотя совершенно не помню, как звучит его голос. Да говорил ли он в принципе хоть что-нибудь в моём присутствии?.. Не уверена.

— Простите, это вы мне? — на всякий случай уточняю я.

— Если вас зовут Мариша, то, очевидно, вам.

Голос у Ильи так же необычен, как и он сам — словно начисто лишён эмоциональной окраски, ровный и бесстрастный. При этом тембр очень приятный, “мужской”, низкий и тёплый.

— Вообще-то, я Марина, но... постойте, — осеняет вдруг меня, — вы, вероятно, имеете в виду мою программу на радио?

— Не понял, — подаёт голос чернявенький (кстати, его зовут Руслан, или попросту Рус). — Илюха, ты что, знаком с Мариной?

— Да нет же, мы впервые сегодня встретились, — отвечаю я вместо Ильи.

— Так значит, это ваш голос звучит в той программе! — говорит тот, обращаясь ко мне и игнорируя вопрос Руса. — Я очень рад.

Тон его при этом остаётся абсолютно спокойным, безэмоциональным, и Илья всё так

же не смотрит на меня, но... чёрт возьми, почему-то я ему верю. Верю в то, что он действительно рад. Как-то *по-своему*.

Лёлька берёт инициативу в свои руки и весело объявляет на всё застолье:

— Да, друзья-товарищи, если кто не знал, моя подруга — звезда радиоэфира! Прошу любить и жаловать.

Раздаются шуточные аплодисменты, друзья Руса поглядывают на меня с интересом. Смущаюсь и поправляю выбившуюся из причёски прядь волос. На самом деле, я не люблю, когда Лёлька начинает прилюдно превозносить до небес мои заслуги, тем самым вгоняя меня в краску. Я вовсе не собиралась становиться сейчас центром внимания... Но меня уже начинают забрасывать вопросами о характере и специфике работы на радио, приходится вежливо улыбаться и отвечать.

Краем глаза ловлю *взгляд* — вот сейчас, когда Илья думает, что я не смотрю, он внимательно изучает моё лицо. Чуть поворачиваюсь в его сторону... но он тут же опускает голову, снова избегая встречаться со мной глазами. Чувствую себя школьницей, которая играет в “гляделки” с симпатичным одноклассником — мне так же неловко, чуточку стыдно и... приятно?..

Прислушиваюсь к своим ощущениям. Да, однозначно приятно.

Снова смотрю на Илью — он по-прежнему сидит с опущенной головой, в пальцах его мелькает какой-то предмет, который он быстро и неожиданно ловко вращает — явно делает это не в первый раз. До меня доходит: он пытается успокоиться таким способом. Видимо, встреча со мной что-то для него значит...

Мне становится жутко любопытно.

— Илья! — окликаю я его несмело.

Он чуть вздрагивает, опускает голову ещё ниже, но тем не менее отвечает:

— Да.

— Можно мне пересесть к вам поближе? Поговорим...

Вот теперь я вижу, что он взволнован. Не напуган и не раздражён — а просто взволнован. Мне становится всё интереснее.

Рус многозначительно тянет: “О-о-о...”. Мне хочется попросить его заткнуться и не опешить ситуацию. Я действительно планирую просто пообщаться с Ильёй, никаких таких “о-о-о”.

— Мы вам не мешаем, ребята? — подливает масла в огонь и Лёлька, и я втихомолку делаю подруге страшные глаза. Вот зачем она всё портит? Что за идиотские шуточки уровня детского сада? Ведь понятно же, что этого чудака можно смутить и испугать одним неосторожным взглядом или жестом...

— Нет, не мешаете, — раздаётся спокойный голос Ильи. — Мариша, вы можете подвинуть сюда свой стул, только, пожалуйста, не слишком близко.

Конечно же, моё перемещение сопровождается дебильными смешками, ухмылочками и подколками со стороны друзей Руса. Господи, и это — взрослые люди?!

Минут десять мы просто бестолково сидим, пытаюсь перебороть смущение, и молчим, исподтишка изучая друг друга. Мои руки смирно лежат на коленях, как у первоклассницы, а его, напротив, находятся в непрерывном движении. Наконец-то я разглядела, что Илья вертит в пальцах — это всего-навсего спиннер. Руки у него, кстати, очень красивые, отмечаю я. Нервные, чувствительные... так могли бы выглядеть руки пианиста. Да и сам

Илья вполне ничего, несмотря на все его *странности*. Отрешённое лицо и устремлённый “в себя” взгляд придают его облику этакий ореол загадочности и налёт романтизма.

— Может быть, перейдём на “ты”? — неловко кашлянув, спрашиваю я наконец, надо ведь с чего-то начинать. Илья же, производящий стойкое впечатление молчуна и нелюдима, к моему удивлению вдруг раздражается длиннющей тирадой:

— Хорошо. Так правда лучше. У нас на работе все обращаются друг к другу на “ты”, и подчинённые, и руководство. Это корпоративное правило. Мне это нравится. На самом деле очень трудно понять, кому говорить “ты”, а кому “вы”. Всё так нелогично, я всё время путаюсь. На всякий случай я всем незнакомым людям говорю “вы”. И детям тоже. Но это глупо. Я чувствую себя очень неловко, когда приходится говорить “вы” ребёнку.

Я несколько секунд лишь ошеломлённо хлопаю глазами, переваривая полученную информацию. Не знаю даже, что больше всего меня поражает: внезапная разговорчивость Ильи или тот факт, что он, оказывается, трудоустроен.

— А где ты работаешь? — спрашиваю я. — Кем?

— В “Google Россия”. Программистом.

Очередной шок и заодно щелчок по носу. Получай, Марина! А ты-то уже решила, что он дурачок?!

Чтобы скрыть замешательство, я хватаюсь за мобильник, как Илья — за свой спасительный спиннер. В очередной раз пытаюсь оживить пострадавший телефон, но, к сожалению, безрезультатно. Завтра придётся ехать в сервис-центр, надеюсь, что аппарат подлежит ремонту...

— Дай посмотреть.

— Что? — я не сразу понимаю, что только что сказал Илья.

— Телефон дай посмотреть, — повторяет он. Несколько секунд сомневаюсь, а затем протягиваю ему свой андроид.

— Экран вроде цел, — растерянно говорю я, — не пойму, в чём проблема... не включается — и всё тут. Упал, потерял сознание, очнулся — гипс*, — добавляю я, пытаюсь неуклюже шутить, но, похоже, Илья не понимает моего юмора.

Он начинает спокойно и уверенно разбирать страдальца на части, складывая их перед собой на стол. Я мысленно прощаюсь со своим милым телефончиком навсегда...

— Экран может быть цел, — мимоходом замечает Илья, — но это не гарантия того, что внутренние элементы не повреждены. Падение опасно прежде всего для материнской платы и модуля камеры...

Он принимается внимательно изучать детали телефона, совершает с ними какие-то манипуляции, вновь собирает, нажимает куда-то... и — о чудо! — дисплей вспыхивает ярким светом.

Илья ещё некоторое время задумчиво и внимательно тычет в кнопки, проверяя, как работает аппарат, а затем протягивает его мне.

— Держи. Учти, что это был довольно поверхностный осмотр. Не исключены скрытые серьёзные повреждения. Понаблюдай несколько дней, не будет ли телефон медленнее работать или сам уходить в перезагрузку, не станут ли некорректно отображаться набранные символы.

Я смотрю на Илью во все глаза как на какого-то волшебника. Он снова не выдерживает мой взгляд и отворачивается.

— Спасибо! — произношу я с большим чувством. — Спасибо тебе огромное!

Он не реагирует. Ни “пожалуйста”, ни хотя бы “не за что” — ни-че-го, никакой ответной реакции на мою горячую благодарность. Но я уже догадываюсь, что дело не в том, что он злится на меня или дурно воспитан. Тут всё намного сложнее.

— Ты очень хороший человек, Илья, — говорю я ему совершенно искренне, поддавшись какому-то внезапному порыву. Он опять ничего не отвечает, но я вижу, что щёки его заливают румянец. Боже мой, он покраснел! Это так необычно и так... мило, что я не могу сдержать улыбки.

**Крылатая фраза из фильма “Бриллиантовая рука” (1968), полностью звучит так: “Поскользнулся, упал. Закрытый перелом. Потерял сознание. Очнулся — гипс!”*

28

ПРОШЛОЕ

Лиза, октябрь 1994

...Затем Лиза лежала, свернувшись на матах клубочком, и тихо плакала. Тошин безуспешно пытался растормошить одноклассницу, больше всего на свете, кажется, мечтающая поскорее избавиться от неё.

— Ну давай, Лиз... поднимайся! — повторял он без конца. — Хватит реветь, устроила трагедию, тоже мне. Да оденься же ты, наконец! Нас могут застукать, а вдруг кто-нибудь из учителей припрётся? Соберись, что ли! Не ты первая, не ты последняя, чего рыдать-то?!

Лиза продолжала захлёбываться слезами. Её трясло в ознобе, она поджимала коленки к животу и обхватывала себя руками. Какое — “оденься”, она даже сесть не могла! То, что произошло, настолько шокировало её и выбило из колеи, что казалось — она сейчас просто умрёт от стыда, потрясения, ужаса и непонимания. Зачем Олег с ней так? Как он мог? Ну да, она же не особо сопротивлялась, это вполне можно было принять за согласие и даже за кокетство, так стало быть, сама и виновата... но почему, почему? Она не была готова к тому, что её первый раз случится вот так — в душной захламлённой подсобке, под воздействием палёной водки, без малейшей её заинтересованности в происходящем. Её мутило, к горлу то и дело подкатывал ком с отвратительным дынным привкусом.

С грехом пополам Тошину удалось приподнять её, кое-как зафиксировав в сидячем положении, и натянуть платье обратно. Лизины руки падали безвольными плетьюми, Олег матерился сквозь стиснутые зубы, но в конце концов всё же сумел одеть её нормально. Вглядела она сейчас поистине жалко: лохматая, зарёванная, в измявшемся платье и разорванных колготках...

— И что с тобой делать теперь? — воскликнул Олег в отчаянии. — Ты же домой в таком виде точно не доберёшься. Чёрт, тебе и в самом деле нельзя было пить!

Лиза то и дело норовила завалиться набок, но Тошин, удерживая её в прежнем положении, нервно покусывал губы, размышляя, что ему лучше предпринять. Позвать друзей на подмогу? Самому отвести Лизюкову домой? Ага, её родки с него живого не слезут, если увидят свою деточку в таком состоянии...

Дверь в подсобку резко распахнулась. Олег вздрогнул всем телом, готовясь к худшему, даже к тому, что заявила Одуван собственной персоной. Однако это была не директриса.

— Что ты с ней сделал, урод? — Тимур Берендеев, их с Лизюковой одноклассник, ворвался внутрь и сейчас стоял, раздувая ноздри и гневно глядя на него.

— Чего?! — Олег даже обалдел от такой предьявы. Да кем этот рыжий себя возомнил?

— Я говорю, что ты сделал с Лизкой?

— Ничего, чего бы она сама не хотела, — Олег небрежно передёрнул плечами, а губы его против воли искривила самодовольная ухмылочка. — Только вот перебрала немножко. Можешь у неё сам спросить, когда протрезвеет, хорошо ли ей было...

Берендеев сжал кулаки.

— Ты напоил её, что ли? Напоил?! Придурок, она же пить не умеет совсем!

— Слушай, повторяю для тупых: всё было добровольно и с песней, — выдохнул Тошин. — А ты-то чего так психуешь, не пойму? Или сам на неё тайком передёргиваешь и рассчитывал на “право первой ночи”? — он подмигнул с похабной усмешкой.

В тот же миг голова его откинулась назад, поскольку в лицо прилетел мощный удар.

— Охренел, Ушастый?! — заорал Олег, зажимая ладонями лицо: сквозь пальцы проступила кровь. — Ты мне нос сломал, козлина!

— Я тебе сейчас и шею сверну, — мрачно пообещал Берендеев, но в эту секунду расслышал слабый Лизин голос:

— Тимка...

— Да, Лиз? — он присел рядом с ней, с тревогой взглянул в мутные заплаканные глаза, приобнял за плечи.

— Тимка, мне очень плохо... — выговорила она, едва ворочая языком. — Я хочу к маме. Пожалуйста, отведи меня домой...

Берендеев повернулся к Тошину и одарил его взглядом, полным не ненависти — а самого настоящего омерзения и брезгливости, словно перед ним был не человек, а раздавленный дождевой червь.

— Сука, — внятно сказал он. — Скажи Лизе спасибо, что легко отделался. Но это пока... Ты не расслабляйся, я тебя позже достану!

— Идиот, — зашипел Олег, баюкая свой повреждённый нос. — Отелло недоделанный... Напугал прям, щас опишусь от страха! Забирай свою истеричку и катитесь оба отсюда.

Тимке пришлось немало повозиться, чтобы доволочь Лизу до гардероба. Там он усадил её на низкую скамеечку, предназначенную для ребят из младших классов, взял номерки и пошёл за верхней одеждой. Кое-как натянул на одноклассницу куртку, достал из пакета со сменкой её ботинки.

— Напилась, что ли? — пожилая гардеробщица недовольно и осуждающе поцокала языком. — И ведь не стыдно, а! Родителям пороть вас надо, это ж подумать только — с малых лет уже пьянствуют!

— Не напилась, — буркнул Тимка, закончив обувать Лизу и теперь поочерёдно просовывая руки в рукава собственной кожанки. — Съела что-то не то, отравилась.

— Так в больницу надо, если отравилась, — похоже, гардеробщица не очень-то и поверила в эту нескладную легенду.

— Вот мы и идём в больницу, — огрызнулся Берендеев.

Вышли из школы они практически в обнимку — Лизу необходимо было поддерживать, чтобы она не упала. Вопреки ожиданиям Тимки, легче на свежем воздухе подруге не стало — наоборот, её замутило ещё больше.

Когда они проходили мимо вещевого рынка, где ещё утром (кажется, целую вечность назад!) уплетали горячие беляши, Лиза вдруг пошатнулась, рухнула на колени, согнулась пополам... и её начало выворачивать наизнанку.

Тимка глубоко вздохнул и присел рядом на корточки.

— Тебе нельзя в таком виде дома показываться, — обеспокоенно произнёс он, поддерживая Лизе голову и вытирая ей рот и подбородок своим носовым платком. — Пойдём ко мне, Лизюкова. Батя сегодня в ночную смену работает, а с матерью я как-нибудь договорюсь. Она позвонит твоим и отмажет тебя...

И, поскольку Лиза ничего не отвечала, просто обессиленно сидела на земле, уставившись невидящим взглядом в пространство, Тимка молча подхватил её на руки, как безвольную куклу, и зашагал в сторону своего двора.

29

НАШИ ДНИ

Марина, сентябрь 2019

После двух часов ночи мы с Лёлькой начинаем собираться домой. Подруга, как мне кажется, с удовольствием задержалась бы в клубе ещё немного, но сегодня она ночует у меня, а я уже очень устала и хочу спать. Денёк выдался бесконечно длинным и безумно нервным...

Прощание с новыми знакомыми получается сумбурным и скомканным. Рус выходит проводить нас до такси, попутно весело уговаривая остаться тусить вместе с ними и дальше — после клуба они все собираются на Воробьёвы горы встречать рассвет, а затем завтракать в “МакДональдсе” и гулять по пустой утренней Москве, тем более завтра всё равно выходной.

Звучит это, надо признать, весьма заманчиво, Рус не лишён красноречия и дара убеждения, но благоразумие всё же берёт верх. Мы знакомы с этими парнями всего несколько часов и, разумеется, никуда с ними не поедем. Однако Рус всё-таки выпрашивает у моей подруги номер телефона и раскручивает на прощальный поцелуй в губы — клятвенно заверяя, что всё это в рамках вечеринки, конечно же.

Лёлька, кажется, счастлива — она обвила руками шею молодого человека, пока я терпеливо жду её возле подъехавшего такси, и сейчас, судя по всему, даёт ему обещанный бесплатный мастер-класс, демонстрируя весь свой диапазон: от горячих и страстных поцелуев — до нежных, робких и романтических.

Кстати, один из друзей именинника — кажется, Женя, я не уверена, что верно запомнила имя — тоже пытался взять у меня номерок, но я быстро придумала какую-то вежливую отмазку. Он мне совсем не понравился, не стоило давать парню напрасную надежду. А Илья...

Илья ничего у меня не попросил. Мы вообще как-то глупо и бестолково расстались, что меня немного уязвило: так долго и душевно разговаривали, а когда пришло время уезжать, он даже не взглянул на меня.

— Илья, спасибо тебе ещё раз за помощь с телефоном, мне пора домой! — предприняла я последнюю попытку, а он только качнул головой:

— Ладно.

И всё! Ни “до свидания”, ни “может, ещё увидимся?”, ни даже “приятно было познакомиться”. А ведь я готова была поклясться, что ему и в самом деле приятно! Вероятно, ошиблась...

В такси половину пути Лёлька без умолку трещит о том, как великолепно целуется её новый знакомый, а я безучастно таращусь в окно, иногда довольно вяло реагируя на её восторги. Потом наконец подруга затыкается и подозрительно смотрит на меня.

— Так, — произносит она тоном следователя, — а почему это ты у нас, красавица, осталась сегодня без поцелуев?! Мы же за этим в клуб и ехали!

— Никто не вдохновил, — отшучиваюсь я.

— Так-таки никто? — она хитро прищуривается. — А как насчёт того... странненького дружочка Руса, с которым вы в итоге так мило проворковали весь вечер?

Напоминание о том, как мы “ворковали”, снова наполняет моё сердце невольной обидой на равнодушие Ильи.

— Странненький дружочек не приветствует поцелуи с незнакомыми и плохо знакомыми людьми, — торжественно изрекаю я, снова пытаюсь перевести всё в шутку. — Он сказал мне, что поцелуи таят в себе множество опасностей для здоровья, самые безобидные из которых — это ОРВИ и герпес.

Лёлька округляет глаза в изумлении.

— Так и сказал?!

— Ну да... — кажется, мне не удаётся скрыть разочарованного вздоха.

— А ты никак на него запала? — Лёлька выразительно приподнимает брови, а к моим щекам моментально приливает кровь.

— Не запала, как парень Илья меня не интересуется, но... он очень необычный.

— Это мягко сказано, — фыркает подруга.

— Мы с ним долго разговаривали, ну, ты и сама в курсе... знаешь, он такой умный, — оживляюсь я. — Работает в российском представительстве “Google”, представляешь? И вообще он... довольно забавный.

— Забавный, — повторяет Лёлька со странным выражением.

— Если бы не тот инцидент... ну, то есть если бы я не напугала его тогда и не выбила из колеи... то, наверное, даже не подумала бы, что с ним что-то не так. Илья абсолютно нормально общается, ну разве что немного не улыбочивый и замкнутый, но очень интересный!

— Интересный, — эхом откликается подруга.

— Ага! Я ещё подумала: сколько среди нас таких людей? Мы ведь можем даже не подозревать, что у кого-то из нашего окружения есть подобные проблемы. Что, в конце концов, рядовой обыватель знает о синдроме Аспергера? А для таких, как Илья, каждый день — это борьба со стрессом...

— О, как тебя зацепило, — понимающе тянет Лёлька.

Я злюсь, что она в конце концов всё сводит к банальному взаимоотношению полов, однако желание поделиться с ней своими наблюдениями перевешивает, и я продолжаю:

— Вообще, у меня сложилось впечатление, что такие, как Илья, живут с ощущением постоянного... офигевания от окружающего мира. Знаешь, что он мне сказал?

— И что же? — иронично осведомляется она. Я морщу лоб и напрягаю память, пытаюсь дословно воспроизвести так поразившую меня цитату.

— “Этот мир создан для людей с определённой операционной системой, идеально под него настроенной. То есть если остальные — Windows, то я — Mac OS или даже Linux”.

— Оригинально, — Лёлька хмыкает.

— Пойми, как человек Илья ничем не отличается от других людей, просто у него вся кодировка идёт по другим программам. Поэтому и возникают недопонимания...

— Ну, крутой чувак, что тут ещё скажешь, — тянет она насмешливо. — Только что ж вы координатами-то не обменялись?

Я сникаю.

— Да неудобно как-то. Он сам у меня не спросил, а я зачем буду навязываться?

— Неудобно, — передразнивает она. — Но, если честно... я рада, что так вышло.

— Почему?

— Да потому! Если всё, что ты говоришь, правда, и Илья не интересуется тобой как парнем, то интерес у тебя к нему получается “сверху вниз”.

— В смысле? — хмурюсь я.

— В смысле, исследовательский. Журналистский!

— Да не собираюсь я ничего исследовать! — злюсь я. Почему-то сказанное Лёлькой задевает.

— А он-то к тебе явно серьёзнее отнёсся...

Я фыркаю.

— С чего ты взяла?!

— Да он постоянно на тебя тарачился, когда думал, что ты не видишь. Взгляд от тебя не отрывал! Так что... на фиг, на фиг. Не хватало тебе ещё такого... бойфренда.

— А что не так? — с нарочитой небрежностью спрашиваю я.

— Нет, ну Карик твой, конечно, первостатейное говнище... но после отношений с женатым заводить роман с... — Лёлька не находит подходящего слова, явно щадя мои чувства.

— Да какой роман, — устало отмахиваюсь я. — Просто Илья сумел меня удивить. Он какой-то инопланетный. И очень милый... Но я не смотрела на него как на мужчину, клянусь!

На самом деле, конечно же, вру. Совсем немножечко смотрела. Когда оценивала его мужскую привлекательность.

— Ну и слава богу, — Лёлька выдыхает с явным облегчением. — Не надо тебе такого “счастья”, Марин.

30

НАШИ ДНИ

Илья, сентябрь 2019

Кроме воспитательницы в детском саду, никто и никогда больше не заставлял меня силой смотреть в глаза собеседнику. Но страх — этот вечный, липкий, парализующий страх — остался... Меня до сих пор начинает тошнить от волнения, если я нечаянно встречу с кем-нибудь взглядом, особенно если этот “кто-то” — незнакомец, от которого не знаешь, чего ожидать.

С возрастом я приучился хитрить: во время разговора всегда внимательно рассматриваю

переносицу или лоб собеседника. Обычно люди не улавливают разницу. Может быть, поэтому я так плохо запоминаю лица — просто воспринимаю их по деталям, отдельными частями. Хотя у аспы вообще часто встречается прозопагнозия*. Глядя на человека, я вижу подбородок, рот, нос, бровь, глаз... но у меня не получается составить из этих элементов целую картинку и соотнести её с информацией о конкретной личности.

Именно по этой причине многие называют меня высокомерным и невоспитанным — я запросто могу не узнать знакомого, случайно встретившись с ним в нетипичной обстановке, и молча пройти мимо. В школе я различал одноклассников только по местам, на которых они сидели, и это служило им поводом для бесконечных тупых розыгрышей. Меня вообще было очень легко развести: к примеру, пара моих одноклассников менялась друг с другом местами за партой, а я, даже не подозревая об этом и не чувствуя подвоха, под дружный ржач окружающих обращался к Серёге — как к Диме, а к Диме — как к Серёге, а те подыгрывали мне и отвечали. Правда, всё это одноклассники проделывали лишь в те моменты, когда рядом со мной не было Руса — если, к примеру, он болел и не ходил в школу или отлучался куда-нибудь на перемене... В его присутствии меня обычно оставляли в покое, потому что Рус не любил глупых шуток и дурацких розыгрышей и всегда был готов полезть в драку.

Я никогда не узнаю маму на старых фото, потому что в молодости у неё была другая причёска. Однажды (и она до сих пор вспоминает это со смехом) я не признал её в маршрутке, просто не ожидал её там увидеть! Догадался, что это мама, лишь после того, как она со мной заговорила.

А когда мы только начали встречаться с Алёной, она пришла на свидание не в красном пальто, по которому я привык идентифицировать её в толпе, а в новой короткой куртке, и я, разумеется, не смог её узнать. Она говорила мне потом, что поначалу жутко разозлилась: я равнодушно смотрел сквозь неё, словно не замечая, и продолжал ждать *свою* девушку. Позже, когда я признался, в чём дело, она, конечно же, тоже долго смеялась... все *нормальные* люди в подобных ситуациях смеются, не подозревая, какая на самом деле для меня это проблема.

Справляться с лицевой слепотой мне помогают запоминающиеся детали образа или поведения человека. Оригинальная причёска, необычный голос, какой-то характерный жест... Например, Мариша в этом плане идеальна: её голос я без труда выделю из сотен тысяч других. Именно он и помог мне узнать её в клубе. Визуально я тоже нашёл для себя зацепку: у неё ямочки на щеках, когда она улыбается. Спроси меня, какого цвета у Мариши глаза или волосы — я не смогу ответить. Не помню, хоть и пялился на неё всё время, пока она не видеала. На неё почему-то очень приятно смотреть.

**Прозопагнозия — лицевая слепота; расстройство восприятия лиц, при котором человек не может узнавать лица людей (порой даже своё собственное), но другие предметы, включая морды животных, узнаёт без каких-либо сложностей.*

Я давно уже вернулся из клуба домой, но всё ещё думаю о ней.

Вспоминаю, с каким интересом она расспрашивала обо мне, о моей работе, о моих привычках и увлечениях. Как улыбалась (не смеялась *надо мной*, а улыбалась *мне*), и я хотел,

чтобы её улыбка никогда не прекращалась. Можно было бесконечно долго разглядывать её ямочки...

Завариваю чай и думаю о ней.

Легко воспроизвожу в памяти её запах — он мне приятен. Обычно я болезненно реагирую на слишком резкие и агрессивные ароматы. Мариша же пахнет очень тонко и нежно, в отличие от абсолютного большинства знакомых мне людей, я не хочу отправить её помыться или посоветовать сменить парфюм.

Принимаю душ, чищу зубы и думаю о ней.

Ложусь в постель, а в ушах до сих пор звучит её голос: *“Ты очень хороший человек, Илья”*. Я и сам знаю, что я хороший человек. Но слышать это от Мариши как-то особенному волнующе. С ней вообще... интересно. Спокойно. И в то же время очень ярко, как с усилителем вкуса: все положительные ощущения обостряются, становятся максимально приятными.

Она мне нравится? Да, полагаю, что так.

— *А о чём с тобой говорили на собеседовании?* — спросила Мариша, когда я рассказывал ей, как устроился на работу. — *Было, наверное, очень трудно? Как на экзамене?*

Я удивился.

— *Что трудного в экзамене? Выучить и ответить.*

— *Ну да, ну да,* — на её щеках снова появились ямочки. — *И всё-таки, о чём тебя спрашивали?*

— *На самом деле, дали несколько совсем несложных заданий.*

— *Ага, конечно, “несложных”! Не верю!*

— *Правда. Вот, к примеру, был такой вопрос: как поделить пиццу на восемь равных кусков, сделав всего три разреза.*

— *И как же?*

— *Ответь сама,* — предложил я.

— *Хм... А пицца стандартной формы? Круглая?*

— *Конечно.*

Мариша достала ручку и принялась рисовать прямо на салфетке, рассуждая вслух и старательно морща лоб. Мне очень нравилось наблюдать за ней, и я почти не вслушивался в то, что она бормотала, покусывая губы и высовывая кончик языка. Наконец она скомкала салфетку и признала:

— *Сдаюсь. Не знаю... У меня с детства проблемы с логикой и математикой.*

— *Да смотри, всё просто,* — я взял другую салфетку и нарисовал на ней круг. — *Вот это пицца. Делаем два разреза крест-накрест. Получается четыре равных куска, так?*

— *Так.*

— *А теперь просто кладём эти четыре куска друг на друга и одним разрезом делим их все пополам. Получается восемь.*

— *Ой, и правда... Как здорово!* — Мариша уставилась на меня, и я, занервничав, отвёл взгляд. С ней у меня почему-то не получалось смотреть на переносицу, я всё равно продолжал ощущать странное волнение и дрожь.

Хочу ли я снова её увидеть? Да, определённо. И чем скорее — тем лучше.

От этой девушки меня не тянет сбежать пять минут спустя после знакомства, что уже отличает её в моих глазах от всех остальных. И хоть я не любитель объятий и поцелуев, но не отказался бы от того, чтобы Мариша сейчас просто была рядом. В моей комнате. На моей

кровати.

Закрываю глаза и продолжаю думать о ней...

32

ПРОШЛОЕ

Лиза, октябрь 1994

Наволочка приятно пахла свежестью и стиральным порошком, но этот запах был не домашний, а чужой, непривычный. Лиза открыла глаза и поняла, что проснулась на новом месте, в незнакомой комнате, в посторонней квартире.

Постельное бельё с весёленьким рисунком (нежные ромашки по светлому фону) как бы намекало на то, что спальня принадлежит ребёнку, скорее всего — девочке. Но, осмотревшись по сторонам, Лиза поняла, что ошиблась.

На полу возле письменного стола приютились гантели, на стенах пестрели постеры с типичными мальчишескими кумирами: Ван Дамм, Брюс Ли, Шварценеггер. Разглядев знакомый бело-зелёный свитер, перекинутый через спинку стула, Лиза сообразила, что находится дома у Тимки. И её словно толкнули...

Она резко села на постели, откинув одеяло. На ней была футболка, тоже чистая, но, несомненно, принадлежащая Берендееву. У Лизы совершенно не отложилось в памяти, как она переодевалась и как в принципе очутилась дома у одноклассника. Всё остальное, предшествующее ночёвке в Тимкиной квартире, она смутно, но помнила. Лучше бы наоборот...

Стыд затопил её по самую маковку. Лиза вновь и вновь воскрешала в памяти свой танец с Тошиным, поцелуи под прокуренной школьной лестницей, подсобка возле спортзала, дынная водка и... всё последующее.

К горлу подкатила тошнота — не то при воспоминании о водке, не то из-за всего, что было после.

А вот дальше сознание словно заблокировало в её мозгах всё, что произошло потом. Кажется, пришёл Тимка. Кажется, они с Олегом поссорились. А потом... потом — провал.

Дверь комнаты тихонько, без стука, приоткрылась.

— Не спишь уже? — Тимка просунул нос в образовавшуюся щель. Лиза быстро натянула одеяло до самого носа, багровея от неловкости.

— Как я здесь оказалась? — хрипло выговорила она. Тимка вошёл в комнату и аккуратно прикрыл дверь за собой. Он тоже выглядел немного смущённым.

— Я тебя... привёл.

— А мои родители? — ахнула вдруг Лиза. — Они же с ума сходят!

— Не бойся, мама им вчера позвонила. Сказала, что ты поскользнулась и упала в лужу возле самого школьного крыльца, вся перепачкалась и промочила ноги, а до моего дома было ближе. Пообещала твоим всё застирать и высушить. Согласен, не очень-то складно звучит, но... больше мы ничего не смогли с ней придумать, — Тимка отвёл взгляд, присаживаясь на стул.

Лиза зажмурилась от ужаса, предвидя ещё и домашние разборки с мамой и отцом, а также ехидные насмешки Лариски.

— И они не попросили меня к телефону?

— Мама сказала, что ты как раз в ванной.

— А кто меня... кто меня переодел? — умирая от стыда, спросила она. Тимка побагровел точно так же, как она сама минутой ранее.

— Ну не я же... Тоже мама моя.

Господи, как ей было неудобно перед этой полужнакомой женщиной, которую она и видела от силы пару раз в жизни!..

Лиза нервно сглотнула.

— А ей ты что про меня сказал?

— Извини, — Тимка развёл руками, — но пришлось сказать правду. Что ты немного не подрасчитала с алкоголем...

Как же стыдно. Стыдно. Стыдно...

— А... про всё остальное? — еле слышно выдохнула она.

Тимка отвернулся и уставился в окно.

— А что остальное? — переспросил он без всякого выражения. — Про остальное я ничего не знаю. Я ничего не видел.

— Тим, ты меня, наверное, теперь считаешь развратницей?.. — спросила Лиза несчастным голосом.

— Не болтай глупостей, — буркнул он.

— Ты же говорил, что полшколы сохнет по этому “придурку и зазнайке” Тошину, и я всего лишь одна из них... А теперь, получается, что я даже хуже, чем они все, потому что...

Глаза набухли слезами.

— Он тебя изнасиловал, — произнёс Берендеев полуутвердительно-полувопросительно, всё ещё не встречаясь с подругой взглядом.

Лиза в ужасе отшатнулась.

— Нет!!! Что ты, конечно же, нет! Олег... Олег меня ни к чему не принуждал. Я сама была согласна, если хочешь знать, — она упрямо вздёрнула подбородок.

— Ну и зачем ты его защищаешь? — вздохнул Тимка. — Шею я ему всё равно сверну, сломанным носом этот гад не отделается. А то, что он воспользовался твоим беспомощным состоянием, и есть самое настоящее насилие. Сначала спойл, а потом...

— Не трогай его, Тимка, — умоляюще сжав кулачки перед грудью, горячо зашептала Лиза. — Пожалуйста... не надо. Я сама во всём виновата.

— Какие же вы всё-таки... — он стиснул челюсти, подбирая подходящее слово, — бабы... — и в это короткое “бабы” Берендеев вложил всю мощь своего мужского презрения. — О вас ноги вытирают, а вы и рады первой попавшейся скотине отдать свою девственность. Была бы у скотины мордашка посмазливее...

— Он не первая попавшаяся, ты это знаешь! — закричала Лиза и горько заплакала.

Тимка смущённо и расстроено засопел.

— Ну ладно тебе, Лиз, — виновато сказал он наконец. — Ну перестань. Я вовсе не хотел тебя обидеть. Прости. Я знаю, что у тебя всё было серьёзно, — он запнулся, — по любви.

— Где моя одежда? — Лиза утёрла щёки ладошками, в последний раз шмыгнула носом. — Я хочу домой.

— Сохнет. Или уже высохла... Сейчас принесу! — он сорвался с места.

— Почему сохнет?

— Ну, после стирки. Ты же вчера и правда упала... не помнишь? Платье испачкала... а ещё тебя вырвало, — закончил Тимка сконфуженно.

О боже. Только этого ей и не хватало...

— А кто это всё стирал?!

— Да мать моя и постирала.

Лиза готова была умереть на месте. За что ей все эти унижения? За что?!

Тимка метнулся из комнаты, но через пару минут возвратился, неся в руках стопочку не только выстиранной, но и, оказывается, уже выглаженной одежды.

— Колготки не мои... — тихо сказала Лиза.

— Конечно. Твои-то порвались. Надень пока мамины, не с голыми же ногами идти.

— А где твоя мама? — осторожно спросила она, со страхом думая о том, что сейчас ей придётся встречаться с этой милой женщиной, разговаривать с ней, смотреть ей в глаза... Да проще застрелиться. Но ответ Тимки успокоил её:

— На рынок уехала с утра, за продуктами. Дома только батя, но он отсыпается после ночной смены... Мама нам завтрак оставила, давай ты сейчас умоешься и мы вместе поедим?

— Нет, нет, — Лиза в отчаянии замотала головой. Ей было так неловко, что она не могла заставить себя остаться в этом славном и гостеприимном доме ещё хотя бы немного. — Я уйду, мне надо домой, там все мои, наверное, уже на стенку лезут...

Тимка молчал, странно глядя на неё.

— Ты выйди, пожалуйста, — попросила она, сглотнув очередной ком в горле. — Я переоденусь.

— Да, — он словно опомнился. — Конечно. Я тебя провожу. Не возражай и не спорь! — отрубил он, заметив, что она собралась было протестовать. — Доведу до самого подъезда. А лучше — прямо до двери квартиры. Это не обсуждается.

33

НАШИ ДНИ

Марина, сентябрь 2019

Выходные проходят подозрительно спокойно и мирно.

Карик не названивает мне больше, не пишет и вообще никак не проявляется. Может, и впрямь нашёл себе на время отсутствия жены новую девочку для постельных утех... Странно, но меня это даже не задевает. Точнее, я вообще надолго об этом не задумываюсь — ну, нашёл и нашёл. Бог ему судья.

В субботу мы с Лёлькой просыпаемся в обед (что немудрено — после похода в клуб накануне) и, налопавшись ватрушек, испечённых бабушкой, отправляемся в парк на фотосессию.

Как фотограф моя Лёлька гениальна, но при этом абсолютно безжалостна. Ради безупречного кадра и идеального ракурса она издевается над своими моделями, точно заправская садистка. К завершению съёмки у меня болят все мышцы лица от разнообразия улыбок — десятки, сотни, тысячи оттенков! — а руки и ноги уже не знают, в какую очередную причудливую комбинацию им сплестись. Наконец, Лёлька и сама выдыхается и даёт отмашку — закончили!

— Красотка! — она восхищённо чмокает кончики своих пальцев, сложенных в щепотку, а затем распускает их наподобие цветка. — Не фотосет, а отвал башки! Хоть сейчас на

обложку.

Уставшие и покрасневшие от свежего воздуха, мы выходим из парка и, не сговариваясь, дружно заворачиваем в итальянский ресторанчик неподалёку, где, не мудрствуя лукаво, так же дружно заказываем пиццу на двоих. Для обеда уже поздно, для ужина рано... что ж, пусть это будет пицца на полдник. Пицца “файв-о-клок”, к чаю.

Нам приносят ароматную свежайшую капричозу, пышущую жаром. Смотрю на неё и невольно улыбаюсь.

— А как поделить тремя разрезами пиццу на восемь одинаковых кусков? — спрашиваю у подруги.

— Чего? — Лёлька ошарашенно таращится на меня и моргает.

— Это задачка такая. Попробуй решить!

— Терпеть не могу подобные “задачки” ещё со школы, — Лёлька морщит свой аккуратный носик. — И вообще, это глупо. Где ты видела пиццу, которую нужно резать? Её подают уже разрезанной. Ешь и не изгаляйся!

В этот момент тренькает её ватсап и подруга залипает в телефоне с глуповатой улыбочкой. Пицца забыта — Лёлька начинает увлечённо с кем-то переписываться.

— Дай-ка угадаю с одного раза. Это Руслан? — поддеваю её я. Она смущается и становится невероятно хорошенькой.

— Да. Он только что проснулся, представляешь? Боже, и всё-таки какой же он красавчик!.. Правда?

Она тычет мне под нос свой телефон со снимком всей честной компании на Воробьёвых — парни весело машут в кадр пластиковыми стаканчиками (явно не с лимонадом) и довольно улыбаются. Я быстро пробегаюсь взглядом по лицам и не нахожу там Илью. Не любит фотографироваться? Или...

— А где Илья? — вырывается у меня прежде, чем я успеваю прикусить себе язык.

— Так и знала, что ты спросишь, — фыркает Лёлька и тут же начинает строчить что-то в ватсапе.

— А, так он не поехал тусить вместе со всеми, — объясняет она наконец. — Рус говорит, что вскоре после того, как мы ушли из клуба, Илья тоже отправился домой.

— Ясно. Ну... пусть при случае передаёт ему привет.

— Угу, — кивает Лёлька, снова тая в улыбках, и я понимаю, что ничего-то она сейчас Русу явно не скажет, а если и скажет — то никакого привета Илье тот не передаст, просто забудет. В данный момент им обоим совершенно не до этого...

Воскресенье у меня выдаётся ленивым и абсолютно домашним. Я отсыпаюсь, читаю, готовлю вопросы к завтрашнему эфиру и стараюсь не думать о Карике. Чем ближе понедельник — тем больше я волнуюсь. Молчание Руденского выглядит подозрительно, но я упорно гоню прочь тревожащие меня мысли.

Однако на смену мыслям о Карике упрямо и неуклонно лезут мысли об Илье...

В конце концов, я сдаюсь: открываю ноут, набираю в поисковике “синдром Аспергера” и весь вечер читаю информацию о данной проблеме, погрузившись в мир “инопланетных”. Это — нечто совершенно новое для меня, действительно другая Вселенная. Кое-что забавляет, кое-что откровенно ужасает... а кое-что в поступках и поведении Ильи становится теперь более понятным и объяснимым.

Затем, не удержавшись от любопытства, вбиваю в поисковую строку “сотрудники

Google Россия”, рассчитывая найти хоть какую-нибудь информацию об Илье, я ведь не знаю о нём ничего, даже фамилии... но то ли запрос некорректен, то ли информация засекречена — я не нахожу ничего интересного, кроме, собственно, нескольких фотографий московского офиса компании. Среди засветившихся кое-где на снимках сотрудников предсказуемо нет Ильи — он не производит впечатление человека, который станет специально лезть в объектив. Скорее уж, наоборот — всячески будет стараться избегать контакта с фотографом...

Как я ни пытаюсь убедить себя в том, что Карик всё осознал и больше меня не побеспокоит, а всё же отчаянно трушу, собираясь на работу утром понедельника. У меня трясутся все поджилки при мысли о предстоящей встрече — а встреча непременно состоится, мой эфир идёт аккуратно за окончанием смены Руденского. Разве что схитрить и заявиться в студию впритык, чтобы у него не осталось времени на выяснение отношений?.. Но это будет непорядочно по отношению к моему сегодняшнему гостю.

Интервью, к слову, обещает быть интересным — нынешним утром нас почтит своим присутствием знаменитый артист Александр Белецкий. Красавец, аристократ, звезда кино и театральных подмостков — мы гонялись за ним несколько месяцев, прежде чем он наконец изволил дать царственное согласие. При этом заранее оговорил, что вопросы ему задавать можно только профессиональные и общие, отвлечённые, ни слова про личную жизнь! Ну, как скажете, господин Белецкий, как скажете...

Водитель Петька обращает внимание на то, как я напряжена по дороге на работу, но не лезет в душу. Чем мы ближе к офису — тем сильнее меня трясёт. Я очень, очень волнуюсь. Моя внутренняя сигнализация буквально захлёбывается воем.

И, как выясняется, не зря...

34

ПРОШЛОЕ

Лиза, октябрь 1994

Последняя неделя в школе перед осенними каникулами стала для Лизы нескончаемой пыткой.

Ей постоянно мерещились ехидные смешки и шепоток за спиной. Казалось, что все девчонки из Лизиного класса и даже из параллельных дружно показывают на неё пальцем и многозначительно улыбаются, а мальчишки исподтишка изучают, каким образом у неё сходятся ноги, и радостно гогочут — среди старшеклассников было распространено убеждение, что после “первого раза” у девушки непременно меняется походка. Так и хотелось остановиться, развернуться лицом ко всем мнимым обидчикам и закричать, что это всё идиотские мифы, потеря девственности никак не влияет на способность и манеру ходить!

На самом деле, конечно же, никто не думал над ней смеяться — по той простой причине, что никто ничего и не знал. Но всё равно рядом с Лизой всегда был верный Тимка, который сопровождал её везде: и в столовую, и в спортзал, разве что в туалет с ней вместе не ходил, но предупредительно околачивался поблизости. Сначала Лиза хотела возмутиться, что не нуждается в няньках, но, прислушавшись к себе, поняла, что в присутствии

Берендеева и впрямь ощущает себя лучше. Как-то спокойнее. В одиночку справляться со всем этим было бы гораздо сложнее...

Когда в понедельник утром Олег Тошин явился на первый урок с фиксирующей повязкой на носу, одноклассники принялись расспрашивать, что с ним произошло, а кое-кто даже рискнул пошутить:

— Да это его Динка Старцева приложила лицом к двери... на почве ревности.

Тошин криво ухмыльнулся, недобро покосившись на остряка, но никак это не откомментировал. Что касается Берендеева, то он выглядел таким довольным, словно испытывал тайное злорадное удовлетворение при виде покалеченного носа одноклассника.

Лиза очень боялась этой встречи и так же сильно ждала её. Она вспыхнула, когда Олег вошёл в класс, и попыталась поймать его взгляд, но он не смотрел в ту сторону, где она сидела. Как-то слишком старательно *не смотрел*, будто нарочно избегая Лизу. Несколько раз на перемене она дефилировала мимо его парты, надеясь, что он окликнет её, хотя бы поздоровается или спросит, как дела, но Тошин делал вид, что всецело поглощён беседой с кем-то из одноклассников. Лишь один раз Лизе удалось перехватить взгляд Олега, и она выдавила из себя робкую улыбку, как бы демонстрируя, что не держит на него зла и что им просто нужно поговорить, но... он в ту же секунду отвернулся, словно в упор её не замечая.

Динка Старцева не приходила в школу почти целую неделю, передав с кем-то из одноклассниц записку о болезни. И только в самый последний день перед каникулами она наконец заявила. Вплыла в класс с видом королевы — неизменно красивая, гордая, неприступная — и как ни в чём не бывало плюхнулась за парту рядом с Олегом. Слово и не было той ужасной ссоры на осеннем балу. Слово вообще ничего не было, а Лизе это только приснилось... если бы не повязка на носу Тошина, напоминающая о том, что, к сожалению, это был не сон.

Олег воспринял появление подруги как само собой разумеющееся: приобнял её за талию и привычно чмокнул в щёчку. Лиза чувствовала, что вся кровь прилила сейчас к её щекам; ей снова мерещились насмешки за спиной и издёвки в свой адрес.

В тот день она не слышала учителей на уроках, просто сидела, уставившись в одну точку, и даже не старалась изображать учебное рвение. Как назло, её равнодушие не ускользнуло от внимания математички Жанны Борисовны с говорящим прозвищем Жаба. Та получила его, во-первых, за инициалы, во-вторых, за мерзкий булькающий голос, а в-третьих — за то, что очень уж любила гнобить и унижать симпатичных старшеклассниц. Казалось, она буквально ненавидит юных девушек за их красоту, свежесть и молодость... На дурнушек и парней её ненависть не распространялась.

Жаба удумала вызвать Лизу к доске и заставила доказывать какую-то теорему. Более неподходящего момента выбрать было просто нельзя, Лиза и так ненавидела алгебру с геометрией — потому что не понимала их, а тут ещё и в такой день, когда она чувствовала себя несчастной, униженной, раздавленной и преданной...

Жаба тут же уселась на своего любимого конька, не преминув перейти на личности.

— Что, Лизюкова, — пробулькала она, — решила, что раз свой жалкий трояк за четверть получила, то я уже не могу эту оценку исправить? Много о себе возомнила, да? Слишком взрослая стала, учиться больше не надо? Волосы распустила, юбку короткую нацепила — завлюблялась?

Лиза, до этого безучастная к происходящему, внезапно вздрогнула и подняла глаза на

учительницу: её слова нечаянно попали в цель. А та продолжала со вкусом стыдить и распекать нерадивую ученицу:

— И о чём вы только думаете, бесстыжие? И главное — *чем?* Куда вы пойдёте без знаний и образования? Только на панель и дорога... А что, интердевочки нынче в моде!

— Как вы смеете, — выговорила Лиза, цепenea от ужаса и собственной дерзости. Все знали, что с Жабой лучше не спорить: нужно было просто молчать и переждать бурю.

— Я-то смею, — продолжала булькать Жаба, — я-то смею, милая моя, а вот ты пока никто и звать тебя никак, так что изволь слушать, что тебе говорит педагог с тридцатилетним стажем!

— Да засуньте вы себе свой стаж... знаете, куда? — грубо сказала Лиза и под гробовую тишину класса выскочила за дверь.

Никто ещё не успел опомниться, как Тимка, быстро подхватив со стола Лизину сумку и закинув на плечо свой рюкзак, тоже поднялся и направился к выходу.

— Берендеев, — пророкотала Жаба, опомнившись. — А ты куда это собрался? Я тебя, кажется, не отпустила. Идёт урок!

— Да засуньте вы себе свой урок... знаете, куда? — откровенно копируя Лизины интонации, бросил Тимка, не оборачиваясь, и через секунду тоже скрылся за дверью.

35

НАШИ ДНИ

Марина, сентябрь 2019

Прознав, что сегодня в прямом эфире мне будет давать интервью сам Александр Белецкий, вся прекрасная половина нашего радио приходит в радостное возбуждение. На работу являются даже те, у кого сегодня выходной или чья смена начинается позже. Дамы принарядились, сделали причёски и накрасились как на праздник — даже уборщица Валентина накрутила кудри и подвела глазки.

— Мариш, Мариш, — налетают на меня сотрудницы “Молодёжки FM”, едва я переступаю порог, — а познакомишь с Белецким после эфира? Уговоришь его с нами сфоткаться? А может, он и чайку с нами попьёт?

— Девочки, насколько я знаю, он не любит фотографироваться, — неуверенно отбиваюсь я, но мои слова никто не принимает всерьёз.

— Ну как это “не любит”? С такой-то внешностью?!

— Лично я с ним пока и сама не знакома, а в интервью он не производит впечатление рубахи-парня, — виновато развожу руками. — Мне кажется, он тщательно оберегает своё личное пространство.

— Ой, да ладно! — фыркает телефонная операторша Лилечка. — Скажи уж откровенно, решила эгоистично захватить такого потрясного мужика в собственное пользование!

Я нервно смеюсь. Волнение от предстоящей встречи с актёром накладывается на волнение от перспективы увидеть Карика, и я трясусь, как овечий хвост.

Белецкий прибывает за пятнадцать минут до эфира и, разумеется, тут же оказывается окружён нашими милыми дамами — они обступают его прямо у дверей студии и начинают щебетать, выпрашивая автографы и совместное селфи. К счастью, артист с утра находится в

благодарушном настроении (по телефону, откровенно говоря, он произвёл впечатление слишком холодного, едва ли не высокомерного), поэтому начинает послушно расписываться на клочках бумаги и, мило улыбаясь, отвечать на какие-то глупые вопросы.

Я тем временем осторожно просовываю нос в студию. В данный момент звучит музыкальная добивка перед рекламой, но у микрофона никого нет. Машинально делаю шаг вперёд и... кто-то резко втягивает меня внутрь и захлопывает дверь.

— Попалась, птичка!

Ну конечно же, это Руденский. И шуточки у него всегда предсказуемые, повторяющиеся... однако моё сердце прыгает сейчас как яйцо в крутом кипятке. Карик тем временем втискивает меня в пространство между стеной и шкафом с компакт-дисками, чтобы нас нельзя было разглядеть от двери, и жадно целует в шею.

— Ты спятил? — интересуюсь я, пытаюсь отбиваться. — Чуть зайкой не сделал... Отпусти, сюда сейчас войдут, я не одна!

— А когда будешь одна, — шепчет он, — я могу всё это повторить?

— Послушай, — злуюсь я, — это уже даже не смешно. Я, кажется, всё тебе сказала по телефону...

Его взгляд и тон тут же меняются, Карик отстраняется и испытывающе смотрит на меня, а затем подозрительно спрашивает:

— С кем ты была в клубе?

— А почему я должна перед тобой отчитываться?! Не слишком ли много ты на себя берёшь?

— Не надо так со мной, Мариша, — он резко дёргает меня к себе, и я снова оказываюсь прижатой к его груди.

— Твою жену уже выписали из роддома? — ядовито спрашиваю я, надеясь, что хоть упоминание о ней его охолонит.

— Нет.

— Ты поэтому сейчас такой злой и неудовлетворённый?

— Чёрт... — он в сердцах бьёт кулаком по стене. — Да что с тобой происходит-то?! Ведь всё было так хорошо.

Я качаю головой.

— Хорошо, но подло.

— И ты поняла это только теперь? — его голос сочится сарказмом. — Раньше тебя всё устраивало. Или дело действительно только в том, где нам с тобой встречаться? Так давай не поедим ко мне, отправимся в любое другое место...

— Дело не в месте.

— Да что ж такое-то, Марин! — Карик уже явно психует. — По-моему, ты затянула с игрой в обиженку. Я тут с ума схожу, понимаешь... Я тебя люблю. Правда люблю... — и, пока я, ошарашенная этим признанием, растерянно глотаю ртом воздух, он опять вжимает меня в стену своим сильным разгорячённым телом. Сердце отплясывает канкан, руки, ноги и губы дрожат, а его дыхание тем временем опаляет мне висок, щёку, шею...

— Девочка моя, — торопливо бормочет он прямо мне в губы, — я и сам не думал раньше, что так к тебе привязался. Ты не представляешь, как без тебя тоскливо. Мы два дня не виделись, а как будто целую вечность... Маришка, солнышко моё...

Делаю невероятное усилие и вырываюсь из кольца его рук. Как раз вовремя: дверь студии распахивается, на пороге возникают Блинчик и Белецкий. Оба смотрят на нас с

Кариком с некоторым изумлением, и если Руденский умеет прекрасно властвовать собой и сейчас, одёрнув рубашку, спокойно возвращается к микрофону, чтобы дожидаться окончания рекламы и достойно завершить эфир, то я, должно быть, выдаю себя с головой одним только взъерошенным и диким видом.

— Вы тут дрались, что ли? — озадаченно спрашивает Блинчик, а я тем временем вижу, что в глазах Белецкого мелькает понимающая ироничная усмешка. Но у меня уже не осталось моральных сил на стыд...

Руденский заканчивает свою смену и уступает место нам. Я в таком смятении и раздрае, что начинаю программу буквально на автопилоте.

— Всем доброго-предоброго утра! Пусть ваш понедельник будет лёгким и радостным. Угадайте, кто сегодня приехал в студию, чтобы выпить со мной чашечку кофе? Ни за что не поверите — это заслуженный артист России Александр Белецкий!.. Клянусь, в жизни он красив точно так же, как на экране, и я сейчас сама себе завидую...

Губы мои весело несут какую-то жизнерадостную чушь в микрофон, я задаю гостю наводящие вопросы, а сама в упор не вижу его и практически не слышу. Меня до сих пор трясёт.

Что бы я там ни твердила, как бы ни уговаривала себя и ни убеждала — а вырвать и выбросить за ненадобностью кусок сердца не так-то и легко. Господи, меня тянет к Карику. Я всё ещё влюблена в него. Ненавижу себя за это, но...

Я низко опускаю голову и вдруг вижу, что на стол капает слеза. Моя слеза. А затем — ещё одна. И ещё...

Вот не хватало мне ещё истерики во время прямого эфира, в ужасе думаю я, начиная паниковать, и в этот самый момент чувствую, как Белецкий аккуратно накрывает мою ладонь своей и вкладывает туда бумажную салфетку. Я поднимаю глаза и встречаю понимающий сочувствующий взгляд. Артист ободряюще подмигивает мне — мол, не переживай, прорвёмся! — и, перехватывая инициативу, спокойно и уверенно начинает рассказывать какую-то театральную байку.

36

ПРОШЛОЕ

Лиза, октябрь 1994

— Лизюкова, подожди! Да стой же... Лиза!

Тимка почти кубарем скатился со школьного крыльца, пытаюсь догнать одноклассницу. Заслышав знакомый голос, она нехотя остановилась, но не обернулась. Так и дожидалась Тимкиного приближения, чуть ссутулившись и уставившись себе под ноги.

— Ты совсем ку-ку, что ли? — очутившись рядом и пытаюсь отдышаться, Берендеев протянул Лизе её сумку, куртку и пакет со сменной обувью. — Ещё бы голышом на улицу выскочила. Ноябрь на носу, между прочим. Скоро снег пойдёт!

— Нотация окончена? — Лиза недобро прищурилась. — Я могу быть свободна?

Тимка с удивлением уставился на подругу.

— Какая нотация, Лиз? Просто... нужно одеться. Простудишься ведь! Я за тебя волнуюсь... и переживаю.

— Не надо за меня переживать, — Лиза нехотя натянула куртку, вырвала свою сумку из рук Берендеева и независимо вскинула подбородок. — Всё? Я пойду теперь?

Тимка растерялся ещё больше.

— А... ты торопишься? Давай я тебя провожу.

— Зачем?

— Ну, просто. На всякий случай.

— На какой “всякий”? — с каждой его репликой Лиза невольно всё сильнее заводилась. — Думаешь, мне нянька нужна? Так и собираешься за мной по пятам таскаться, боясь, как бы я ещё чего-нибудь не натворила? Что, получать аттестат тоже меня за ручку поведёшь? А в институт со мной поступать не поедешь, случайно?

Тимка невольно отступил на шаг, ошарашенный этим натиском негатива, что было так не похоже на обычно кроткую и милую Лизу.

— Мне кажется, — предпринял он последнюю попытку, — что тебе сейчас лучше не оставаться одной.

— Да я мечтаю быть одна! Хочу, чтобы меня оставили в покое! — выкрикнула Лиза в отчаянии. — Я сыта по горло твоей “товарищеской” заботой, понял? Спасибо за помощь и всё такое, но дальше я как-нибудь сама о себе побеспокоюсь, ладно?

— Лиз... — он нерешительно потянулся к ней, собираясь, видимо, взять за руку, но она резко отшатнулась, не давая ему сделать этого. Тимка смутился, но всё-таки договорил:

— Я знаю, что тебе сейчас нелегко. Я правда понимаю, что ты сейчас чувствуешь...

— Понимаешь? — переспросила Лиза и рассмеялась — коротко, зло, как-то безнадежно и обреченно. — Да ни хрена ты не понимаешь, Берендеев. Ты понятия не имеешь, каково мне сейчас. Каково это — чувствовать, что любимому человеку нет до тебя никакого дела. Когда он смотрит на тебя как на стенку, а ты себя ощущаешь при этом куском дерьма, потому что готова простить ему любое унижение, и вообще — всё... Но только плевать он хотел на эти твои жертвы, потому что в его мыслях — вовсе не ты!

— Полагаешь, мне это незнакомо? — спросил Тимка после паузы. Лиза пренебрежительно фыркнула.

— Не смейся, Берендеев. У тебя, наверное, самая большая трагедия в жизни — это трояк по русскому. Или когда ваша баскетбольная команда соперникам продует...

— Дура ты, Лизюкова, — беззлобно, даже с какой-то отеческой жалостью, проговорил Тимка, внимательно глядя ей в глаза. — Ни черта в людях не разбираешься. Ни в хороших, ни в плохих...

Засунул руки в карманы, натянул капюшон куртки на самые глаза и решительно зашагал прочь.

37

Ноябрь 1994

Практически все осенние каникулы Лиза провела дома. Разве что в магазин за хлебом несколько раз вышла и мусорное ведро вынесла... да и то — по маминой просьбе, иначе и вовсе просидела бы в своей комнате безвылазно. Точнее, пролежала бы.

Ею овладели лень и апатия. Не хотелось ровным счётом ничего, даже выполнять элементарные действия вроде чистки зубов по утрам и вечерам. Лиза валялась на кровати, не слишком усердно делая вид, что читает какую-то книгу, и всё глубже погружалась в свою

тоску. Она уже жалела, что наговорила гадостей Тимке — в противном случае он мог бы хоть немного отвлечь её от невесёлых мыслей, у него это всегда отлично получалось. Но первой звонить ему было стыдно, а сам он тоже никак не проявился за эти дни.

Несколько раз с замиранием сердца она набирала номер Тошина, но на звонки постоянно отвечала его мама, и Лиза, не говоря ни слова, бросала трубку. Впрочем, если бы ответил сам Олег — она тоже не знала бы, что ему сказать. Она просто очень хотела поговорить с ним с глазу на глаз. Не по телефону...

Лиза почти перестала есть — не было аппетита. В конце концов, забеспокоилась даже старшая сестра.

— Восьмой день лежишь, — заметила Лариска мимоходом, раздвигая шторы и впуская в комнату утренний свет. — Не жрёшь и не пьёшь... даже не улыбнёшься. Уже вся зелёная от нехватки свежего воздуха. Честное слово, если бы я тебя не знала как облупленную, то стопроцентно подумала бы, что ты залетела, — она усмехнулась.

— Чего? — обалдело переспросила Лиза.

— Ну, забеременела... — легко пояснила старшая сестра. — Только ты у нас святоша. Да и от кого тебе беременеть? — она фыркнула. — Не от этого же твоего... рыжего, лопухого... Разве что несравненный Олежка почтил тебя своим вниманием? — Лариска насмешливо подмигнула.

Лизу подбросило на кровати, будто взрывной волной.

— Откуда ты знаешь про Олега?!

Лиза никому этого не рассказывала. Никому! Но Лариска лишь покачала головой:

— Да так... птичка одна на хвосте принесла, что ты по нему сохнешь. “Сегодня утром он посмотрел на меня и очень тепло улыбнулся — наверное, это что-то значит?!” — пропищала она, нарочно утрируя и явно изображая голос младшей сестрёнки.

Лиза не могла верить собственным ушам.

— Ты... ты читала мой дневник?! Как ты могла?! Как посмела рыться в моих вещах?

— Я не рылась, — не испытывая ни малейшего угрызения совести, Лариска передёрнула плечами. — Ты сама его оставила в верхнем ящике стола, а мне срочно понадобился карандаш. Решила поискать у тебя, ну и наткнулась... так зачиталась, что оторваться не могла, — она хихикнула.

— Ты не должна была... — в шоке повторяла Лиза. — Ты не имела права...

— Да ладно тебе, не смущайся, — спокойно отозвалась сестра. — Обычные любовные переживания... кто из нас не страдал по самому красивому мальчику в школе? — она намеревалась снисходительно потрепать младшенькую по плечу, но та резко отклонилась. Её душили слёзы обиды и стыда.

Лариска с досадой поджала губы.

— Ох, ну если это было под грифом “совершенно секретно”, могла бы и получше прятать своё сокровище. Хотя бы под подушку... туда бы я точно не полезла — ни случайно, ни специально.

— Это подло... подло... — задыхаясь, выговорила Лиза.

— Ну, значит я подлая, — покладисто согласилась Лариска. — Извини, некогда с тобой болтать, в институт опаздываю. И посуду помой, там на кухне осталась после завтрака, мама не успела.

Оставшись одна дома, Лиза достала свой дневник и принялась с отвращением перелистывать странички, исписанные её мелким торопливым почерком. Олег... Олег...

Олег... всюду один Олег. И вот это всё читала Лариска?! Ничего из того, что случилось с Лизой на осеннем балу, не было ею описано, но всё равно невыразимо стыдно было перечитывать сейчас эти наивные детские признания.

Она разорвала тетрадь на мелкие клочки и сожгла их в тазу. Стало немного легче...

Подумав, Лиза начала решительно собираться. Ей необходимо было увидеть Олега и поговорить с ним.

Слова сестры о беременности занозой засели в голове. А что если это правда? Разумеется, Лиза не могла не думать об этом и не исключала такой возможности. Ей было не пять лет, она прекрасно знала, что детей не аист приносит, а получают они как раз в результате того, что было между ней и Олегом. Пока, наверное, ещё рано было делать какие-то выводы, ведь прошло всего две недели. Однако Лиза надеялась, что пронесёт...

Она знала номер квартиры Тошиных, но не рискнула подняться и позвонить. А вдруг дома окажется кто-то из взрослых? Уселась на скамейку возле подъезда и приготовилась ждать сколько потребуется. Рано или поздно Олег должен был появиться. Лиза даже не думала о том, что здесь её запросто может застукать тётя Алла, портниха, и резонно поинтересоваться, какого рожна девчонке понадобилось в чужом дворе.

Однако вместо тётки Аллы или самого Олега она увидела Динку Старцеву: та завернула во двор со стороны улицы и направилась к подъезду Олега, небрежно помахивая полиэтиленовым пакетом "Мальборо". Очевидно, явилась в гости к своему ненаглядному.

Казалось, Старцева совсем не удивилась, обнаружив Лизу на скамейке. Подошла, молча присела рядом. Некоторое время обе не произносили ни звука. Наконец, Динка нарушила затянувшееся молчание.

— Не вздумай преследовать Олега и шпионить за ним. Поняла? — спросила она почти ласково.

— Я и не преследую... — растерянно пробормотала Лиза.

— Ну да, конечно, — Старцева утомлённо вздохнула. — В школе проходу ему не даёшь, глаз с него не сводишь... На осеннем балу, чуть только я отлучилась — сразу кинулась приглашать Олега на танец...

— Я кинулась? — у Лизы глаза полезли на лоб от такой наглой клеветы.

— Ну а кто? Не он же. Олег уже сам не знает, куда от тебя деваться. Он мне признался, что ты к нему неровно дышишь... да и я не раз замечала, как ты на него смотришь. Гордость надо иметь, Лизюкова.

— Гордость?.. — переспросила Лиза в замешательстве.

— Именно. Знаешь ведь, что Олег не свободен. Что у нас с ним всё серьёзно. А сама ему на шею вешаешься... некрасиво. Нет, ты вообще-то девчонка неплохая, — добавила она почти великодушно, — поэтому я с тобой сейчас нормально разговариваю. С другой бы даже время тратить не стала... Подстерегли бы её вечером на тёмной улице и... — Старцева красноречиво умолкла. Не нужно было пояснять — Лиза всё прекрасно поняла.

— Ты мне угрожаешь? — переспросила она, не веря своим ушам.

Динка хрустально рассмеялась:

— Милая моя, это не угроза. Это дружеское предупреждение. Говорю же, я хорошо к тебе отношусь, поэтому решила поначалу просто... по-человечески. Или мы не люди?

Лиза молчала.

— В общем, надеюсь, Лизюкова, ты меня услышала, — Старцева поднялась со

скамейки. — Не приходи сюда больше и не пытайся его выследить. И в школе тоже держись от Тошина подальше. Поняла?

Лиза как-то заторможенно кивнула.

— Ну вот и славненько. Я знала, что мы поймём друг друга, — лучезарно улыбнувшись, одноклассница поплыла к подъезду.

38

НАШИ ДНИ

Марина, сентябрь 2019

Идут последние минуты эфира. Белецкий отвечает на звонки радиослушателей, преимущественно радиослушательниц. Каждая вторая признаётся ему в любви, и я невольно начинаю сочувствовать артисту. Каково это — быть объектом обожания миллионов? Причём очевидно же, что клюют они прежде всего на яркую внешность, а не на талант. Большая часть поклонниц ни разу не видела Белецкого на театральной сцене и в серьёзном кино, пленившись очередной проходной ролью в каком-нибудь костюмном псевдоисторическом сериальчике, куда из-за аристократической внешности его так любят приглашать режиссёры...

Интересно, уехал ли Карик домой? Мысли о нём против воли продолжают роиться в моей голове, и я отчаянно трушу, опасаясь новой встречи. Если он снова начнёт настаивать и заливать о своём большом и светлом чувстве... чёрт, ну я же не железная. Он небезразличен мне. Я действительно больше не хочу с ним отношений, но... я всё-таки до сих пор его люблю.

Завершаю передачу и, передав эстафетную палочку коллегам-новостникам, выхожу вместе с Белецким из студии. С опаской озираюсь — Руденского пока нигде не видно, но он может перехватить меня по пути.

— Простите, Александр, вы сейчас куда направляетесь? — интересуюсь я у артиста, набравшись наглости.

— Прямо сейчас? На парковку, а затем в театр на репетицию, — невозмутимо отвечает он.

— Мы можем вместе спуститься... и выйти из здания тоже вместе? — робко прошу я.

— Вы кого-то боитесь? — спрашивает он понятно. Я сконфуженно киваю. Ну и пусть он после этого считает меня идиоткой...

Предчувствия не обманывают — едва мы приближаемся к лифту, как из-за угла появляется Карик и с ходу хватается меня за руку:

— Марин, можно тебя на минуточку?

Господи, ну почему же с ним так трудно... Мне казалось, я вполне доходчиво и понятно объяснила, что ничего больше от него не хочу!

— Нет. Оставь меня, пожалуйста. Я уйду, — пытаюсь высвободиться, но Руденский держит меня железной хваткой.

— Ну, так просто ты не уйдёшь! — шипит он в ярости. Мне ужасно стыдно за эту сцену, которая разворачивается на глазах у Белецкого. Не оставляя попыток освободиться, я резко дёргаю руку, но Карик продолжает тянуть меня к себе.

— Эй, полегче, молодой человек, — говорит Белецкий. Тон его обманчиво спокоен, но

стоит взглянуть ему в глаза — и леденящий холод буквально парализует собеседника. Вижу, что Карик теряется от такого красноречивого предупреждающего взгляда и выпускает мою руку.

Меня колотит крупная дрожь, я мечтаю поскорее убраться отсюда. Белецкий, легко считывая моё состояние, ободряюще улыбается:

— Марина, не подскажите мне, где тут у вас поблизости можно перекусить? Я не успел позавтракать. Желательно, чтобы было не слишкомлюдно и в меру съедобно. И, кстати, если составите мне компанию — я буду просто счастлив, — любезно добавляет он.

— Компанию?.. — я растерянно хлопаю мокрыми от слёз ресницами, но тут же хватаюсь за эту мысль как за спасительную соломинку. — Да-да, с удовольствием. Тут недалеко, я покажу!

Карик испепеляет меня практически ненавидящим взглядом.

— Ладно... — цедит он сквозь зубы. — Мы потом с тобой поговорим.

— Сомневаюсь, — я качаю головой.

Белецкий как ни в чём не бывало берёт меня под руку и уверенно заводит в лифт. Мы молча спускаемся, садимся в его машину, всё так же не говоря ни слова, и выезжаем с парковки.

— Выпейте воды, — артист протягивает мне запечатанную бутылку минералки. — Куда вас отвезти? У меня ещё полно времени.

— Вообще-то, мне надо в университет, но... вы же хотели поесть, — отзываюсь я растерянно.

— Я дома завтракал. Просто нужно было придумать повод, чтобы отбить вас у этого... излишне пылкого молодого человека, — Белецкий улыбается, и я невольно улыбаюсь в ответ, поддавшись обаянию его знаменитой улыбки — добрые милые морщинки лучиками разбегаются от синих, как море, глаз.

— Простите меня за эту сцену, — говорю я смущённо.

— Перестаньте. Не вы же её устроили, — он качает головой. — Вы, кстати, отлично держались.

— Держаться нету больше сил*, — криво улыбаюсь я. Белецкий неожиданно радуется как ребёнок:

— Ух! Вот уж не думал, что девушка вашего возраста может цитировать мультфильмы моего детства. Мы с вами всё-таки из разных поколений.

— Отец, царство ему небесное, угнетал нас воспитанием... — к месту вворачиваю я фразу из “Трёх сестёр”, и это производит такое колоссальное впечатление на Белецкого, что он едва не выпускает руль из рук.

— За Чехова я вообще весь ваш, с потрохами! — шутит он. — Нет, в самом деле, Марина, мне очень приятно узнать, что молодёжь в двадцать первом веке вовсе не так безнадежна, как принято о ней думать, — последнюю фразу он договаривает нарочито старческим, шамкающим голосом, и мы оба весело хохочем.

— Сколько вам, небось уже сорок? — спрашиваю я в притворном ужасе.

— Сорок три, — отвечает он скорбно, и я делаю вид, что эта цифра приводит меня в натуральный шок.

— Боже мой, какой кошмар!..

В общем, если он и ставил своей задачей развеселить меня и отвлечь от мыслей о

Карике — у него это прекрасно получилось.

Белецкий довозит меня до универа и, порывшись в бардачке, вдруг протягивает две бумажные полоски:

— Это пригласительные на вечерний спектакль. Можете сами прийти, можете отдать кому-нибудь.

— Спасибо вам, — я улыбаюсь до самых ушей, обрадованная этим внезапным подарком. — Ни за что никому не отдам! Обязательно приду!

Уже предвкушаю, в каком восторге будет Лёлька — разумеется, именно она и составит мне компанию в сегодняшнем походе в театр. Сам Белецкий пригласил!.. Да она умрёт от счастья.

— Ну, тогда до встречи! Берегите себя, — он подмигивает на прощание и уезжает.

А я, направляясь в сторону своей alma mater, по инерции всё ещё рассеянно улыбаюсь и не подозреваю, сколько новых “сюрпризов” готовит мне сегодняшний день...

**“Держаться нету больше сил” — ставшая крылатой фраза из научно-фантастического мультфильма “Тайна Третьей планеты” (1981), которую произносит птица Говорун.*

39

Первый облом ожидает меня уже на лекции — Лёльки нет.

Это что-то новенькое... Несмотря на внешнюю взбалмошность и кажущуюся беззаботность, моя подруга совсем не легкомысленна: она весьма серьёзно относится к учёбе и крайне редко пропускает пары без уважительной причины.

Прячу телефон под столом, чтобы преподша меня не спалила, и набираю сообщение:

“Ты где? Почему не в универе?”

Ответ заставляет меня ещё больше насторожиться:

*“Проспала! Первый раз в жизни проспала!”**

Та-а-ак... Интересно, и по чьей же это вине? Кто не дал Лёльке выспаться? Почему-то мне кажется, что я знаю ответ.

“А что случилось? — пишет она, не дождавшись моей реакции. — У тебя что-то срочное? Думаю, ко второй паре я успею подъехать”.

“Жду! — отвечаю я. — Имей в виду, у меня на тебя сегодня грандиозные планы!”

Узнав, что я располагаю двумя билетами в театр и личным приглашением самого господина Белецкого, Лёлька, недоверчиво зажмурившись, несколько секунд просто оглушительно визжит. Хорошо, что это происходит не в аудитории во время занятия, а на перемене. Однако восторг в подружкиных глазах заметно утихает, когда она обращает внимание на время начала спектакля: девятнадцать ноль-ноль.

— Блин, — произносит Лёлька в замешательстве. — Это точно сегодня?

— Точнее не бывает, — я пожимаю плечами. — А что не так?

Подруга мнётся, не зная, как сообщить мне неприятное известие, и я догадываюсь, что она сейчас “сольётся”.

— Видишь ли, — Лёлька отводит взгляд, — Рус пригласил меня вечером в кино, а потом мы идём в ресторан...

Я молчу. А что тут можно сказать? Вполне понимаю Лёльку. Если бы мне пришлось выбирать между походом в театр в компании подруги (ну и пусть в главной роли в спектакле задействован потрясающе красивый и талантливый, но всё же посторонний мужик) и свиданием с нравящимся мне парнем — я, несомненно, предпочла бы второе. Могу ли я в таком случае винить Лёльку за то, что она хочет провести вечер с Русом, а не со мной и Белецким?!

— Ну ладно, — пытаюсь скрыть разочарование, говорю я беззаботным тоном. — Постарюсь найти себе другую компанию на вечер... Так значит, вы с Русом встречаетесь?

При этом вопросе Лёлькино лицо принимает блаженно-счастливое выражение, и она захлёбывается начинает рассказывать мне о том, как они целую ночь напролёт катались по городу — оказывается, у Руса есть мотоцикл, и это было так романтично и так волнующе!..

Одна половина меня искренне радуется за Лёльку, другая — самую чуточку завидует и одновременно пытается прикинуть, кому сплавить второй пригласительный. Можно было бы, конечно, наплевать на условности и вообще отправиться в театр одной, но будет очень обидно, если билет пропадёт.

Лёлька, невольно чувствуя свою ответственность за эту маленькую накладку, изо всех сил пытается помочь мне разругать ситуацию и внезапно предлагает:

— Пригласи маму... или бабушку! А что, хорошая идея! Когда Евдокия Тимофеевна в последний раз была в театре?! А тут, к тому же, сам Белецкий!.. — с пафосом изрекает она.

Я задумываюсь. А почему бы, собственно, и нет? Бабушка — так бабушка. Она и в самом деле тысячу лет не выбиралась из дома, чтобы культурно развлечься.

— Ты правда не обижаешься? — спрашивает Лёлька, виновато шмыгнув носом. Я смеюсь и крепко обнимаю подругу.

— Дура, что ли? На что мне обижаться?! Я страшно рада за тебя, особенно если у вас с Русом всё серьёзно.

— Не знаю... — тянет она неопределённо, но губы её уже расплываются всё в той же идиотски счастливой, широченной, потрясающе довольной улыбище. — У меня от него просто крышу срывает! Он такой... такой... — Лёлька не находит подходящих слов и в порыве чувства просто молча трясёт в воздухе сжатыми кулачками.

— Ужасно за тебя рада, — повторяю я. — Уверена, что у него крышу срывает не меньше!

В течение дня Карик пытается звонить мне ещё несколько раз, и я, поколебавшись, всё-таки заново его номер в чёрный список. Проблема временно решена, но что прикажете делать на работе? Не могу же я вечно бегать от него и прятаться по углам... Ощущения не самые уютные, и я впервые всерьёз задумываюсь о том, что, если Руденский не прекратит терроризировать меня своей “любовью”, мне придётся уйти с радио. Чёрт, чёрт, чёрт, я совершенно не хочу увольняться! Но... так дальше тоже продолжаться не может.

Эта головная боль не даёт мне покоя, поэтому, завернув в собственный двор, я не смотрю по сторонам и не замечаю ничего вокруг. Подхожу к тяжёлой железной двери и уже начинаю автоматически набирать код, как вдруг меня словно толкают в спину. Быстро оборачиваюсь и вижу, что на лавочке возле подъезда сидит... Илья.

НАШИ ДНИ

Илья, сентябрь 2019

Удачно, что Мариша сама заговорила со мной. Я до последнего опасался, что не смогу её узнать, когда увижу. Пришлось, конечно, подстраховаться: я нашёл её аккаунт в сети и досконально изучил последние фотографии — цвет глаз и волос, причёску, одежду. Это не давало стопроцентной гарантии (и причёску, и одежду, и даже цвет волос девушки меняют очень часто), но всё-таки вселяло в меня больше уверенности.

Одежда оказалась другая. Причёска тоже. И всё-таки я *узнал* её... Узнал, но почему-то не решился окликнуть по имени, когда она прошла мимо, даже не взглянув в мою сторону. Следовало немедленно позвать, задержать её, но я отчего-то разволновался, размышляя, как Мариша отреагирует на моё появление.

Стоя у двери подъезда, она внезапно обернулась сама.

— Илья?

Её голос... Тот, который невозможно спутать ни с чьим другим.

Я поднялся со скамейки. Мариша медленно шла навстречу, впившись в меня взглядом, и я привычно отвёл глаза.

— Что ты тут делаешь?! С ума сойти, да откуда ты взялся? Как меня нашёл? Или... — она сделала небольшую паузу, — или ты *не меня* искал? Это что, такое невероятное совпадение?

Я попытался ответить и вдруг осознал, что улыбаюсь — улыбаюсь по-настоящему, своей собственной, а не вежливо-отрепетированной улыбкой. Это получилось как-то само собой. Оказывается, я просто ужасно обрадовался встрече!

Мариша тоже обратила на это внимание.

— Впервые вижу, как ты улыбаешься... — сказала она, и на её щеках появились знакомые ямочки.

И вот теперь мы сидим с ней на скамейке и разговариваем. Мариша забрасывает меня бесконечными вопросами и, кажется, тоже по-настоящему радуется моему визиту. Я плохо понимаю чужое притворство, но, по-моему, ей сейчас совершенно незачем врать, она искренна в своей радости.

— И всё-таки, откуда ты знаешь мой адрес, Илья? — спрашивает она после моего признания, что я приехал целенаправленно к ней и никаким случайным совпадением тут и не пахнет.

Я объясняю:

— Адрес легко пробивается по номеру телефона.

— Но я ведь не давала тебе номер?

— Я сам его себе сохранил. Там, в клубе... когда разбирался с твоим мобильным, сделал звонок на свой телефон.

— Ах, вон оно что...

— Ты сердишься? — уточняю я на всякий случай, но Мариша качает головой.

— Нет, что ты... мне это даже приятно. Просто неожиданно. А почему же ты сначала не

позвонил? Вдруг я бы вернулась домой очень поздно... Ты так и торчал бы здесь до ночи?

— У меня сегодня много свободного времени, я был готов ждать. А звонить... звонить и разговаривать по телефону я вообще не очень люблю, И ещё хуже понимаю собеседника, чем при личном контакте, — честно отвечаю я. — Мне проще общаться в письменной форме.

— Ничего не имею против письменной формы! — Мариша снова улыбается *с ямочками*, и я таращусь на них, не в силах отвести взгляд. — В следующий раз можешь спокойно писать мне в вотсап.

— Хорошо.

— Так значит... значит, ты приехал просто потому, что захотел меня увидеть? — спрашивает она.

— Да, — киваю я. — То есть нет! Не только за этим. У меня есть для тебя кое-что...

— Кое-что? — переспрашивает Мариша. Кажется, она очень удивлена.

— Подарок.

— Подарок?! А по какому поводу? У меня же не день рождения...

— Вот, держи, — я протягиваю ей фирменную упаковку. — Это чехол специально для твоего смартфона.

— Что?

— Чехол для смартфона, — повторяю я. — Водонепроницаемый и противоударный. В этом чехле твой телефон выдержит падение даже с десятиметровой высоты.

— Офигеть... — шепчет Мариша. — Это вот что, правда — *мне?*

— Да, конечно, я выбирал специально для тебя. Управление смартфоном останется таким же лёгким, как если бы ты пользовалась им без чехла. Работает при температурах от минус десяти до плюс шестидесяти градусов по Цельсию. А ещё можно заниматься дайвингом и делать подводные снимки, погружаясь на глубину до сорока метров... здесь есть специальные крепления на руку. Ты фотографируешь под водой?

— Н-нет...

— Теперь можешь начать. К тому же этот чехол — надёжная защита от снега, грязи, дождя и пыли. Тебе нравится? — почему-то мне очень важно, чтобы она ответила положительно.

— Да, очень... — отзывается Мариша. — Я, честно говоря, немного в шоке, но... это нужный и по-настоящему классный подарок! Спасибо большое, Илья!

И уже через секунду я чувствую прикосновение её губ к своей щеке.

Она целует меня!

Первый порыв — отшатнуться. Усилием воли сдерживаюсь, потому что знаю по опыту — это может обидеть. В конце концов, ничего страшного не произошло, вот она уже и отстранилась. Ну подумаешь — поцеловала в щёку. Не так уж и неприятно было. Откровенно говоря, вовсе не неприятно. Так... странно немного. Необычно.

— Зайдёшь в гости? — спрашивает между тем Мариша, кивая в сторону подъезда. — Родители на работе, дома только бабушка и кот. Они не будут тебя беспокоить, честно. Я накормлю тебя обедом...

— Нет, не хочу, — быстро отвечаю я. Незнакомое место, знакомое общество... пусть даже это “только бабушка и кот”. Я пока не готов к новым впечатлениям.

— Ну... может быть, в другой раз?

— В другой раз, — послушно повторяю я, радуясь, что она не стала настаивать.

— Тогда я, наверное, пойду домой... Ты не обидишься?

— Не обижусь. Просто...

Просто это меня огорчит, хочу сказать я ей, но вслух почему-то говорю другое:

— Мне с тобой очень хорошо.

Мариша некоторое время молчит, словно обдумывая мои слова.

— А хочешь, вечером опять увидимся? — спрашивает она.

— Хочу, — отвечаю я.

— Ты пойдёшь со мной в театр?

Вопрос на некоторое время ставит меня в тупик. С театром, как и со всеми остальными общественными местами, у меня сложные отношения. Мама пыталась приобщить меня к походам на спектакли в детстве, но в лучшем случае я испытывал там жуткую скуку, а в худшем — дискомфорт, тревожность и агрессию.

Мне сложно понять сюжет спектакля, намного сложнее, чем, к примеру, сюжет фильма или книги. По достоинству оценить игру актёров мне тоже не дано, я воспринимаю только буквальное — то, *что* они говорят, не различая мимику и не угадывая эмоционального контекста сцены. Я легко запоминаю имена действующих лиц в спектакле, но если артист в процессе сменит одежду — мне не понятно, что это один и тот же персонаж.

К тому же, мне просто некомфортно в подобных местах. Чтобы не выделяться из общей массы и не привлекать внимания, приходится притворяться и изображать эмоции, которых я на самом деле не испытываю. Смеяться, когда зрители в зале хохочут. Хлопать в ладоши, когда они начинают аплодировать. Наверное, всё это роднит меня с артистами на сцене — те люди тоже всего лишь *изображают* положенные эмоции. Только для них это профессия, а для меня — средство выживания в толпе.

Видимо, моё молчание слишком затягивается, потому что Мариша прикасается к моей руке, а я борюсь с желанием её отдёргнуть...

— Пожалуйста, Илья, — говорит она. — Мне будет очень приятно, если ты составишь мне компанию. А потом... после театра можем зайти в кафе, съесть что-нибудь вкусненькое... Выпить не предлагаю, — добавляет она, — мне завтра рано вставать на работу. Ну так что?

— Хорошо, — я несколько раз киваю, хотя не уверен, что поступаю правильно. — Я пойду с тобой в театр. Пойду.

41

ПРОШЛОЕ

Лиза, декабрь 1994

Вторая школьная четверть пролетела как один миг, Лиза и оглянуться не успела. Ноябрь, декабрь... В магазинах уже вовсю продавались ёлочные игрушки, мишура, электрические гирлянды и хлопушки с бенгальскими огнями, а народ с бешеной энергией кинулся закупаться для самого главного застолья в году консервированным горошком и кукурузой, селёдкой и крабовыми палочками, колбасой, сгущёнкой, а также коробками шоколадных конфет и шампанским.

Лизу не трогала царящая вокруг предновогодняя суета. Она жила все эти недели как по инерции. Заставляла себя вставать по утрам, борясь с тошнотой и слабостью, собиралась в школу, там на уроках ради приличия делала вид, что слушает учителей, на подсказках и

списываниях медленно подгребала к концу года и зарабатывала себе четвертные тройки. Многие учителя расстроено качали головами: девочка съехала, непонятно о чём и думает в выпускном классе, но Лиза плевать хотела на их нотации.

С Тимкой они так и не помирились, да Лизе было и не до этого. С Тошиным она тоже не перекинулась за всё время даже словечком. Однажды во время урока английского Лиза поймала на себе странный, внимательно-изучающий взгляд Олега, но ей было всё равно. Эмоции и переживания словно притупились, ею овладели сонливость, вялость и равнодушие.

Разумеется, Лиза догадывалась, с чем связаны её слабость и общее недомогание. Но у неё совершенно не осталось сил волноваться и переживать по этому поводу, хотя она и понимала — нужно что-то с этим делать, и как можно скорее. Вот только она не представляла, с чего начать... В ней по-прежнему теплилась слабенькая, робкая надежда, что, возможно, всё ещё не так страшно. Что она себя просто накрутила, а на самом деле, несмотря на задержку, никакая это не беременность, просто сбой в организме на нервной почве. Так что сначала нужно было получить подтверждение своим догадкам.

Идти в поликлинику и сдавать кровь с мочой на анализ? Ну нет, это точно не вариант... Лиза припомнила, что в некоторых газетах размещались объявления о частных клиниках, где анонимно можно было сдать анализы на что угодно, от беременности до ВИЧ. Она выписала себе несколько адресов и решила съездить туда на каникулах. Были ещё какие-то суперновые, крутые заграничные тесты на беременность: даже кровь не требовалось сдавать, достаточно было просто пописать на бумажную полоску. Всё это стоило недёшево, а у Лизы совершенно не было лишних денег. Если всё-таки окажется, что она беременна, то перед ней закономерно встанет другой вопрос — где взять денег на аборт? Лизе абсолютно не к кому было обратиться с такой деликатной просьбой. Не к Тимке же... Вот разве что к сестре. Она старше, опытнее, она должна понять её как женщина — женщину...

Лариска, к слову, и так в последние дни посматривала на Лизу подозрительно. Однажды, словно мимоходом, попросила у младшей сестры прокладку, а затем невинно заметила:

— Странно, раньше у тебя месячные всегда начинались перед моими. А сейчас упаковка совсем целая...

Лиза ничего не ответила, её знобило. Она натянула пижаму, улеглась в постель, накрылась одеялом с головой и свернулась клубочком.

— Да что с тобой, доча? — переживала и мама. — Новый год скоро... Твой любимый праздник, а ты совсем у меня без настроения. Болит что-нибудь? Или влюбилась?

— Не болит, — глухо отвечала Лиза. — И не влюбилась.

Встречать Новый год они должны были в узком семейном кругу — родители, Лиза и Лариска со своим новым парнем.

Лиза плохо его знала, но за те пару раз, что им довелось мельком увидеться, он ей совершенно не понравился. Звали его Гена, он учился в ПТУ и был моложе Лариски на четыре года. Сестра страшно комплексовала по этому поводу и велела даже не заикаться в Генином присутствии о её реальном возрасте. “Пусть думает, что мы с ним ровесники!” — предупредила она родных. Был Гена татуирован и бритоголов, носил маскирующую кожаную кепку, будто навечно прилипшую к его голове.

Расселись за столом в десять часов вечера, чтобы до полуночи традиционно обожраться до икоты. На экране телевизора всю пели и плясали звёзды отечественной эстрады. Лиза сидела ровно, точно жердь проглотила, и старалась не смотреть в сторону нарезанной сырокопчёной колбасы, на обжаренные в масле толстые куски батона, смазанные майонезом с чесноком и увенчанные жирными пахучими шпротами, на отвратительно застывший свиной холодец. Обилие застольных запахов вызывало у неё тошноту, и Лиза тщетно пыталась справиться с этим, подавляя рвотные позывы. Зато Гена не жаловался на аппетит и уминал так, что за ушами трещало — Лариска с мамой не успевали умиляться и подкладывать ему всё новые и новые кушанья.

Когда Лизе стало совсем невмоготу, под предлогом отлучиться в туалет она незаметно выскользнула на балкон. Сгребла ладошками с перил белый рассыпчатый снег, отёрла им пылающее лицо, а затем засунула горсть снега в рот и жадно проглотила.

Скрипнула дверь.

— Не помешаю?..

На балконе материализовался Гена с сигаретами.

— Покурить хотел, — объяснил он своё появление.

— Вообще-то, как раз помешаете, — мрачно отозвалась Лиза. — Я вышла подышать свежим воздухом, а вы будете на меня дымить.

— Да не бухти, я же в сторонку... — осклабился он.

Лиза промолчала. Гена чиркнул спичкой о коробок, со вкусом затянулся. Некоторое время они оба молчали, но Лиза отметила боковым зрением, что парень сестры нет-нет да поглядывает на неё. Поглядывает с интересом. И этот явный мужской интерес ей совсем не понравился.

42

Наконец, не выдержав назойливого внимания, Лиза первой бросилась в атаку.

— Ну и чего вы уставились? — спросила она грубо.

— Симпатичная девчонка, что — уже и посмотреть нельзя? — Гена пьяно рассмеялся и выдохнул дым ей в лицо, обдав, помимо этого, запахом чеснока и селёдки с луком. Лизу чуть не вырвало, и она решительно собралась вернуться в квартиру. Но для этого ей пришлось бы протискиваться мимо Гены, прижавшись к нему почти вплотную...

— Может, встретимся как-нибудь? — невозмутимо предложил вдруг он. — Сходим погуляем, в кафешке посидим, музыку послушаем... Ты какую музыку любишь?

Лиза не верила своим ушам. Этот козёл пришёл к ним в дом на правах жениха старшей сестры и теперь вот так нагло, чуть ли не на Ларискиных глазах, клеит младшую?!

— Вы в своём уме? — спросила она холодно, в душе совершенно растерянная и не знающая, как лучше поступить. Было почему-то ужасно обидно за Лариску. А ещё противно. И опять затошнило...

— А что здесь такого? — Гена пожал плечами. — Нравишься ты мне. Я сразу на тебя внимание обратил. Вот... с тех пор и поглядываю.

Это было уже слишком. Преодолевая отвращение и игнорируя ухмылку Гены, Лиза всё-таки протиснулась мимо него к двери и выскользнула с балкона. Шмыгнув обратно к столу, она наклонила голову, чтобы спрятать пылающие щёки. В голове её словно колотились тысячи отбойных молоточков.

Родители и Лариска продолжали таращиться в телевизор, машинально что-то жуя, и

никак не отреагировали на её появление. Лиза медленно опустилась на стул и, вдруг решившись, резко и зло постучала вилкой по столу, привлекая всеобщее внимание.

— Лариска! — сказала она громко. — А твой кавалер меня только что на свидание позвал. Пойдём, говорит, как-нибудь погуляем... как считаешь, соглашаться или нет?

Кровь отхлынула от щёк старшей сестры. Мама ахнула:

— Да что ж такое... Ты что говоришь-то, доча?!

— А в чём дело? Что не так? — Лиза передёрнула плечами. — Вон этот... Гена... даже на секунду не усомнился, а не по-свински ли он поступает. Ему всё нормально! Я и думаю — если тут и в самом деле “ничего такого”, то почему бы мне с родными не посоветоваться?

— Гена, о чём она? — холодно спросила Лариска вернувшегося в комнату парня. Тот, сразу поняв, о чём идёт речь, заметно побледнел, а глазки воровато забегали.

— Да пошутил я... пошутил! Больно мне надо с малолеткой возиться. Просто хотел ей комплимент сделать и взбодрить немного, а то она весь вечер кислая сидит. Чё вы, прям... как дети ведётесь!

— Ну конечно пошутил! — с облегчением выдохнула мама, натужно улыбаясь. — Лизочка, Гена просто хотел тебя развеселить...

— Угу... развеселил. Добро пожаловать в клуб весёлых и находчивых, — буркнула Лиза, выскакивая из-за стола. Она вдруг почувствовала, что смертельно устала.

— Куда ты? — растерянно пролепетала мать. — Новый год через пятнадцать минут...

— Хватит с меня этого балагана! — Лиза покачала головой. — Я иду спать. А вас всех — с наступающим!

Она даже не стала зажигать свет в их с Лариской комнате, не стала переодеваться — просто повалилась на кровать в чём была и крепко зажмурилась. Нестерпимо жгло где-то в груди и очень хотелось плакать...

Однако побыть одной ей не дали. Уже через несколько минут в спальне дочерей появилась мама. Она присела на кровать рядом с Лизой, наклонилась, обдавая её чуть хмельным дыханием, и горячо зашептала:

— Ну зачем ты это сделала, Лизок? Даже если это правда... зачем вот так — при всех?

Лиза возмущённо приподнялась на локте.

— А что, надо было молчать и делать вид, что всё нормально?! А если этот урод продолжал бы ко мне клеиться, то ради соблюдения приличий я должна была улыбаться и не возражать?

— Но ты поставила Лорочку в такое неудобное положение...

— Перед кем, мам? Тут же все “свои”...

— Ах, свои?! — раздалось от двери. Вспыхнул яркий электрический свет, и Лиза с матерью увидели Лариску. Она была злющая, как чёрт.

— Ну, раз свои — что же ты, красавица моя, не расскажешь семье самую главную новость? — ядовито произнесла она, буравя сестру взглядом. — Что ж не поделишься радостью?

— Какой радостью? — робко спросила мать, ожидая подвоха. Слова старшей дочери мало вязались с её агрессивным тоном и обвиняющим взглядом.

— А такой, мамуля. Готовься стать бабушкой в новом году! Сюрприз-и-из!..

— Ба... бабушкой? — мать в очередной раз ахнула и зажала себе рот руками, молча качая головой. Затем, справившись с эмоциями, всё-таки с трудом выговорила:

— Лорочка, ты...

— Да я-то тут при чём? — перебила Лариска. — Это не я, а ваша любимая младшенькая дочурка скоро всех осчастливит. Какой срок-то уже, Лизочек? — спросила она визгливо.

— Два месяца, — равнодушно отозвалась Лиза и, не реагируя больше ни на что, снова легла, отвернувшись лицом к стене.

Из соседней комнаты донёсся торжественный и величавый перезвон кремлёвских курантов, транслируемый по телевизору.

Новый год наступил...

43

НАШИ ДНИ

Марина, сентябрь 2019

Мы договорились встретиться прямо в театре.

Я вхожу в фойе и сразу же вижу Илью — он сидит на скамейке, прислонившись затылком к стене; в ушах наушники, глаза закрыты. Со стороны он выглядит вполне спокойным и расслабленным, но когда я подхожу ближе, то замечаю, как нервно подрагивают его пальцы, цепляясь за края одежды и пуговицы. Он в сильном напряжении.

— Илья! — громко зову я, боясь напугать его и всё же не решаясь дотронуться. Он открывает глаза.

— Как ты? Всё в порядке? — спрашиваю я. В его глазах смятение. Я понимаю, что всё далеко не в порядке, и в ту же секунду до меня доходит, какая тупая на самом деле была затея с театром. Илья не любит толпу. Он боится её. Он испытывает стресс, находясь среди множества людей. Вот и сейчас, когда мы с ним начинаем пробираться к гардеробу, я чувствую, какой буквально физический дискомфорт испытывает Илья. Он вжимает голову в плечи, неловко перетаптывается на месте, если видит идущего навстречу человека, точно боится столкновения и предпочитает вовсе уйти с его пути, смотрит в пол...

— Ты приехал на такси? — спрашиваю я.

— Нет, нет. На метро. Я приехал на метро, — быстро и нервно отвечает он. — На метро быстрее. На такси можно попасть в пробку. Я боялся опоздать. Не люблю опаздывать. Поэтому я поехал на метро. Я сел на станции “Тимирязевская”, проехал четыре станции и вышел на “Чеховской”. Там сделал переход на “Пушкинскую” и вышел в город. От метро я шёл пешком. Пятнадцать минут быстрым шагом... — речь его становится всё быстрее и бессвязнее. Я вижу, что он ужасно волнуется и никак не может успокоиться.

— Так, стоп, — прерываю я его излияния, а затем вспоминаю, как в клубе вёл себя с ним Рус во время срыва, и пытаюсь вести себя так же.

— Я тебя поняла, — произношу внятно и отчётливо. — Я услышала тебя, Илья. Всё в порядке, ты не опоздал, мы встретились... больше незачем переживать.

Поколебавшись, всё-таки беру его за руку. И убейте меня, если в этом жесте есть хоть капля романтики или флирта. Скорее уж, это похоже на то, как мать берёт ребёнка “за ручку”, чтобы не потерялся в толпе... Илья до боли стискивает мои пальцы, лихорадочно сжимает их — то сильнее, то ослабевая хватку, и это тоже не заигрывания и не демонстрация мужского интереса. Его это успокаивает, только и всего.

Решительно веду его за собой — сначала в гардеробную, а затем на всякий случай интересуюсь, не нужно ли ему в туалет (действительно, словно мама с ребёнком), на что это великовозрастное дитя честно отвечает, что посетил туалет дома и ещё не успел снова захотеть.

Слава богу, двери в зал уже открыты и зрителей пускают внутрь. Я быстро показываю билетёрше пригласительные и, не выпуская руки Ильи, веду его к нашим местам.

Усаживаемся в третьем ряду. Вид на сцену просто шикарный, и в другое время я натурально умерла бы от восторга, предвкушая потрясающий вечер, но сейчас все мои мысли заняты только одним: сделать так, чтобы Илья чувствовал себя как можно спокойнее и защищённее.

По нашему ряду движется какая-то толстуха в чёрном бархатном платье. Она нависает над Ильёй, надеясь, что он прижмётся к спинке сиденья и уберёт ноги из прохода, но этот инопланетянин не понимает намёков и не может предугадывать чужих желаний, продолжая сидеть как сидел.

— Илья, — негромко говорю я ему, — можешь немного отодвинуться назад? Женщине нужно пройти.

Он послушно и безропотно делает то, что я ему говорю, но толстуха всё-таки не удерживается от ядовитой шпильки:

— Развалился, как у себя дома... ни ума, ни воспитания.

Мои щёки пылают, но Илья, кажется, не принял эти слова на свой счёт... а если и принял, то не обиделся. Зато *мне* становится очень обидно за него.

Илья по-прежнему крепко сжимает мою ладонь. Я чувствую, что у меня начинают неметь пальцы.

— Ты сегодня без спиннера? — спрашиваю я. Он несколько раз кивает.

— Забыл. Оставил дома. Обычно я никуда без него не выхожу...

Решившись, я стягиваю через голову нитку бус, которую купила в “Accessorize”.

— Возьми, — предагаю ему, — можешь перебирать бусины. Можешь их даже порвать, ничего страшного, — великодушно добавляю я, хотя на самом деле мне будет ужасно жаль, эти бусы — мои любимые.

Он послушно берёт у меня украшение. Разумеется, без всякого “спасибо”. От всей души надеюсь, что Илье сейчас полегчает... однако вместо этого его лицо кривится от отвращения.

— Здесь все бусины разной формы, цвета и размера. Никакой симметрии!

Невольно чувствую свою вину, хоть и не я лично нанизывала их на нитку.

Илья решительно разрывает нить и, высыпав бусины себе в ладонь, начинает методично рассортировывать их по цветам и формам в соответствии со своей логикой.

Я замечаю, что на нас обращает внимание девушка, сидящая слева. Её лицо кажется мне смутно знакомым, но я абсолютно уверена, что никогда не общалась с ней раньше. Девушка симпатичная, даже красивая. У неё длинные и тяжёлые светлые волосы, выразительные карие глаза... и она совершенно определённо смотрит на нас: сначала на меня, а затем переводит взгляд на Илью, и дальше уже целенаправленно поглядывает на него с явной заинтересованностью. Очень скоро это начинает меня раздражать: да она буквально прилипла к нему глазами!

Свет в зале гаснет, начинается спектакль. Перед зрителями разворачивается

бессмертный сюжет романа Толстого “Анна Каренина”, но по задумке режиссёра акцент сделан не на любовной истории Анны и Вронского, а на линии обманутого мужа. Все события показаны словно глазами Алексея Каренина... вот его-то роль и исполняет Белецкий. Он прекрасен и убедителен, на месте этой дурищи Анны я никогда не ушла бы от такого потрясающего мужа, но, к сожалению, полностью расслабиться и насладиться спектаклем я не могу. Ловлю себя на том, что то и дело кошусь в сторону Ильи и проверяю, как он себя чувствует. Ему же явно некомфортно, хотя отмечаю, что он старается “соответствовать” обстановке и вести себя как остальные зрители. Заметно, что он ужасно напряжён и едва ли получает хоть какое-то удовольствие от спектакля.

Незадолго до антракта Анна на сцене принимается громко выть и причитать, и это приводит Илью в ещё большее волнение. Я чувствую его учащённое дыхание, ощущаю бедром, как он нервно притопывает. Его нервозность постепенно передаётся и мне — кажется, я даже слышу, как отчаянно стучит его сердце. Самое раздражающее, что девушка слева по-прежнему не отрывает от него заинтересованного взгляда.

Наконец я сдаюсь.

— Давай выйдем из зала? — предлагаю Илье шёпотом. — Тебе нужен перерыв.

Он соглашается. Мы встаём и начинаем пробираться к выходу. Знаю, что это выглядит невежливо и неуважительно по отношению к артистам, но...

— Не могли до антракта дотерпеть? Приспичило обоим сразу? — шипит нам вслед толстуха в бархатном платье.

Я решаю плюнуть на всё и совсем увести Илью из театра. Уж лучше и правда погуляем... Он успокоится, мы поужинаем где-нибудь, нормально пообщаемся.

Конечно, ужасно жаль недосмотренного спектакля, насколько я успела убедиться — он действительно хорош. И Белецкий тоже невероятно хорош. Но... если очень захотеть — можно просто купить билет и прийти сюда в другой раз.

Мы спускаемся по лестнице к гардеробу, и вдруг я слышу женский голос:

— Илья!..

Оборачиваюсь и вижу ту самую девушку-блондинку из зрительного зала, поспешно догоняющую нас.

44

Незнакомка приближается, открыто и доброжелательно улыбаясь, а я невольно ловлю себя на мысли, что хочу закрыть Илью, заслонить, защитить от внезапной встречи. Может быть, я просто ревную? Девушка красива, этого сложно не заметить...

По поведению Ильи невозможно ничего понять. Знает ли он эту блондинку? Он молча ожидает её приближения, но не демонстрирует ни радости, ни недовольства, ни удивления.

Девушка торопливо сбегает вниз по лестнице и через несколько мгновений оказывается прямо перед нами.

— Извините, что потревожила, — говорит она мне. — Вы ведь Марина, я правильно понимаю?

Так, это ещё интереснее... Откуда она *меня* знает?!

— А я — Галя. Жена Саши, — не дождавшись ответа, представляется она и тут же, спохватившись, поясняет:

— Саши Белецкого.

Ах, вон оно что! Теперь понятно, отчего её лицо показалось мне знакомым. Мы не встречались в реале, но её фотографии я могла время от времени видеть в светской хронике или каком-нибудь глянце, вот внешность и примелькалась, отложилась в памяти.

Галя... кажется, она певица. Ну надо же, у Белецкого губа не дура — ему сорок три, а жене на вид от силы двадцать пять, а может, и меньше. К тому же, в этой девушке нет искусственности и наносного лоска, в ней всё натурально: и густые светлые волосы, и нежно-розовые губы, и высокая грудь, и тонкая талия.

— Он сегодня был у вас на радио, я слушала эфир... очень интересно и мило получилось. Вообще-то, Сашу нелегко разговорить, — она смущается, машинально заправляя за ухо длинный локон.

— А, да, спасибо, — я тоже смущаюсь, не понимая, чего она хочет от нас с Ильёй. Так, постойте... вопрос остаётся открытым: она что, и Илью тоже знает?

Галя тем временем негромко обращается к нему самому:

— Привет, Илья. Ты меня не помнишь?

Он неуверенно мотает головой, знакомо избегая чужого взгляда.

— Я Галя, — повторяет она. — Галя из Ялты... Вы приезжали на море с мамой... давно, мне тогда было лет четырнадцать... и снимали комнату у наших соседей, забыл?

— Помню, — неожиданно говорит он. — Я помню. Крым. Ялта, Гурзуф. Две тысячи девятый год. Июль.

— Ну вот, видишь... а меня вспомнил? — радуется Галя, и Илья снова утвердительно кивает.

— Галя. Да, помню. Галя Тесленко. Ты поёшь украинские песни, ходишь на берег моря на рассвете, умеешь прыгать со скал. Научила меня ловить ежей в ведро и воровать виноград. Я починил твой велосипед. Ты влюблена в соседа Данилу.

— О боже... — она хохочет. — Ты и *это* тоже помнишь?

Некоторое время мы все растерянно мнёмся друг напротив друга и не знаем, о чём говорить. Первая радость от встречи схлынула, но я вижу, что Гале не терпится забросать Илью вопросами, обменяться с ним какими-то воспоминаниями, понятными и знакомыми только им двоим... Тем временем Илья сообщает, что ему нужно в туалет, и оставляет нас наедине.

— Послушайте, Марина, — она обращает взгляд в мою сторону, — вы сильно торопитесь?

Я неопределённо пожимаю плечами и поясняю:

— Мы хотели выйти на свежий воздух. Илье на спектакле сделалось не очень хорошо. Вот, собирались пройтись...

— Давайте пройдемся, а потом посидим где-нибудь? — внезапно предлагает она. — Тут рядом есть небольшой уютный ресторанчик... Понимаю, что это звучит несколько навязчиво, но... я просто не ожидала увидеть Илью. Не поверите, как будто в своё детство вернулась! Ужасно скучаю по Крыму.

— Вы давно в Москве? — спрашиваю я.

— Три года. Приехала сюда, когда прошла отбор на телевизионное вокальное шоу... а потом встретила Сашу, — она застенчиво улыбается и становится ещё более хорошенькой.

— И вы не общались с Ильёй с тех самых пор? — возвращаю я её к теме разговора.

— К сожалению, нет. Но мы так здорово подружились тем летом, я потом постоянно его вспоминала!

— Подружились? — с сомнением переспрашиваю я. — А что, раньше Илья был... другим?

— Нет, — отвечает Галя. — Если вы имеете в виду его трудности с общением, то он и тогда был... — она деликатно пытается подобрать подходящее слово.

— Станным, — подсказываю я, и она благодарно улыбается.

— Да, немного странным... необычным. Но вместе с тем он ужасно милый, умный и вообще замечательный! — добавляет она с жаром. — И мама у него очень хорошая, правда?

— Мы пока не знакомы с его мамой, — сконфуженно говорю я.

— Я подумала... так вы не родственники? Вы — его девушка? Простите за бестактность, — спохватывается она.

— Нет, не девушка. Мы и знакомы-то с ним всего несколько дней.

— Вы ему определённо нравитесь, — замечает Галя с улыбкой. — Едва ли он пошёл бы в театр с человеком, которому не доверяет.

Мне приятно это слышать. Действительно приятно!

— Да, полагаю, что так, — соглашаюсь я. — Илья мне тоже... нравится.

— Ну что? — спрашивает Галя. — Как насчёт того, чтобы посидеть и поболтать подружески? Нет, если вы хотите побыть наедине, то я не смею вам мешать... — поспешно добавляет она многозначительным тоном.

— Ну что вы, — успокаиваю я, — у нас не те отношения, чтобы стремиться оставаться

наедине... пока.

— Вам повезло, — искренне говорит она. — Илья настолько уникальный человек... честный, открытый, не фальшивый, абсолютно настоящий и очень добрый.

Я не ослышалась? Она сказала, что мне *повезло*? Я представляю реакцию Лёльки, когда она узнает, что мы с Ильёй встречаемся... Стоп, а мы *встречаемся*?

В конце концов, решаю не забивать себе голову терминологией. В данный момент я собираюсь ответить согласием на предложение Гали. Честно говоря, мне и самой хочется узнать побольше о детстве и юности Ильи, о том, каким он был когда-то...

— Я с удовольствием, но хорошо бы сначала спросить мнение Ильи на этот счёт, — говорю я.

— Разумеется, — кивает Галя. — И давай, пожалуйста, перейдём на “ты”. Думаю, я не намного старше тебя.

45

ПРОШЛОЕ

Лиза, 1995 год

Проклятый девяносто пятый год совершенно не отложился у Лизы в памяти. Во всяком случае, первая его половина проплыла в каком-то тумане и вязкой мути, о которой и вспоминать-то особо не хотелось. Ей иногда казалось, что она со стороны просто смотрит фильм о самой себе, а не играет в нём главную роль. Да что там главную — вообще никакую не играет.

Узнав о беременности дочери, родители активно взялись разруливать столь деликатный вопрос собственными руками. Лиза с покорной усталостью целиком переложила на них эту проблему и практически абстрагировалась от семейных обсуждений. Ей было настолько безразлично собственное будущее, что она сделала бы всё, что ей ни сказали: аборт — так аборт, рожать — так рожать. Если бы Лизе был известен этот термин, она назвала бы своё состояние вялотекущей депрессией.

Ребёнка после долгих споров и препирательств на семейном совете решено было оставить. Поначалу, конечно, мама рыдала, уверяя, что это испортит девочке жизнь, что у неё всё только начинается, а если появится младенец — можно будет смело распрощаться со всеми мечтами: об успешном окончании школы, о поступлении в институт, об образовании и карьере, о личной жизни, в конце концов. Кому нужна жена с “довеском”?

— Между прочим, Катюша, — мрачно заметил отец, — я сам сделал предложение женщине с ребёнком. Вот, живу с ней уже восемнадцатый год, если ты забыла...

Мама вспыхнула и смутилась.

— Ты — это совсем другое дело, Петя. Исключение из правил. Таких мужиков сейчас днём с огнём не сыщешь! Лорочка никогда не была для тебя обузой, ты любишь её, как свою дочь...

— Она и есть моя дочь, — отчеканил он. — И Лариса, и Лиза мне одинаково дороги, и я никогда не делил их на “свою” и “чужую”.

Лариска выразительно поджала губы, очевидно, имея собственное мнение на этот счёт, но промолчала.

Далее встал вопрос об отцовстве будущего малыша. Лиза категорически отказалась

называть имя Олега, полагая, что это всё равно ничего не изменит. Родители даже грешили поначалу на Тимку Берендеева, поскольку это был единственный мальчик, которого они видели с дочерью на протяжении многих лет.

Лизу сдала Лариска. Ссылаясь всё на те же злополучные записи в Лизинем дневнике и не терзаясь ни малейшими угрызениями совести, она рассказала, что её младшая сестрица давно уже сходит с ума по однокласснику Олегу Тошину.

Затем наступила долгая череда переговоров и ругани с Тошиными. Те поначалу и слышать ничего не хотели о ребёнке, заявляя, что всё это жуткая клевета, а их примерный и образцовый мальчик Олежка не имеет к развратной дочери Лизюковых никакого отношения. Однако здесь всех удивил сам Олег. На “очной ставке” с родителями он опроверг информацию о мнимой легкомысленности одноклассницы.

— Если Лизюкова ждёт ребёнок, то он точно мой, — заявил он твёрдо.

— Господи, сынок, и о чём ты только думал? — запричитала его мать.

— Ты её изнасиловал, подонок?! — взревел в унисон Лизин отец. — Да я тебя засажу!..

— Вы ничего не докажете!!! — вскинулся и родитель Олега.

— Да я все свои связи подключу!.. — не сдавался Лизюков.

Решение было найдено, на взгляд Лизы, совершенно дикое. Родители постановили, что дети должны пожениться.

Это было выгодно и удобно обеим сторонам: Олегу гарантировало, что никто впредь не станет пытаться его “засадить”, а Лизу хотя бы частично избавляло от косых взглядов и пересудов. В конце концов, через несколько лет можно и развестись, если приспичит. Разведёнка с ребёнком — не то же самое, что мать-одиночка, родившая в столь нежном возрасте.

Естественно, ни Тошины не пребывали в восторге от будущей невестки, ни Лизюковы не трепетали радостью от перспективы заполучить в зятя Олега. Однако было заключено что-то вроде пакта о ненападении: пусть дети спокойно заканчивают школу, затем Олег поступает в МГУ, как и планировал, а Лиза рождает в срок здорового и крепкого малыша. Худой мир лучше доброй ссоры.

— Я не хочу замуж за Тошина, — прошептала Лиза, зажмурившись, когда ей сообщили эту новость. Что за горькая насмешка! Просто жестокая ирония судьбы... Скажи кто-нибудь пару месяцев назад, что она станет женой Олега, который был для неё целым миром — самым умным, самым красивым и самым лучшим парнем на свете, она лишилась бы рассудка от счастья. Но сейчас... сейчас все чувства в ней словно умерли. Не осталось ни любви, ни ненависти, ни привязанности к кому-либо. Лиза завернулась в свой кокон и не собиралась из него вылезать. Даже нежности к будущему ребёнку она не испытывала... впрочем, и отвращения — тоже. Он рос и развивался в ней, но без её участия. Она словно не имела к нему никакого отношения.

— А придётся, — безапелляционно подытожил отец. — И давай-ка соберись, чтобы хоть школу нормально окончить. Понятно, что с институтом в этом году ты пролетаешь... но это не повод махнуть на себя рукой.

— Но как я смогу ходить в школу? — спросила Лиза. — Ведь уже совсем скоро будет заметен живот!

— С директором вашим мы договоримся, — пообещал отец. — Возможно, придётся и

на лапу сунуть... Учиться будешь дома, а в школу явишься только на выпускные экзамены и за аттестатом.

Затем к ней пришёл сам Олег — с “официальным” предложением руки и сердца, что выглядело, на Лизин взгляд, совершеннейшим фарсом.

— Тебе-то всё это зачем, Тошин? — спросила она, нервно покусывая сухие спёкшиеся губы. — Свадьба... ребёнок... я...

— Знаешь, как-то очень не хочется жить с клеймом насильника, — буркнул он, отводя взгляд.

— Ах, значит, *быть* насильником — ерунда, а вот *слыть* им — уже совсем другое дело? — Лиза и не подозревала, что в ней скопилось столько яда в его адрес.

Олег изменился в лице.

— Я не насиловал тебя, дура! Ты и сама была не прочь...

— Если это — не изнасилование, боюсь представить, что же тогда в этом мире называется настоящим насилием, — парировала она.

— Кончай бузить, Лизюкова, — устало выдохнул Тошин. — Я сам не в восторге от того, что происходит — это ещё мягко сказано. Но... и для меня, и для тебя на данный момент пожениться — это единственный выход. В конце концов... в конце концов, ребёнку нужен отец.

46

Расписали их быстро, учитывая особые обстоятельства, то есть беременность невесты.

Естественно, не было никакой свадьбы — ни нарядного белоснежного платья у новобрачной, ни классического чёрного костюма у жениха. Не было гостей, ресторана и даже скромного семейного застолья... да и что тут было праздновать? Правда, в загсе Лариска всё-таки сделала пару кадров на свою “мыльницу”, с плохо скрываемым ехидством пояснив:

— Чтобы память осталась!

В жизни Лизы после получения штампа в паспорте ничегошеньки не изменилось. Она продолжала жить у себя дома, а Тошин — у себя. Правда, после рождения ребёнка молодые должны были съехаться и всё-таки попытаться построить ячейку общества. Для этих целей спешно делался ремонт в квартире покойных бабушки и дедушки Лизы: и без того старенькая двушка была совершенно убита квартиросъёмщиками-студентами, но теперь их попросили освободить жилплощадь.

Лизе не хотелось переезжать из родного дома, но она прекрасно понимала, что новорождённый ребёнок и ритм жизни, им навязанный, едва ли будет с восторгом принят остальными членами семьи. Особенно Лариской... Сестра точно не пережила бы режима ночных подъёмов, младенческого плача, пелёнок-распашонок и испачканных подгузников, даже если её эти подгузники и пелёнки напрямую не касались бы.

Одноклассники узнали обо всём сразу после зимних каникул. Неизвестно, кто именно не смог удержать язык за зубами и пустил слухи по школе: сам Тошин или кто-то из учителей, с которыми родители договаривались о домашней форме обучения для Лизы. Что самое поразительное, Олега все эти пересуды как будто не коснулись — ну да, именно он заделал ребёнка своей однокласснице, но никто не винил его и не думал над ним смеяться. Правда, Динка Старцева окончательно отсела от него и демонстративно перестала

разговаривать, но это было единственным видимым изменением.

А вот Лиза хлебнула сполна... До марта она всё-таки посещала школу, тем более и токсикоз первых месяцев отступил, так что Лиза прекрасно замечала и понимала природу косых взглядов, хихиканья за спиной, насмешливого шёпота, а также пристального внимания к её фигуре. Когда все отправлялись на урок физкультуры, Лиза оставалась сидеть в классе, а девчонки начинали многозначительно переглядываться. Пацаны пару раз притаскивали из зала футбольные мячи, засовывали их себе под футболки и весело ржали. Тошин в такие моменты делал вид, что не понимает сути приколов и вообще не имеет к происходящему ни малейшего отношения. Лиза не осуждала его за это, ему ведь тоже нелегко было вжиться в роль “мужа”, тем более фактически они не были супругами, только на бумаге. Однако Тимка Берендеев однажды психанул, не выдержав подобного представления, надавал подзатыльников острякам, “забеременевших” мячами, а в сторону Олега презрительно бросил:

— Ты, конечно, слабак и первосортный говнюк, но такого малодушия я даже от тебя не ожидал, честное слово.

Тошин смешался на миг, но тут же сделал вид, что не понимает, о чём речь. А вот Лиза впервые в тот момент по-настоящему смутилась. Ей было неудобно не перед издевающимися над ней одноклассниками или Олегом, а перед старым другом...

Она даже хотела подойти к нему после уроков и поблагодарить, но Тимка упорно избегал её. Вероятнее всего, не мог простить ей их последнего разговора, случившегося ещё в октябре. Да она и сама не могла простить себе всего, что тогда ему сгоряча наговорила... Однако пути назад всё равно не было. В любом случае им с Берендеевым больше не судьба ходить вместе домой после школы, забредать по пути на рынок к палатке с чебуреками и лакомиться ими по дороге. И шоколадки он для неё таскать никогда больше не будет... Детство кончилось. И дружба тоже кончилась.

В марте Лиза прекратила посещать занятия. Вернее, она продолжала учиться дома, готовиться к выпускным экзаменам самостоятельно и с репетиторами, но в стенах школы больше не появлялась. Похоже, все учителя вздохнули с облегчением: всё-таки у Лизюковой уже наметился явный живот, что вызывало повышенный интерес у остальных учеников и смущало даже учителей. Каких трудов стоило сдерживаться той же Жабе, чтобы не отпускать оскорбительных и колких комментариев относительно Лизиного морального облика!

Однако пересудов избежать всё равно не удалось: теперь Лизе перемывали косточки дворовые бабки, смакуя подробности беременности, и провожали её ехидными долгими взглядами, когда она проходила мимо, а некоторые даже плевали вслед с комментариями: “Вот в наше время...”

Однажды в магазине Лиза встретила Динку Старцеву. В школе та игнорировала её — так же, как и Олега, а теперь вдруг, увидев издали одноклассницу, подобралась и недобро прищурилась, словно готовилась к атаке. Лиза перехватила её взгляд, под которым ей сразу сделалось неуютно, и зябко поёжилась.

— Привет, — через секунду Динка уже оказалась рядом. Она словно подрастеряла весь свой былой лоск: какая-то осунувшаяся, ненакрашенная, некогда роскошные волосы убраны в неряшливый хвост... Лиза вдруг подумала о том, что и у Старцевой тоже горе. Узнать, что твой любимый человек женился на другой, что они ждут ребёнка... пусть даже по особым

обстоятельствам, а не по любви, и всё же... Тоже ведь переживает человек.

— Довольна? — горько выдохнула Динка, глядя Лизе в лицо с неприкрытой ненавистью. — Добилась своего? И когда только успела, тихоня... Только рано радуешься! Думаешь, Олег теперь навсегда твой? Навсегда?!

“Сдался мне твой Олег”, — подумала Лиза, но вслух ничего не ответила. Всё равно же не поверит... Теперь — особенно не поверит. Ведь когда-то, стыдно даже вспоминать о таком, Лиза действительно мечтала об их с Тошиным свадьбе...

— Одно только запомни, Лизюкова, — свистящим шёпотом продолжила Старцева, буравя её тяжёлым взглядом, — на чужом несчастье собственного счастья не построишь. Вот родится у тебя ребёнок больной... урод какой-нибудь... узнаешь тогда!

Лиза, никогда до этого всерьёз не задумывающаяся о возможных аномалиях плода, похолодела от суеверного ужаса.

— Не смей так говорить! — воскликнула она. — Не надо... Это очень страшные слова, ты сама потом можешь о них пожалеть.

— Я? Пожалую о *твоём* ребёнке? — Старцева издевательски расхохоталась.

— Он не только мой, но и Олега тоже, — напомнила Лиза, невольно отступая и удерживаясь от трусливого жеста прикрыть руками живот, словно Динка могла навредить малышу даже физически.

— Думаешь, привязала его ребёнком к себе? Да только ни одну семью дети ещё не спасли, сбежит он от тебя, очень скоро сбежит, теряя тапки!

Лиза пожала плечами.

— Я его не держу...

Отвернулась и пошла к выходу. На душе было очень тяжело.

47

НАШИ ДНИ

Марина, сентябрь 2019

Вечер в ресторанчике, куда затащила нас Галя, в итоге проходит довольно мило. Во всяком случае, Илья выглядит очень оживлённым и заинтересованным в беседе, когда они с женой Белецкого захлёб обсуждают какие-то общие подростковые воспоминания. Я даже невольно начинаю чувствовать себя третьей лишней, и это чувство мне совсем не нравится. Аппетит на нервной почве совсем пропадает, и я вяло ковыряюсь в салате.

И всё-таки у меня складывается впечатление, что Илья уже очень устал. Он оживлённо рассказывает что-то, жестикулирует, даже улыбается — но я вижу всё большую и большую суетливость и хаотичность его движений. Он то безостановочно вертит в руках вилку, то хватается за собственный воротник или рукав, то барабанит пальцами по столу, то бессознательно дёргает себя за волосы. Похоже, сегодняшний день оказался столь насыщенным событиями для него, что произошла... как это называется?... ах, да — сенсорная и эмоциональная перегрузка. Пока что он держит себя под контролем, но кто знает, когда вдруг может “рвануть”?

Справедливости ради, Галя не задерживает нас надолго. Как только заканчивается спектакль, звонит её муж и она сообщает ему, где нас можно найти. Минут через пятнадцать в ресторане появляется сам Белецкий, изо всех сил стараясь не привлекать к себе излишнего

внимания. К счастью, в зале царит полумрак, так что никто не узнаёт в новом посетителе знаменитого артиста.

Он приветливо кивает мне, как старой знакомой, и протягивает руку Илье в качестве приветствия, но Галя взглядом останавливает его — очень ненавязчиво и мягко, необходимо ни для одной из сторон.

— Это Илья, — говорит она, — мой старый знакомый... ещё с ялтинских времён. Оказывается, они с Мариной знают друг друга. Как тесен мир, правда?

Белецкий не задаёт лишних вопросов относительно *особенностей* Ильи: обойдясь без рукопожатия, спокойно присаживается рядом с женой и приобнимает её за талию.

Меня восхищает этот, в общем-то, рядовой и ничего не значащий жест — сколько же скрытой нежности, понимания и тепла между супругами! Не банальной похоти, а того, что принято называть любовью... Это чувствуется в их прикосновениях, во взглядах друг на друга.

— Как спектакль? — спрашивает Галя. Он удовлетворённо кивает.

— Всё отлично.

Никаких вопросов, почему мы сбежали незадолго до антракта, Белецкий снова не задаёт, и я поражаюсь его деликатности.

— Будешь что-нибудь? — спрашивает его жена.

— Нет, — отвечает он, невозмутимо утаскивая с её тарелки ломтик картофеля по-деревенски. — Если честно, я устал и собираюсь домой. Ты хочешь ещё посидеть?

— Нет-нет, я тоже с тобой поеду, — улыбается она и стирает салфеткой каплю соуса с его губ. — Мы и в самом деле слишком заболтались.

Мы расплачиваемся по счёту, честно поделив его на троих (Белецкий не в счёт), и выходим из рестораника на свежий воздух, на освещённую ночную улицу.

— Подвезти вас, ребята? — любезно спрашивает Белецкий, но я, помня о том, что актёр устал после спектакля, великодушно отказываюсь, собираясь вызвать такси.

Все мило прощаются, обещая друг другу не терять связь, и вскоре мы с Ильёй остаёмся вдвоём. Наконец-то вдвоём!.. Признаться, я ждала этого момента.

Теперь совершенно очевидно, что Илья буквально еле стоит на ногах от перенапряжения.

— Можно я сначала провожу тебя? — с осторожностью спрашиваю у него. — Хочу убедиться, что у тебя всё хорошо.

Где-то в подсознании начинает зудеть ехидная мысль: это *парень* должен провожать девушку домой, а не наоборот... Но у нас с Ильёй с самого начала всё идёт абсолютно не по шаблону.

— Я в порядке. В полном порядке, — отвечает он. — Но ты можешь поехать со мной, если хочешь. Можешь даже остаться у меня на ночь.

Прежде, чем я успеваю возмутиться подобному предложению, он поясняет:

— У меня широкая кровать, места хватит для двоих.

И, чёрт возьми, я понимаю, что он сейчас даже не думает о сексе!!!

Пока мы едем в такси, я лихорадочно размышляю, соглашаться ли на неожиданное предложение Ильи. С одной стороны, ночевать у молодого человека, которого едва знаешь — это верх легкомысленности. С другой — я абсолютно уверена, что ничего, абсолютно ничего на его кровати не произойдёт против моей воли, а я тоже уже порядком устала и не хочу тащиться через полгорода к себе домой.

Интересно, а Илья вообще-то занимался когда-нибудь сексом? А вдруг он девственник? Что, в общем, не исключено — с его-то закидонами, непереносимостью прикосновений и прочим “букетом”... Только этой головной боли мне сейчас и не хватало.

Впрочем, я уверена, что беспокоиться не о чем — Илья выглядит утомлённым и, скорее всего, сразу же уснёт, когда окажется дома. Вот и сейчас, откинув голову на спинку сиденья, он прикрывает глаза, и лишь его руки, беспокойно ощупывающие одежду, выдают то, что Илья не спит, а просто пытается расслабиться.

Поколебавшись, я открываю ватсап и пишу Лёльке:

“Привет. Можешь дать мне номер телефона Руса?”

“Зачем это?” — откликается она после паузы, и мне кажется, что даже между буквами сквозит настороженность и ревность. Ох уж эти влюблённые девушки...

“Не бойся, я не собираюсь его клеить. Просто хочется кое-что уточнить об Илье”.

“Об Илье?! С чего вдруг?”

“Мы сейчас с ним. Едем из театра”.

Красноречивая пауза.

“Ты уверена, что это тебе надо, Мариш?” — прилетает наконец от неё. Я в очередной раз всерьёз задумываюсь над вопросом.

“Не уверена. Но меня к нему тянет. Пожалуйста, я очень хочу подобрать к нему ключик. Только Рус может мне помочь!”

Лёлька больше не пытается меня вопросами и молча пересылает номер друга Ильи.

Поразмыслив, с чего начать, я пишу Русу всё как есть, сразу же начав с главного:

“Как успокоить Илью, если он перевозбуждён и напряжён? В клубе тогда у тебя это отлично получилось. Сейчас ситуация не столь критична, но мы едем к нему домой после нескольких неожиданных встреч, вечера в театре и ужина в ресторане. По ходу, Илья скоро взорвётся от переизбытка впечатлений...”

Рус просто прелесть. Он не задаёт бестактных вопросов и спустя какое-то время просто скидывает мне едва ли не пошаговую инструкцию, где подробно, серьёзно и обстоятельно перечисляет всё, что я должна сделать.

“Прежде всего, обеспечь ему тишину. Уведи его из шумной зоны в какое-нибудь тихое и спокойное место”.

“Мы в такси, тут довольно тихо, и даже водитель не болтливый”, — отвечаю я.

“Отлично. Имей в виду, что Илья, если сильно перенапряжён, иногда теряет способность говорить. Не пугайся и не паникуй, это ненадолго, просто переизбыток сенсорной стимуляции. Не лезь к нему в это время с вопросами и разговорами, но если нужно что-то срочно спросить, задавай односложные вопросы, чтобы ему достаточно было кивнуть или покачать головой”.

“А когда это пройдёт?” — известие о том, что Илья может замолчать, не на шутку пугает меня.

“Сразу же, как он немного отдохнёт. И, кстати... избегай сейчас даже лёгких прикосновений. Илья слышит, чувствует и видит гораздо интенсивнее и острее, чем другие люди. Понимаешь, у него как будто всё вокруг работает на максимуме: (Не воспринимай на свой счёт, если он вдруг резко отшатнётся от тебя, оттолкнёт твою руку или что-то в этом духе. Зато, когда его немного отпустит, можешь сделать ему массаж”.

“Что?! Массаж? А Илья меня не покусает за столь бесцеремонное обращение с его

телом?”

“Ну, сначала спроси у него разрешения;) Помассируй плечи, виски, спину — на эти прикосновения он реагирует вполне адекватно”.

“Господи, и что бы я без тебя делала?!”

“Страдала бы, бедняжка. И вот ещё что — что бы Илья сейчас ни делал, не мешай ему и не пытайся сдерживать. Если он раскачивается, потирает руки, дёргает себя за волосы или за одежду — это нормально, он так успокаивается, это помогает ему предотвратить срыв”.

“Спасибо тебе, Рус! — от души благодарю я. — Я твоя должница”.

“Не за что. Надеюсь, используешь советы с пользой.

P.S. Кстати, если ты хочешь спросить, но стесняешься — Илья нормально относится к сексу.

P.P.S. Презервативами он тоже умеет пользоваться;)”

И, пока я краснею и бледнею, от него прилетает финальное напутствие:

“Удачи тебе, детка!”

48

ПРОШЛОЕ

Лиза, 1995 год

Роды начались внезапно — на восьмом месяце, аккуратно в день последнего звонка.

Лиза стояла на балконе и смотрела, как бежали по направлению к школе старшеклассницы в форменных коричневых платьях с белыми фартуками. Официально форму отменили несколько лет назад, но будущим выпускницам хотелось хотя бы символически обозначить свою причастность к школе и на миг снова почувствовать себя девчонками-первоклассницами. Белые банты и ленты в волосах, букеты нежных тюльпанов и гвоздик, весёлый залиvistый смех... И пусть самое сложное — выпускные экзамены — ещё впереди, всё равно в воздухе так и витал дух предстоящей свободы и “взрослой” жизни. Школе конец, огромный пласт жизни навсегда остаётся в прошлом...

Из колонок, выставленных кем-то прямо в открытое окно, пела про школьную пору Татьяна Овсиенко. Лиза почувствовала, как в глазах защипало от внезапно подкативших сентиментальных слёз... И в тот же миг она ощутила резкую тянущую боль внизу живота, заставившую её охнуть и согнуться буквально пополам.

Илья Олегович Тошин появился на свет двадцать пятого мая в результате кесарева сечения. Рост его на тот момент составлял сорок шесть сантиметров, а вес — два с половиной килограмма.

Сразу после рождения малыш начал стремительно терять в весе. Врачи объясняли это тем, что сходят отёки. В результате при выписке Илья едва-едва весил два кило.

Лиза смотрела на своего ребёнка и безостановочно плакала: такой он был маленький, худенький и слабенький, такой беззащитный. Никакой пресловутой материнской любви она к нему пока что не испытывала, но панически боялась, что ему — такому крошечному и

беспомощному — могут навредить, сломать что-нибудь ненароком.

В больнице Лиза с сыном провели десять дней и выписались с кучей диагнозов у новорождённого: гипоксически-ишемическое поражение центральной нервной системы, перинатальная энцефалопатия, гипотрофия второй степени, гипертонус. Врачи предрекали долгое лечение, необходимость приёма лекарств и прохождения курса уколов, а также мягко, но недвусмысленно намекали на возможность ДЦП...

Младенец был невероятно зажат: даже для того, чтобы поменять ему распашонку или подгузник, приходилось прилагать немало усилий. Лиза буквально выбивалась из сил, пытаясь разогнуть скрюченные ручки и ножки, накрепко прижатые к животу, и не сделать при этом больно малышу.

Соседка по палате, опытная многодетная мать, дружески посоветовала ей наплевать на рекомендации врачей и сосредоточиться после выписки на трёх китах: массаже, плавании и закаливании.

— Могу дать телефон толковой массажистки, — сказала она Лизе, — первые сеансы оплатите, а потом научишься как правильно и сама будешь его разминать. Держи окна в квартире запахнутыми и ежедневно купай ребёнка в прохладной водичке... Всё наладится потихоньку, вот увидишь.

Сколько раз затем Лиза поминала добром эту милую женщину, которая — единственная из всех! — не запугивала юную мамочку, и так пребывающую в шоке от свалившихся на неё новых обязанностей, а, наоборот, старалась подбодрить.

— Господи, тебе самой ещё в куклы играть, — украдкой вздыхала иногда соседка, с состраданием глядя на девушку.

Лизе ужасно хотелось домой: подальше от опостылевших больничных стен, казённых застиранных сорочек, тошнотворных запахов тушёной капусты и подгорелой пшённой каши из столовой, от непрерывного младенческого плача. Она и сама постоянно плакала от жалости к себе и страха за ребёнка... плакала и считала дни до выписки.

Встречать её явились оба семейства полным составом — и Тошины, и Лизюковы. Олег даже преподнёс супруге цветы, неловко клюнув её в щёку поздравительным поцелуем. На собственного ребёнка, которого ему тут же вручили, откинув краешек конверта с красного личика, молодой отец взглянул с неприкрытым ужасом. Свекровь и тёща пустили умильную слезу, правда, тут же умудрились слегка поспорить на предмет того, как лучше и правильнее ухаживать за младенцем.

После выписки Лизу с малышом сразу же отвезли в бабушкину квартиру. Всё там было для неё чужим после ремонта, незнакомым и будто бы враждебным. Родители хотели сделать ей сюрприз, а на деле Лиза страшно растерялась: она совершенно не чувствовала себя здесь хозяйкой, не ощущала квартиру своей. Озираясь по сторонам, она не до конца осознавала, что теперь это её новое жилище. Детская кроватка, коляска, стопка новеньких детских одежек и пелёнок на столике, бутылочки, соски, погремушки...

Вторая комната служила спальней. Лиза взглянула на широкую, аккуратно застеленную кровать и вдруг поняла, что ей придётся спать там с Олегом.

И в тот же миг ей стало страшно от осознания того, что они все натворили...

Марина, сентябрь 2019

Мы заходим в подъезд и поднимаемся в квартиру. Илья открывает дверь, делает шаг в прихожую, прикрепляет ключ к магнитной планке на стене и... словно забывает о моём присутствии. Будто внезапно обессилев, он присаживается прямо на пол, прислонившись затылком к стене, закрывает глаза и постукивает по полу сжатым кулаком — не агрессивно, скорее ритмично. Я неловко мнусь рядом, помня о том, что сейчас его лучше не беспокоить и дать прийти в себя, потом осторожно осматриваюсь и, определив местоположение ванной комнаты, тихонько устремляюсь туда.

Здесь царит идеальный, практически стерильный порядок. Чувствую себя, словно нахожусь в операционной. Клеёнчатая шторка над ванной отодвинута в сторону складочка к складочке. В корзине для белья все вещи лежат аккуратной стопкой и рассортированы по цветам. Вообще, всё здесь выдержано в сине-белых тонах. Зубная щётка синего цвета в стакане, синяя мыльница, преобладание синих флаконов и тюбиков. Все они стоят в строго определённом порядке, как солдаты на плацу. Полотенце белоснежное настолько, что до него страшно дотронуться.

Аккуратно, стараясь не заляпать лишними брызгами сияющую белизной раковину, мою руки, выхожу из ванной и возвращаюсь в прихожую.

Илья всё ещё сидит на полу, но, заслышав шаги, открывает глаза и пытается сосредоточиться на моём присутствии.

— Ты как? — осторожно спрашиваю я. — Уверен, что я могу остаться? Может, не стоит тебе мешать?

— Останься, — отвечает Илья, голос его звучит вполне нормально. — Уже поздно, пора спать. Надеюсь, ты не храпишь?

Я уже хочу захихикать, принимая последнюю реплику за шутку, но осекаюсь, потому что он предельно, убийственно серьёзен, даже заинтересован в моём честном ответе.

— Н-нет, — отвечаю с запинкой. — Вроде бы не храплю.

Чёрт, да откуда же мне знать?! Карик никогда на это не жаловался, а дома у меня отдельная комната.

— Это хорошо, — всё так же без тени улыбки кивает он, — потому что я не люблю спать с берушами.

— Можешь дать мне какую-нибудь одежду для сна? — поколебавшись, спрашиваю я, когда понимаю, что сам предложить это Илья не додумается. — Мне не во что переодеться. Не буду же я спать в платье... — красноречиво киваю на свой “театральный” наряд.

— Но у меня нет женских вещей, — растерянно отзывается он. Я улыбаюсь.

— Не нужно женские. Может, у тебя найдётся обычная футболка... или пижама? Всего на одну только ночь, — добавляю я и не удерживаюсь от иронии:

— Если хочешь, могу потом постирать.

— Не надо, у меня есть стиральная машина, — отзывается он спокойно, не уловив юмора. — Сейчас принесу футболку.

— А запасной зубной щётки у тебя нет, случайно?

— Есть несколько нераспечатанных упаковок. Синяя, фиолетовая, белая и зелёная.

Я снова не удерживаюсь от подколки.

— А красной нет? Какая печаль... Я привыкла чистить зубы только красной зубной

щёткой.

— Нет, — не удивившись такому заявлению, он отрицательно мотает головой и уверенно повторяет:

— Только синяя, фиолетовая, белая и зелёная. Если хочешь, в следующий раз можешь принести свою любимую щётку с собой.

Ничего себе, милое предложенье! Я даже не знаю, будет ли он в принципе — этот следующий раз. Зависит от того, чем закончится раз нынешний...

Чтобы скрыть смущение, поспешно прибавляю:

— А ещё мне нужно полотенце, чтобы я могла принять душ! — если наглеть, то уж по полной программе. — Я ведь могу помыться?

— Обязательно, — кивает он. — Необходимо принимать душ минимум дважды в день.

С его разрешения иду в ванную первой. Переодеваюсь в выданную Ильёй футболку, пряча глаза, проскальзываю мимо него в спальню и смущённо ныряю под одеяло. Затем лежу и с явным испугом прислушиваюсь к шелесту душа, который занял Илья. “Ничего не будет”, — уговариваю себя я. Абсолютно ничего не будет. Илья не такой. Он не станет ко мне приставать... Вопрос в другом — я испытываю от этой мысли облегчение или сожаление?

Отправляю сообщение маме, предупреждая, что не приду сегодня ночевать. Интересно, понравился бы ей Илья? Интуиция подсказывает, что... нет. Мама у меня — тонкий дипломат, ей чужды честность и прямолинейность людей, которые никогда не хитрят, не притворяются и говорят исключительно то, что думают.

Проходит не менее получаса, прежде чем Илья возвращается. От него пахнет концентрированной свежестью: гелем для душа, ментоловым шампунем, мятной зубной пастой. Уже примерно представляя его дотошность и педантичность, могу поклясться, что он вымыл каждый миллиметр своего тела.

Не говоря ни слова, он ложится на другую половину кровати.

50

Несколько минут проходит в абсолютном молчании. Воздух вокруг нас, кажется, звенит и искрится от напряжения. Впрочем, не исключаю, что всё это происходит только в моём воображении, а Илья хладнокровен и невозмутим.

— Спокойной ночи, — говорю я вежливо.

Он, по-моему, немного удивлён. Не привык или не видит смысла в этом дежурном обмене любезностями? Но всё-таки осторожно отвечает:

— Спасибо, — и замирает, ожидая моей реакции, точно волнуется, правильно ли он угадал ответ.

— Ты тоже должен пожелать мне “спокойной” или “доброй” ночи, — давась смехом, отзываюсь я.

Илья вздыхает с явным облегчением.

— А, ну да... точно! Мама раньше заставляла меня каждый раз перед сном говорить “доброй ночи”, но теперь я живу отдельно и не вижу в этом необходимости.

А затем уверенно повторяет, обращаясь ко мне:

— Доброй ночи.

Эта его милая готовность послушно соблюдать необходимые формальности снова заставляет меня улыбаться, пялясь в темноту. Как же сильно Илье хочется казаться таким, как все!

Мы снова немного молчим.

— Ты давно живёшь один, без мамы? — спрашиваю я несмело.

— Пять лет, — отзывается он.

— У тебя здесь бывали... девушки? Твои подружки?

— Только одна, — отвечает он спокойно, не испытывая смущения или замешательства от моего вопроса, и я решаю продолжить утешение своего любопытства. Правда, вместе с любопытством невольно пробуждается и ревность. Знать, что какая-то посторонняя девица спала с ним на этой самой кровати... Это вызывает во мне странную реакцию.

— Вы долго были вместе?

— Четыре с половиной месяца.

Интересно, для Ильи это много или мало? Вообще, со своей позиции могу сказать, что та неизвестная девушка ещё долго продержалась...

— А почему расстались?

Тактичность? Не, не слышали. Мне и самой неловко за свой жадный интерес к личной жизни Ильи, но я успокаиваю себя тем, что ему чужды все эти реверансы, деликатные намёки и прочие великосветские церемонии.

— Она написала книгу о жизни со мной и ушла.

Услышанное настолько не укладывается в моей голове, что я ошеломлённо переспрашиваю:

— Что, прости?..

— Она писательница. Точнее, когда мы познакомились, она была блогером. А потом написала книгу “Мой парень — аутист”, которая стала бестселлером.

Я сажусь на постели и недоверчиво смотрю в сторону Ильи. В комнате темно, он лежит ко мне спиной, но я буквально физически ощущаю тяжёлую энергетику, которой веет от этой фразы. Недоверчиво уточняю:

— Подожди, я тебя правильно поняла?! Она встречалась с тобой ради того, чтобы потом опубликовать книгу о ваших отношениях?

— Да.

— А ты знал? Ну, что она пишет о тебе и... о вас?

— Нет.

— Вот сука, — в сердцах вырывается у меня.

— Рус тоже так говорит, — доносится с другой половины кровати.

— И ты до сих пор не можешь ей этого простить?

— Простить? — неуверенно переспрашивает он. — Я не думал об этом. Захотела написать — и написала. Это то, что ей действительно было нужно.

— Но ты... ты эту книгу хотя бы читал?

— Читал.

— И?..

— Много лжи и обобщений.

Я с шумом выдыхаю и плюхаюсь головой обратно на подушку. Решаю больше не беречь ему душу не слишком-то приятными воспоминаниями — в конце концов, завтра можно поглотить личность этой... писательницы.

Несколько минут снова проходит в молчании.

— Если хочешь, — робко предлагаю я, — могу сейчас сделать тебе массаж.

Илья откликается после паузы.

— Хочу.

Он не предпринимает ни малейшей попытки приблизиться ко мне или повернуться, оставаясь лежать, как лежал. Я подползаю к нему под одеялом и осторожно кладу ладони поверх его футболки. Сердце, кажется, вот-вот выскочит.

— Можешь снять это?

Он безропотно подчиняется.

— Теперь ложись на живот, — уже более уверенно командую я, ощущая себя хозяйкой положения. Я почти не вижу Илью в темноте, но чувствую его тело — оно практически каменное. Такие мышцы, должно быть, бывают у качков... либо у тех, кто постоянно внутренне напряжён.

— Расслабься, — говорю я, начиная массировать ему плечи и шею, разминать кулачками позвоночник. Это какая-то гранитная скала, а не человек из плоти и крови! Ему бы к остеопату... Чем сильнее и жёстче мои движения, тем больше Илья поддаётся моим рукам и ощущается всё менее *железным*.

— Я не делаю тебе больно или неприятно?

— Нет. Мне очень хорошо. Только... не надо щекотки, ладно?

— Не буду, — обещаю я, продолжая с силой массировать его спину и поражаясь тому, как же Илья зажат.

Одновременно отмечаю и другие мелочи, не имеющие прямого отношения к гипертонусу его мышц. В целом к Илье приятно прикасаться. Его кожа гладкая на ощупь. У него прекрасная худощавая фигура. От него изумительно пахнет... короче, я плыву. Илья молчит, и я могу только догадываться, какую реакцию у него вызывают мои прикосновения. Чувствует ли он облегчение? Расслабленность и умиротворение? А как насчёт возбуждения... кстати, что вообще его возбуждает в сексуальном плане?

Ответ на свои вопросы я получаю примерно минут через десять. Дыхание Ильи выравнивается, мышцы больше не кажутся такими каменными. Он глубоко, спокойно и безмятежно спит.

Он, мать его, спит!

51

ПРОШЛОЕ

Лиза, июнь 1995

Иногда ей представлялось, что она медленно, но верно сходит с ума — настолько изменилась её жизнь. Лиза казалась себе то героиней фильма “День сурка”, то загнанной лошастью. Поначалу любое действие вызывало страх и неуверенность — Лиза не знала, как подступить к ребёнку, впервые оставшись с ним наедине. Мама старалась заезжать к дочери вечером после работы, но каждый раз заставала одну и ту же картину: зарёванная Лиза, зарёванный Илья, гора нестиранных пелёнок и абсолютная беспомощность, так и витающая в воздухе.

На вторую неделю мать не вынесла подобного зрелища и сурово прикрикнула:

— Хватит себя жалеть! Ну-ка, соберись! Ты чего себя так распустила, Лиза?

И, поскольку дочь никак не отреагировала на её слова, продолжая сидеть на кровати и как-то заторможенно покачивать ребёнка, мама жёстко добавила:

— Детство кончилось, ты этого ещё не поняла? Ты теперь сама — мать. Ты в ответе за своего сына. Прекращай рыдать и тонуть в соплях.

При этих словах слёзы, как нарочно, так и брызнули у Лизы из глаз.

— Зачем вы заставили меня выходить замуж? — всхлипнула она. — Зачем давили на родителей Олега, пугали обвинением в изнасиловании? Зачем бросили меня во взрослую жизнь, как щенка в воду, и теперь смотрите — выплыву или нет? Смогу ли?

— Выплывешь, — спокойно сказала мать. — Сможешь. Назад дороги всё равно нет. У вас семья, надо пытаться всё наладить, построить нормальные отношения...

— Во имя чего? — отчаянно закричала Лиза. — Чтобы вы могли спокойно смотреть в глаза соседям?!

— Так, успокойся. У тебя истерика, выпей валерьянки. Поэтому у тебя и молока нет, нервничаешь постоянно...

— Я хочу домой, — прорыдала Лиза. — Тут всё чужое. Почему бы не отселить сюда Лариску? Ей как раз надо налаживать личную жизнь... Она только рада будет.

Мама скептически поджала губы.

— А вас с Олегом и Ильёй к нам?

— Без Олега... пусть он живёт у себя дома... Не могу я с ним ложиться в одну постель, не могу играть роль жены!

— Ну нет, ты это брось, — взгляд мамы сделался суровым и беспощадным. — Вы теперь муж и жена. Не ты первая, не ты последняя, кому пришлось выйти замуж из-за беременности. Говоришь, что мы с отцом швырнули тебя во взрослую жизнь... ты сама себя туда зашвырнула, милая моя, — и, чтобы смягчить резкость тирады, она погладила дочь по плечу и мягко добавила:

— Ты думаешь, я не люблю тебя? Не желаю тебе добра? Поверь, тебе ещё повезло, что всё так обернулось. У других и того нет. Ларискин папа вообще отказался на мне жениться, когда узнал, что я беременна.

— И что? Ты же в итоге встретила моего папу... ведь всё в конце концов оказалось к лучшему?!

— Прекрати, Лизок, у меня голова разболелась, — поморщилась мама и перевела тему:

— Кстати, где Олег?

— Он у родителей сегодня обедает.

— А должен обедать дома! — наставительно произнесла мать.

— Я ничего не успеваю приготовить... — Лиза опустила глаза. Она не то что готовить — и есть толком не успевала, даже какую-нибудь сухомятку.

— А ты успевай! Как же другие справляются? В магазин и с коляской можно сходить. Сейчас тепло, долго одеваться не надо... Я, конечно, могла бы бегать для тебя за продуктами, — добавила мать чуточку виновато, — но пойми, мне и свою семью надо кормить, и работать... Так что приспособливайся потихоньку сама. И вообще, как ни приду — Олега нет дома, чего это он от тебя бежит? Он что, и дома не ночует?

— Иногда у родителей остаётся, — буркнула Лиза. — Илюшка плачет ночами, а Олег не высыпается. Ему же нужно к экзаменам готовиться...

— Значит, бери ребёнка и уходи с ним на кухню, — категорично заявила мама. — Ты должна давать мужу возможность отдыхать. Должна заботиться о нём, чтобы он возвращался домой с радостью, а не сбегал к мамочке. Нужно встречать его каждый день с горячим обедом. Да и сама ты должна выглядеть... не так, как сейчас, — мать с плохо скрываемым отвращением окинула её взглядом. — Иначе семья распадётся.

— Да и пусть распадается, хрен бы с ней!!! — закричала Лиза.

— Так, что это ещё за выражения?! У тебя явная истерика, — беря её за руку, сказала мама. — Выпей чаю. Успокойся, подумай о ребёнке. А я пойду. У меня ещё столько дел...

“Подумай о ребёнке”, твердили все...

А Лиза и так думала о нём всё время, когда не плакала.

Илья плохо набирал вес, но всё же уже не выглядел таким страшно худым и мелким. Позже, повзрослев, Лиза только диву давалась, как с целым букетом диагнозов их выписали из больницы на десятый день, хотя, по сути, должны были лечить маленького основательно. Она списывала всё на непростое время. Девяностые... нехватка лекарств и койко-мест, нежелание возиться с проблемными и тяжёлыми младенцами...

А Илья выжил. Выжил, несмотря ни на что.

52

Выпускные экзамены Лиза сдавала кое-как, буквально на бегу, в перерывах между кормлениями — на бодрые тройки и хилые, слабенькие четвёрки. Главное было — вовсе не остаться без аттестата, так что оценки не имели значения.

Она едва не завалила ненавистную математику. Просто смотрела на чистый лист в клеточку и понимала, что в голове у неё — абсолютная, вакуумная пустота. К счастью, Берендеев угадал её затруднения и, выполнив свой вариант заданий, быстренько написал для Лизы правильные решения вместе с ответами. Когда Жаба и члены комиссии увлеклись разговором, он незаметно подсунул листочек Лизе.

Она снова не успела его поблагодарить — он ушёл из школы сразу же, как сдал экзамен... Впрочем, благополучно скатав всё с Тимкиной шпаргалки, Лиза быстро выкинула из головы и Берендеева, и проклятую математику — больше всего её беспокоило то, что Илюшка сейчас, должно быть, надрывается от плача. Мама великодушно сидела с внуком, пока дочь бегала по экзаменам, но по-настоящему успокаивался малыш только на руках у Лизы.

А потом был Выпускной Бал...

Событие, которого с замиранием сердца ждали все девчонки. Сногсшибательные, умопомрачительные, великолепнейшие наряды шились у лучших столичных портних или заказывались у челноков из Турции, а то и из самой Польши. В парикмахерские салоны записывались за месяц вперёд. Каждая выпускница воображала себя принцессой на званом балу. Ночь выпускного должна была стать самым лучшим воспоминанием на всю жизнь!

Лиза, разумеется, не собиралась оставаться на бал. У неё и платья-то не было. Она вообще забыла, когда в последний раз обновляла свой гардероб, почти всю беременность проходив в растянутых старых свитерах. Не потому, что не было возможности — само желание наряжаться отшибло напрочь.

Она очень сильно похудела после родов, сейчас все вещи болтались на ней, как на

вешалке. Однако за аттестатом всё равно нужно было явиться. Мама, традиционно прибежавшая понянчиться с Илюшкой, настояла на том, чтобы Лиза развлекалась хоть немного.

— Тебе полезно развеяться. Вся зелёная стала, сидишь сиднем в четырёх стенах...

Вняв уговорам мамы, Лиза надела то самое злополучное платье для осеннего бала. Именно с него всё и началось... она так мечтала, надев его, обратить на себя внимание Олега! Сейчас же, глядя на заветный наряд, она испытывала только стыд и отвращение. “Обратила”... вот уж сбылась мечта так сбылась, ничего не скажешь!

Впрочем, другого платья на вечер у Лизы всё равно не было. Да она и не планировала задерживаться... Даже отцу строго-настроено запретила показываться на выпускном, нечего ему было там делать, хотя родители Олега собирались прийти.

На выпускной Лиза прибыла вместе с Олегом. Под руку, как образцовая супружеская пара. Мама не могла нарадоваться, глядя на них. Свекровь делала губы куриной гузкой: в её взгляде ясно читалось, что, разумеется, Лиза недостойна её блистательного великолепного сына. Тошин окончил школу с золотой медалью. Подтянутый, красивый, он невольно привлекал к себе всеобщее внимание и втайне гордился этим.

Динка Старцева с удовольствием оглядела Лизино измождённое лицо с тёмными кругами под глазами и великодушно удержалась от насмешливых комментариев. Одноклассницы пошептались было, ехидно посматривая на Лизу, но скоро потеряли к ней интерес: не хотелось портить праздник и волшебный вечер, который должен был перейти в не менее волшебную ночь.

Лиза не смотрела по сторонам, не вслушивалась в общие разговоры и не участвовала в них. Молча поднялась на сцену актового зала, приняла аттестат из рук Одувана и спустилась обратно, намереваясь немедленно отправиться домой.

— Я пойду, наверное, — тихо сказала она Олегу. — Илюшку кормить пора.

— Да, конечно-конечно. А я останусь, Лиз? — нерешительно спросил он. — С ребятами пообщаемся немного. Выпьем, потанцуем... В последний раз, всё-таки.

Она равнодушно пожала плечами.

— Как хочешь.

Её каблучки гулко застучали по пустому коридору. Из актового зала вслед Лизе уже начали доноситься звуки музыки: народ готовился веселиться и танцевать всю ночь напролёт.

— Лизюкова, подожди... — послышалось за спиной.

Она вздрогнула.

Это был Берендеев. Лиза даже не сразу узнала его. Костюм и новая стрижка придавали ему солидности. Он вообще изменился за эти несколько месяцев: повзрослел, возмужал, раздался в плечах, в то время как сама она практически истаяла, как мороженое “фруктовый лёд” на солнцепёке.

— Поздравляю с окончанием школы, — выдохнул Тимка, подходя ближе.

— И я тебя тоже...

— Как сын?

— Всё хорошо, спасибо.

Берендеев мялся, не зная, что ещё сказать.

— Куда ты собираешься поступать? — спросила она, приходя ему на выручку.

— В Крымский мединститут, — отозвался он. — Понимаешь, всё так внезапно совпало... У меня тётка в Симферополе, старшая сестра матери. Одинокая, больная. Надо, чтобы кто-нибудь за ней присматривал. Так почему бы и не я? Сам бог велел туда поехать. Всё-таки у меня намного меньше шансов поступить в мед в Москве. А там и к морю поближе, — он как-то вымученно улыбнулся.

— И от меня подальше? — понятно спросила Лиза. Тимка удивлённо взглянул на неё, а она пояснила:

— Ты меня избегаешь. Я стала тебе противна?

— Дура, — вздохнул он. — Моё отношение к тебе не изменилось и никогда не изменится. Просто... так будет лучше. Для всех нас.

И, поскольку Лиза молчала, Берендеев развернулся и пошёл обратно в зал.

— Я буду скучать, — сказала она ему в спину. Тимка замедлил шаг, не оборачиваясь, остановился... постоял так немного... затем резко развернулся, подошёл к Лизе, обхватил её лицо ладонями и поцеловал. Жёстко, с силой, не грубо, но с какой-то отчаянной безысходной нежностью. Молча отпустил и, не говоря больше ни слова, ушёл.

...А Олег в ту ночь домой так и не явился.

53

НАШИ ДНИ

Марина, сентябрь 2019

Просыпаюсь от негромкого пищания будильника на телефоне — слава богу, я не забыла его завести. На автомате давлю кнопку отбоя и осознаю, что всю ночь я проспала, прижавшись к Илье и дыша ему прямо в затылок... Может быть, он и не терпит прикосновений чужих людей, но мои Илью явно не беспокоят: сон у него по-прежнему крепкий и глубокий, судя по размеренному дыханию. Может быть, потому, что я обнимаю его со спины, а не лицом к лицу?

Тихонько, стараясь не разбудить, убираю руку с его горячего тела. Он так и проспал всю ночь без футболки, в одних лишь хлопковых штанах. Отправляю сообщение Петьке-водителю, что за мной сегодня заезжать не надо, доберусь на метро. Мне удобно ехать отсюда — без пересадок и ближе, чем от моего собственного дома.

Я выскальзываю из-под одеяла и устремляюсь в сторону туалета, а затем направляюсь в ванную. Там, преодолевая нервную утреннюю дрожь (у меня так бывает от недосыпа и холода), делаю водичку погорячее. Умываюсь, греюсь под душем, тщательно вытираюсь и выхожу в кухню.

Илья уже там — сонный, взъерошенный и милый.

— Доброе утро, — говорю я.

— Спасибо, — отвечает он, но тут же, чуть сведя брови к переносице, добавляет:

— Доброе утро!

Что ж, парень схватывает буквально на лету.

— Ты очень долго мылась, — сообщает Илья. — В это время я всегда обычно принимаю душ. Уже половина шестого.

На это можно и обидеться, но я решаю, что не стоит.

— Извини, пожалуйста, что заняла твою ванную... Могу я пока приготовить тебе завтрак в качестве компенсации?

На его лице написано настоящее замешательство.

— А что ты приготовишь? — спрашивает он чуть ли не со страхом, будто я могу его отравить.

— Ну... а что ты обычно ешь? — я пожимаю плечами. — Йогурты, бутерброды, кашу, яичницу с колбасой или сосисками?

Его передёргивает от омерзения.

— Только не сосиски!

— А что такое?

— Они похожи на отрубленные пальцы мертвеца.

— Э-э-э... ты это сейчас серьёзно? — спрашиваю я с напряжённой улыбкой. Господи, да что у него в голове?!

— С детства их ненавижу, — бурчит он.

— Хорошо, а что ты любишь? Гренки? Блины? Сырники?

— Сырники люблю, — его лицо светлеет, — но творога всё равно нет, так что ты не сможешь их приготовить. Давай в следующий раз, когда опять будешь ночевать у меня?

— Э-э-э... — снова красноречиво мычу я. Похоже, Илья уже определился на мой счёт, в отличие от меня самой. Он уверен, что я ещё не раз буду спать в его доме. Он *хочет* этого. А как насчёт меня?

Всё очень сложно: меня качает от “я и сама этого хочу” до “боже, я не стану во всё это влезать, мне это не по силам!”

Впрочем, похоже, уже влезла. Вляпалась по самую маковку. Когда Илья таращится на меня своими ясными голубыми глазами с тёмным ободком вокруг радужки (вижу это боковым зрением, потому что прямых взглядов в глаза он по-прежнему избегает), я чувствую полчища мурашек, бегающих по всему телу. А ещё он такой сексуальный в простой домашней одежде, с утренней отросшей щетиной... Хочется протянуть руку и коснуться его щеки. Но я уверена, что ему это не понравится.

— Что ещё? — спрашивает он. Вопрос застаёт меня врасплох, словно он прочёл мои тайные постыдные мысли.

— Ты о чём? — смущённо уточняю я.

— Что ещё ты умеешь готовить?

— А... — чувствую себя, будто сдаю кулинарный экзамен. — Ну, может... омлет с помидорами и сыром? — взгляд мой падает на упаковку черри на столе. — У тебя в холодильнике отыщется кусок какого-нибудь сыра?

Его лицо снова оживляется.

— Да, есть. Яйца и молоко тоже.

— Отлично. Тогда иди в ванную, а я тут всё быстренько приготовлю...

На лице Ильи — почти священный ужас.

— Ты уверена, что справишься? — вопрос задан таким тоном, будто я не омлет собираюсь готовить, а планирую как минимум обезвредить бомбу, оставленную террористами.

— А в чём проблема?

— Ну... разве ты найдёшь все необходимые принадлежности?

— Отвёртку, пассатижи и молоток? — шучу я, но тут же поясняю специально для Тех-Кто-Не-Понимает-Шуток:

— Илья, я — девушка. Да, я нахожусь сейчас не дома, а в чужой кухне, но поверь, отыскать яйца в холодильнике или зажечь огонь под сковородой я сумею.

— Ну ладно... — с сомнением окидывая меня взглядом, он всё-таки удаляется.

Сковородка и тёрка для сыра находятся в ящиках кухонного стола. Нож прикреплен к такой же магнитной планке, что висит в прихожей для хранения ключей.

— Ну вот... и не такой уж ты инопланетный в плане кухонного быта, — бормочу я себе под нос. Всё довольно предсказуемо. Интересно, а чего я ожидала? Что у него на каждом ящике будет установлен кодовый замок, а все баночки со специями окажутся запароленными?

Натираю сыр на тёрке, режу крошечные помидорки пополам, мурлычу под нос песенку и поглядываю на часы. Надо бы поторопиться, если я не хочу опоздать на работу... Из дома нужно выйти минимум в четверть седьмого. Вслед за мыслями о работе в голову начинают лезть мысли о Карике — кстати, впервые совчерашнего дня, и я чуть не отхватываю себе половину пальца острым ножом. Чёрт возьми, Руденский! Как же ты успел меня достать за эти несколько дней! И почему я не знала раньше, что ты такой липучка?

Омлет готов, посыпан свежей зеленью и накрыт крышкой, а Илья до сих пор самозабвенно плещется в душе. Я понимаю, что ему придётся завтракать в одиночестве — мне пора срочно бежать к метро. Всё равно по утрам у меня нет аппетита, так что я просто сгрызаю обнаруженное в холодильнике яблоко и спешу в комнату, чтобы переодеться.

Он выходит из душа и чуть не сталкивается со мной, уже обувающейся в прихожей.

— Илья, мне надо ехать, у меня эфир, — говорю виноватым тоном. — Поешь без меня, хорошо? Потом расскажешь, сильно ли ужасно это было на вкус.

— Хорошо, — серьёзно кивает он, не удивляясь, не огорчаясь и не возражая. — Тебе нужно выйти на четвёртой остановке — на Цветном бульваре.

Я давлю смешок.

— Спасибо, я в курсе. Я уже большая девочка и умею пользоваться метрополитеном.

На его лице появляется растерянность.

— Это было обидно для тебя? Невежливо с моей стороны?

— Ну что ты! Илья, прекрати париться по моему поводу и пытаться соответствовать неким общепринятым стандартам. Будь самим собой. Мне нравишься *настоящий* ты, понял? Я принимаю тебя любим!

— Потому что в парах нужно принимать друг друга такими, какие есть, да? — понятливо спрашивает он.

Упс. Илья сказал “в парах”? Нет, нам определённо необходимо честно и откровенно обсудить с ним наши... отношения. Похоже, он надумал себе то, чего пока нет и в помине!

— Ладно, мы потом поговорим, — отмазываюсь я. — Пиши мне в ватсап, если захочешь.

— Я напишу, — обещает он. — А мы сегодня ещё увидимся?

— Обсудим, — отвечаю я уклончиво. — Посмотрим, как день пойдёт. Мне ещё и на учёбу надо...

— Хорошо.

Выскакиваю из его квартиры, почему-то чувствуя себя едва ли не предательницей. Как

же с Ильёй непросто! Чуть-чуть недоговоришь, слукавишь — и словно ребёнка обманула. Щёки горят, когда я вновь думаю о его словах про пару. В его голове мы — пара, это даже не обсуждается... Но я-то пока не могу дать определённого и чёткого ответа!

Сбегаю по лестнице, в задумчивости едва не сбив с ног какую-то тётку с эрдельтерьером.

— Простите, — бормочу я сконфуженно, а собаченция уже лезет ко мне целоваться. Прекрасно, на работе я буду благоухать псиной!

— Не бойтесь, она не кусается, — говорит тётка, словно это величайшее достижение.

Я вылетаю из подъезда, нервно отряхивая платье, и снова едва не сшибаю с ног какую-то женщину. Да что ж за день-то сегодня такой!

— Извините, — выпаливаю я, намереваясь припустить к метро во весь дух, и вдруг слышу нерешительное:

— Марина?..

54

ПРОШЛОЕ

Лиза, 2002 год

Собирая Илью в первый класс, Лиза боялась только одного: что одноклассники начнут его травить. Немного успокаивало то, что Руслан должен был ходить в школу вместе с Ильёй, да ещё и в тот же класс. Уж он-то точно не даст своего друга в обиду! Но всё равно Илья заметно отличался от ровесников, а Руслан... Руслан при всём желании не мог находиться рядом ежесекундно.

Оглядываясь назад, Лиза так и не могла припомнить тот судьбоносный момент, с которого всё пошло не так. Впрочем, скорее всего, не было никакого момента, всё это копилось постепенно, а потом рвануло... Возможно, Илья всегда был странным, просто в первые несколько лет жизни все его *особенности* можно было легко списать на обыкновенную мальшовую непосредственность.

Вообще, в первые несколько лет своей жизни Илья был умницей и даже опережал сверстников в развитии. Массаж, закаливание и плавание действительно творили чудеса. Запугивания врачей оказались напрасными: в полгода Илья пополз, в семь месяцев начал вставать, держась за прутья кровати, в восемь ходил вдоль дивана, в одиннадцать пошёл самостоятельно, точнее, сразу побежал.

Уже к трём годам у него был огромный словарный запас и забавная, его собственная, неподражаемая логика. К примеру, когда они только-только начали учить алфавит, Илья огорошил маму заявлением, что хочет еду на букву А.

— Это загадка? — неуверенно спросила Лиза. — Что за еда на букву А? Мне нужно отгадать, правильно?

— Нет! — Илья сердито затопал ногами. — Я хочу еду на букву А!

— Хорошо, только ты подскажи мне, что именно это за еда?

Он злился из-за её непонимания, мотал головой, готовился заплакать... пока Лиза не сообразила: он не ждёт от неё ответа, он просто хочет, чтобы она угостила его сегодня чем-нибудь, начинающимся на А. Пришлось срочно соображать, что из еды на требуемую букву найдётся у них в доме. Отыскались арахис и арбуз.

Затем это превратилось в ежедневную забавную игру: Лизе приходилось проявлять чудеса фантазии, находя продукты на все существующие буквы русского алфавита, а также терпеливо разъяснять, почему с такими буквами, как Ы или Ъ, могут возникнуть определённые сложности.

С посторонними людьми Илья обычно не церемонился. Однажды, отправляясь на прогулку, Лиза вышла с сыном из лифта и встретила соседку, которая к этому самому лифту направлялась. Илья держал в руках своего любимого плюшевого кота по имени Котейка — подарок бабушки, и, вероятно, производил на посторонних совершенно ангельское впечатление: прелестный голубоглазый карапуз с прелестной же игрушкой в руках.

— Ой, а кто это у нас тут такой шагает? — заверещала тётка. — Мальчик? А как тебя зовут? Куда же ты собрался?

Илья притормозил с лёгкой улыбкой, но никак не отреагировал на её слова, и соседка решила, что он стесняется.

— А сколько тебе лет? И кто это у тебя в руках? Да ты умеешь разговаривать? Наверное, не умеешь...

Илья совершенно по-взрослому вздохнул, насупил бровки и выдал скороговоркой:

— Мальчик. Илья. Гулять. Три года. Котейка. Умею.

И пока тётка промаргивалась от неожиданности, переваривая полученную информацию, он повелительно махнул ручкой в сторону лифта:

— Тётя, нажимай на кнопочку и уезжай.

Лиза с трудом сдержала гомерический хохот и поспешно отвернулась. Да, её ребёнок умел очень недвусмысленно послать, если не был расположен к диалогу...

Не сразу насторожила её и привычка Ильи с глубокой дотошностью исследовать всё, что его окружает. Началось всё с безобидного увлечения кубиками, пирамидками и пазлами, но затем он начал упорно ломать все игрушки, проверяя, что у них внутри, разбирать на детали пульт от телевизора и тут же заново собирать.

Дальше — больше. Илья всё чаще стремился оставаться в одиночестве, погружаясь в собственный непонятный мир. Играя, он маниакально зацикливался на чём-либо. К примеру, мог не есть, не пить, не спать, а целый день строить что-то из конструктора. Любые попытки его отвлечь, увести, накормить или уложить заканчивались криками и слезами. Участились истерики на пустом месте, рыдания по любому поводу, Илья стал категорически отказываться контактировать с другими детьми... Но даже тогда Лиза не забила тревогу, списывая всё на очередной возрастной кризис.

На детской площадке, куда она приводила Илью, можно было время от времени встретить маму с дочкой лет десяти. У девочки был синдром Дауна: она плоховато говорила, довольно странно двигалась, однако... Лиза даже не могла описать это словами, но девочка как будто светила изнутри, в ней не было ни одной негативной нотки. При этом Лиза отмечала реакцию остальных мам: очень многие сторонились девочки, стараясь увести своих детей подальше, будто боялись, что это заразно. Некоторые в лоб спрашивали, что это с ребёнком, и недовольно выговаривали затем матери, что её дочь смущает и пугает остальных своим видом.

Да и сами дети понимали, что с девочкой что-то не то. Единственным человеком на

всей площадке, который совершенно ничего не замечал, был Илья. Он спокойно вступал с девочкой в обстоятельные и серьёзные беседы, рассказывал про свои игрушки, про то, какие буквы и цифры выучил, какие модели из конструктора построил, а она лучилась счастьем, гладила его по голове и даже поцеловала один раз в макушку.

Лиза заметила, что мама девочки очень переживает за реакцию посторонних — она постоянно нервно окликала дочь и просила ни к кому не приставать.

— Какая светлая у вас девочка, — искренне сказала Лиза, — такая добрая и улыбчивая. Женщина смутилась до слёз.

— Да, — пробормотала она, — спасибо... Только в развитии отстаёт.

— Зато какая у неё чудесная улыбка — вот прямо как на иконах рисуют! А какая она нежная, моего Илюшку до этого ни один ребёнок не обнимал и не целовал.

Похоже, женщина не привыкла к подобным комплиентам.

— Спасибо вам, — сконфуженно пробормотала она. — Вы со своим мальчиком здесь единственные, кто нормально на Веронику реагирует. Все остальные меня сожрать готовы за то, что мы приходим сюда гулять и всех смущаем. Не представляете, как трудно быть матерью ребёнка, который отличается от всех.

Лиза и не догадывалась тогда, что очень скоро вполне себе представит...

55

Чем взрослее становился Илья — тем всё более замкнутым и нелюдимым он делался, хотя раньше с детской доверчивостью и непосредственностью бежал абсолютно ко всем. Теперь же ему было неинтересно и некомфортно в незнакомом, большом или просто шумном коллективе. Детский сад только усугубил ситуацию: Илья ненавидел его всеми фибрами души. У Лизы сердце кровью обливалось всякий раз, когда она по утрам силой тащила ребёнка в садик.

В те годы в моду стали активно входить разнообразные психологи, в том числе и детские. Лиза рискнула обратиться к одному из них и сразу же напоролась на вопрос:

— Может быть, ваш сын так реагирует на развод с отцом? А вдруг это его своеобразный протест?

Лиза едва не расхохоталась. Да Илья едва ли заметил, что Олега не стало в их жизни! Они с Тошиным со скрипом продержались около трёх лет, создавая видимость семьи непонятно зачем, для кого и во имя чего, а потом Лиза (надо отметить, с огромным облегчением) поймала его на горяченьком. Точнее, на горяченькой — партнёршей мужа оказалась их бывшая одноклассница Динка Старцева.

Илья был в детском саду, а у Лизы в тот день разболелась голова, пришлось пораньше отпроситься с работы. Застукать в собственной спальне предававшуюся любви парочку было так нелепо, так по-киношному, что Лиза расхохоталась от души.

— А ты молодец, даже уважаю немного, — выговорила она сквозь смех, обращаясь к Олегу. — Хранишь верность первой любви!

Глаза Старцевой сузились до ненавидящих щёлочек, но качать права, прикрываясь простынёй, было как-то не очень солидно, поэтому она промолчала.

— Одевайтесь, голубки, — весело сказала Лиза, у неё даже головная боль прошла. — А ты... — она перевела взгляд на мужа. — Пошёл вон из моей квартиры и из моей жизни. Давай разведёмся поскорее, чтобы прекратить этот фарс. Меня от него тошнит. И от тебя тоже...

— Я, между прочим, здоровый молодой мужчина с естественными потребностями! — оскорблённо закричал Тошин, полагая, что Лиза обиделась на его измену. — Ты же меня к себе на пушечный выстрел не подпускаешь!

— Вот и удовлетворяй свои естественные потребности с кем хочешь, — Лиза пожала плечами. — У меня наконец-то появился законный повод от тебя избавиться.

У них действительно не было сексуальных отношений после свадьбы. Ни разу. Два месяца спустя после рождения Ильи Олег попытался было подлезть к супруге, перекатившись на её половину кровати — видимо, сильно припекло. Но Лиза с отвращением отпихнула его и сказала внятным злым шёпотом:

— Только прикоснись ко мне своими грязными лапами — убью.

— Идиотка... — фыркнул он, откатываясь обратно, и на всякий случай уязвлённо напомнил:

— Вообще-то ты моя жена.

— Ты прекрасно знаешь, что наш брак — это фикция. Предупреждаю, я буду кричать...

— Да сдалась ты мне! — с гневом и досадой прошипел Олег. — Тоже мне принцесса, кричать она будет. Не хочешь — так и хрен с тобой. Как будто мало баб вокруг...

На семейном совете мама ожидаемо пыталась отговорить Лизу от развода, напирая на то, что любое недопонимание решается, что нужно уметь идти на компромиссы, а свекровь наоборот неприкрыто радовалась и говорила: “Разводись, Олеженька, ты молодой, у тебя ещё всё впереди!”

— Мама, он спал с другой. На нашей кровати, — внятно произнесла Лиза, тщетно пытаясь до неё достучаться. — Ты действительно считаешь, что у нас есть *что* сохранять? Или ты и теперь придумаешь ему оправдание? Честное слово, иногда мне не верится, что я твоя дочь — ты всегда на его стороне!

— Я спал с другой, потому что ты со мной не спала! — психанув, заорал Олег. — Я не монах, знаешь ли, чтобы терпеть трёхлетнее воздержание. То, что у меня были другие женщины — это нормально!

— Лиза? — сурово сдвинув брови, спросила мама. — Это правда, что вы три года не...

Лизу затошнило.

— Так, прекращаем этот балаган, — жёстко сказала она. — Это наше с Олегом дело, а не ваше. Мы разводимся, и точка.

— Но оставлять ребёнка без отца!..

— Хватит, Катя, — рявкнул вдруг Лизин папа, прижимая к себе Илюшку. Тот смиренно сидел на руках у деда и внимательно прислушивался к разговору взрослых, хотя едва ли понимал, о чём речь.

— Хватит, — с отвращением повторил отец, как отрезал. — Это действительно не наше собачье дело. Мы и так наворотили всякого... пусть хоть теперь сами разберутся. Взрослые люди. Совершеннолетние!

Мама выскочила из дома первая, будто ошпаренная кипятком. Свёкор крикнул что-то в виде прощания или извинения. Свекровь выплыла с большим достоинством и выражением на лице “ноги моей не будет больше в этом доме”. Олег, поколебавшись, последовал за ней.

— Подожди, — окликнула его Лиза. Он настороженно обернулся.

— Вещи когда заберёшь?

— На неделе, — буркнул он нехотя.

— Ключи от квартиры оставь.

— А как же вещи собирать? — скривился он.

— Соберёшь, когда я буду дома. Под моим чутким присмотром.

— Ну и сука ты, Лизюкова, — практически выплюнул он, называя Лизу девичьей фамилией.

— Угу, — кивнула она. — Учителя хорошие были.

Хлопнула дверь, и они остались с отцом и Илюшкой втроём.

— Прости меня, Лизок, — тихо сказал папа. — Как-то я проглядел этот ваш брак... пошёл на поводу у Кати, растерялся... не надо вам было с самого начала в это ввязываться. Прости...

— Да ладно, пап, теперь-то уж чего, — Лиза отвела взгляд. — Былого не воротишь. Зато какой у нас Илюшка замечательный получился, верно?

— Ну и сука ты, Лизюкова! — умильно заявил малыш. Лиза оторопела на миг, переглянулась с отцом, а потом, еле сдерживая истерический смех (она давно так много не смеялась), затрясла головой.

— Нельзя так говорить, Илья. Это очень, очень некрасиво. Кто так говорит — тот и сам... не очень хороший и не очень умный человек, так что не повторяй всякие глупости.

— Не очень умный человек — это придурок? — уточнил Илья.

— Ну... что-то типа этого, — непедагогично подтвердила Лиза.

Илья кивнул, принимая сказанное к сведению, сполз с дедовых коленей и потопал в комнату к своему любимому конструктору.

56

НАШИ ДНИ

Марина, сентябрь 2019

С удивлением оборачиваюсь на оклик.

— Вы же Марина? — на всякий случай проверяет женщина, которую я только что чуть не сшибла.

— Да.

Неуверенность в её глазах сменяется решительностью.

— Я Лиза, мама Ильи, — заявляет женщина. Ничего себе встреча...

Несколько секунд мы испытывающе смотрим друг на друга, словно изучая. Ей известно моё имя, но меня она явно видит впервые, как и я — её. Она выглядит ровесницей моей мамы или даже чуть моложе. У неё тёмные вьющиеся волосы, худощавая фигура и... наверное, если бы она улыбалась, её лицо можно было назвать даже милотвидным. Но сейчас женщина смотрит на меня без тени улыбки, и хотя враждебности я не ощущаю, всё равно чувствую себя неуютно, словно на экзамене с невыученным билетом.

Нервно сглатываю и делаю малодушную попытку сбежать:

— Извините, я очень спешу. Боюсь опоздать на работу.

— Вы же в сторону метро направляетесь? Давайте вместе пройдемся, — тут же предлагает она. — Заодно и поговорим.

Мне ничего не остаётся, как растерянно кивнуть.

Некоторое время мы молча идём с ней плечом к плечу. Похоже, она не знает, с чего

начать, и я решаю ей помочь.

— Как вы узнали моё имя? И вообще... обо мне?

— Илья написал мне вчера, что идёт в театр с некой Маришей. Понимаете, театр и Илья — это... — не договорив, она многозначительно усмехается, и я прекрасно понимаю подоплёку этого смешка.

— Потом он очень долго не отвечал на мои сообщения. Я разволновалась, потому что знаю, как непросто ему даются походы в публичные места. Илья написал мне уже поздно ночью — сказал, что всё хорошо и вы остались у него ночевать.

— И вы решили приехать посмотреть на меня? — откровенно говоря, ощущения не самые приятные. — Вот так сразу? А если бы не застали? Это же случайность — что мы сейчас вот так столкнулись.

Мама Ильи качает головой.

— Вообще-то я хотела поговорить с ним, а не с вами. Я писала ему вчера, что заеду. Знаю, что Илья всегда встаёт рано, так что мне было удобно сделать это ещё до работы. Но раз уж мы с вами всё равно встретились...

— А как вы догадались, что я — это именно я, то есть та самая Марина?

— Ну, соседей Илюши я более-менее успела запомнить. А тут вы... в седьмом часу утра — да в вечернем платье, — она улыбается краешками губ. — Кто ещё это мог быть?

Да уж, логика у неё железная, не хуже чем у Ильи.

— Я хотела бы уточнить... — робко приступает она к главной, судя по всему, теме нашего разговора. — Илья пока никак не обозначил ваши отношения, но... вы сами считаете себя его девушкой?

— Это сложный вопрос, — еле слышно бормочу я и чувствую, как краснею до корней волос. — Я пока не готова это обсуждать, тем более с вами. Мы с Ильёй сами разберёмся, хорошо?

— Но вы же поняли, надеюсь, что он особенный? — видно, что она страшно волнуется. — Что он несколько... отличается от остальных?

Пожимаю плечами:

— Поняла, я не слепая.

— Тогда зачем вам всё *это*? Зачем вам мой сын? Почему бы вам не найти обычного, здорового, *нормального* парня? — она поджимает губы.

— Я вам не нравлюсь, — заявляю я скорее утвердительно, чем вопросительно.

— Не нравитесь, — подтверждает она, ни капельки не смутившись, но затем всё же уточняет:

— Не вообще не нравитесь, а именно в качестве девушки моего сына. Понимаете, с первого взгляда понятно, что в вас слишком много жизни и энергии.

— Лихо вы ставите диагнозы, едва встретившись с человеком, — не удерживаюсь я от шпильки.

— Простите, если вас это задело. Но мне кажется, вы очень общительная и открытая, а Илья... он не такой, вы и сами в курсе. Именно поэтому я боюсь за него.

— Боитесь?..

— Ну да. Его очень легко обмануть и обидеть. Его прошлая девушка...

— Знаю, — перебиваю я. — Он мне рассказал.

— Вот как... А кем вы работаете, простите?

— Ведущей на радио. Но вообще-то я ещё учусь. На журфаке...

Вижу, что моя профессия нравится маме Ильи ещё меньше, чем я сама.

— И что, — её губы кривятся в презрительной усмешке, — у вас какое-то журналистское задание? “Одна ночь с аутистом” или ещё что-нибудь в этом духе? Вы же любите кричащие заголовки...

— Прекратите! — возмущённо вскидываюсь я. Мне неприятно, что она думает обо мне такое. — Будьте уверены, я не собираюсь писать об Илье статью или приглашать его к себе на радио, если на то пошло. Мы общаемся просто потому, что мне с ним интересно!

— Вам “интересно”, но он-то к вам уже не на шутку привязался! Поверьте, я знаю своего сына, он не каждую девушку способен оставить у себя до утра. Он доверяет вам, и это многое говорит о его чувствах! Он уже готов открыться вам полностью, но готовы ли к этому вы?! Для вас это забава и развлечение, а Илья... в силу своих особенностей он не может постичь всех тонкостей человеческих взаимоотношений, но когда его предают и бросают, как надоевшую игрушку... представьте себе, ему тоже бывает больно! Он умеет чувствовать... и любить... и страдать... и даже плакать!

Хочу ли я заставить Илью страдать и плакать? Определённо нет. Хочу ли я быть с ним рядом в качестве его девушки? Боже, я пока не готова ответить на этот вопрос...

— Зачем он вам? — безжалостно продолжает мама Ильи. — Вы легко найдёте себе кого-то другого, вы молодая, умная, симпатичная и... здоровая. Такие, как мой сын, просто не для вас, — и, честное слово, это звучит так, будто я его недостойна!

— Послушайте, что конкретно вы от меня хотите? — устало выдыхаю я, проведя ладонями по лицу, словно стягивая плёнку недоверия и враждебности, которой окутала меня мама Ильи. Мы уже подошли к метро, но она не собирается спускаться со мной, поэтому мы просто стоим у входа, не обращая внимания на то, как нас обтекает с двух сторон пассажирский ручеёк.

— Оставьте его в покое. Навсегда, — резко выдыхает она. — Лучше сделать это прямо сейчас, пока не стало слишком поздно.

Поначалу мне хочется послать её подальше и ответить, что как-нибудь сама разберусь, но тут замечаю, как подрагивают её губы и как умоляюще она смотрит мне в глаза. Отвожу взгляд и негромко отвечаю:

— Хорошо. Я... подумаю.

57

НАШИ ДНИ

Илья, сентябрь 2019

Съедаю приготовленный Маришей омлет. Вкусно, хоть и пересолено. Я добавляю в пищу куда меньше соли, и обычно уже в готовое блюдо. Решаю отправить ей сообщение о

том, что завтрак мне в целом понравился, но избыток соли повышает артериальное давление, провоцирует ожирение и стимулирует задержку воды в организме, что ухудшает работу почек.

Ответа долго нет. Пишет мне Мариша только через сорок минут.

“Говорят, если еда пересолена — повар влюблён”.

Несколько раз перечитываю эту фразу, пытаюсь вникнуть в неё и понять логику. Не уверен, что улавливаю посыл верно, поэтому на всякий случай уточняю, какой повар имеется в виду.

Она снова долго молчит, наконец отвечает:

“Тот, кто готовил пищу. В данном случае — я”.

Ещё раз перечитываю это и предыдущее сообщения.

“Значит, ты влюблена?”

Пауза длиной в полчаса.

“Илья, прости, я сейчас занята”.

“Напиши, когда освободишься, — набираю в ответ я. — Мы не договорили насчёт сегодняшних планов”.

И после этого Мариша пропадает из мессенджера.

Поначалу я не слишком тревожусь и принимаюсь за свои повседневные дела: прогулка, уборка, работа. Но когда наступает вечер, а от Мариши по-прежнему нет вестей, я начинаю подозревать, что, возможно, сделал что-то не так или написал ей что-нибудь не то. Самое неприятное, что я не уверен в этом на сто процентов. Мне сложно выстраивать отношения с другими людьми, особенно с девушками, потому что я не всегда знаю, как надо правильно себя вести.

Мне известно, что влюблённые пары обычно целуются, ходят в кино и театры, спят вместе, девушка готовит для своего парня еду. Анализирую всё, что произошло между мной и Маришей: она сама поцеловала меня в благодарность за подарок, пригласила в театр, всю ночь спала со мной в одной постели и вызвалась приготовить завтрак. Возможно, я ошибаюсь, но нейротипичные* девушки именно так дают понять, что хотят быть с тобой вместе. Я был уверен, что своими действиями Мариша демонстрирует готовность и желание стать моей девушкой, но, вероятно, расшифровал её поведение неверно.

Когда наступает ночь, а Мариша по-прежнему молчит, я прихожу в полную уверенность, что где-то накосячил, и это выводит меня из равновесия. Алёна написала в своей книге, что люди с синдромом Аспергера не испытывают ни чувств, ни эмоций. Это полная чушь. Просто на лице у нас не написано того, что мы ощущаем. Мы так же влюбляемся и с трудом переживаем разрывы. И либидо у нас тоже присутствует, секс для аспи — такая же потребность, как и для остальных людей. Но сексуальные отношения вызывают больше затруднений, потому что мы очень плохо считываем подтекст жестов, мимики и голоса своих партнёров.

Многих нейротипиков смущает отсутствие ярко выраженных эмоций на моём лице. Я испытываю эмоции, но не могу по умолчанию *транслировать* их собеседнику — видимо, в моём теле отсутствует некий переходник.

Когда я учился в школе, мне приходилось подолгу репетировать мимику перед зеркалом: изображать удивление, заинтересованность, радость, беспокойство и так далее, потому что, по словам Руса, у меня всегда покерфейс. Даже если одноклассники меня

сильно пугали или делали что-то, требующее быстрой реакции, я мог пребывать в диком ужасе, но лицо при этом не меняло своего выражения. По этой причине многие знакомые считали меня флегматиком, хотя это совсем не так.

Постепенно я натренировался принимать подходящее к каждому случаю выражение лица, хотя Рус до сих смеётся и говорит, что я бездарный актёр и жутко переигрываю, что моя мимика похожа на мультяшную. Я стараюсь не злоупотреблять *изображением* эмоций, потому что это отнимает очень много сил.

А вот с юмором намного проще, тут есть свои законы и своя логика. Это похоже на математику: если изучить тысячи примеров и образцов, постепенно начинаешь видеть внутренние схемы и схожие приёмы, по каким принципам и системам формируются шутки. Так что я просто впитывал в себя тонны информации, штудировав сборники анекдотов, и хотя сам так и не стал находить их смешными, но при случае, чтобы произвести впечатление, могу вполне удачно и остроумно пошутить.

Но в любви и сексе всё гораздо сложнее... Даже если ты запоминаешь алгоритмы и привычные схемы действия, всё равно могут случаться осечки. Вот и теперь с Маришей — я вновь и вновь анализирую ситуацию и не понимаю, почему проявился баг** и как его отловить. Что и в какой момент я сделал не так?!

**Нейротипичный (от англ. “neurotypical”) — сокращение от “неврологически типичный”; так люди с синдромом Аспергера часто называют остальных людей, не имеющих расстройства аутистического спектра.*

***Баг — на языке компьютерщиков “программная ошибка”.*

58

НАШИ ДНИ

Лиза, сентябрь 2019

Разговор с этой девочкой — Мариной — разбередил душу, Лиза даже специально выскочила на две остановки раньше и прошла их до работы пешком. Нужно было остудить голову, прийти в себя, понять и разобраться, где она была права, а где неправа... Да, возможно, она погорячилась, но разве её сложно понять? Душевное равновесие сына для неё важнее всего на свете, и уж тем более — важнее душевного равновесия какой-то посторонней девицы, которая до сих пор не определилась с чувствами к Илье. Интересно, как долго уже они встречаются?..

На работу она опоздала. К счастью, тётя Алла с лёгкостью прощала ей подобные мелочи: обычно Лиза отличалась крайней ответственностью и дисциплинированностью, опаздывала редко и по уважительным причинам.

Мамина подруга давно уже покинула ателье при ГУМе, рискнув вложить все накопленные сбережения в собственное дело. Несмотря на лихие времена, ей это удалось: маленькое ателье, которое она скромно назвала “Алла”, худо-бедно продержалось на плаву в конце девяностых и начало потихоньку расцветать в нулевых; в настоящее время у тёти Аллы был круг постоянной клиентуры и пусть не заоблачный, но хороший и стабильный доход.

Лизу в своё время она взяла к себе больше из жалости и желания помочь дочери

подруги подзаработать: девчонка ничегошеньки не умела, от швейной машинки шарахалась, а пришивая пуговицы, искалывала себе иглой все пальцы. Максимум, который могла выжать из себя Лиза — это простейший домохозяйский фартук, освоенный ещё в школе на уроках труда. Однако у неё был тонкий вкус: частенько её советы относительно того или иного фасона ввергали тётю Аллу в изумление. Клиентки уходили довольными и заметно похорошевшими, а тётя Алла настаивала, что Лизе нужно серьёзно учиться шитью.

Лиза вняла её советам и окончила курсы; Илья к тому времени начал ходить в детский сад. За все эти годы Лизюкова выросла от простой портнихи до правой руки тёти Аллы, и, хотя высшего образования и какой-то более “престижной” профессии она так и не получила, была вполне довольна своим положением.

Сегодняшним утром в ателье было шумно и весело: тётя Алла вернулась из недельного отпуска, который провела на обожаемом турецком побережье, и сейчас щедро одаривала сотрудниц магнитиками и сладостями.

— С возвращением, — Лиза поцеловала тётю Аллу в щёку, отметив её цветущий вид: загорелая, счастливая, а глаза так и горят шальным блеском. — Я так понимаю, отдых удался на все сто?

— Пойдём-ка ко мне в кабинет, Лизка, — тётя Алла заговорщически подмигнула. — Выпьём чайку с пахлавой... Посплетничаем.

Лиза уже примерно представляла, о чём им придётся сплетничать — из каждой своей поездки в Турцию тётя Алла привозила жаркие воспоминания об очередном коротком, но страстном и волнующем курортном романе. Турки были её слабостью.

— Кто на этот раз? — понимающе спросила Лиза, пока кипятился электрический чайник. — Бурак, Али или Мустафа? — их отношения были таковы, что она могла запросто подшучивать над своей начальницей, и та не обижалась.

— Мехмет, — выдохнула тётя Алла. Казалось, она вот-вот довольно заурчит, как налакавшаяся сметаны кошка. — Какая попка! А какие бицепсы! А какой...

— Ой нет, тётя Алла, избавьте меня от таких подробностей, — взмолилась Лиза со смехом.

— Эх ты, святая душа! Это же естественно и прекрасно — отношения мужчины и женщины, здесь нет ничего постыдного и запретного... — добродушно-привычно поддела её начальница. Она и Лизу неоднократно звала с собой на море — турецкие мачо горячи и многочисленны, на всех хватит, однако глупышка неизменно отказывалась.

— А в чём кайф, тётя Алла? — положив в рот кубик рахат-лукума, с искренним недоумением поинтересовалась Лиза. — Ведь вы прекрасно знаете, что этот самый Мехмет наверняка женат, беден как церковная мышь и ухаживает за вами только потому, что надеется на щедрые подарки...

— Не всё ли равно, какие у него мотивы, — беззаботно отмахнулась та. — Лизка, послушай, мне уже за шестьдесят. Откровенно говоря, у российских мужчин я давно не котируюсь. Так пусть хоть неделю отпуска я буду чувствовать себя любимой и желанной... какая разница, что этот турецкий красавчик на самом деле обо мне думает? В уши-то красиво заливает и удовлетворяет в постели исправно. А на большие бабки раскрутить меня всё равно не получится, я слишком жадна для этого, — она засмеялась и принялась заваривать чай. — Ты, наверное, думаешь, что в моём возрасте уже и любви не хочется? Ещё как хочется...

Лиза вежливо пожала плечами.

— Ну, а у тебя какие новости? Нашла себе кого-нибудь? Блин, молодая женщина, в твоём возрасте ещё детей всю рожают, а ты живёшь монашкой...

— Нет, я никого не нашла, — покачала головой Лиза и, помявшись, всё-таки неловко призналась:

— А вот у Ильи, кажется, появилась девочка...

Тётя Алла заинтересованно вскинула безупречно выщипанные брови.

— Да ну?! Слава богу...

— Чего “слава богу”, — возмутилась Лиза. — Это же кошмар! Вы помните, что с ним творилось, когда Лукашина его бросила?

— Это писательница-то? — понимающе уточнила начальница.

— Она самая. Илья же тогда две недели вообще не разговаривал. Жестами изъяснялся. А уж потом, когда книга вышла... Эта дрянь даже их совместные фото в книге использовала!

— Ну, а теперь-то ты чего дёргаешься? Это же другая девушка.

— Всё равно боюсь, что история может повториться — в конце концов она его бросит. А он уже влюбился...

Тётя Алла поднесла к губам чашку из дулёвского фарфора и сделала осторожный глоток, а затем с видимым удовольствием разжевала кусочек турецкого лакомства.

— Он взрослый парень, — рассудительно заметила она. — Ты же не можешь всю жизнь держать его у своей юбки. Удивляюсь, как ему в принципе удалось от тебя съехать. Тебе любая девочка будет плоха, потому что ты любишь Илью без памяти.

— А как не любить? Он же — единственное, что у меня есть, — Лиза пожала плечами и тоже отхлебнула из чашки ароматный чай.

— Так не должно быть! — тётя Алла наставительно подняла палец. — Не надо растворяться в детях. Хорошо бы тебе встретить какого-нибудь приличного мужика и полюбить его...

— Не надо мне мужика, — буркнула Лиза. — Ни приличного, ни неприличного.

— Надо, надо. Всем надо — а тебе нет? С тобой поэтому никто из ухажёров долго и не продержался, ты же только об Илюхе своём думаешь.

Лиза взяла ещё кусочек рахат-лукума, безумно вкусного. Спорить не хотелось, поэтому она лишь лениво возразила:

— Лариска вон постоянно думает о мужиках. И что, ей это много счастья принесло?

— Ну, твоя сестрица — это вообще отдельный разговор, — усмехнулась тётя Алла. — Она с тобой так до сих пор и не разговаривает?

— Нет. И маме запрещает общаться со мной и Ильёй. Мама, конечно, звонит тайком. Но...

Тётя Алла покачала головой:

— Дурдом какой-то...

59

История, в общем, была давняя.

Когда Лиза развелась с Олегом, воодушевлённая Лариска предложила ей вернуться с ребёнком обратно к родителям, а сама сестра должна была переехать в бабушкину двушку. Однако отец категорически воспротивился: он любил внука, но не считал, что младшей дочери с Ильёй достаточно будет одной комнаты. Да и Лиза уже наладила жизнь в новом

районе: Илья начал ходить в детский сад недалеко от дома, и на работу ей самой было удобнее добираться...

Лариска тогда устроила родителям страшный скандал в своём репертуаре: “Папа меня не любит, потому что я ему не родная!” Мама пыталась было давить на совесть мужу и Лизе, упирая на то, что бедненькой Лорочке нужно строить личную жизнь, а с двухкомнатной квартирой это будет намного проще.

С мужчинами старшей сестрице катастрофически не везло. Вернее, на неё клевали в основном отъявленные мерзавцы или альфонсы. Был даже период, когда она встречалась с заключённым: познакомилась с ним по переписке и целый год возила передачи в тюрьму (“Его оклеветали! Посадили по ложному обвинению! Он ни в чём не виноват, чист как стёклышко, а какие стихи мне пишет!”), однако после освобождения коварный возлюбленный предпочёл вернуться к своей предыдущей крале.

По документам бабушкина квартира принадлежала отцу, так что ни мать, ни Лариска ничего здесь не решали. В итоге обеим пришлось смириться и оставить всё как есть.

А вот с Лизой с тех пор Лариска общаться прекратила. Даже когда младшая сестра с Ильёй приезжали в гости, Лариска подчёркнуто их игнорировала, чаще всего даже не выходя из своей комнаты.

Затем скоропостижно скончался папа. Сердце...

Мать и Лизу эта смерть здорово подкосила. Лариска вроде бы тоже горевала, но глаза её уже горели алчным огнём — она просчитывала открывающиеся перед ней возможности и перспективы. Лиза оставалась жить там, где жила, но теперь Лариска затеяла размен родительской трёшки на двухкомнатную и однокомнатную. Маму, естественно, пихнуть в однушку, а самой зажить по-королевски, в своё удовольствие. Мозги матери были затуманены горем, она послушно ездила вместе со старшей дочерью к нотариусу, что-то безропотно подписывала и в итоге оказалась засунутой в задницу мира — засранную крошечную комнатку, доставшуюся от каких-то алкашей.

Лиза приехала помочь матери с переселением и ужаснулась тоннам грязи и мусора, полчищам тараканов и пауков. На то, чтобы отмыть и отчистить всё это, потребовалось несколько дней. Мама тогда ночевала у Лизы с Ильёй, потому что спать в её новом жилище было решительно невозможно, да и не на чем: в квартире имелась только ржавая ванна и больше ничего, даже какой-нибудь колченогой табуретки не было. Часть родительской мебели Лариска забрала в своё новое жильё, а остальное спешно распродала: ей нужны были деньги на то, чтобы обустроиться на новом месте.

Лариске, разумеется, и в голову не пришло помочь матери — она даже пальцем не шевельнула, будучи занятой устройством собственной жизни.

Лиза с мамой вдвоём ездили в магазин за мебелью, сантехникой, новыми обоями, шторами и посудой, в четыре руки делали ремонт, и в конце концов маленькая комнатка стала худо-бедно напоминать человеческое жильё, а не звериное логово.

— Ты только Лорочке не говори, что мне помогала, — озабоченно предупредила мать. — А то обидится и расстроится...

Лиза хотела возмутиться, но у неё не осталось сил — в теле болела каждая мышца, каждая клеточка.

— Твоя ненаглядная Лорочка со мной уже несколько лет не разговаривает, — напомнила она. — И со своим племянником, между прочим, тоже, хотя Илюха-то ей вообще

ничего не сделал... Видимо, просто отличный повод не дарить ему подарки на день рождения, — пошутила она.

Сам Илья едва ли помнил свою тётку — настолько редким и кратковременным было его прежнее общение с Лариской. Так что едва ли он страдал от её отсутствия. Впрочем, Лиза вообще не замечала в нём особой привязанности к другим людям, разве что к ней самой, к бабушке да к Руслану.

Потерю деда внук понял, вроде бы осознал, но внешне никак не отреагировал. Одна Лиза знала, что он скучает: после похорон Ильи, уже взрослый двенадцатилетний мальчишка, целый месяц спал со своим замурзанным плюшевым Котейкой, которого подарил ему дедушка...

А знакомые судачили: какой бездушный и бессовестный пацан! На похоронах не проронил ни единой слезинки. Не сердце, а камень!

60

НАШИ ДНИ

Марина, сентябрь 2019

После не слишком-то приятного разговора настроение у меня закономерно препаршивое.

Когда я еду в метро, от Ильи прилетает сообщение:

“Омлет был вкусным, но ты положила слишком много соли. Тебе известно о том, что избыток соли повышает давление, ухудшает работу почек из-за задержки воды в организме и вызывает ожирение?”

Так, постойте... Это он сейчас назвал меня жирной или я себя накручиваю?!

Психую и убираю телефон в сумку. Мне нужно подумать. Разобраться со всем тем, что вывалила на меня мама Ильи...

Нет, если отбросить глупые обиды и уязвлённую гордость, то во многом она права. Я действительно не готова прямо сейчас сказать, какие чувства у меня к её сыну. Имею ли я право *пробовать* строить с ним отношения, зная о том, что Илья — особенный? Ведь если у нас ничего не получится, он будет очень болезненно переживать разрыв — гораздо болезненнее, чем я или другие *обычные* люди. Похоже, в его системе координат нет понятия “пробовать”, есть только “делать”, он ко всему относится слишком серьёзно.

С другой стороны, как можно узнать, надо ли оно мне, не попробовав при этом?! Как определить, понравится ли тебе целый торт, если ты не съешь хотя бы крошечный кусочек?

Я закрываю глаза и пытаюсь воспроизвести в воображении образ Ильи. Его запах. Взгляд. Улыбку. Ощущение его кожи под своими пальцами. Его тепло. В животе становится жарко и щекотно, сердце делает кульбит, по коже бегут многочисленные мурашки... Что ж, с телесным влечением всё в порядке — реакция на Илью определённо есть. Меня к нему тянет, пусть даже это всего лишь физиология.

Вспоминаю о бывшей девушке Ильи и, повинувшись внезапному порыву, снова достаю телефон и принимаюсь искать в сети информацию о книге “Мой парень — аутист”. Интернет-магазины любезно предлагают мне купить бестселлер Алёны Лукашиной, “основанный на реальных событиях”. В интернете можно найти бесплатные отрывки в качестве ознакомительных фрагментов. С опаской погружаюсь в чтение и... уже через

несколько минут с отвращением закрываю сайт. Это омерзительно. Полное ощущение, что подглядываешь в щёлочку за чем-то сокровенным, интимным. Как она могла писать об Илье такое, продолжая жить с ним вместе, спать в одной постели, заниматься любовью?! Он же служил для неё кем-то вроде подопытного зверька. Могу себе представить, как это было: постоянное наблюдение за его поведением, каждый необычный жест или фраза фиксируются и переносятся затем в файл будущего бестселлера, обрамлённые язвительными насмешками и ехидными комментариями автора. Нет, я не могу, я не стану это читать... как минимум из уважения к Илье и его чувствам. А они у него есть! Есть, несмотря на то, что пишет эта идиотка Алёна...

Поезд подъезжает к моей станции. Я выскакиваю из вагона, продолжая сжимать телефон в руке, бегу к эскалатору и думаю, что написать Илье. Мне хочется как-то подбодрить его, сказать что-нибудь доброе и хорошее. Перечитывая его последнее сообщение, почему-то вспоминаю дурацкую примету про пересоленную пищу и влюблённого повара. Как назло, в голову больше не лезет ничего подходящего и я, промучившись до самой работы, с колебаниями отправляю это Илье, пока еду в лифте.

Хоть в одном мне повезло: на месте Карика я с облегчением вижу другого ведущего, Женьку Синицына — он как раз заканчивает смену и готовится освободить студию для меня.

— А где Руденский? — спрашиваю я как можно небрежнее у возникшего в поле моего зрения Блинчика.

— Он попросил отгул, жену забирает из роддома... Ох, Маришка, какая ты сегодня нарядная и красивая!

Наверное, мне должно быть больно, хотя бы немножечко. Но мне наплевать. Точнее, нет — я очень рада, что не увижу Карика сегодня. Одной заботой меньше...

— Спасибо, — машинально откликаюсь я на комплимент, не вдаваясь в подробности, что нарядная и красивая я ещё со вчерашнего вечера, просто не ночевала дома.

Проверяю телефон и вижу непрочитанное сообщение.

“Какой повар имеется в виду?”

О господи, как же с ним... сложно. И всё-таки ловлю себя на том, что невольно улыбаюсь, ясно представляя искренний недоумевающий взгляд Ильи. Отвечать нет времени, потому что в студии появляется мой сегодняшней гость, так что я вырубаю звук телефона и переключаюсь на рабочие дела.

61

Как назло, нынешний гость зануден и скучен до зевоты. Делая вид, что вслушиваюсь в пространные многословные рассуждения, я время от времени вставляю оживлённые реплики и шуточки в его монолог, иначе радиослушатели просто заснут. Параллельно тайком набираю Илье разъяснения по поводу повара.

“Значит, ты влюблена?” — вопрошает он. Ой, всё! Я тихонько хрюкаю от смеха, понимая, что все эти игры и намёки, лёгкие заигрывания — точно не для него. Ему надо всё говорить в лоб, открытым текстом. Собираюсь ответить, но телефон сам тихонько вибрирует у меня в руках, принимая новое послание. Мама!..

“Мариш, сегодня, надеюсь, ты явишься ночевать?”

“А почему ты спрашиваешь?” — осторожно интересуюсь я. Нет, на самом деле мне

необходимо появиться дома — как минимум для того, чтобы переодеться, но о своих дальнейших планах я пока не думала... Воспоминания о том, как проспала всю минувшую ночь, обнимая Илью и уткнувшись носом ему в затылок, заставляют меня чуть-чуть смутиться. Я уже скучаю по нему... странно, но факт — я действительно скучаю.

“У нас сегодня вечером небольшое застолье в узком кругу. Только мы и Логиновы”, — пишет мама.

Настроение снова начинает портиться. Логиновы — старые друзья семьи, и в общем-то я ничего против них не имею, они милые и приятные люди, но... у них есть сын Глеб, мой ровесник, и наши родители почему-то решили, что мы с ним — идеальная пара. Несмотря на то, что об этом никогда не заявлялось открыто (мы же интеллигентные воспитанные люди, никто не хочет давить), подтекст *“Ах, как хорошо было бы, если бы вы...”* так и витает в воздухе во время каждого подобного “застолья в узком кругу”.

— Маришенька, поухаживай за Глебом, положи ему ещё салатика и фирменных бабушкиных пирожков...

— Глеб, у Марины закончилось вино, не зевай! Правда же, она сегодня очаровательна? А эти ямочки!..

— Дети, вам, наверное, скучно слушать наши серьёзные разговоры. Можете взять с собой закуски и отправляться в Маришкину комнату! Вдвоём вам будет намного интереснее...

Мне не нравится Глеб. Не потому, что он глуп, некрасив или имеет скверный характер — это вполне достойный и симпатичный молодой человек. Но он просто мне не нравится!!! Все эти неуклюжие попытки нас свести не вызывают ничего, кроме раздражения.

Представив, что меня ожидает очередной тягостный вечер с идиотским сватовством, я морщусь... и только потом соображаю, что невольно получилось так, будто я скривилась в ответ на очередную реплику своего сегодняшнего гостя. Быстро наклеиваю на лицо извиняющуюся улыбку и старательно изображаю увлечённое внимание.

Не дождавшись от меня ответа, мама пишет снова:

“Так я могу на тебя рассчитывать вечером? Мы все тебя очень ждём”.

С одной стороны, можно легко придумать какую-нибудь отмазку. С другой... что мне теперь — прятаться от Глеба, сбегать из собственной квартиры? Вот ещё глупости... Мне в любом случае надо домой. Ну, не убудет же с меня от одного-единственного ужина?

“Ладно, — отвечаю я, — приеду”.

Затем вспоминаю, что так и не написала Илье. Поспешно набираю ему, что занята сейчас, и он тут же реагирует:

“Напиши, когда освободишься. Мы не договорили насчёт сегодняшних планов”.

Невольно чувствуя себя предательницей, с досадой откладываю телефон, однако он снова настойчиво вибрирует. Это Лёлька. Да что они все, сговорились, что ли?

“Как ночь с Ильёй? Как Руденский? — пишет подруга. — Тебя ждать сегодня на лекциях? Хочу грязных подробностей!”

Понимаю, что ехать сейчас в универ я точно не хочу. Тем более в вечернем платье...

“Прогуляю сегодня. Дашь мне списать лекции?”

“Это само собой, но когда мы с тобой увидимся?! Жажду поболтать по душам и вообще соскучилась по тебе!”

“Пока не знаю, Лёль, вечером у меня ужин с родителями. Наверное, теперь только завтра. Я тебе напишу. Тоже очень соскучилась!”

Наконец эфир заканчивается. Гость-зануда покидает студию, я с видимым облегчением выхожу вслед за ним и решаю, что мне надо срочно выпить кофе и посидеть в зоне отдыха, поболтать с коллегами о какой-нибудь ерунде, чтобы расслабиться и избавиться от лёгкого чувства раздражения относительно предстоящего вечера.

Телефон снова подаёт признаки жизни. Все одновременно вдруг вспомнили о моём существовании — на этот раз в ватсап пишет Рус.

“Ну как, мои бесценные советы тебе пригодились?”

“Спасибо ещё раз, кое-чем действительно воспользовалась”.

“У вас с Ильёй всё нормально?”

“Не знаю, что конкретно ты имеешь в виду, но вообще-то пока нет никаких “нас”. Мы с ним просто дружим”.

“Ночами?;)”

К сожалению, я не могу подхватить его шуточный тон.

“Рус, если честно, иногда мне кажется, что это не для меня. Боюсь, Илья слишком непросто для того, чтобы... короче, я не справлюсь”.

“WTF???” Всё же нормально было! Он что-то тебе сказал?”*

“Не он сам. Его мама”.

“Тётя Лиза?!”

“Ну да. Мы пообщались с ней сегодня и она дала мне понять, что я Илье не пара”.

Рус немедленно перезванивает. Кажется, он не на шутку взволнован.

— Слушай, где ты сейчас территориально?

— На Цветном бульваре, — растерянно лепечу я, ошарашенная его тоном и напором.

— Давай встретимся? Я могу подъехать минут через двадцать. Поговорим...

— О чём поговорим?!

— О вас с Ильёй.

Начинаю заметно нервничать.

— Я же сказала, нет никаких “нас”. И, если честно, вряд ли будет.

— Не руби сплеча. Я не в курсе, что конкретно сказала тебе тётя Лиза, но, поверь, мало кто знает Илюху так же хорошо, как я. У вас с ним притяжение. То самое, что называют химией. Это видно невооружённым глазом!

Я молчу. Рус сбавляет обороты и тихо говорит:

— Пожалуйста, давай поговорим. Это важно.

И я зачем-то соглашаюсь.

*WTF — аббревиатура от англ. “What the fuck?” (“Какого хрена?!”). Интернет-сленг, выражает крайнюю степень удивления и негодования по поводу происходящего.

ПРОШЛОЕ

Лиза, 2002–2009 гг.

Вопреки Лизиным опасениям, в школе никто и не думал травить Илью.

В детском саду его замкнутость и отрешённость вызывали у сверстников

снисходительные смешки: ну и дурачок, ни побегать вместе со всеми, ни попрыгать не может, сидит в углу и строит какую-то непонятную ерунду из конструктора, а стоит затеять с ним шутливую возню — сразу начинает кричать и плакать, как рёвушка-коровушка, хуже девочки, честное слово!..

Когда же Илья пошёл в школу, внезапно выяснилось, что в классе он самый способный: лучше всех читает и считает, быстрее остальных схватывает новые темы и почти не нуждается в разъяснениях учительницы, запросто осваивая материал самостоятельно. Вскоре об Илье заговорили с восхищением: вот это голова! Во многом, конечно, ответственным за этот имидж был Руслан, который на каждом углу вопил, какой талантливый и умный у него друг. Но Илья, заметив, что над ним больше не смеются, и сам как-то расслабился и оттаял, стал увереннее в себе, научился давать отпор. Вдруг выяснилось, что, несмотря на свои *странности*, он в целом обаятельный и даже общительный мальчик. Порой он не отказывал себе в удовольствии поноситься и побеситься вместе с остальными на переменах, хотя и выгорал эмоционально после таких развлечений гораздо быстрее других.

Конечно, подколки и розыгрыши со стороны одноклассников всё равно случались, но они не выходили за рамки добродушно-приятельских и не несли негативного подтекста. Вскоре Лиза поняла, что травить Илью при всём желании не так-то легко. Это в детском саду можно было запросто вывести его из себя и спровоцировать истерику, к удовольствию остальных. А в школе дети повзрослели и методы изменились... Намёков Илья не понимал, у него было очень туго с выражением эмоций, а на откровенную примитивную грубость он бы ответил чем-нибудь настолько вежливо-уничжительным, что в дураках остался бы сам обидчик. Над шутками в собственный адрес он смеялся громче всех, изображая, как ему весело, и в общем-то не понимал, на что тут можно обижаться.

Одно время по школе гуляла новая забава: мальчишки загалкивали друг друга в женский туалет и ржали. Но даже здесь с Ильёй было неинтересно, потому что он реально недоумевал, что в этом весёлого и смешного? Будь его воля, он бы и сам спокойно пользовался женским туалетом, благо он был ближе к классу. Ходил в мужской только потому, что взрослые сказали: “Так надо!”, а он просто подчинялся непонятному правилу. Так что с ним проворачивать эту развлекуху было совершенно не в кайф, он не вопил, не визжал, не протестовал и не возмущался...

Короче, на поверку школа оказалась не так уж и страшна. К окончанию первого класса Илья пользовался всеобщим уважением (особенно когда давал списать), а девочкам он вообще очень даже нравился, они угощали его конфетами и яблоками и звали исключительно “Илюшей” (чего он, кстати, терпеть не мог). Конечно, и на него иногда накатывало — к примеру, он никак не мог запомнить, что нужно поднимать руку, прежде чем спросить что-нибудь, поэтому чаще всего просто вставал и спокойно выходил из класса во время объяснений учительницы, а в ответ на возмущённые или недоумевающие вопросы пояснял, что захотел прогуляться, потому что ему надоело сидеть на одном месте. Но это были мелочи, с ними можно было смириться...

Зато наметилась другая проблема: Илья сделался очень привередливым в еде. Лиза ломала голову над ежедневным меню и порой буквально не знала, чем кормить сына. Естественно, еда в школьной столовой была им сразу же презрительно отвергнута, но и дома Илья соглашался есть далеко не всё. Выбирал он по каким-то своим признакам, в

соответствии с собственной логикой, Лиза уже даже не пыталась её разгадать. К примеру, Илья категорически отказывался от котлет, но при этом любил тефтели. Про варёные сосиски говорил, что они похожи на пальцы мертвеца. Гороховое пюре напоминало ему то, что вообще неприлично было называть вслух. Терпеть не мог оладьи, зато обожал блины. Из варёных яиц выбрасывал желток. Всеми фибрами души ненавидел капусту, особенно в супе. Мог отказаться есть в детском кафе, если ему казалось, что там недостаточно чисто или недостаточно вкусно.

И по-прежнему единственным человеком, способным хоть как-то на это повлиять, оставался верный Руслан. Лиза нарадоваться не могла, как же её сыну повезло с другом. Когда тот приходил в гости, Лиза старалась накормить его обедом, зная, что под шумок и Илья съест что-нибудь с Русланом за компанию, даже ненавистные щи или тушёную капусту.

Когда же её сын сам оказывался в гостях у семьи Керимовых, его кормили там пирогами чуду с мясом и картофелем, тушёной бараниной и хинкалом на мясном бульоне. Это было большое, шумное и очень дружное семейство; они и Лизу нередко зазывали к себе, но она ощущала неловкость и смущалась, обладая совершенно иным темпераментом. Главное — то, что Илья чувствовал себя там на удивление хорошо и спокойно.

63

Летние месяцы Лиза обычно проводила с Ильёй и мамой на даче. Дача — это, конечно, слишком громко сказано, просто запущенный садовый участок. Домик был старый, деревянный, без удобств и отопления. Умывались и чистили зубы у жестяного ручной мойки, мылись в душевой кабинке водой, прогретой солнцем, или бегали купаться на речку. На свежем воздухе Илья расцветал, начинал дышать полной грудью, с аппетитом ел натуральные фрукты и овощи, пил деревенское молоко и даже меньше сутулился — в городе Лиза не переставала напоминать ему, чтобы он распрямил плечи. У него появились свои приятели среди местных пацанов — никто не считал Илью дурачком или блаженным, некоторые особенности его поведения списывали на то, что он городской, а городские все со странностями. Лиза ездила на работу на электричке, но при этом уставала намного меньше, чем когда добиралась до ателье из дома, и вообще чувствовала себя свежей, выспавшейся и отдохнувшей.

Однако в тот год, когда Ильёе исполнилось четырнадцать лет, Лариска затеяла продажу участка. Сама она на даче не появлялась, презирая жизнь вдали от благ цивилизации, и в конце концов посчитала, что лучше будет заработать на этом немного денег. Если Лариска что-то решала — спорить с ней было бесполезно. Даже то, что её родная мать с удовольствием живёт на даче летом, во внимание не принималось, для Лариски участок был ненужным и бесполезным.

Вот так и получилось, что перед Лизой остро встал вопрос: куда поехать вместе с Ильёй летом? Пусть не на все три месяца каникул, но хотя бы на время её отпуска. Сыну были необходимы воздух, солнце и витамины. Лиза подумывала было взять путёвку в какой-нибудь недорогой санаторий, но вмешалась тётя Алла.

— Мальчику нужно море! — авторитетно заявила она.

— На море дорого, — возразила Лиза. — В совсем уж жуткие условия ехать не хотелось бы, а что-то более приличное, боюсь, я не потяну...

— Поезжайте в Крым! В Ялту, — решительно произнесла тётя Алла. — Я тебе оставлю контакты знакомой, которая сдаёт комнату у себя дома. Абсолютно бюджетный отдых! Сами готовить будете, сами развлечения для себя выдумывать... До моря — рукой подать! Только позвони ей заранее, чтобы договориться.

И Лиза, поколебавшись, всё-таки записала номер телефона.

Это было целое путешествие.

До Симферополя добирались на поезде в плацкартном вагоне, умирая от духоты и усталости. Затем пересели на автобус, следующий в Ялту. Там уже взяли такси, чтобы не плутать в поисках нужного адреса.

Хозяйка оказалась не очень многословной и с первого взгляда не слишком-то приветливой, Лиза даже заробела поначалу, хотя с ними держались предельно вежливо: показали, как пользоваться плитой на кухне, где можно стирать и сушить бельё, а где мыться самим, где хранить продукты, выделили отдельную полку в холодильнике. Лиза хотела было спросить, как добраться до ближайшего пляжа, но постеснялась, решив, что лучше выяснит у кого-нибудь по дороге.

Несмотря на эти досадные мелочи, настроение у Лизы было прекрасным. В последний раз она ездила на море ещё ребёнком вместе с родителями и Лариской. Они тогда отдыхали в Сочи. Лиза до сих пор с замиранием сердца вспоминала шелест волн, тёплый морской бриз, глухой шум в приложенной к уху огромной раковине, вкуснейшие персики и чурчелу, прогулку на теплоходе, а также обилие весёлых и общительных пляжных фотографов с обезьянками, попугаями, питонами и прочей живностью.

Сейчас, настезь распахнув окно в выделенной им с Ильёй комнатке и вдыхая всей грудью запах моря, который ощущался даже отсюда, Лиза чувствовала себя по-детски счастливой и беззаботной.

Она не знала, что поездка на море приготовила ей ещё один сюрприз — встречу с Тимкой.

64

НАШИ ДНИ

Марина, сентябрь 2019

Мы договорились встретиться в кафе на первом этаже того же здания, где располагается наша радиостанция, потому что оно единственное открыто уже с восьми утра — редкость для Москвы. Я прихожу на место первой и занимаю столик у окна. Это даже не окно, а целая стеклянная стена с прекрасным обзором, так что я внимательно наблюдаю за прохожими, пытаюсь углядеть среди них Руса.

В кафе довольно многолюдно — это место популярно среди любителей ранних завтраков. Здесь можно отведать омлеты и яичницы всех мастей, свежую выпечку — от круассанов до вафель со свежими ягодами, кашу, блины и ленивые вареники. Я решаю повременить с заказом и сначала дождаться Руса.

Интересно, он приедет на метро или на машине? Надеюсь, я его узнаю... мы и виделись-то лишь однажды. Невольно думаю о том, каково приходится Илье — ему ведь каждый раз необходимо прилагать максимум усилий, чтобы узнать лицо знакомого

человека, он мне сам говорил. У этого расстройства есть труднопроизносимое научное название, но Илья сказал, что иногда эта проблема неофициально называется также синдромом Шалтая-Болтая. Помню, я даже рассмеялась от неожиданности:

— Шалтая-Болтая? Почему?!

— Потому что это описывал ещё Льюис Кэрролл в тысяча восемьсот семьдесят первом году в своей книге “Алиса в Зазеркалье”. Прощаясь с Алисой, Шалтай-Болтай сказал, что не узнает её при следующей встрече.

Илья на мгновение задумался, а потом дословно процитировал мне отрывок из книги:

— *“Даже если встретимся, я тебя все равно не узнаю, — недовольно проворчал Шалтай и подал ей один палец. — Ты так похожа на всех людей!” “Обычно людей различают по лицам”, — заметила задумчиво Алиса. “Вот я и говорю, — сказал Шалтай-Болтай. — Все на одно лицо: два глаза (и он дважды ткнул большим пальцем в воздухе)... в середине — нос, а под ним — рот. У всех всегда одно и то же! Вот если бы у тебя оба глаза были на одной стороне, а рот на лбу, тогда я, возможно, тебя бы запомнил”.**

Я тогда на несколько секунд даже потеряла дар речи.

— Ты что, помнишь всё это наизусть?!

— У меня фотографическая память, — спокойно отозвался Илья. — Я просто воспроизвожу в мыслях нужную страницу книги и читаю.

— “Просто”! — передразнила я, глядя на него со смешанным чувством уважения и практически священного ужаса. — Мне бы так... Во время сессии подобное умение было бы весьма кстати.

Вспоминая об этом, я улыбаюсь... и в этот момент вижу через стекло, как прямо напротив кафе лихо тормозит байк. Я, честно говоря, не особо разбираюсь в мотоциклах, но то, что *этот* — невероятно крут, мне совершенно очевидно. Под стать железному коню и его хозяин — высокий, стройный, широкоплечий; длинные мускулистые ноги обтянуты джинсами; из-под кожаной жилетки виднеется чёрная футболка, не скрывающая, а лишь подчёркивающая бугрящиеся тугие мышцы рук. Пока я, разинув рот, сижу и пялюсь на сошедшего с небес мотоциклетного бога, он стаскивает с головы шлем, небрежно встряхнув тёмными густыми волосами, и я даже вскрикиваю от неожиданности: это Рус!

Чёрт, Лёлька же говорила, что он байкер... это совершенно вылетело у меня из головы. Тем временем Рус тоже замечает меня и скидывает руку в приветственном жесте. Я, смущаясь, робко и коротко машу ему в ответ. Уверена, что сейчас все девушки в кафе, которые также наблюдают за этим эффектным появлением, тихо умирают от зависти ко мне.

Через несколько минут Рус возникает в дверях и уверенно направляется в мою сторону. Он присаживается напротив и белозубо улыбается, и я в который уже раз задаю себе вопрос: как получилось, что именно этот парень стал для Ильи лучшим другом?.. Более непохожих друг на друга людей сложно себе представить. Рус так и излучает самоуверенность, которая вкупе с грацией льва производит просто магическое впечатление. На нём кожаные перчатки без пальцев, это смотрится вызывающе и одновременно очень сексуально. Гордый нос, пронзительные чёрные глазищи — господи, я и не подозревала, что Рус такой красавчик... точнее, просто не разглядела его тогда в клубе, не обратила внимания. Лёльке повезло!

Возникшая возле столика официантка чуть из трусов не выпрыгивает, принимая у него заказ.

— Откровенно говоря, несмотря на время суток, я предпочёл бы суп харчо и рибай, — обаятельно улыбается Рус, — но так уж и быть, принесите мне скандинавский омлет с морепродуктами.

Я ограничиваюсь фруктовым салатом, помня о предстоящем ужине в семейном кругу.

Вежливая светская беседа не клеится. В ожидании заказа он пьёт воду, а я сок. Рус задаёт пару дежурных вопросов о моих делах, я вяло поддерживаю разговор, высказавшись о погоде... в конце концов, мне надоедает ходить вокруг да около, и я задаю вопрос в лоб:

— Так о чём ты собирался со мной поговорить?

— Об Илье, конечно же, — моментально отзывается он.

— Я понимаю. Но... что конкретно ты хотел мне поведать?

Рус отставляет стакан в сторону и пристально смотрит на меня, словно пытаюсь на глаз определить степень и меру моей бесчувственности.

— Понимаешь, Марин... Илюха мне как брат. Да почему “как”, — психует он, злясь на самого себя, — он мне и есть брат, самый настоящий! И неважно, что без кровного родства. Я со своими родными братьями не в таких близких отношениях, как с ним. А братьев у меня двое, — поясняет он. — Я знаю Илью так же хорошо, как себя самого. И когда я впервые заметил, *как* он на тебя смотрит... слушай, я никогда не видел его таким.

Я чувствую, что краснею. Мне безумно приятно это слышать. Я в курсе, что по-настоящему нравлюсь Илье, но получить подтверждение своим догадкам от постороннего человека — это иное.

— Да, — продолжает Рус, — ты пока его очень мало знаешь и поэтому, должно быть, тебе трудно поверить в то, что Илья — нормальный, живой человек из плоти и крови. Он мужчина. Несмотря на все свои закидоны, ему нравятся симпатичные девушки, он может испытывать к ним физическое влечение... Но то, как он относится к тебе — это что-то намного большее, чем просто телесное притяжение. Тут... — он задумывается, пытаюсь подобрать нужное слово, — безграничное доверие и полная уверенность в том, что ты создана для него, а он — для тебя.

— Это он сам тебе сказал? — недоверчиво уточняю я.

— Нет, конечно! Мы тебя с ним вообще не обсуждали. Но поверь, это видно. Это заметно. Было заметно ещё с той вашей первой встречи в клубе, на поцелуйной вечеринке...

Я прокашливаюсь, пытаюсь справиться со смущением и привести в порядок мысли.

— Мне понятно твоё желание сделать другу хорошо. Я верю, что ты хочешь ему добра, и я... я рада за Илью, что у него всё так всерьёз и по-настоящему. Но почему-то ты забываешь обо мне, о моих чувствах!

— А что ты к нему чувствуешь? — тут же подхватывает он.

— Не знаю! — тут же взрываюсь я. — Думаешь, это так легко: если любишь — будь с ним?! Но мы знакомы всего несколько дней! Его мама считает, что, раз я не определилась в своих чувствах, мне не место рядом с Ильёй... но как, *как*, чёрт возьми, я могу определиться так быстро?! Я боюсь! В конце концов, начинать новые отношения всегда страшно, а тут... к чему притворяться и замалчивать, ты ведь и сам знаешь, что Илья — не такой, как все. Он особенный.

— Инопланетный, — кивает Рус.

— Но я-то земная!!! — мои руки дрожат, когда я подношу стакан сока к губам, а зубы нервно постукивают о стекло.

— Ты боишься сложностей? — спрашивает он с участием.

— А кто их не боится? Страшно привязаться к человеку и всё потерять... либо разочароваться в нём. Страшно просто... не вывезти всё это на себе. Честно скажу, Рус, у меня не такой уж богатый опыт отношений с парнями, но даже я вижу, что в случае с Ильёй всё будет совершенно иначе, и меня это пугает!

— Да с чего ты взяла, что иначе? Илюха такой же человек, как и все мы.

— Но только в любви с ним нужно действовать по каким-то своим правилам! — я почти кричу, пытаюсь до него достучаться. — Мне пока совершенно непонятным...

Рус умиротворяюще накрывает мою ладонь своей рукой.

— Нет никаких суперсложных правил. Остынь. Единственное, о чём ты должна помнить — принимать Илью таким, какой он есть. Не удивляться и не обижаться. И самой быть с ним предельно откровенной. Честной во всём. Я не шучу сейчас и не преувеличиваю, никаких игривых многозначительных намёков, всё открытым текстом вплоть до: “Илья, сегодня секса не будет, у меня расстройство желудка”.

Я смущённо утыкаюсь носом в стакан и тихонько фыркаю.

— Предельно ясно и предельно чётко говори ему о том, чего ты от него хочешь и чего не хочешь. Не пытайся подстраиваться или притворяться. И будь готова к такой же предельной чёткости и ясности в ответ.

— Но... — я сконфуженно отвожу взгляд, — мне даже нельзя обнимать и целовать его, нельзя касаться...

— Боже, да кто тебе это сказал?! — Рус выразительно закатывает глаза. — И объятия, и поцелуи вполне присутствуют в его жизни. Просто перед этим нужно уточнить у Ильи, не против ли он. Поверь, он не бесчувственный непробиваемый чурбан. Он тоже готов идти на уступки, особенно если это уступки ради любимого человека.

— А его бывшая... Алёна... — начинаю я.

Лицо Руса мрачнеет.

— Даже вспоминать не хочу об этой твари.

— Почему Илья не обратился в суд? — спрашиваю я с недоумением. — В книге же были использованы даже его личные фотографии...

— Я тоже советовал дать ход этому делу, — Рус медленно качает головой. — Илья категорически отказался. Вся эта волокита, разбирательства... он не мог вообразить себя дающим показания в суде. Его это пугало. Могло спровоцировать стресс и очередной мелтдаун. Не думаю, что это произвело бы на публику нужное впечатление. Илюха просто хотел забыть. Он действительно в неё влюбился и ему было очень хреново после всего, что произошло...

— Влюбился? — это словечко из уст Руса неприятно царапает. Знаю, что ревновать глупо и давно уже поздно, всё в прошлом. Но... я всё-таки не единственная девушка, к которой Илья испытывал сильные чувства. Наверное, я одиноличница и просто дура, но мне сейчас очень больно.

Смаргивая слёзы, я отворачиваюсь к окну и вдруг чуть не икаю от неожиданности, потому что вижу по ту сторону стекла... Лёльку.

Её не должно сейчас тут быть! В это время она обычно на парах в универе. Видимо, что-

то случилось, раз она решила приехать ко мне на работу...

Ошалело наблюдаю, как подруга сначала зависает рядом с мотоциклом Руса, а затем поднимает глаза и сталкивается взглядом со мной — через стекло. Я не успеваю никак отреагировать, а Лёлька срывается с места и уже через минуту возникает в дверях кафе. Рус, только сейчас её заметив, округляет глаза.

Подруга приближается к нашему столику.

— Вообще-то я хотела сделать тебе сюрприз... — говорит она, пристально глядя на меня. — Но, похоже, сюрприз сделали мне.

66

ПРОШЛОЕ

Лиза, июль 2009

Следующим утром, отдохнув и выспавшись на новом месте, Лиза с Ильёй отправились на море. Завтракать не стали, Лиза пока не освоилась на хозяйской кухне — стеснялась, да и продукты для готовки они ещё не покупали, перекусив за ужином сухомяткой, привезённой из Москвы. Решено было позавтракать в каком-нибудь в кафе — уж в Ялте-то, надо полагать, недостатка в них не наблюдалось.

Они не спеша шли по узкой улочке частного сектора и пытались по запахам, звукам и другим приметам определить, где находится пляж. Невысокие деревянные домики утопали в густой зелени садов и лилово-розовом буйстве каких-то неизвестных Лизе цветов. Калитка одного из домов оказалась распахнутой; возле неё сидела на корточках девчонка и сосредоточенно возилась с распластанным в дорожной пыли велосипедом. Загорелые ноги, едва прикрытые короткими шортиками, резко контрастировали со светлыми, почти пепельными локонами, падающими девчонке на лицо, и она непрерывно и сердито сдувала их, делая смешные гримасы, потому что руки её были заняты.

Когда они поравнялись с девчонкой, Илья замедлил шаг, заинтересованно взглянув на то, чем она занимается, и остановился напротив.

— Чего тебе? — девчонка зыркнула на него исподлобья пронзительными тёмными глазищами. Лиза невольно залюбовалась ею — ну какая же красавица! Смуглая кареглазая блондинка... на вид ей было не больше четырнадцати — стало быть, ровесница Ильи.

— Дай мне посмотреть, — спокойно сказал он.

— Что посмотреть? — не поняла девчонка.

— Твой велосипед, — терпеливо пояснил он.

— Зачем это? — огрызнулась она. Илья не обиделся и так же спокойно ответил:

— Чтобы определить, в чём проблема, и, соответственно, решить её.

— А ты, можно подумать, разбираешься в велосипедах! — она снисходительно фыркнула.

— Возможно даже лучше, чем ты, — отозвался Илья, которого совершенно нереально было прошибить ироничными подколками. Девчонка хотела было снова сказать что-то едкое, но, покосившись на Лизу, которая молча стояла рядом, отодвинулась в сторону, уступая место Илье.

— Далеко отсюда до моря? — спросила у неё Лиза. Девчонка помотала головой:

— Пойдёте вперёд по дороге, увидите слева тропинку — она ведёт напрямиком к пляжу,

спуск плавный, хоть и придётся пробираться через заросли травы и кустов. Пляж хороший, чистый и малолюдный, туристов там почти нет, в основном местные. А вы откуда приехали? — с любопытством спросила она, обращаясь к Лизе, но покосившись при этом на Илью, который, казалось, был полностью поглощён её велосипедом.

— Из Москвы.

— Меня Галинка зовут. А вас?

— Меня Ли... тётя Лиза. А его Илья, — ответила за сына она, поскольку Илья по-прежнему не реагировал на вопросы.

— Он правда в великах разбирается? — недоверчиво уточнила девчонка.

— Он вообще во многих вещах разбирается, — уклончиво ответила Лиза.

— Цепь стала слетать, — пояснила эта забавная Галинка, обращаясь уже непосредственно к Илье примирительным тоном.

— Я заметил, — отозвался тот. — Но она не изношена.

— Конечно не изношена! Это совсем новый велосипед. Подарок на день рождения. До этого я на старом каталась...

— Скорее всего, дело в неправильной настройке заднего переключателя, — невозмутимо пояснил Илья.

— Не знаю, — Галинка пожала плечами. — Я ничего там не настраивала. А ты сможешь?

Илья помолчал пару мгновений, оценивая перспективы.

— Думаю, что смогу. Тут имеются регулировочные болты. У тебя есть крестовая отвёртка?

— Какая-какая? — Галинка захлопала ресницами. — Н-наверное, нет... — неуверенно ответила она. — Хотя подожди, я у деда Толи спрошу! — и, засверкав босыми пятками, помчалась к соседнему домику.

Нужная отвёртка у соседа нашлась. Илье удалось отрегулировать переключатель, а Галинка в благодарность за помощь зазвала их обоих к себе домой и познакомила с матерью — не улыбкающей женщиной, которая попросила называть себя тётей Ксаной. Несмотря на внешнюю суровость, тётя Ксана угостила их чаем с ароматными булочками и заодно предложила Лизе покупать у неё домашний творог, масло и сыр. Лиза с удовольствием согласилась: Илья очень любил сырники, и она планировала готовить ему их на завтрак. За чаем договорились ещё и о том, что тётя Ксана каждое утро будет приносить им фрукты и ягоды из собственного сада, а также свежие овощи из огорода. Всё дешевле, чем на рынке покупать...

На следующий день Галинка уже без обиняков, на правах старой знакомой, забежала за Ильёй и позвала его гулять.

— Если хочешь, можем покататься на великах. Я отдам тебе свой старый... Сгоняем куда-нибудь вместе? Я покажу тебе, что тут у нас есть интересного!

— Я не очень хорошо катаюсь, — признался Илья, но Галинка не стала его высмеивать.

— Ничего страшного, я не буду сильно гнать!

— Илья, — встревоженно сказала Лиза, — я не думаю, что это хорошая идея.

И в самом деле: отпустить сына с едва знакомой девочкой, оставить без присмотра, без надзора... а вдруг что-нибудь случится? Однако Галинка развеяла её сомнения.

— Да вы что, тётя Лиз?! — весело удивилась она. — Бойтесь, что ли? Илья же уже

большой, что с ним может случиться? Не волнуйтесь! Обещаю, что буду за ним присматривать и вообще возьму на себя полную ответственность! Со мной ему ничего не угрожает, я эти места знаю вдоль и поперёк!

А может быть, я и правда веду себя как клуша, подумала вдруг Лиза. Ну в самом деле, что с Ильёй может случиться? Язык у него подвешен, слабоумием не страдает... Да, иногда очень бурно и нетипично для окружающих реагирует на какие-то нестандартные ситуации, но в целом... в целом ведь он нормальный мальчик. Господи, как же ей хотелось назвать его *обычным* ребёнком!

— Галя, — осторожно сказала Лиза, пока Илья не слышал, — понимаешь, он иногда может вести себя немного странно... Илья — не совсем такой, как ты или твои ровесники, он просто...

— Я это поняла, — невозмутимо кивнула Галинка. — Илья очень умный и немножко не от мира сего, так?

Как точно и ёмко эта девочка сформулировала всю глубину проблемы одной-единственной фразой: “очень умный и немножко не от мира сего”...

— Что-то вроде того, — усмехнулась Лиза, потрепав её по голове и взлохматив светлые волосы.

— Не беспокойтесь за него, — повторила Галинка уверенно. — Я за ним прослежу и позабочусь. С ним ничего не случится, честное слово!

67

Когда её сын с Галей, оседлав велосипеды, покатали куда-то вдвоём, Лиза усилием воли подавила вновь возникшее чувство тревоги и заодно мимолётно отметила, что Илья очень вырос. Они отлично смотрелись с Галинкой вместе: стройная загорелая девочка, высокий худощавый мальчик... А Илюха ведь красавчик, внезапно поняла Лиза, словно впервые увидела собственного сына со стороны. Не похожий ни на неё, ни — слава богу! — на Олега, будто родился и вырос сам по себе. Когда-нибудь, может быть совсем скоро, у него появится девушка — такая же красивая, независимая и уверенная в себе, как эта Галя... Когда-нибудь Илья захочет уйти. Он не сможет всё время находиться под её заботливым крылышком...

Сердце сжалось в сладкой тоске. Лиза отчаянно желала счастья собственному сыну, хоть и понимала, что ему придётся в жизни ой как нелегко, и одновременно не хотела отпускать его. Наверное, правы были знакомые и тётя Алла, которые в один голос твердили, что Лизе нужно заняться собственной жизнью, подумать о личном счастье, не растворяясь в сыне. Но ей самой казалось, что она никогда и никого не сможет больше полюбить... При этом она не могла пожаловаться на отсутствие внимания со стороны противоположного пола — с годами Лиза расцвела и похорошела, выглядела моложе своих тридцати с крошечным хвостиком, с ней часто пытались знакомиться на улице и в общественном транспорте.

Конечно, у неё случались кратковременные отношения с мужчинами. “Для здоровья!” — как называла это неугомонная тётя Алла. Пара Лизиних романов даже продолжалась сравнительно долго: один из кавалеров продержался полгода (он был клиентом ателье, где они с Лизой и познакомились), а второго (тренера Ильи по плаванию) хватило лишь на четыре месяца. Видя полное отсутствие заинтересованности партнёрши в дальнейшем развитии отношений, мужчины постепенно тихонько сливались: никому не хотелось быть всего лишь проходным эпизодом в жизни любимой женщины.

Здесь, в Ялте, Лиза сразу же собрала кучу восторженных мужских взглядов и комплиментов, едва вышла на пляж. Ей делали комплименты и приглашали на свидания, игнорируя наличие взрослого сына. Впрочем, мало кто реально осознавал, что Лиза — мама Ильи, их принимали за сестру и брата и напропалую заигрывали “со старшей сестричкой”.

Илья тоже вызывал восхищённые взгляды — уже со стороны девочек-подростков. Лиза понимала, чем это обусловлено: не зная о проблемах Ильи, можно было подумать, что паренёк спортсмен: чётко выраженные кубики пресса, ярко очерченные бицепс и трицепсы, даже на спине весьма рельефные мышцы, что смотрелось красиво и завораживающе. Но суть-то была в том, что это достигалось не за счёт тренировок и спорта, а за счёт вечного мышечного напряжения. Скачок роста только обострил эту проблему: мышцы у Ильи были как будто каменные, он вообще не мог их расслабить. А ещё он сутулился, и Лизе постоянно приходилось его одёргивать:

— Выпрями спину!

— Мне больно, — отвечал он.

Но в целом переходный возраст, которого так боялась Лиза, пошёл Илье только на пользу.

Стало намного меньше слёз и истеричных рыданий, сын научился сдерживаться, сделался взрослее и независимее. Уже с восьми лет он категорически выпроваживал Лизу из ванной комнаты, заявляя, что её присутствие во время его мытья “категорически неприемлемо”. С годами его стремление всё контролировать только росло. Он постоянно задавал Лизе вопросы: сопоставимы ли его показатели роста и веса с теми, которые должны быть в этом возрасте? Когда у него начнут расти усы и борода? Когда можно будет жениться, а когда — заниматься сексом?

— По-моему, ты слишком уж много размышляешь о сексе, — заметила однажды Лиза в ответ на какой-то очередной провокационный вопрос, заставивший её покраснеть.

— А разве секс — это не самое важное? — осведомился Илья самым невинным тоном.

— Совсем нет... — пробормотала она. — В твоём возрасте лучше бы подумать... ну, например, об учёбе. Об уроках...

— Ты считаешь, что уроки важнее секса?

— Ну... да.

Илья всерьёз задумался над её словами и вынес вердикт:

— Мне кажется, ты ошибаешься. Секс всё-таки важнее. Если бы не секс, не было бы ни тебя, ни меня, ни Василины Георгиевны, ни моих одноклассников.

И вот что на это можно было возразить?!

Пока Илья с Галинкой катались на великах, Лиза решила прогуляться. Вдоль побережья тянулась цепочка оздоровительных санаториев, многие из которых предлагали свои услуги не только постояльцам, но и всем желающим. Лизу интересовал в первую очередь массаж — здесь, по слухам, были отличные специалисты, и ей хотелось хоть немного помочь Илье расслабиться.

Долго искать не пришлось — на заборе одного из санаториев, укрытого в тени кипарисов и пальм, висело объявление:

“Открыта запись на МАССАЖ:

— общий классический,

— детский,
— лечебно-медицинский,
— спортивно-восстанавливающий,
— послеродовой комплекс.

Опытный специалист!

Запись в кабинете 302 главного корпуса или по телефону...”

Лиза не стала звонить — просто вошла в приветливо распахнутые ворота и двинулась по дорожке к нужному корпусу. На территории санатория было тихо и безлюдно — вероятно, отдыхающие были погружены в послеобеденный сон или посещали какие-нибудь процедуры. В самом здании ей тоже не попалось никого навстречу. К счастью, разыскать нужный кабинет удалось практически сразу.

Дверь была приоткрыта, и Лиза нерешительно сунула туда нос. В кабинете за столом — спиной к ней — сидел человек в белом халате и что-то сосредоточенно писал. Лиза отметила широкие плечи, густые и даже на вид жёсткие рыжие волосы... сердце вдруг странно кольнуло, но память ещё не проснулась окончательно.

— Извините, — она деликатно стукнула костяшками пальцев о дверной косяк. — Могу я записать на массаж своего сына?

Услышав её вопрос, человек прекратил писать и замер, не оборачиваясь.

— Мальчику четырнадцать лет, — добавила она торопливо. — Мы только что приехали, вообще-то у нас не так много времени, можно пройти хотя бы какой-то минимальный курс?

— Ну конечно, Лизюкова, — послышался до боли знакомый голос. Мужчина медленно развернулся... и в ту же секунду Лиза с визгом бросилась к нему на шею.

68

— Лизка, подожди... — с трудом оторвав её от себя, Берендеев улыбнулся. — Дай хоть взглянуть на тебя, ненормальная!

Она послушно притихла. Тимка взял её лицо в ладони и смотрел то в один Лизин глаз, то в другой, отчего его зрачки метались туда-сюда, словно не веря тому, что перед ним действительно находится бывшая одноклассница, боевая подруга, обожаемая глупая Лизюкова, которую когда-то (давным-давно, почти полжизни назад!) он подкармливал чебуреками и шоколадками. Да было ли это с ними когда-нибудь наяву — или только приснилось?..

Он изменился. Очень сильно изменился. Не было больше смешного лопоухого веснушчатого Тимки — вместо него Лиза видела обаятельного и симпатичного молодого мужчину, от которого так и веяло надёжностью, силой и одновременно спокойствием. Казалось, у него даже уши больше не торчат!

Лиза вдруг почувствовала резь в глазах и поняла, что уставилась на Берендеева не мигая. Она засмеялась, тут же сморгнула, ощутила влагу на щеках... Тимка как-то беззащитно улыбнулся и аккуратно провёл ладонью по её лицу, стирая слезинки.

— Вот так встреча, — сказал он, не отводя от неё взгляда. — Умешь ты удивить.

— Да я сама в шоке! — отозвалась Лиза. — Вот уж кого-кого, а тебя точно не ожидала здесь увидеть...

Они помолчали немного, а затем — одновременно, хором, с одинаковыми интонациями — спросили:

— Ну, как ты поживаешь?

Спросили — и сами же засмеялись над собой и своей неловкостью, мешающей им начать непринуждённый разговор так же запросто, как в былые годы. Тимка смущённо кашлянул.

— Так ты... на массаж хотела записаться?

— Это не для меня, а для Ильи. Для сына, — быстро сказала Лиза.

— А что с ним? Спину повело?

— Да вроде нет... — растерянно откликнулась она.

— Зачем тогда массаж? — спросил Берендеев.

— Понимаешь, у него гипертонус.

— В этом возрасте?.. — Тимка с интересом и одновременно неудомением взглянул на Лизу. — Что ж, посмотрим... А сам-то он где?

— Да так... гуляет, на велике катается, — Лиза неопределённо пожала плечами. — Впрочем, наверное, уже скоро вернётся. Мне надо идти. Я ведь сейчас просто записать его хотела...

— Не суетись, — Тимка успокаивающе взял её за руку. — Вы где с ним остановились? В гостинице?

— Нет, мы в частном секторе комнату снимаем. Тут недалеко.

— У меня сейчас часовой перерыв. Пойдём, я тебя провожу. Заодно и с сыном твоим познакомлюсь, если повезёт.

— Ну... пойдём, — Лиза смутилась. Она, конечно, не стеснялась Ильи перед другими людьми, но почему-то разволновалась, подумав о том, как отреагирует Берендеев, узнав, что у неё не совсем обычный ребёнок. Взглянув ей в лицо, Тимка по-своему истолковал её замешательство и сам смутился.

— Или вы... не вдвоём приехали? — с трудом выговорил Берендеев. Краснел он по-прежнему легко, как и раньше. Нетрудно было догадаться, что он имеет в виду, и Лиза тут же замотала головой:

— Нет, нет... больше никого, только я и Илья.

Почти всю дорогу оба неловко молчали, искоса посматривая друг на друга. Лиза кляла себя за то, что не может выжать и пары беззаботных фраз ни о чём — Тимка, наверное, решит, что она совсем оупела за то время, что они не виделись... А он просто молчал, время от времени кидая на Лизу задумчивые взгляды.

— Я очень изменилась? — не выдержала она наконец. Тимка не удивился вопросу, спокойно покачал головой.

— Нет. Совсем нет, — и больше уже ничего не сказал до самого дома.

69

Возле дома Лизу ждал сюрприз — Илья и Галинка сидели рядышком на деревянной скамье и за обе щеки дружно уплетали виноград.

— Всё в порядке, тётъ Лиз! — завидев её, весело прокричала Галя. — Видите, вернулись целыми и невредимыми. Очень хорошо покатались! Завтра опять поедем, если вы разрешите. Ой, здрасьте, — смутилась она, обратив наконец внимание на незнакомого мужчину рядом с матерью Ильи, и сползла со скамейки. — Ну я пойду, наверное...

— Егоза, — усмехнулся Тимка, проводив взглядом вмиг упорхнувшую девчонку, а затем перевёл взгляд на Илью и присел на другой конец скамьи.

— Ну что, привет, парень! — сказал он.

Тот продолжал невозмутимо есть виноград. Лиза покраснела и напонила:

— Илья, надо поздороваться...

Сын покосился на Берендеева, избегая прямого взгляда в глаза, и негромко отозвался:

— Здравствуйте.

— Голова часто болит, правильно? И живот тоже? — произнёс Берендеев скорее утвердительно, чем вопросительно, внимательно рассматривая Илью. — Покричать любишь, попсиховать?

Лиза открыла рот. Она ничего не говорила Тимке, но, тем не менее, он с ходу перечислил все главные проблемы её сына.

— Ну-ка, дай на спину твою посмотреть... можно?

— Зачем? — уточнил Илья настороженно.

— Помочь тебе хочу, чтоб не болело.

— Ладно, — согласился тот. Берендеев ловко и вместе с тем аккуратно повернул Илью за плечи.

— Ага, спина уже поползла, одна лопатка выше другой... не критично, но есть, — бормотал он негромко. — Но позвоночник пластичный, поправить в принципе возможно. Тут надо выпрямить, с плечами поработать, развернуть и опустить, — Тимка повернулся к Лизе, как бы советуясь с ней. — Девяносто процентов проблем уйдёт, парень станет спокойнее, головные боли тоже пройдут, время ещё не упущено.

Лиза, до этого хранившая ошалелое молчание, потрясённо выдавила из себя:

— А как ты всё это понял? Ну, про голову, про живот, про “попсиховать”... по каким признакам?

Тимка по-доброму улыбнулся ей:

— А что тут понимать? Здесь зажато, здесь криво — значит, внутренние органы работать нормально не могут. Плечи подняты, голова вперёд — явно пережаты сосуды, кровь плохо поступает к мозгу, мало кислорода — получается гипоксия, вот тебе головные боли и нервозность, вот его и корёжит... Парень-то в целом отличный у тебя.

Лиза нервно сглотнула.

— Тут явное нарушение в шейном отделе, — сказал Тимка, продолжая рассматривать Илью. — Может быть, ещё в родах произошло... после кесарева такое часто бывает. Он же недоношенным родился, я правильно помню?

— Правильно...

— Ну вот. Тельце маленькое, неокрепшее, там одного неверного движения было достаточно, чтоб искалечить... К сожалению, довольно частая картина.

— Но здесь он спокойней, — сказала вдруг Лиза. — Ты знаешь, я заметила... мы всего третий день в Крыму, но по сравнению с Москвой... это просто небо и земля.

— Логично, — Берендеев уверенно кивнул. — В мегаполисах воздуха мало, вот парню там и тяжело. А тут воздух чистый, море, горы... если бы вы постоянно жили с ним здесь, половины проблем и в помине бы не было. Наверное, он у тебя и болеет часто?

Лиза уже ничему не удивлялась, просто кивнула и подтвердила:

— Да, почти всю зиму.

— Ну вот, всё по той же причине — организм просто не справляется, климат тяжёлый, ресурсов не хватает. Короче, как у вас со временем? Массаж я ему поделаю, что могу — поправлю. Но у меня свободное время только в девять утра или после семи вечера. Когда

лучше?

— Давай с утра, — обрадовалась Лиза. — А сколько это будет стоить?

Берендеев посмотрел на неё так, что ей захотелось немедленно провалиться сквозь землю от стыда.

— Чтоб я больше не слышал этих глупостей, Лизюкова, — сказал он. — Значит, завтра к девяти я буду ждать вас в санатории. В том же кабинете, где ты меня нашла. Договорились?

— Договорились. Спасибо тебе... — начала было она, но Тимка торопливо приложил палец к её губам.

— “Спасибо” потом будешь говорить. Пока не за что. И вот ещё что... — добавил он, немного помешкав. — Во сколько Илья обычно засыпает?

Лиза пожала плечами.

— Ну, когда как. Здесь у него сон крепче, может и в десять, и в половине одиннадцатого отрубиться.

— Отлично. Тогда сегодня в одиннадцать я зайду за тобой. Будь готова.

— К чему готова? — не поняла Лиза.

— Господи, Лизюкова, ну как можно быть такой непонятливой?! — воскликнул он вроде бы шутливо, но глаза выдавали явное волнение и смущение. — Я тебя на свидание приглашаю. Между прочим, в ресторан!

Теперь настал черёд смущаться и Лизе.

— На свидание? — переспросила она в замешательстве.

— Ну да. Не бойся, через пару-тройку часиков верну тебя обратно. Просто... так давно не виделись, хочется поговорить, пообщаться нормально... а не так, как сейчас, наспех, — пояснил он и обезоруживающе улыбнулся.

— А в одиннадцать — не поздновато ли для ресторана? — усомнилась она. Тимка рассмеялся, поражаясь её наивности:

— Я тебя умоляю!.. Разгар туристического сезона... для Ялты это детское время, большинство заведений на набережной работает чуть ли не до утра.

— Ну хорошо, — кивнула Лиза, улыбнувшись ему и чувствуя приятное волнение. — К одиннадцати я буду готова.

70

НАШИ ДНИ

Марина, сентябрь 2019

Еду в метро домой и непроизвольно морщусь, всё ещё ощущая неприятное послевкусие после разговора с Лёлькой — прямо как в анекдоте про ложечку, которая нашлась, но осадочек остался. Примерно так же сейчас чувствую себя и я: да, мы спокойно обсудили возникшую неловкую ситуацию и всё выяснили, мне и Русу не за что было оправдываться перед Лёлькой, она нам охотно поверила... Однако на душе до сих пор как-то некомфортно и слякотно, словно я с размаху наступила в грязную лужу. А ещё немного стыдно, как будто мы с Русом вели за спиной Лёльки какую-то тайную игру.

На секундочку воображаю, что почувствовала бы я сама, окажись сегодня на её месте. Вот если просто представить: иду по улице и вдруг вижу в кафе свою лучшую подругу и

Илью, Пока-Ещё-Не-Парня-Но-Имеющего-Все-Шансы-Им-Стать, которые завтракают и мило общаются... Наверное, мне было бы больно и обидно, даже если формально не к чему было бы прицепиться.

Возможно, Лёлька ждала от нас более детальных объяснений и оправданий с клятвенными заверениями, что “это не то, что ты думаешь”, однако Рус невозмутимо поцеловал её в щёку и, предложив присаживаться, спокойно объяснил:

— У нас с Мариной важный разговор по поводу Ильи, — и больше не счёл нужным ничего добавить.

— Ах, важный разговор... — Лёлька многозначительно приподняла брови, а я ощутила, как к щекам приливает кровь. Чёрт, но я ведь ни в чём не была перед ней виновата! Откуда же возникло это трусливое стремление оправдываться?

— Лёль, ну правда, — заметила я с нервным смешком. — Мы обсуждали мои отношения с Ильёй, потому что там всё... непросто. Если сомневаешься, могу даже показать тебе нашу с Русом переписку, — предложила я то ли в шутку, то ли всерьёз.

— Марина, прекрати немедленно, — тон Руса сделался стальным, а глаза — ледяными. — Не вздумай ничего показывать и доказывать. Если *ты* не веришь мне, — он перевёл взгляд на подругу, — то нам с тобой просто не по пути.

— Рус, я верю, — испуганно проблеяла Лёлька, не меньше меня шокированная этим мгновенным перевоплощением из красавчика-обаяшки в готового к прыжку тигра. — Верю и тебе, и Маришке...

— Вот и прекрасно, — тигр тут же исчез, а на его месте снова возник ласковый плюшевый котик. — Пойми, моя женщина должна мне доверять — всегда и безоговорочно. Если я сказал, что не обману — значит, я головой отвечаю за свои слова. Но при этом я тоже должен быть уверен в твоей честности и в том, что всегда смогу на тебя положиться... поэтому я никогда не унижу тебя допросами, чтением переписки и изучением контактов в твоём телефоне.

Лёлька с заметным усилием взяла себя в руки.

— А что, — спросила она неуверенно, — я уже *твоя* женщина?

Рус обезоруживающе улыбнулся, поднёс её руку к губам и поцеловал.

— Теперь это зависит только от тебя. Я-то уже определился.

Ишь, какие они с Ильёй скорые на определение, подумалось мне тогда. Что один, что другой: пришёл, увидел, победил. Но Лёльку, похоже, ничуть не смущает тот факт, что они с Русом знакомы всего несколько дней, она тоже вполне готова “определиться”... А может, это не они торопятся, а я торможу? Ведь Илья мне нравится, а я всё ещё сомневаюсь, всё ещё раздумываю...

Мы позавтракали все вместе под удивлёнными взорами посетителей кафе. Ай да парень, можно было прочитать практически в каждом взгляде, сразу с двумя крутит! Впрочем, судя по выражению лиц отдельных девушек, они с удовольствием пошли бы в гарем к Русу и третьей, и даже четвёртой женой. Лёлька, конечно, у меня тоже красавица хоть куда, но всё равно представляю, как тяжело лично ей будет даваться вопрос безусловного доверия в этих отношениях: где бы ни появился Рус, он вот так же будет собирать восхищённые женские взгляды, им будут откровенно любоваться, а ей — откровенно завидовать.

Что касается нас с Ильёй, то тут скорее наоборот: все будут тихо недоумевать, как я

могла связать свою жизнь с таким *странным* парнем. Непременно начнут задавать бестактные и даже обидные вопросы... Готова ли я к подобному?

Снова и снова задумываюсь об этом, перечитывая последнее сообщение Ильи в ватсапе. Пока что мне нечего ему ответить...

71

До дома я доезжаю, кажется, ещё более взвинченной, чем раньше. Перспектива милого душевного ужина в компании друзей семьи заранее вызывает у меня изжогу. Я раздражена и даже не собираюсь этого скрывать, помогая маме и бабушке расставлять на столе тарелки и раскладывать возле них приборы с салфетками.

К моменту, когда появляется семейство Логиновых, я уже не просто киплю — от меня в буквальном смысле летят искры бешенства, не хватает только таблички: “Не подходи — убьёт!” Причём если спросить, в чём причина моего раздражения — я сама не смогу дать внятного ответа.

Тётя Женя, как обычно, на диете — несмотря на то, что она худа как щепка. Салаты Логинова ест без хлеба, мясо — без гарнира, деликатно надкусывает один крошечный пирожок с рыбой из всего того великолепия, которое напекла бабушка. Покосившись на неё, я демонстративно накладываю себе щедрую порцию оливье, мяса с картофелем и несколько пирожков с разными начинками.

— У Маринушки хороший аппетит, — как бы извиняясь, говорит бабушка. Тётя Женя вежливо и понимающе улыбается, но, по-моему, пребывает в шоке от количества еды на моей тарелке. Об этом говорят её сжатые в тонкую полосочку губы, когда она обменивается быстрыми понимающими взглядами со своим мужем — таким же сухим и костлявым, как она сама.

— Ты тоже считаешь, что мне надо худеть? — я поворачиваюсь к сидящему справа от меня Глебу и смотрю на него в упор. Тот приклеивает фальшивую улыбку и с преувеличенным воодушевлением восклицает:

— Ну что ты, Марина! Ты в безупречной форме!

От этой грубой лести меня просто тошнит. Я, конечно, не жирная корова, но прекрасно знаю, что мне есть куда худеть, ни о какой “безупречной форме” речи и быть не может. А вот Илья... Илье я нравлюсь со всеми своими лишними килограммами, но он не стал бы врать, а честно сказал бы, что думает о состоянии моей фигуры, если бы я спросила. Улыбаюсь, вспоминая его пассаж о том, что избыток соли вызывает ожирение...

Замечаю, как Глеб надкусывает подгоревший пирожок. Очевидно, бабушка недоглядела и положила его на общее блюдо: с одной стороны он выглядит румяным и аппетитным, а вот с другой — совершенно чёрным. С интересом наблюдаю за тем, как меняется выражение лица Глеба... и тут же невинным голоском интересуюсь:

— Ну как, вкусно?

Глеб торопливо делает вид, что вкус у пирожка просто божественный:

— М-м-м, восхитительно!

Я отворачиваюсь, скрывая усмешку, но успеваю заметить, как бедолага торопливо заворачивает остатки пирожка в салфетку и прячет, чтобы позже выбросить.

Мне в голову снова лезут мысли об Илье. Он бы честно сказал, что пирог сгорел...

— Ты, говорят, в театре была вчера, Марина? — тётя Женя пытается завязать со мной разговор. — Что за спектакль?

— “Анна плюс Алексей” с Белецким в главной роли, — отзываюсь я, — но до конца мы его не досмотрели. Мой парень не очень любит театры, — добавляю невозмутимо, — так что мы ушли сразу после антракта.

За столом воцаряется напряжённая тишина.

— С парнем? — осторожно переспрашивает мама.

— Ой, мам, только не надо делать вид, что ты до сих пор веришь тому, что я ночую у Лёльки!

Тётя Женя с супругом снова многозначительно переглядываются, а у Глеба делается такое оскорблённое лицо, будто я его подло обманула.

— В чём дело? — обращаюсь к нему я. — У тебя имеются какие-то возражения?

— Н-нет, — бормочет он в замешательстве, ещё не сориентировавшись, как лучше и достойнее реагировать на подобные известия.

Мне начинает надоедать эта недосказанность, ставящая всех в идиотское положение. Не знаю, на что до сих пор надеются мои родители и родители Глеба. Не знаю, почему он всё ещё не сделал первого шага, если имеет на меня какие-то виды, но при этом послушно таскается к нам в гости за ручку с мамочкой и папочкой вместо того, чтобы просто пригласить меня на свидание — одну... В любом случае сил тянуть эту лямку и дальше у меня просто нет. Пора внести ясность.

— В общем так, у меня объявление, — я стучу вилкой по тарелке, требуя всеобщего внимания. — Дорогие родители и бабуля, дорогие тётя Женя, дядя Валера и Глеб. Я встречаюсь с парнем. Он аутист. Точнее, у него синдром Аспергера. У нас всё серьёзно. Предлагаю за это выпить, — в заключение своей короткой и — надеюсь — убедительной речи я салютую всем бокалом вина. — Дзынь!..

— Аутист? — отец недоумевающе хмурится. — Ты хочешь сказать, что он психически ненормален?

— Папа, у него расстройство аутистического спектра. У людей, подобных ему, бывают психические проблемы, в основном связанные с социальным взаимодействием, но они не психи!

— И где же... где ты его подцепила? — подаёт голос мама. Бабушка хранит молчание, видимо, не особо понимая, что такое аутизм и тем более синдром Аспергера.

— В клубе. Представь себе, аутисты тоже ходят в ночные клубы и развлекаются, у них есть друзья и любимые люди, они вступают в брак и рожают детей...

Тётя Женя в очередной раз переглядывается со своим худосочным супругом и поджимает губы — честное слово, эта чопорность уже начинает раздражать. На Глеба я стараюсь не смотреть, подозревая, что ничего приятного всё равно не увижу. Неуютно разбивать чьи-то напрасные надежды, но делать вид, что когда-нибудь они могут оправдаться, я тоже не хочу.

— Ты говоришь, что у вас всё... серьёзно, — голос мамы подрагивает. — Насколько серьёзно?!

— Серьёзнее некуда. Например, я провела с ним эту ночь и собираюсь провести следующую, — спокойно отзываюсь я, хотя эта внешняя показная невозмутимость даётся мне нелегко, меня так и потряхивает от волнения.

— А ты не слишком торопишься, милая? — голос отца полон растерянности и непонимания. — Ты уверена, что именно этот парень — то, что тебе нужно?

— Во всяком случае, насчёт него я уверена больше, чем насчёт Глеба, с которым вы так

упорно пытаетесь свести меня столько лет подряд!

Я залпом допиваю вино и выскакиваю из-за стола, едва не опрокинув стул.

— Всем спасибо за приятный вечер, но мне пора. *Он* ждёт.

Я, конечно же, блефую. Илья не может меня ждать, мы так и не обговорили наши сегодняшние планы. Но зато теперь у меня есть уважительная причина досрочно покинуть это славное застолье...

Слава богу, меня не пытаются остановить. Видимо, от шока.

Я хватаю сумку и, сделав всем ручкой, набрасываю на плечи куртку, а затем выскакиваю за дверь.

Прежде чем связаться с Ильёй, целый час брожу по улицам, пытаюсь собрать мысли воедино. То, что произошло у нас дома — всего-навсего мой глупый бунт, я нарочно хотела позлить Глеба и заодно дать понять родителям, что не нуждаюсь в этом унижительном сватовстве... Но сказанного не вернёшь, теперь я не могу просто вернуться домой как нивчём не бывало.

Напроситься с ночёвкой к Лёльке? А если она не одна, а с Русом?

Наконец я принимаю решение. Возможно, оно спонтанное и неправильное, возможно, я о нём ещё сто раз пожалею... Но пусть это будет моей ошибкой. В конце концов, лучше сделать и жалеть, чем не сделать — и жалеть затем ещё больше.

Я набираю Илью, но, вспомнив, что он не любит разговаривать по телефону, тут же сбрасываю звонок и печатаю сообщение. Конкретно, чётко и по делу:

“Я хочу заняться с тобой сексом. Сегодня. Могу я к тебе приехать?”

Телефон вибрирует, доставляя мне ответ с одним-единственным словом:

“Приезжай”.

72

ПРОШЛОЕ

Лиза, июль 2009

Набережная звенела смехом, переливалась огнями, завлекала фонтаном с ночной подсветкой, манила ароматом дымка и шашлыка. Из многочисленных ресторанов и кафешек звучала музыка, наполняя душу радостью, а сердце — ожиданием чуда, которое, казалось, вот-вот с тобой произойдёт.

К сожалению, ужинать на свежем воздухе было уже не так комфортно, с моря тянуло прохладой, поэтому Тимка провёл Лизу внутрь одного из ресторанчиков.

“Работаем до последнего посетителя!” — гордо гласило объявление на дверях. Судя по всему, работать иногда приходилось круглосуточно — народ к полуночи только-только начинал подтягиваться. Лиза и Тим углядели свободный столик, расположились на мягких диванчиках друг напротив друга и с преувеличенным вниманием, справляясь с неловкостью первого момента, уткнулись в меню.

Лиза оделась довольно просто — не как на пляж, конечно, но и не слишком уместно для ресторана: лёгкая белая кофточка, подчёркивающая изящную и хрупкую линию плеч, длинная цветная юбка... Берендеев был в демократичных джинсах и футболке, обтягивающей бицепсы. Загорелый, белозубо улыбающийся, с рыжими волосами, в которых

словно запуталось солнце — меньше всего он походил сейчас на врача, скорее уж на спортсмена или хотя бы на пляжного спасателя.

— Ты всё ещё увлекаешься баскетболом? — спросила она с любопытством. Тимка кивнул.

— Ага. Жаль, времени мало... Работаю целыми днями, часто даже без выходных.

— Я видела, к тебе запись за несколько месяцев вперед, — подтвердила Лиза.

— Выпьем за встречу? — предложил он, изучая карту вин.

— Я не пью, — категорически отказалась Лиза. Она действительно на дух не переносила алкоголь, даже просто запах. Возможно, это были отголоски того давнишнего осеннего бала в школе, после которого вся её жизнь пошла наперекосяк... Впрочем, почему наперекосяк? У неё появился Илья, это самое главное. Значит, всё было не зря. Вот только пить она теперь не может, да от аромата дыни её сразу же выворачивает наизнанку. Напоминает о той палёной водке с дынным вкусом...

— Да я, в общем, тоже не особый любитель, — он смущённо взлохматил волосы на макушке. — Просто подумал, что ты захочешь расслабиться.

— Мне не нужно пить для того, чтоб расслабиться, — отозвалась Лиза.

— А по-моему, ты напряжена сейчас. Тебе, кстати, тоже массаж не помешал бы. Серьёзно. Не лечебный, а профилактический.

— Я подумаю, — она улыбнулась. — И всё-таки, Тимка... почему ты выбрал именно массаж? Не спорю, ты прекрасный специалист, я восхищаюсь твоими способностями, но, помнится, ты мечтал стать хирургом...

— Я и был, — ответил Берендеев. — Детским хирургом. Несколько лет проработал в Симферополе.

— И?.. — не выдержала Лиза, когда пауза слишком затянулась.

— А потом трёхлетний мальчик умер у меня на столе прямо во время операции, — жёстко сказал он. — Его привезли на “скорой” после аварии, родители погибли сразу, а он...

— Но ведь ты не виноват? Ты наверняка сделал всё, что мог... — Лиза несмело коснулась его руки, покрытой золотистыми волосками.

— Я знаю. Но просто... не смог продолжать дальше. Понимаешь? Я никогда не считал себя богом, но чувство бессилия и беспомощности... это настолько опустошает, что я понял: второй раз так больше не смогу. И тут очень вовремя меня пригласили сюда, в Ялту... Я продал там жильё и купил здесь дом.

— Домик у моря, как и мечтал?

— Всё ещё помнишь, — усмехнулся он.

— Конечно помню, — Лиза хотела было спросить, женился ли он, но почему-то постеснялась, словно в их разговоре стоял какой-то негласный запрет на тему личного. Она уже изучила исподтишка его правую руку — кольца на безымянном пальце не было, однако это ничего не значило. Тимка мог специально снимать кольцо, при массаже оно только мешает... Удивительно было бы, если бы он до сих пор оставался один. Лиза вдруг вспомнила их странное прощание на выпускном — его торопливый и отчаянный поцелуй... вспомнила — и опустила ресницы.

— Значит, после института ты так и остался здесь, — резюмировала она.

— Ну да. Меня сразу в несколько больниц позвали. Тётка к тому времени умерла, оставив свой дом мне в наследство... я и подумал — глупо возвращаться в Москву, меня ведь там никто не ждёт, по большому счёту.

— Ты что, даже ни разу не приезжал домой?

— Приезжал несколько раз, чтобы повидаться с родителями. Но дом для меня теперь здесь.

“А ко мне не зашёл”, — подумала Лиза, хотя и понимала, что у него могли быть свои обстоятельства, почему он не пожелал с ней встретиться.

— Ты счастлив? — вдруг спросила она.

— Я доволен своей жизнью, — помедлив, осторожно ответил Тимка. — Счастье — это слишком громкое слово. Да и есть ли оно, в принципе?..

Лиза промолчала.

— Ну а ты... как? — поинтересовался он, но у Лизы не было желания говорить о себе, поэтому она отмахнулась с дежурной фразой:

— Тоже всё нормально.

— Сын у тебя замечательный.

— Илья немного... необычный.

— Да брось. Нормальный хороший парень. Симпатяга. Вырастет — все девчонки его будут, — пошутил Берендеев.

Лиза засмеялась:

— А наша соседка тётя Нина уверяет, что в Илье просто сидит бес, и при каждой встрече крестит его и читает молитвы.

Тимка от неожиданности расхохотался в голос.

— А ты что?

— Ничего, у Ильи в эти моменты такой ошалевший вид, что я еле сдерживаю хохот, — призналась Лиза.

Тем временем певица на эстраде запела что-то томно-лиричное.

— Потанцуем? — предложил вдруг Тимка. Лиза огляделась вокруг.

— Что-то я не вижу танцующих... ты уверен, что в ресторанах до сих пор это принято? — поддела она его.

— Да и плевать. Просто хочу потанцевать с тобой. Пусть что хотят, то и думают...

Он обнял её за талию, и они закружились в медленном танце. Лиза никогда раньше не танцевала со своим лучшим другом, не знала его объятий, и сейчас это ощущалось ново и непривычно — как будто танец с незнакомцем. Она прислонилась виском к Тимкиному плечу и, расслабившись, плыла в его надёжных и крепких руках. Ничего не хотелось говорить, и молчание это не было неловким...

Песня закончилась. Вдохновлённые их примером, перед сценой уже топтались в

обнимку другие пары, а Лиза с Тимкой вернулись за столик и принялись за поздний лёгкий ужин.

В час ночи она спохватилась.

— Мне уже пора уходить! Вдруг Илья проснётся? Если не увидит меня — может испугаться. Он очень... тревожный, его легко вывести из равновесия.

— Да, конечно, — кивнул Берендеев, — я тебя провожу. Заодно прогуляемся...

Как и днём, он довёл Лизу до самого дома. Хорошо, что дверь в их с Ильёй комнатку была с другой стороны, а не с главного — хозяйского — входа. Не хотелось никого беспокоить своим поздним появлением.

Лиза поднялась на цыпочки и заглянула в тёмное окно. Вроде бы тихо — судя по всему, Илья крепко спал... Тимка подошёл и встал позади неё. Она чувствовала спиной его тепло. Теперь, чтобы обернуться, ей пришлось бы оказаться с ним лицом к лицу, и Лиза смутилась как девчонка. Что ни говори, а она отвыкла от Берендеева, да и он от неё — тоже. Обоим слегка за тридцать, у обоих за плечами какой-никакой опыт... И всё-таки, что же делать? Если она повернётся — то уткнётся прямо ему в грудь. Но и стоять вот так спиной тоже неловко...

Сердце заколотилось быстрее, по коже побежали мурашки. Лиза сделала глубокий вдох и всё-таки обернулась... уже зная, что окажется в его объятиях. Предчувствуя это.

Тимка сжал её плечи, притянул к себе, нашёл в темноте её губы... она тут же доверчиво ответила, прижимаясь к нему всё ближе, теснее и крепче. Они целовались под окном, как школьники, сходя с ума от собственной смелости и страшаясь её, прерывались на доли секунды, чтобы вдохнуть порцию воздуха, и снова целовались. Его горячие губы то покрывали торопливыми лёгкими поцелуями Лизины щёки, лоб, подбородок и шею, то вновь впивались в её рот глубоко, долго, чувственно и безумно нежно, заставляя Лизу обмирать и таять в его руках, до дрожи в коленях и в груди, до сладкого дурмана, до забытья... ей казалось, что её целуют впервые в жизни. Впрочем, *так* её действительно никто и никогда не целовал.

Где-то у соседей коротко и незло взлаяла собака, но этого хватило, чтобы они отпрянули друг от друга, тяжело дыша. Тимка не целовал её больше, но продолжал стоять, прижимая Лизу к себе, хотя она чувствовала, что он сейчас готов не только к поцелуям.

— Мне пора, — выговорила она шёпотом.

— Да, конечно. Спасибо за чудесный вечер, — так же шёпотом откликнулся он. — До завтра, Лизюкова?

— До завтра, — эхом отозвалась она.

73

НАШИ ДНИ

Марина, сентябрь 2019

Поднимаюсь по лестнице я, кажется, целый час — то и дело останавливаюсь, крепко хватаясь за перила, и уговариваю себя не сбегать. До меня уже дошло, во что я ввязалась, и голова готова взорваться от распирающих её противоречий.

Я написала парню о том, что хочу заняться с ним сексом. Первая! По сути, я

предложила ему себя... А он даже не пришёл в ужас, не обозвал меня распушенной и бесстыжей, ибо мы знакомы всего несколько дней, не заявил, что я его оскорбила, потому что это *он* должен проявлять инициативу, а я обязана сидеть и терпеливо ждать...

С самого начала у нас с Ильёй всё идёт не так, всё не по общепринятым правилам и установленным шаблонам. Но глупо отрицать очевидное — я запала на него с самой первой встречи. Меня безумно тянет к нему, хотя я продолжаю упорно отыскивать этому отвлечённые логические объяснения: он необычный и умный, мне с ним просто интересно, а как парень он меня совершенно не интересуется... ха-ха! Расскажи это кому-нибудь другому, Марина. Да ты влюблена в него по уши — именно как в мужчину. Просто тебя смущает скорость, с которой у вас всё завертелось, а также то, как эти отношения будут восприняты окружающими, вот и продолжаешь врать самой себе... К тому же неизвестность и новизна всегда отпугивают — а с Ильёй, очевидно, отношения будут строиться совершенно по-новому, причём и в физическом смысле тоже. Но он по крайней мере честен с самого начала и в этом намного порядочнее меня, в то время как я трушу и придумываю нелепые отговорки...

Наконец я оказываюсь перед знакомой дверью и нажимаю на кнопку звонка. Кажется, минула целая вечность с того момента, когда я уходила отсюда... А ведь это было всего лишь сегодняшним утром.

Дверь распахивается. Некоторое время мы с Ильёй молча стоим друг напротив друга, я смотрю ему в лицо, а он — чуть в сторону, я уже даже начинаю привыкать к этому ускользающему взгляду.

— Можно войти? — спрашиваю я, нервно сглотнув. Илья, точно опомнившись, делает шаг в сторону, освобождая мне проход. Интересно, а если он воспринял моё сообщение в ватсапе как прямое руководство к действию и приступит к активному осуществлению намеченного уже с порога?.. Однако Илья приглашает меня в комнату.

Минут через пятнадцать мы, всё ещё полностью одетые, сидим на аккуратно заправленной кровати. Я искоса поглядываю на Илью, а он машинально вертит в руках спиннер. Боже, да он нервничает едва ли не больше, чем я сама!..

Итак, мы впервые собираемся переспать друг с другом, но я покривлю душой, если скажу, что атмосфера в комнате тянет на “возбуждающую” или хотя бы на “романтическую”.

Я кашляю, пытаюсь привлечь его внимание. Илья не реагирует, только спиннер начинает крутиться с поистине сумасшедшей скоростью.

— Слушай, а ты вообще-то уверен, что хочешь секса?

— Да, — серьёзный кивок, взгляд по-прежнему устремлён мимо меня, спиннер всё ещё бешено вращается.

— Но ты на меня совсем не смотришь...

И хотя я знаю, что для него это мучительно, всё-таки нахожу немного странным заниматься любовью, избегая откровенных прямых взглядов.

Его брови приподнимаются удивлённым домиком.

— Во время секса обязательно смотреть друг на друга?

— Необязательно, — вынужденно признаю я, словно сдаваясь. — Глаза можно просто закрыть.

Он вздыхает с явным облегчением и деловито спрашивает:

— Может, уже начнём?

Я чувствую, как против воли заливаюсь румянцем. Чёрт! Это самая странная прелюдия к сексу, которая у меня когда-либо была.

— Ну... э-э-э... давай.

— Я знаю, что девушкам обычно нравятся поцелуи во время соития, — произносит он всё тем же деловым тоном. — Если ты планируешь со мной целоваться, то тебе нужно почистить зубы.

— Может, мне ещё душ принять перед процессом? — интересуюсь я иронично. Но Илья, как обычно, не считает иронию и серьёзно кивает.

— Да, это было бы замечательно. Мне будет гораздо приятнее заниматься с тобой сексом, если ты помоешься.

Так, стоп, Марина. Стоп! Успокойся. Это одна из тех вещей, о которых предупреждал меня Рус — Илья маниакально задвинут на чистоте и излишне чувствителен к посторонним запахам и новым вкусам, воспринимая их во сто крат острее, чем обычные люди. Илья вовсе не хотел обидеть меня сейчас. Я ему нравлюсь. Ведь нравлюсь же?!

— Ты... находишь меня привлекательной?

— Я уже говорил тебе, что да, — кажется, Илья немного раздражён. Его утомляют долгие церемонии и пустые разговоры, ему хочется поскорее перейти к главному. Быть с ним рядом — нечеловечески тяжёлое, непосильное испытание для нервной системы. Но... что поделать, если жизнь без него уже кажется невыносимой?

— А что тебе больше всего во мне нравится?

Он добросовестно задумывается, а через несколько мгновений решительно заявляет:

— Твой голос и ямочки на щеках.

Смущаясь, я неловко тереблю краешек платья и застенчиво улыбаюсь, невольно демонстрируя те самые ямочки.

— Папа всегда говорил мне, что ночами к спящим младенцам прилетают ангелы и трогают пальчиком самых симпатичных... Ямочки — это следы, оставшиеся от их прикосновений, — даже сейчас, в двадцать лет, эта наивная легенда умиляет меня точно так же, как в детстве.

Илья протестующе качает головой.

— На самом деле ямочки на щеках — это генетический дефект, возникающий при недостаточной длине лицевой мышцы, — обстоятельно объясняет он. — Когда ты улыбаешься, недоразвитая укороченная мышца стягивает кожу и образует впадинку.

Я беззвучно глотаю ртом воздух. Недоразвитая лицевая мышца? Серьёзно?! Мать твою, он правда планирует переспать со мной сегодня или, напротив, делает всё для того, чтобы я ушла?!

Поднимаю глаза к потолку и часто моргаю, чтобы непрошенные слёзы вкатились обратно. Господи, и почему я всегда влюбляюсь в тех парней, которые гарантированно обеспечивают мне сплошные проблемы?!

И тут вдруг Илья совершает невозможное. Практически нереальное, абсолютно ему несвойственное: он берёт меня за руку и бережно, хоть и довольно неуклюже, целует в ладонь. Я в шоке — по-моему, это первое проявление подобия нежности и ласки с его стороны за всё время, что он меня знает.

— Мариша, — говорит Илья извиняющимся тоном, по-прежнему не глядя мне в глаза. — Я знаю, что со мной... с такими, как я... другим людям приходится очень трудно. Но я и сам от этого страдаю, пойми. Я не умею нормально общаться, заводить отношения, но

это не значит, что мне этого не нужно. Мне тоже бывает одиноко, хоть я и привык находиться один. Я не умею говорить правильные слова, признаваться в любви так, как это положено у вас... у остальных... но просто знай — ты нужна мне. Очень.

У меня перехватывает спазмом горло, в носу щиплет от долго сдерживаемых слёз, а ресницы начинают предательски дрожать.

— Ты тоже нужен мне, — сиплю я, — так сильно нужен, что меня это пугает... Мне трудно, Илья. Трудно и страшно. Иногда мне кажется, что я... не справлюсь. Просто не смогу.

Он делает над собой заметное усилие и, подавшись вперёд, крепко меня обнимает. Я знаю, что Илья терпеть не может все эти нежности и обнимашки, поэтому забываю даже дышать, чтобы не спугнуть его внезапный порыв, но сама так и не рискую обнять в ответ.

Наконец Илья негромко выдыхает, словно тоже не дышал всё это время, и осторожно отстраняется. Очевидно, за сегодняшний вечер он уже превысил свой лимит прикосновений.

— Мариша, — спрашивает он осторожно, — ты выйдешь за меня замуж?

Замуж? *Замуж*, чёрт побери?! Я не ослышалась? Мы даже не пробовали жить вместе, я вообще не представляю, каково с Ильёй в быту — но не без оснований предполагаю, что совершенно невыносимо. В конце концов, мы даже ни разу ещё не занимались любовью — а вдруг у нас полная, абсолютная несовместимость в постели?

Я открываю рот для того, чтобы сказать что-то вроде: “Ах, это так неожиданно, мне нужно время, чтобы серьёзно всё обдумать, мы должны получше привыкнуть друг к другу” и прочий вежливый дежурный бред, который в подобных случаях полагается лепить в качестве отмазки, но... с моего языка вдруг срывается:

— Да, конечно! Я согласна!

И только потом понимаю, как круто попала...

— Но только не прямо сейчас! — испуганно и торопливо добавляю я. — Ты же согласишься немного подождать? Пойми, мне приятно твоё предложение, ты очень мне нравишься, но... наверное, мы всё же должны поближе узнать друг друга?

— Я согласен подождать, а как мы будем узнавать? — наивно спрашивает он. — Что для этого нужно делать?

Я выдыхаю с облегчением.

— На самом деле, ничего особенно сложного. Попробуем пожить вместе... если ты не против. Будем каждый день рассказывать друг другу что-то новое о себе. Что нравится, что не нравится, что любишь, а чего терпеть не можешь. Будем гулять... и ходить вместе за покупками... готовить что-нибудь вдвоём...

— Не люблю ходить за покупками, — говорит Илья, — предпочитаю заказывать всё необходимое по интернету.

Что ж, это вполне ожидаемо. Вот одна из тех важных мелочей, которые необходимо знать друг о друге.

— Ну, можем смотреть вместе фильмы по вечерам... ты же любишь кино?

— Некоторые фильмы люблю.

— Прекрасно! — воодушевляюсь я. — В общем, вот так, потихоньку-полегоньку...

— Мариша, — спрашивает он озадаченно и очень серьёзно, — это всё действительно важно для брака? Кино... совместные покупки... готовка...

Вопрос ставит меня в тупик.

— Не то чтобы важно, но... так принято. Вот почему ты предложил мне стать твоей

женой?

— Потому что ты мне необходима, — отвечает он просто. — И мне совершенно необязательно для этого узнавать тебя получше. Я просто так чувствую. Наверное, это неправильно, да?

— Не знаю, Илья, — честно признаюсь я. — Мне уже и самой непонятно, что правильно, а что нет.

— Я согласен подождать, пока ты не будешь готова, — твёрдо повторяет он. — Сколько времени это займёт?

Он, как всегда, ждёт конкретики и определённых цифр. Мне остаётся только виновато развести руками.

— Занятия сексом тоже входят в процесс узнавания? — спрашивает Илья. Я сконфуженно фыркаю и подтверждаю:

— Непременно!

— Тогда давай приступим, — невозмутимо заявляет он. — Можешь идти в душ.

74

Я делаю воду настолько горячей, насколько могу терпеть, но меня всё равно колотит в ознобе. Хотя, конечно, эта крупная дрожь связана вовсе не с холодом... Страх перед неизвестностью и осознание неизбежности того, что вот-вот произойдёт, буквально парализуют. И в то же время мне ужасно хочется испытать всё это *неизведанное* вместе с Ильёй... Я хочу заняться с ним любовью. Сегодня и сейчас.

Выдавливаю на ладонь капельку геля для душа и, закрыв глаза, вдыхаю свежий прохладный запах, который ассоциируется у меня с Ильёй. Обычно я предпочитаю более нежные и расслабляющие ароматы, но сейчас это неважно. Наношу гель на мочалку, вспениваю и принимаюсь мягкими размеренными движениями растирать кожу. Пожалуйста, пожалуйста... пусть всё пройдёт хорошо, загадываю я мысленно, сама посмеиваясь над собой — как будто экзамен собираюсь сдавать. Невольно представляю Илью в роли строгого придиры-профессора, который проверяет, хорошо ли я выкупалась, достаточно ли усердно промыла волосы, тщательно ли почистила зубы... и хрюкаю от смеха. Всё-таки самоирония — необходимая вещь, она помогает прийти в себя и взглянуть на ситуацию с долей здорового цинизма.

Я заворачиваюсь в широкое банное полотенце и в таком виде выхожу из ванной комнаты. Холод на контрасте обжигает кожу. Поёживаясь, спешу в спальню, где меня ждёт Илья.

Он сидит на кровати в одних пижамных штанах и тоже явно волнуется перед неизбежным. Делаю несколько шагов в его направлении, но не рискую приближаться вплотную и останавливаюсь в полуметре от кровати. Илья медленно поднимается мне навстречу.

— Наверное, вот это... — он неуверенно указывает на моё полотенце, — надо снять?

— Может быть, ты сам и снимешь? — поддразниваю я его. Илья еле заметно краснеет и кивает.

— Ладно.

Его ладонь нерешительно ложится на уголок полотенца в районе моей груди и тихонько тянет его на себя... но тут у меня, вероятно, сдают нервы — я вздрагиваю и невольно отшатываюсь. Илья тоже вздрагивает и испуганно отдёргивает руку.

— Я делаю что-то не так? — спрашивает он с искренней озабоченностью. — Тебе больно? Неприятно?

— Уф... — закрываю лицо ладонями. — Извини. Всё так. Это просто я дура.

— Ты не дура, — говорит он с недоумением. — Но ведь сейчас происходит что-то не то, верно?

Делаю глубокий вдох, мысленно считаю до десяти и убираю руки от лица. Щёки так и горят от конфуза.

— Я немного волнуюсь, — терпеливо объясняю ему. — Мы с тобой впервые собираемся сделать это... наверное, тебе тоже не слишком комфортно, когда ты не знаешь, чего ожидать?

— Да, — кивает он, — неизвестность нервирует.

— Можно тебя обнять? — спрашиваю я нерешительно.

Он соглашается. Одним шагом преодолеваю расстояние между нами и прижимаюсь к его груди — не слишком крепко, чтобы снова не напугать его. Мои руки свободно лежат на его плечах, я не душу Илью в объятиях, словно давая ему понять, что в случае возникновения дискомфорта он с лёгкостью может отстраниться.

— Ты мокрая, — говорит Илья, не предпринимая попытки обнять меня в ответ, но и не стараясь высвободиться из объятий. — Недостаточно хорошо вытерлась после душа.

— Тебе это неприятно?

— Нет. Наоборот. Ты пахнешь лимоном, мятой и ментолом. Мне нравится. Это возбуждает.

— Илья, — осторожно подбирая слова, начинаю я. — Давай сразу договоримся... всё, что между нами происходит и будет сейчас происходить... должно быть честным и откровенным. Я знаю, что ты волнуешься. Я тоже безумно волнуюсь. Просто прямо говори мне, если тебе что-то не нравится или наоборот — нравится. Будь самим собой и не старайся соответствовать каким-то шаблонам. Не пытайся сопоставить сегодняшнее со своим предыдущим опытом, всё равно у нас с тобой это будет иначе. Я не сравниваю тебя с другими и не жду от тебя какого-то определённого стандарта поведения. Пусть всё идёт как идёт. В свою очередь, я тоже обещаю быть с тобой абсолютно честной.

— Хорошо, — отзывается он. — Так я могу всё-таки снять с тебя это полотенце?

Я улыбаюсь.

— Конечно.

Он высвобождает меня из махрового кокона и аккуратно вешает полотенце на спинку стула. Зная Илью, смешно было бы предполагать, что в порыве страсти он просто отшвырнёт его в сторону, оставив валяться на полу смятым влажным комом.

Я борюсь с искушением прикрыться руками, как Венера на картине Боттичелли. Илья смотрит на меня. Смотрит долго и внимательно.

— Всё хорошо? — не выдерживаю я наконец. Боже, а вдруг я так разочаровала его в голом виде, что он теперь вообще ничего не захочет?

— Да, — отзывается он, — всё хорошо. Ты очень красивая. Если хочешь, можешь снова меня обнять. Наверное, без полотенца это будет приятнее?

Я прижимаюсь к нему — уже абсолютно обнажённая — и замираю. Ощущаю толчки его сердца, слышу чуть сбившийся ритм его дыхания.

Медленно-медленно — шаг за шагом, методом проб и ошибок — мы пытаемся узнать

друг о друге самое важное, самое сокровенное. Что нравится, что не нравится, какие прикосновения и ласки приятны, а без каких лучше обойтись. Когда я игриво пробегаюсь по его спине кончиками пальцев, он просит остановиться и больше так не делать, зато плавное поглаживание ладонями очень его заводит. Илья первый целует меня, и это выходит у него так нежно, что хочется заплакать — мы не обмениваемся слюной, не пытаемся проглотить друг друга, он даже не засовывает язык мне в рот, его губы просто деликатно и трепетно изучают мои.

Незаметно перемещаемся в постель, продолжая исследовать друг друга. Чувство неловкости и неуверенности забыто — мы просто отдаёмся собственным желаниям, чутко прислушиваясь к реакции собственных тел. Конечно, у Ильи намного больше внутренних запретов, чем у меня — он куда чувствительнее к разного рода прикосновениям. К примеру, когда я пытаюсь скользнуть ладонью под резинку его штанов, он мотает головой и говорит:

— Нет, нет, не надо... *Так* не надо. Слишком сильные ощущения. Может случиться преждевременная эякуляция. Мне бы этого не хотелось.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не фыркнуть от этого официального, чуть ли не медицинского, тона.

Илья изучает меня, а я — его. Он нравится мне на ощупь, на глаз, на запах и на вкус. Судя по всему, я ему тоже. Всё совершенно не так, как я себе воображала, но это не значит, что хуже. Всё просто замечательно, между нами определённо есть какая-то химия, которая позволяет интуитивно продвигаться в верном направлении. Правда, в отличие от меня, Илья не теряет голову и в самый ответственный момент вспоминает о предохранении (не преминув пояснить, что это необходимая защита от патогенов, передающихся половым путём, а также надёжный способ барьерной контрацепции). Когда он, наконец, тянется к прикроватной тумбочке, чтобы достать оттуда пакетик, моё тело уже буквально звенит от нетерпения.

75

Илья переживает происходящее настолько остро, что после бурной разрядки минут десять просто лежит рядом со мной, не шевелясь и не издавая ни звука. Мне даже кажется, что он заснул, но, когда я осторожно приподнимаюсь на локте и заглядываю ему в лицо, то обнаруживаю, что его глаза открыты.

— Ты в порядке? — осторожно спрашиваю я. Илья отзывается не сразу.

— Да. В полном порядке. Тебе не кажется, что секс был отличный?

Я с трудом давлу смешок.

— Да. Просто офигенный.

— Тебе правда понравилось? Ты испытала полноценный оргазм? — озабоченно спрашивает он — снова тем самым деловым тоном, похожим на докторский.

— Илья, — я начинаю хихикать, — всё было обалденно, честное слово! И да, я испытала полноценный, просто улётный, сногшибательный оргазм.

— Это хорошо, — он заметно расслабляется. — Я волновался об этом. А теперь нам обоим следует помыться. Могу я пойти в душ первым или сначала ты хочешь это сделать?

— А может, примем душ вместе? — провоцирую я, мне ужасно нравится его поддразнивать, хоть он и не всегда это понимает. Илья всерьёз задумывается над неожиданным для него предложением.

— Н-нет. Нет, пожалуй, не стоит, — говорит он наконец. — Боюсь, если мы окажемся в

ванной одновременно, я не смогу сконцентрироваться на мытье.

— Ладно, иди первым, — улыбаюсь я. — Мне кажется, тебе это сейчас важнее.

Несмотря на то, что утром нам обоим надо рано вставать, мы ещё долго-долго разговариваем, лёжа на кровати в позе, которая уже стала любимой — я обнимаю Илью, уткнувшись носом в его затылок.

— Мне с тобой очень легко, — признаюсь я негромко. — Даже сама не ожидала, насколько это просто и приятно — говорить обо всём не намёками и недомолвками, а прямо. Это так облегчает жизнь...

— Не всегда облегчает, — отзывается он. — Только если твой собеседник тоже воспринимает всё буквально и говорит с тобой на том же языке. В противном случае возникает непонимание... Один раз, когда я был маленьким, мама повела меня в поликлинику делать укол под лопатку. Врач дала мне целую ложку обезболивающего, очень горького и неприятного, но только не сказала, что его нужно проглотить. Я так и держал его во рту — и пока делали укол, и когда вышли из поликлиники, и когда сели в трамвай и поехали домой. Когда подошли к подъезду, мама заметила, что я молчу, а из глаз у меня текут слёзы. Отругала и велела немедленно выплюнуть.

Я тихонько смеюсь и ещё крепче обнимаю его.

— Господи, Илья, какой же ты смешной... и какой хороший. Ты и сам не понимаешь, насколько ты замечательный.

— Я понимаю, — возражает он. — Я очень хороший, умный и сексуальный.

— И я люблю тебя, — добавляю я внезапно.

Некоторое время он молчит, затем осторожно отвечает:

— Спасибо.

Но тут же сам поправляется:

— Нет, не так... Я тоже тебя люблю.

76

ПРОШЛОЕ

Лиза, июль 2009

Собираясь с Ильёй на массаж, Лиза волновалась так, будто идёт на свидание. Она привезла с собой не так уж много нарядов и сейчас кляла себя за это: сегодня утром ей хотелось выглядеть красивой, женственной и... сексуальной. Вчерашнее свидание так разбередило её, что она не смогла заснуть: проворочалась на старой продавленной кровати всю ночь напролёт, то и дело вскакивая, чтобы выпить воды и прижаться к оконному стеклу то одной разгорячённой щекой, то другой.

Тимка Берендеев... бывший одноклассник, некогда лучший друг. Раньше она не думала о нём как о герое своего романа, просто не воспринимала в этом ключе: он был для неё ясен и прост, словно любимая, но давно прочитанная книга. Единственный раз, когда между ними промелькнуло что-то, едва ли напоминающее простую дружбу, случился на выпускном — тогда, прощаясь, Берендеев вдруг поцеловал её. Но Лиза в тот период вообще воспринимала всё несколько отвлечённо, она была измучена своим новым материнским статусом, ей банально некогда было размышлять и анализировать.

И вот теперь, много лет спустя, Тимка снова её поцеловал... и *как* поцеловал! При одном только воспоминании об этом у неё подкашивались ноги. Неужели она нравится ему как женщина? Или это был просто поцелуй в придачу к романтической южной ночи?.. Изящный финальный аккорд после приятного ужина?

Илья обычно просыпался очень рано. Поняв, что заснуть ей самой всё равно не удастся, Лиза подорвалась с постели уже в пять утра и затеяла готовку сырников. Тимка предупредил, что до сеанса массажа не следует есть хотя бы часа полтора, так что она планировала накормить сына завтраком в половине седьмого.

— Мам, — сказал вдруг Илья, когда они уже допивали чай, — а любовь — это действительно так важно?

— А почему ты спрашиваешь? — осторожно поинтересовалась Лиза.

— Ну потому что все вокруг только и делают, что говорят о любви. В книжках, песнях и по телевизору тоже только про любовь.

— Любовь — это большое и очень сильное чувство, которое занимает почти все мысли человека, — пространно отозвалась она.

— А ты любишь кого-нибудь?

— Что за вопрос? Конечно люблю. Тебя! — она потрепала его по волосам, но Илья упрямо отёрнул голову, рассердившись такому ответу.

— Это не то! Не считается. Я имею в виду не родственную любовь, а привязанность к совершенно чужому, постороннему человеку. Почему так происходит? Почему люди испытывают потребность быть с кем-то конкретным?

— Тебе нравится Галя? — осенило вдруг Лизу.

Илья покачал головой.

— Нет, нет... то есть она мне нравится, но я не люблю её. Хотя она предложила мне поцеловаться, чтобы попробовать, что это вообще такое.

О господи. Лиза постаралась сохранить хладнокровное выражение лица.

— И что же, вы... поцеловались? — поинтересовалась она.

Илья снова замотал головой.

— Нет. Я сказал ей, что не хочу.

— Наверное, ты ей нравишься? — предположила Лиза, но снова попала мимо.

— Ей нравлюсь не я, а её сосед Данила. Но при этом он в неё не влюблён. Почему в любви всё так странно и непросто?

— Ох, это действительно сложный вопрос, — Лиза улыбнулась. — Вот поэтому о любви и написано столько книг, песен и стихов — люди пытаются разобраться в данной теме... Но любовь редко поддаётся рациональному объяснению. Ты просто любишь человека — и всё.

— За что?

— Ни за что, просто так. За его улыбку. За его взгляд и голос. За то, что он не похож на всех остальных...

— Глупости. Это полная чушь. Так не бывает, — отозвался Илья.

Лиза усмехнулась.

— Это кажется глупостью ровно до тех пор, пока сам не испытаешь. Вот влюбишься когда-нибудь — и поймёшь.

— Я не собираюсь влюбляться, — упрямо возразил Илья. — Нет, нет, никогда не собираюсь. Это не для меня.

Когда они с Ильёй вошли в массажный кабинет, Лизино сердце ухнуло куда-то в живот. Она волновалась как школьница. Машинально одёрнув подол легкомысленного жёлтого сарафанчика, в котором она и в самом деле выглядела как девчонка, а не как тридцатилетняя женщина, Лиза робко улыбнулась Тимке. Тот поднялся из-за стола им навстречу и весело поздоровался с обоими.

— Доброе утро, — глаза его опалили Лизу таким жаром, что она вспыхнула, но Берендеев тут же сделался деловито-сосредоточенным — кивнул Илье на кушетку и велел раздеться до трусов.

Сеанс массажа Тимка вёл неторопливо, но очень уверенно. Лиза залюбовалась его движениями, его сильными руками. Сначала он подложил под спину Илье скалку, завёрнутую в полотенце, и мимоходом заметил:

— Ты можешь проделывать это с Ильёй дома самостоятельно. Дёшево и сердито! Можно и без скалки. Просто валик из полотенца — под поясницу и под лопатки...

Лиза усомнилась было в эффективности этого странного кустарного метода, но решила не возражать. Однако по лицу Ильи было видно, что лежание на скалке даётся ему не так уж легко. Он то бледнел, то краснел, то покрывался испариной, но на вопросы Тимки “Как ты, парень?” неизменно отвечал, что нормально.

— Мужик. Терпишь, — негромко похвалил его Тимка, а затем вдруг добавил официальным тоном:

— Лизюкова, можно тебя на минутку?

— Да, конечно, — испуганно отозвалась она, подумав, что у Ильи какие-то серьёзные проблемы.

Берендеев вывел её за руку из кабинета, сказав напоследок Илье:

— Лежи и не шевелись пять минут.

Не успели они выйти за дверь, как Тимка огляделся по сторонам, торопливо прижал Лизу к стене и быстро поцеловал.

— Я так скучал по тебе, — прошептал он.

— Мы же расстались всего семь часов назад! — поддразнила счастливая до неприличия Лиза. Тимка покачал головой и повторил:

— Я так скучал по тебе... Увидимся сегодня вечером? После отбоя, — он подмигнул, намекая на время, когда Илья будет спать.

— Я подумаю, — кокетливо отозвалась она. Тимка снова приник к её губам с торопливым поцелуем, а затем, тяжело вздохнув, дал понять, что пора возвращаться в кабинет.

Перевернув Илью на живот, Тимка принялся ощупывать его позвонки.

— Ух, поясница — как у сорокалетнего мужика, который полжизни грузчиком отработал. Ладно, это мы поправим, — пообещал он, начиная аккуратно массировать проблемные места. — Спину повело хорошо уже, но это мы тоже уберём... и на ногах мышцы тоже забиты. Илья, у тебя болят ноги?

Тот отрицательно помотал головой.

— Видимо, уже настолько привык к боли, что перестал её замечать, — вздохнул Тимка, ни на секунду не отрываясь от своего занятия: растирал, массировал, надавливал, щипал и

похлопывал. — Не дрейфь, Лизюкова, за десять сеансов мы из твоего Илюхи совсем другого человека сделаем!

Лиза была готова ему поверить: итог первой сорокапятиминутной процедуры был просто изумительным. Когда Илья встал и оделся, его осанка изменилась до неузнаваемости, плечи расправились назад, спина выпрямилась. Лиза смотрела на сына и не могла поверить собственным глазам.

— Илья, как ты себя чувствуешь? — спросила она с опаской.

— Нормально, — ответил он.

— Ничего не болит, не тянет?

— Нет.

Лиза обернулась на Берендеева с сияющими глазами:

— Тимка, он прямой!

Тот усмехнулся её наивному восторгу.

— Что, собственно, и требовалось...

— Спасибо тебе! — она едва не кинулась ему на шею, удержало лишь присутствие сына.

— Ну что, Илья, жду тебя завтра в то же время, — произнёс Тимка, повернувшись к своему юному пациенту, а затем покосился на Лизу и добавил беззвучно, одними губами:

— До вечера!

Они уже вышли из санатория, когда Лиза вдруг вспомнила, что забыла в кабинете свой мобильный телефон. Взгляд её упал на лавочку возле забора.

— Илья, сядь здесь и жди меня, никуда не уходи, понял? Я сейчас вернусь...

Она торопливо вошла в главный корпус, пробежала по вечно пустому коридору и деликатно стукнула в дверь — на всякий случай.

— Входите, — откликнулся почему-то не Тимкин, а женский голос.

Лиза приоткрыла дверь и обнаружила, что Берендеева в кабинете нет, а на кушетке, прикрываясь простынкой, сидит блондинка лет двадцати пяти, закинув ногу за ногу.

— Тимура Андреевича нет, он будет через десять минут, — сообщила блондинка. — Вы на сеанс? Только сейчас моя очередь, я по записи...

— Нет-нет, мне просто телефон забрать, извините, — смутилась Лиза. — Я с предыдущего сеанса.

— Вы давно ходите на массаж к Берендееву? Вам нравится? — с любопытством спросила девушка.

— Да я, собственно, только начала... — запнувшись, ответила Лиза, не уточняя, что вообще-то на массаж ходит её сын, а не она сама. — Вроде всё хорошо.

— Ох, он крутой специалист! — с воодушевлением воскликнула собеседница. — Я просто таю под его руками! Растекаюсь лужицей, — поделилась она и заговорщически подмигнула. — И какой мужик потрясающий, просто роскошный экземпляр... не находите?

— Не знаю, — смущённо пробормотала Лиза. — Я к нему не присматривалась.

— Жаль только, что женат, — вздохнула блондинка. — Даже на короткий роман во время отпуска рассчитывать не приходится.

Лизу словно окатили ведром ледяной воды.

— Женат?! — переспросила она. — Тимк... Тимур Андреевич?

— Ну да.

— А вы откуда знаете?

— Да все знают, — вздохнула девушка. — Я как в этот санаторий заселилась, сразу справки о Берендееве навела. Мне медсестричка из процедурной сказала, что он женат. Она и паспорт видела...

Больше Лиза ничего не слышала. Молча взяла телефон и, машинально кивнув, покинула кабинет.

Всё такая же оглушённая, она вышла из корпуса и побрела по дорожке в тени деревьев. Уже покинув территорию санатория и сделав около полусотни шагов, Лиза вспомнила об Илье, которого оставила сидеть на лавочке — прошла мимо сына и даже не заметила этого...

Лиза развернулась и медленно двинулась обратно. Илья послушно дожидался её там, где она его оставила.

— Мам, давай сейчас пойдём на море? — попросил он, завидев её.

Лиза рассеянно кивнула, даже не расслышав, что он сказал.

78

НАШИ ДНИ

Марина, сентябрь 2019

— Послушай, я и в самом деле не понимаю... — мама смотрит на меня в искреннем недоумении, между бровями залегла страдальческая морщинка. — Что это за демарш? Кому и что ты хочешь доказать?

— Никому и ничего, — я продолжаю укладывать вещи, которые понадобятся мне на первое время, в дорожную сумку. — Просто переезжаю к своему парню.

— Но... что это за спешка? Куда так торопиться? Вы что, не можете потерпеть?

— Зачем терпеть, мам? — откидываю упавшие на глаза волосы и, выпрямившись, удивлённо смотрю на неё. — Нам хорошо вместе. Он предложил жить у него. Я согласилась. Вот и всё!

— Но это так... — она пытается подобрать подходящее слово, — демонстративно, словно ты мстишь нам за что-то. И это твоё вчерашнее показательное выступление за ужином с Логиновыми... Что с тобой происходит, Мариш?

— Мамочка, — я улыбаюсь ей от всего сердца, — ну какая месть, о чём ты говоришь? Просто твоя дочь выросла, а ты и не заметила. Я влюбилась, понимаешь? Это совершенно естественно в моём возрасте...

— Естественно влюбляться в *нормальных* парней, а не в психически нездоровых! — парирует она. — Подумай, каково мне сейчас?! Я, разумеется, не могу тебе запретить совершить этот идиотский — да, крайне идиотский! — поступок, но, дочка, мы же все волнуемся за тебя! И папа, и бабушка... А что, если этот мальчик... что, если он тебе как-нибудь навредит? Вдруг он обидит тебя, причинит боль...

Я скептически фыркаю.

— Ну, ты бы его ещё в маньяки записала. Он добрейшей души человек. И он не псих! Он никогда намеренно меня не обидит.

— Да откуда тебе это известно?! — взрывается она. — Насколько хорошо ты успела изучить его характер и привычки? Как давно вы с ним познакомились?

— Лучше тебе этого не знать, — честно отвечаю я.

Мама закатывает глаза.

— То есть вы едва знакомы — но тем не менее собираетесь вместе жить? Чем ты вообще думаешь? Прежде чем решаться на такой серьёзный и ответственный шаг, человека нужно узнать. О какой любви может идти речь в принципе?! Это дурь и блажь.

— Между прочим, дедушка влюбился в бабушку с первого взгляда и сделал ей предложение прямо в день знакомства. Они прожили вместе много счастливых лет, — невинным голоском напоминаю я. — Считаешь, у них тоже были дурь и блажь?

Как всегда, когда ей нечего возразить, мама выразительно закатывает глаза и делает вид, что её утомило моё упрямство.

— Мы благополучно перескочили твой переходный возраст, я так радовалась этому... но, похоже, он тебя всё-таки настиг, хоть и поздновато, — вздыхает она. — Твой переезд выглядит как дурацкий подростковый бунт!

— Значит, это и есть дурацкий подростковый бунт, — устало выдыхаю я, застёгивая молнию на сумке. Мне тоже надоело спорить и оправдываться.

— Но ты нас хотя бы познакомишь со своим молодым человеком?! — восклицает она почти в отчаянии. — Мы же должны знать, кто он такой... как, кстати, его зовут?

— Вообще-то, именно с этого надо было начинать, — замечаю я сухо. — Илья. Его зовут Илья. И да, я вас обязательно познакомлю. Попозже. Когда он будет готов.

— И с его семьёй мы тоже непременно должны встретиться и поговорить, — добавляет родительница. — Узнать, что это за люди...

— С отцом Илья не общается, его воспитывала мама. И, кстати, она от меня тоже совершенно не в восторге.

Подхватываю сумку и, бросив последний взгляд на свою комнату, выхожу.

Бабушка сидит у себя в кухонном царстве, не вмешиваясь в наш с мамой разговор, и тихонько сморкается в платочек, тоже искренне переживая из-за моего ухода. Могу её понять: во времена её молодости девушки не так часто съезжались с парнями до свадьбы. Хорошо, что папа ещё не вернулся с работы — вынести ещё и его молчаливый укор мне точно было бы уже не по силам.

— Бабулечка, ну зачем ты плачешь? — я целую её сначала в одну щёку, потом в другую. — Я же буду очень часто приезжать. Разве я смогу жить без твоих пирожков?!

Она беззвучно шепчет что-то и крестит меня, отчего мне делается совсем неудобно. Словно на войну провожают, ей-богу!

— Ладно, — я чмокаю напоследок Веника в толстое мохнатое пузо и натянуто улыбаюсь, — мне пора. Папе передавайте привет, я ему потом сама позвоню.

— Звони, почаще звони, Маринушка! — умоляюще произносит бабушка. — Храни тебя бог.

Пока я еду к Илье, настроение делается всё паршивее и паршивее. Немудрено — после такого-то, чуть ли не траурного, прощания с домашними! Нет, я не жалею о согласии, которое дала Илье, и всё-таки... всё-таки с поддержкой семьи мне было бы куда легче сделать этот шаг. Мне, конечно же, страшно. И пусть я не сжигала за собой мосты и знаю, что смогу вернуться обратно, если что-то вдруг пойдёт не так, всё равно меня потряхивает от волнения.

— Я выделил тебе три полки в шкафу. Достаточно? — спрашивает Илья буквально с

порога, в некотором ужасе глядя на мою — совсем небольшую — сумку.

— Да, спасибо.

— Мне нужно работать, — сообщает он и, развернувшись, уходит к своему компьютеру. Я остаюсь в прихожей одна и чувствую себя дура душой. Не то чтобы я ждала, что Илья поможет разобраться моё шмотьё, но... он мог хотя бы не бросать меня в такой момент в одиночестве. Неужели он не понимает, как мне страшно и неудобно сейчас? Впрочем, о чём это я — конечно, он не понимает.

Я быстро раскладываю свою одежду по полкам, расставляю баночки-скляночки и тюбики в ванной, ставлю на кухонный стол свою любимую чашку с Эйфелевой башней и надписью “Salut Paris!” Я привезла её из Парижа, куда мы с родителями ездили на моё восемнадцатилетие, и с тех пор пью чай и кофе только из неё.

— Илья, может, хочешь чаю? — кричу я ему из кухни. Он не отзывается. Я заглядываю в комнату и обнаруживаю, что он сидит за компьютером, сосредоточенно что-то набирая на клавиатуре и пристально вглядываясь в монитор.

Подхожу и обнимаю его за плечи. Илья вздрагивает.

— Не надо... не надо меня сейчас трогать, — говорит он, явно напряжённый. — Я же сказал тебе, что работаю.

— Извини, — я стараюсь сделать вид, что не обиделась. — Просто мне скучно. А ещё я приготовила чай... Хочешь?

Он молчит, увлечённо стуча по клавише.

Я ухожу на кухню, выпиваю свой чай в гордом одиночестве, залезаю в соцсети с телефона и немного переписываюсь с Лёлькой, притворяясь, что всё хорошо.

Слышу, как Илья двигает стул в комнате и идёт мыть руки.

— Ты передвинула мои вещи на полке в ванной! — он появляется в дверях кухни и выглядит ужасно расстроенным. — Ты должна была спросить.

— Прости, но мне тоже нужно было поставить туда кое-что из своего, — отзываюсь я чуть резче, чем хотелось бы. — Не могу же я всё время пользоваться мужским шампунем и гелем для душа!

— Ты должна была спросить... — повторяет он, и тут вдруг его взгляд падает на мой французский сувенир.

— Что это? — спрашивает он в шоке.

Я пожимаю плечами.

— Всего лишь чашка.

— Зачем? У меня достаточно чайных чашек. Твоя здесь совершенно не нужна. Она мне не нравится. Она не сочетается с остальными по цвету, дизайну и размеру.

— Это моя любимая чашка, Илья! — психую я, повысив голос. — Из Парижа! Я привыкла пить из неё чай!

Он отступает на шаг и нервно дёргает себя за прядь волос.

— Ты кричишь, — произносит он утвердительно.

— Я не кричу, просто...

— Нет, ты кричишь, — глаза у него делаются обиженными, как у ребёнка.

— Ну извини! — я протискиваюсь мимо него и сердито иду в спальню.

— После того, как попьёшь чай, чашку нужно мыть, — добавляет он мне вслед.

Прекрасно. Просто прекрасно!

Ложусь на кровать и крепко зажмуриваюсь, чтобы удержать давно рвущиеся наружу слёзы. Получается не очень.

Слышу, как Илья возвращается за свой стол и спокойно возобновляет работу. Слёзы всё-таки текут из-под плотно закрытых век, я с трудом сдерживаюсь, чтобы не начать громко всхлипывать. Может, мама права, а мы с Ильёй и правда поторопились?

Чувствую болезненный спазм внизу живота, и меня осеняет догадка. Иду в ванную и убеждаюсь в том, что была права — это действительно месячные. Я совсем забыла, что они должны были вот-вот начаться! Теперь понятно, почему меня так колбасило в последние пару дней: банальный ПМС. Хорошо, что я захватила с собой прокладки...

Живот неприятно ноет. Я возвращаюсь в спальню и ложусь на бок в позу эмбриона, поджав ноги и обхватив себя руками. Месячные всегда проходят у меня болезненно и нервно, на эмоциональных качелях — неудивительно, что я чувствую себя такой несчастной.

В дверях спальни появляется Илья.

— Ты сердисься на меня, — констатирует он, заметно нервничая и вцепившись в спасительный спиннер.

— Не на тебя. Скорее, на себя, — нахожу в себе силы улыбнуться. — На самом деле, я действительно немного раздражена сейчас, потому что у меня... — на секунду задумываюсь, как бы поделикатнее преподнести Илье эту информацию, но затем вспоминаю, с кем имею дело, и честно говорю:

— У меня менструация. Это довольно неприятные ощущения. Потому и настроение плохое.

Он кивает, приняв к сведению мой ответ, и молча уходит.

Я закрываю глаза, уговаривая себя не расстраиваться. Ну да, Илья не умеет считывать чувства и эмоции других людей... Тем более если это касается исключительно женской физиологии. Глупо было бы ожидать, что он усядется возле меня, начнёт гладить по голове и приговаривать: бедненькая моя, маленькая, несчастненькая девочка, дай-ка я тебя поцелую, чтобы ничего не болело. Забудь, Марина. Это — не про Илью...

Минут через пятнадцать, когда нытьё внизу живота становится менее болезненным, я начинаю клевать носом и уплывать в сон. Но в это время в спальню вновь входит Илья и присаживается на кровать рядом со мной. В руках у него — стакан воды и таблетка но-шпы.

— Прими лекарство, — говорит он. — Я прочитал в интернете, что с менструальными болями помогут справиться спазмолитики.

— Спасибо, — ошеломлённо отзываюсь я, приподнимаясь на постели и забирая у него стакан.

— А ещё я заварил чай из листьев мяты и ромашки. Говорят, что это тоже работает. У тебя нет аллергии на мёд?

— Н-нет...

— Лучше всего пить травяные чаи именно с мёдом. Могу налить в твою дурацкую чашку. Также помогают лёгкие круговые поглаживания живота по часовой стрелке. Если хочешь, я могу погладить.

— Очень... мило с твоей стороны, — отзываюсь я. — Обо всём этом ты прочитал в интернете?

— Да, — кивает Илья. — У меня же нет менструаций, откуда мне знать, как обычно полагается себя вести в подобных ситуациях.

Затем он набрасывает на меня плед и поясняет:

— Лучше полежать немного в тепле. В некоторых случаях обычное тепло имеет даже больший эффект, чем медикаменты. Надеюсь, я всё сделал правильно и это сработает.

Мои глаза снова наполняются слезами — но на этот раз слезами благодарности. С чего я взяла, что Илья не сможет обо мне позаботиться? Он делает это постоянно — пусть не словами, а поступками. Но ему безразлично всё, что со мной происходит.

Ему безразлична я.

80

ПРОШЛОЕ

Лиза, июль 2009

Лиза не помнила, как прожила тот бесконечно длинный день.

Внешне она держалась бодрячком: спокойно общалась с сыном, ходила с ним на пляж, затем отвела его пообедать в кафе, а после отпустила покататься с Галинкой на великах, но внутри как будто застыла.

Телефон Лиза на всякий случай отключила — боялась, что Тимка начнёт звонить или писать, чтобы условиться о вечерней встрече. Она не могла, не хотела, не готова была с ним сегодня встречаться... В голове была такая каша, что она даже не пыталась в ней разобраться. Знала только одно — то, что делал Тимка, женатые люди не должны позволять себе ни при каких обстоятельствах.

Возможно, впрочем, что та блондинка просто ошиблась, напутала, недопоняла... Но ведь и сама Лиза задумывалась о том, что Берендеев не может быть одиноким. Он мечтал иметь семью — что могло ему помешать? Это нормально, если он женат. Нормально, но... очень и очень больно. Наверное, надо было просто поговорить с ним прямо и расставить все точки над “ё”, но пока что у неё банально не хватало смелости. Лиза боялась, что самым глупым образом расплачется на его глазах...

С самого детства она испытывала огромный дефицит нежности и любви. Потребность быть любимой ныла в ней, как больной зуб. И ведь нельзя было сказать, что её не любили вовсе: родителям, конечно же, она была дорога, но... всё равно львиную долю внимания они уделяли старшей сестре Лариске, которая так и осталась “бедняжкой Лорочкой” по жизни. Мать с отцом боялись лишней раз проявить заботу к младшей дочери, чтобы тем самым не ранить чувства старшей, которая умело манипулировала на чувстве вины взрослых и на том, что отец ей не родной.

Затем Лиза влюбилась в Тошина. Любовь, за которую ей было сейчас мучительно стыдно... Стыдно, что она растратила столько времени и сердечного тепла не на того человека, ведь Олегу её любовь была просто не нужна. Максимум, чего он от неё хотел — это быстрого, ни к чему не обязывающего перепихона. Добился своего он лишь однажды — с лёгкостью, просто дав Лизе выпить стакан палёного алкоголя. Ни о какой любви здесь речи, конечно же, не шло. Даже пожив в браке, Лиза так и не узнала, каково это — быть любимой.

Не получила она любви и от своих партнёров, с которыми недолго встречалась. Во многом потому, что сама не могла дать им ничего взамен. Сердце молчало, будто в него попал осколок кривого зеркала из сказки о Снежной королеве...

Материнская любовь? Любовь к сыну и любовь сына? Даже тут судьба над ней

посмеялась: Илья, несомненно, был к ней очень привязан и даже любил по-своему, но он не умел этого выразить. Даже просто уговорить его на то, чтобы он обнял её, было нелегко и явно доставляло сыну физический дискомфорт. Бог подарил ей ребёнка, который неспособен был демонстрировать свою любовь.

И вот теперь с Тимкой... Лизе вдруг ненадолго показалось (глупо, должно быть), что это тот самый человек, который сможет полюбить её по-настоящему. Но самое-то удивительное — она *откликнулась* на это чувство и телом, и душой. И когда она доверилась и открылась, когда ей почудилось, что она оттаивает — вдруг получить такой удар...

Значит, Тимка был с ней не совсем честен, раз умолчал о своём браке. А может, он просто не планировал ничего, кроме лёгкого флирта или, быть может, даже секса? Короткий южный роман с подругой школьных лет — Лиза уедет и никто ни о чём не узнает...

Первым трусливым порывом было сбежать. Собрать вещи, отдать хозяйке ключи и — если повезёт — вернуть хотя бы половину денег за проживание, уплаченных вперёд. А затем взять Илью и рвануть на вокзал.

Но... Лиза видела, как изменился сын всего за несколько дней! Каким он стал свободным, раскованным, практически счастливым. Ему полезны морской воздух и вода. Срывать его с места и тащить домой, в пыльную загазованную Москву, только потому, что его мать сошла с ума? Эгоистично и глупо. Остаться в Крыму, но сменить адрес, чтобы Берендеев не смог их найти? Вряд ли она так легко подыщет свободное и недорогое жильё в разгар сезона.

Да, ей необходимо было откровенно поговорить с Тимкой, осталось только выбрать время. В конце концов Лиза решила, что встретится с ним завтра утром вместо сеанса массажа. Жаль было, конечно, бросать только начатое, Илье действительно стало значительно лучше после одного-единственного раза, а полный курс вообще сделал бы из него другого человека. Но нет, нет... она так не могла. Лучше уж найти другого специалиста.

Несмотря на то, что Лиза давно избавилась от розовых очков, против воли ею снова и снова овладевала глупенькая надежда: а может, это всё-таки ошибка? Вдруг у Тимки нет никакой жены? Может, он даже сам распускает эти слухи, чтобы особо любвеобильные клиентки не строили ему глазки... Ну а почему нет?

Она лежала на кровати, прислушиваясь к ровному дыханию спящего Ильи. Время перевалило за половину двенадцатого, но, несмотря на предыдущую бессонную ночь, сна у Лизы не было ни в одном глазу...

И вдруг раздался короткий и осторожный стук в окно.

81

Лиза сразу же поняла, кто был незванным ночным гостем, и сердце пустилось вскачь. Быстро встав с кровати, она на цыпочках подбежала к окну и приоткрыла раму.

— Лиза? — раздался негромкий Тимкин голос. — Можешь выйти ненадолго? Надо поговорить...

— Сейчас, — шепнула она, уже нашаривая одной ногой пляжный шлёпанец. Губы пересохли от волнения, ладони вспотели, и всё-таки где-то в глубине души взметнулась радость — от того, что он пришёл, от самого звука его голоса...

Лиза осторожно приоткрыла дверь и выскользнула на свежий воздух, тут же почувствовав, как крепкие сильные ладони обхватывают её плечи.

— Что случилось, Лизюкова, чёрт побери? — спросил он с недоумением. — У тебя весь день телефон выключен... Я и писал, и звонил... У тебя всё в порядке? А где Илья, как он?

Лиза почти не видела в ночи его лица и сейчас благодарила бога за эту кромешную тьму, иначе Берендеев рассмотрел бы её несчастные глаза.

— Скажи, а как твоя супруга относится к тому, что ты шляешься по ночам с другими женщинами по ресторанам и целуешься с ними под окнами?

Он отпустил её. С шумом выдохнул. Горько усмехнулся.

— Доложили уже...

Сердце сжалось. Так значит, это правда. Всё правда...

— Ну, во-первых, — начал он, — я не шляюсь с *другими женщинами*. Ты единственная, кого я пригласил поужинать и... кого поцеловал. Во-вторых... и это касается жены...

— Ну давай, скажи, что это не то, о чём я подумала! — злые слёзы уже подступали к глазам, и фраза прозвучала ехидно. — И что всё не так, как мне кажется. Что всё неоднозначно...

— Лиз... это действительно не то, чем кажется. Всё и правда неоднозначно, как бы тупо это ни звучало!

— Но ты женат?

— Я женат. Но...

Лиза истерически расхохоталась:

— Но с женой у вас нет никаких отношений, и ваш брак давно изжил себя, став простой формальностью?

Он отступил на шаг, беззащитный под её напором.

— Да, так и есть...

— Кто бы сомневался, — язвительно протянула она. — Скажи ещё, что она больна и ты не можешь от неё уйти, потому что тебя держит чувство долга...

— Можешь мне не верить, но это правда так! — почти закричал он.

— Господи, как глупо, — выдохнула Лиза разочарованно. — Я думала, ты умнее и придумаешь отмазку поубедительнее. Ты же пользуешься классическим шаблоном женатых мужчин, которые оправдывают свои походы налево...

— Ты мне всё-таки не веришь, — констатировал Берендеев.

— Извини, но — нет. Не верю и не хочу верить.

— Позволь мне хотя бы объяснить...

— Объяснить что? — перебила она.

— Что я к тебе чувствую, — сказал он тихо.

— Зачем, Тимка? Зачем... — голос предательски дрогнул и сорвался. — Ты даже не представляешь, как мне больно сейчас.

— Лизка... Глупая, бестолковая Лизюкова... думаешь, мне не больно? — его ладони снова легли ей на плечи, и она не нашла в себе сил отстраниться. Впрочем, он и не делал больше ничего недопустимого — просто приобнял. — Я же тебя столько лет любил. С тех самых пор, как мы познакомились.

Лиза задохнулась от этого откровения.

— Любил? Ты любил меня?!

— Сначала в школе и потом ещё несколько лет после выпуска...

— Почему ты никогда не говорил мне об этом?

— Ты бы не услышала, — он невесело усмехнулся. — А если бы и услышала — не поверила и не поняла бы... Тогда я был тебе не нужен. По крайней мере, не нужен как парень. Именно поэтому я и оставался просто другом. Это же лучше, чем ничего.

Лиза не выдержала, уткнулась лбом ему в грудь и наконец расплакалась.

— Идиот... ну какой же ты идиот... ведь если бы я знала раньше... если бы ты сказал мне... может, со мной не случилось бы всего того дерьма... и этого нелепого брака...

— Ты развелась с Тошиным? — спросил он глухо. Лиза кивнула.

— Конечно... давным-давно...

— Я не знал. Чёрт, я ничего не знал, потому что боялся искать о тебе любую информацию, мне просто очень хотелось... вылечиться от этой своей любви, понимаешь?

Он погладил её по волосам. Лиза отстранилась и взглянула ему в лицо, пытаясь рассмотреть в темноте его выражение.

— Вылечился?

— Я честно думал, что меня отпустило... а вот увидел тебя вчера — и как с катушек слетел. Даже не предполагал, что меня опять так резко накроет. Лиз, ты — самое лучшее, что было в моей жизни.

Она снова захлебнулась слезами.

— А... твоя жена?

— Мы учились вместе в институте. Она была мне хорошим другом — правда, так и не смогла стать *лучшим* другом... каким была для меня ты. Но мне казалось, что брак с ней — отличный способ окончательно тебя забыть и распрощаться с детскими иллюзиями.

— Она больна?

— Да, уже давно и, к сожалению, без надежды на восстановление. Если использовать медицинскую терминологию, то...

— Не надо, — Лиза закрыла ему губы ладонью. — Не надо подробностей. Не хочу чувствовать себя ещё больше виноватой перед ней.

Его пальцы до боли стиснули её плечи.

— Ты ни в чём не виновата, Лизка! Прекрати! Я просто дурак. Я действительно запутался и не знаю, что мне сейчас следует делать... но я не хочу, просто не могу тебя опять потерять, понимаешь? За эти единственные сутки я был счастлив так, как не был никогда в жизни...

— Ты не можешь оставить свою жену, — негромко и твёрдо напомнила Лиза. — Я знаю, что ты не подлец и не предатель. А значит... значит, это очень хорошо, что у нас не успело зайти слишком далеко. Нам просто не следует больше общаться, вот и всё. Тебя опять отпустит. И я... я тоже смогу всё забыть. Благо тут и забывать пока не так много придётся, — она усмехнулась, чувствуя всю неуместность своего смешка и горечь слёз на губах.

— Думаешь, это выход? — отвернувшись, спросил он.

— У тебя есть другие варианты?

Тимка промолчал.

— И вот ещё что... — давая понять, что разговор близится к логическому завершению, Лиза сделала шаг назад, увеличивая дистанцию между ними. — Может быть, ты порекомендуешь Илье какого-нибудь другого специалиста по массажу? Извини, но мы больше не сможем к тебе приходить.

— Глупости... да что за глупости ты несёшь, Лизюкова! — он почему-то страшно

разозлился. — При чём тут наши отношения и твой сын? Я сказал, что сделаю для него всё, что смогу, и я намереваюсь выполнить своё обещание.

— Но тогда я тебе заплачу, — твёрдо сказала Лиза. — Полную цену за все десять сеансов. И даже не возражай! Иначе ты больше не увидишь Илью у себя в кабинете.

— А ты... ты сама... не придёшь больше с ним вместе? — спросил он осторожно. Лиза покачала головой.

— Нет. Извини, не смогу. Я буду отправлять его к тебе и ждать снаружи. Так лучше для всех нас.

— Лучше... — повторил он с иронией. — Я не уверен, что хоть что-то для нас теперь будет “лучше”, я без тебя с ума схожу, ты мне нужна, понимаешь?

— Понимаю. Но я не смогу так... — Лиза сплотнула ком в горле. — Прятаться по углам... терзаться угрызениями совести... урвать немножко чужого счастья и затем спокойно уехать...

— Я знал. Догадывался, что ты не сможешь.

— Прости меня...

— Это ты прости. Не надо было всё это начинать. Просто... не справился с эмоциями.

Лиза переступила с ноги на ногу.

— Я пойду, Тимка, ладно? Тебе тоже пора домой.

— Мы с тобой больше не увидимся? — спросил он так тихо, что она едва расслышала.

— Полагаю, что нет.

— Это всё так глупо и так... неправильно...

Лиза вздохнула.

— В моей жизни всё глупо и неправильно, Берендеев. Я уже привыкла.

82

НАШИ ДНИ

Илья, сентябрь 2019

В четверг ко мне приезжает Рус со своим ноутбуком, чтобы я посмотрел, в чём там проблема. Мариши уже нет, она уехала на работу, но Рус всё равно замечает в квартире её вещи и похлопывает меня по плечу.

— Кажется, тебя можно поздравить? — в его голосе слышится нечто похожее на удивление, но я не уверен.

— Мы с Маришей теперь живём вместе, — на всякий случай поясняю я. Он издаёт протяжный свист.

— Ого, вот это скорость... Так ты теперь практически семейный чувак, а?

— Что ты вкладываешь в понятие “семейный”? — спрашиваю я.

— Ну, когда парень и девушка начинают жить вместе, они как бы репетируют свою будущую семейную жизнь. Я имею в виду брак, — объясняет он. — Или я слишком гоню коней? Понятно, что вы едва знакомы и ни о какой свадьбе речи пока не идёт, но...

— Я сделал ей предложение, — подтверждаю я. — Она сказала, что согласна, но ей нужно немного времени. Правда, она не уточнила, сколько именно...

— Вы меня поражаете, ребята, — он качает головой. — Неужто и правда такая сильная любовь? Вы же совсем не знаете друг друга.

— А любить можно только того, кого знаешь?

Рус некоторое время молчит, раздумывая над моим вопросом.

— Да чёрт его знает... На самом деле, пожалуй, ты прав — какая разница, как долго вы знакомы и насколько тщательно изучили биографии друг друга... Главное — вам хорошо вдвоём. Ведь хорошо же?

— Бывает по-разному. Вчера она была сердита на меня и даже кричала.

— Час от часу не легче... Что-то рановато вы начали ссориться.

— Меня это тоже беспокоит, — признаюсь я. Рус подмигивает.

— Ладно, давай поговорим... только сначала я сделаю себе кофе и какой-нибудь бутерброд, ага? Из дома выехал пораньше — специально, чтоб к тебе заскочить. Даже не успел позавтракать.

Вообще-то я не люблю, когда у меня в кухне хозяйничает кто-то посторонний, но Рус всегда тщательно моет за собой посуду и затем расставляет сдвинутые с мест предметы в прежнем порядке, так что это можно вынести.

— Мариша приготовила на завтрак сырники. Можешь съесть те, что остались, — говорю я. — Только сначала вымой руки.

— Есть, босс! — Рус скрывается в ванной.

83

— Ну, и что же у вас вчера произошло? — интересуется он, усевшись напротив меня за столом и принимаясь за сырники. — М-м-м, очень вкусно! Кажется, я теперь буду часто приезжать к тебе завтракать... расслабься, просто шучу, — Рус отхлёбывает глоток кофе. — Так почему вы поругались?

— Мариша передвинула мои вещи на полке в ванной. А ещё она поставила на кухонный стол некрасивую чашку и сказала, что это её любимая.

— Друг мой, ты позвал её жить с тобой вместе. Стало быть, Марина теперь тоже здесь хозяйка, пусть всего лишь наполовину, — Рус разводит руками. — Отныне она тоже имеет право приносить в ваше жилище те вещи, которые ей нравятся, даже если они не нравятся тебе. А что касается ванной... тебе нужно приделать для неё отдельную полку или даже целый шкафчик. У девочек обычно полно всяких косметических штучек, гораздо больше, чем у нас с тобой. Пена для ванны, всякие скрабики, гели, кремы, лосьоны, тоники и так далее.

— Я подумаю о дополнительной полке, — обещаю я.

— Что касается чашки... ты эту имеешь в виду? — Рус вертит в руках кружку Мариши. — Ну стрёмная конечно, слишком уж аляпистая, но в принципе, в чём проблема, чувак?

— Она здесь ни с чем не сочетается.

— Фигня вопрос. Закажи в интернете такую же или хотя бы похожую, и будет тебе комплект — твоя чашка и её. Пара.

Я снова задумываюсь. Две некрасивые чашки — это больше, чем одна некрасивая чашка. Но зато они действительно будут сочетаться друг с другом. Появится гармония.

— И вообще, Илья... — Рус вздыхает. — Всё это такие мелочи. Ну повысила Марина на тебя голос, ну психанула... И что? Ты теперь её ненавидишь?

— Нет. Конечно, я не ненавижу её. Она нужна мне, я её люблю.

— В таком случае тебе придётся постоянно идти на уступки, дружище. Вам обоим

придётся. Ну, при условии, что вы хотите прожить вместе долго и счастливо и умереть в один день от оргазма... — он улыбается.

— На самом деле, во время секса люди умирают не от оргазма, а от других проблем, — возражаю я. — Это может быть инфаркт, сердечная недостаточность или асфиксия от крепких объятий.

— Серьёзно? Я в шоке, — произносит Рус. — Моя жизнь никогда не станет прежней. Теперь я даже не смогу обнять девушку без страха, что задушу.

Подозреваю, что он шутит, потому что он продолжает улыбаться.

— Смерть во время секса — не такое уж частое явление, — говорю я. — Затраты энергии во время полового акта с постоянным партнёром соответствуют энергии, потраченной при лёгкой или умеренной физической нагрузке. Например, при быстрой ходьбе или подъёме на второй этаж. Во время любовной прелюдии пульс и артериальное давление лишь слегка повышаются. Самые высокие показатели — в те десять-пятнадцать секунд, когда мы испытываем оргазм, а после него показатели снова быстро приходят в норму.

— Обалдеть. Буду иметь в виду, — Рус отправляет в рот ещё один кусок сырника.

— А вот у женщин возрастает риск острой гипертонии, потому что в кровь выбрасываются большие дозы адреналина... Но это лишь в том случае, если она испытывает не один оргазм, а множественные.

Рус сгибается пополам и ржёт в голос.

— Ну, я надеюсь, что ты пощадишь свою девушку, секс-гигант? Или всё-таки умотал её сегодня ночью множественными оргазмами во время примирения?

— Нет, нет, — отзываюсь я. — Сегодня мы не занимались сексом, потому что у Мариши началась менструация.

— О боже, — Рус давится сырником и принимается кашлять. Я резко стучу основанием ладони между его лопатками — ровно пять раз. Вскоре ему становится легче.

— Илья, совет на будущее, — произносит он, слегка отдышавшись, — не откровенничай с другими об интимных делах, касающихся твоей девушки. Я-то ладно, я твой друг и знаю о тебе практически всё, но с посторонними... Поверь, если бы Марина оказалась сейчас здесь, ей было бы очень неловко.

— Почему? Это что-то неприличное?

— Нет, просто не то, о чём говорят при всех. Как не обсуждают, к примеру, утренний стояк или мастурбацию.

Не очень улавливаю связь между мастурбацией и менструацией, но всё-таки верю Русу. Я привык ему верить. Он всегда доходчиво и чётко расставляет для меня всё по полочкам, находит наиболее понятные и убедительные слова.

Прощаясь, Рус говорит напоследок:

— Держись, братан. На самом деле, вы с Маринкой большие молодцы, я искренне желаю вам счастья... Но в то же время знаю, что будет очень и очень нелегко. Особенно тебе.

— Почему?

— Да потому что! Когда пара начинает жить вместе, наружу сразу вылезает куча бытовых проблем, о которых до этого никто даже не подозревал... Это касается и обычных людей, что уж говорить о таких, как ты. Самое паршивое, что в вашей ситуации все будут

жалеть исключительно Марину. Но никто, кроме твоей матери и, пожалуй, меня, не поймёт, насколько это трудно тебе! Кстати, как мама отреагировала на... всё это?

— Сказала, что заедет завтра вечером, чтобы познакомиться с Маришей.

— Познакомиться? — Рус приподнимает бровь. — А разве они не...

— Что?

— Да нет... ничего. Забудь. Что ж... уверен, вы и с этим справитесь.

Мне кажется, что в его голосе звучит обеспокоенность, но возможно, я ошибаюсь.

— Всё будет хорошо, — твёрдо произносит Рус, натягивая свои байкерские перчатки. —

Желаю вам всем удачи!

84

НАШИ ДНИ

Лиза, сентябрь 2019

Едва распахнулась дверь, как Лиза сразу же сообразила, что является незваной гостьей: заведя её на пороге, Марина вытаращила глаза в неподдельном удивлении. Разумеется, Лиза заранее предупредила сына о визите, но, судя по всему, он не счёл нужным или просто забыл поставить в известность свою девушку. Это было вполне в его духе.

— Добрый вечер, — слегка запнувшись, Лиза всё-таки справилась с собой и поздоровалась первой. Марина ошеломлённо кивнула:

— Добрый...

— Илья что, не сказал вам, что я приду?

— Н-нет.

— В таком случае прошу извинить за это неожиданное вторжение, — чтобы сгладить неловкость момента, Лиза протянула девушке коробку: в ней были любимые Ильёй профитроли с творожным кремом. — К чаю, — добавила она зачем-то и почувствовала себя ещё более глупо от этого ненужного пояснения — как будто девушка Ильи была настолько глупа, что могла подать профитроли к борщу или салату.

— Проходите, — Марина потихоньку справилась с собой и кивнула в сторону комнаты. — Я пойду... пойду чайник поставлю, — и громко крикнула:

— Илья! У нас гости.

Умная девочка... Лиза едва заметно усмехнулась, отметив это многозначительное и явно не случайное “у нас”, которое чётко устанавливало рамки дозволенного. У Ильи с Маришей — дом, Лиза — у них в гостях и должна знать своё место. Впрочем, нельзя было сказать, что Лизу отталкивала эта решительность. Скорее уж наоборот — импонировала. Марина намерена сражаться за место под солнцем — то есть рядом с Ильёй, пусть даже сражаться придётся с его матерью... это говорит как минимум о том, что у девушки действительно чувства. Что ей это действительно важно. Понять бы ещё, почему...

— Что ж ты не предупредил Марину о моём приезде? — мягко пожурила сына Лиза, целуя его в щёку. Илья искренне удивился.

— Зачем? Я ведь знал. Этого достаточно.

— Нет, не достаточно, — она уселась на диван и вздохнула. — Вспомни, ведь ты сам терпеть не можешь неожиданных встреч и визитов без предупреждения. Ты привык чётко всё планировать. А теперь представь, каково сейчас Марине? Она совершенно не ожидала моего

появления. Может быть, у неё были другие планы на вечер.

Илья задумался, размышляя над сказанным.

— Полагаешь, ей может быть... некомфортно? — уточнил он наконец. Лиза кивнула.

— Ну конечно. Ты постоянно забываешь о том, что другие люди могут испытывать отличные от твоих эмоции... и в данный момент ты поставил свою девушку в неловкое положение. Да и меня тоже, потому что я теперь чувствую себя навязчивой.

Тем временем Мариша тоже вошла в комнату и, кинув быстрый взгляд на Илью, уселась в кресло напротив Лизы.

— Значит, вы мама Ильи... — сказала она, слегка улыбнувшись — так, что эта полуулыбка была заметна только самой Лизе, но не её сыну. — А как мне вас называть? Вы ведь не представились... Меня, кстати, зовут Марина, и ко мне можно на “ты”.

Вот как. Лиза окинула девушку сына пристальным и внимательным взглядом. Стало быть, Марина хочет сделать вид, что их встречи несколько дней назад просто не было... Что ж, отлично.

Она с радостью приняла правила игры и тоже серьёзно представилась:

— Лиза. Лучше без отчества и на “вы”.

— Вы какой чай пьёте? — любезно спросила Марина. На этот вопрос немедленно ответил Илья:

— Мама любит чёрный чай с мятой и без сахара, зато со сладостями, конфетами или выпечкой.

— Ну, раз ты такой умный, — повернулась к нему Лиза, — то иди-ка, дружок, сам завари мне мой любимый чай, пожалуйста... А мы пока с Мариной поговорим.

— О чём поговорите?

— Это наши женские дела, — она покачала головой. — Тебе о них знать совершенно необязательно.

Илья послушно направился в сторону кухни.

85

Некоторое время Лиза и Марина сидели молча.

— Почему ты не выдала меня? — спросила наконец Лиза. — Почему не рассказала Илье о том, что мы уже встречались, что я приходила и разговаривала с тобой?

Марина передёрнула плечами.

— А что мне это дало бы? В лучшем случае ничего, в худшем — просто всех рассорило бы. Илья любит вас, а я не хочу послужить причиной возможного охлаждения между вами. А ещё не хочу сразу же портить отношения с мамой своего молодого человека. Мне кажется, мы в принципе могли бы нормально общаться... несмотря на ваше предубеждение против меня, — запнувшись, закончила она.

— Я была резка с тобой тогда, — признала Лиза. — Это всё от страха: за Илью, за его судьбу, его будущее...

— Я понимаю, — задумчиво кивнула Марина. — Очень хорошо понимаю. Вы тревожитесь за сына. К тому же после его неудачного предыдущего опыта...

Лиза поморщилась.

— Ох, даже вспоминать об этом не хочу. Во многом это была моя вина... Недоглядела.

— Как же вы позволили этой самой Алёне подобраться к нему так близко? Неужели не почувствовали фальши, не уловили сигналов опасности?

— Я просто по-глупому обрадовалась, — призналась Лиза, опуская голову. — Это была его первая девушка. Честно говоря, иногда я опасалась, что он так и останется один. У Ильи явные проблемы с общением, ты и сама это знаешь. Особенно с противоположным полом, ему просто не хватает опыта. При этом, как ни странно, на него всегда обращали внимание девочки, но Илья шарахался от них как чёрт от ладана. Ему это казалось странным и непривычным. И тут вдруг появилась эта Алёна, — Лиза глубоко вздохнула. — Яркая, дерзкая, уверенная в себе... Она так быстро взяла его в оборот, что никто и опомниться не успел. А я мысленно перекрестилась: ну слава богу, хоть какая-то подружка появилась. Я и подумать не могла, что Алёна его просто использует...

Она немного помолчала.

— Для Ильи это стало весьма болезненным ударом. Но и для меня тоже! Я казнила себя за то, что позволила ей слишком глубоко проникнуть в его жизнь. Прозрение далось нам всем очень тяжело. Я даже подумала тогда, что лучше бы он так и оставался один, чем вот это всё...

— И поэтому, — подхватила Марина, — едва узнав обо мне, вы попытались заблаговременно от меня избавиться, чтобы та история не повторилась.

— Я переживала за него, — тихо ответила Лиза. — Знаю, что повела себя с тобой ужасно бестактно и даже грубо, но... я очень его люблю, — закончила она почти

шёпотом. — И по-прежнему так сильно боюсь за него! Не меньше, чем в детстве. А может быть, сейчас даже больше. Илья такой уязвимый временами... хотя он постоянно пытается мне доказать, что вполне самостоятелен и может принимать независимые решения.

— Да, Илья очень уязвим, — вынуждена была согласиться Марина. — Мне иногда страшно обидеть его ненароком, напугать... Порой он так остро реагирует на какие-нибудь пустяковые мелочи, не стоящие внимания, но не придаёт значения по-настоящему важным вещам. Я постоянно пытаюсь увидеть мир его глазами, чтобы лучше понимать, но это так трудно...

— Я знаю, — Лиза взглянула на неё чуть ли не с состраданием. — Поэтому и пыталась предостеречь тебя.

— Мне очень дорог ваш сын, — сказала Марина, смутившись. — Просто хочу, чтобы вы это знали. И даже если у нас с ним ничего не получится... поверьте, я очень стараюсь. Я его люблю.

— Как давно вы с ним знакомы? — любопытствовала Лиза.

— Хотела бы соврать, но рискну и скажу вам правду: сегодня ровно неделя.

Лиза отшатнулась.

— Всего неделя?! И вы уже решили жить вместе? Но почему... почему так быстро?

— Илья предложил, а я согласилась, — спокойно объяснила Мариша. — Я ему доверилась, вот и всё. Почувствовала в нём что-то особенное, близкое мне, с самой первой встречи. Хотя ещё некоторое время уговаривала себя, что у меня к нему просто нейтральный дружеский интерес без всякого флёра влюблённости.

— Он тобой тоже очень дорожит, — Лиза улыбнулась. — Я вижу это, чувствую... Но ты должна отдавать себе отчёт: вам вдвоём будет очень и очень непросто. Особенно в быту, в тех самых мелочах, о которых ты упоминала. Илью может раздражать даже сущая ерунда.

— О, я знаю, — Марина кивнула и, не выдержав, расхохоталась. — К примеру, я неплотно завинчиваю колпачок от зубной пасты и неправильно выдавливаю саму пасту из тюбика: нужно это делать снизу, а не с середины. Ещё я не всегда сразу мою после себя чашку, а просто ставлю её в мойку. Иногда оставляю волосы на расчёске, слишком громко слушаю музыку, забываю выключать свет в ванной или кухне, не мою сырые яйца с мылом перед тем, как варить или жарить...

— Достаточно, достаточно! — Лиза со смехом замахала руками. — Узнаю своего зануду-сына! И как ты на всё это реагируешь?

— Вроде справляюсь, — неопределённо пожала плечами Марина, — до серьёзных скандалов у нас с ним пока не дошло. А там видно будет...

Лиза не стала надолго обременять их своим присутствием. Выпила чаю и съела одно пирожное, по просьбе Марины рассказала несколько забавных случаев из детства Ильи.

— Я ведь планировала отдать его в спецшколу для одарённых детей, — вспомнила она. — Илюшка в целом был умненьким, много читал, хорошо считал, отличался прекрасной памятью... Но для того, чтобы его приняли, нужно было пройти собеседование у директрисы. Вот мы с ним, значит, явились к назначенному времени к ней в кабинет... Директриса показала на стол, накрытый плотной тканью, стянула её и, ткнув пальцем, приказала Илье: “Смотри!” Под тканью оказалась груда какого-то хлама — игрушки, книги, другие предметы... Любому другому человеку было бы понятно, что нужно рассматривать эти предметы, стараясь запомнить как можно больше из них. Но Илья воспринял приказ

буквально: целую минуту он просто пялился в одну точку, стараясь не моргать.

— Я стремился хорошо и качественно выполнить то, что она мне сказала, — вмешался Илья. — Она же не велела запоминать, только смотреть!

Марина засмеялась в голос.

— Ну, в общем, выгнали нас с этого собеседования с позором, — завершила историю Лиза, тоже смеясь.

— А у вас есть его детские фотографии? — с живейшим интересом спросила Марина. — Я спрашивала у Ильи — он говорит, что в этой квартире у него нет никаких фото. А я очень хотела бы посмотреть, какой он был маленький...

— Конечно есть! — Лиза радостно закивала. — Илья не очень-то любил фотографироваться в детстве, да и сейчас не могу сказать, что любит, но какие-то его снимки в старых альбомах остались. Из детского сада, с утренников, из школы... Я принесу показать в следующий раз. Или сами заезжайте вместе с Ильёй... Хотя его сложно заманить в гости. Если хочешь, приезжай одна! — радушно предложила вдруг Лиза.

— Да ну... — смутилась Марина. — Как-то неудобно.

— Чего неудобного? Я обычно всегда дома после семи. Давай, я оставлю тебе свой адрес и номер телефона. Ну, а мало ли... вдруг захочешь пообщаться, — улыбнулась она.

— Спасибо, — Марина тоже улыбнулась в ответ. — С большим удовольствием.

86

НАШИ ДНИ

Марина, октябрь 2019

С того дня, как мы начали жить вместе, прошёл уже целый месяц.

Порой мне кажется, что я знаю Илью много лет. Я ещё ни разу не пожалела о своём решении, но это не значит, что в нашей совместной жизни всё проходит гладко и легко. Иногда мы обижаемся друг на друга и даже не на шутку ссоримся.

Оказывается, у Ильи в характере есть такая неприятная черта, как вспыльчивость. Он может взорваться по совершенно незначительному, на мой взгляд, поводу. Подгорело блюдо, не на своём месте его записная книжка, пропала закладка из книги... Но больше всего его бесит, когда срываются или меняются планы. Илья признался мне, что в такие моменты он и сам понимает, что ведёт себя просто отвратительно, но неспособен никак на это повлиять.

Но это, конечно же, мелочи. Всего лишь притирка, естественная для всех пар без исключения. Плюсов совместного проживания однозначно больше!

Я обожаю возвращаться домой, зная, что Илья ждёт меня. Обычно по пути я заскакиваю в кондитерскую и покупаю его любимые пирожные, а он, дожидаясь моего появления, нередко готовит нам на ужин что-нибудь вкусное — в плане кулинарного мастерства Илья намного меня превосходит, я давно с этим смирилась.

И если в быту у нас до сих пор случаются кое-какие трудности, то в плане интима всё просто великолепно. Даже страшно сглазить... Больше всего я боялась, что у нас возникнут сложности с сексом — а оказалось, если люди умеют договариваться, проблем не возникает вовсе.

Поначалу я ещё немного смущалась, открыто заявляя о своих желаниях, но теперь сама с

азартом вдохновляю Илью на подвиги, позволяя ему сделать приятное мне и доставляя ему удовольствие. Ему не нравятся слишком громкие звуки, поэтому стоны и крики приходится сдерживать. А ещё нежность и еле уловимые касания — точно не для него, но с этим можно смириться, потому что, не принимая эту нежность *сам*, Илья с готовностью дарит её *мне*, если я попрошу. В итоге каждый получает то, что хочет — без всяких стыдливых недомолвок и чувства зудящей неудовлетворённости. Ну, а чистка зубов и душ до и после занятий любовью — не такая уже невыполнимая повинность. Наоборот, я стала находить в этом свою прелесть: приятно вдыхать запах идеально чистого тела и свежего дыхания.

Порой случаются забавные ситуации. Например, однажды я объяснила Илье, что без эмоциональной близости перед сексом не всегда возникает желание переходить к активным действиям. Можно поначалу просто пообниматься, сказать друг другу что-нибудь приятное... и в тот же вечер во время сексуальной прелюдии Илья добросовестно выдал мне комплимент:

— Ты восхитительно приготовила омлет сегодня утром!

Я смеялась так, что чуть не свалилась с кровати...

Иногда к нам заезжают Лёлька с Русом — обычно по пятницам, в преддверии выходных. Мы заказываем пиццу или роллы и весь вечер дружно смотрим какой-нибудь сериал. Иногда просмотр затягивается чуть ли не до утра... Правда, Илья не особо приветствует нарушение привычного режима сна, но если сериал его по-настоящему захватывает — вполне может проглотить с нами за ночь целый сезон.

Парни пьют пиво, а мы с Лёлькой — вино или глинтвейн. Впрочем, вполне можно обойтись и без алкоголя, всё зависит от настроения. В последнее время мы подсели на сериал “Хороший доктор”* — главный герой поразительно напоминает нам Илью... возможно потому, что он тоже аутист.

— Мне очень нравится Шон, — заявила Лёлька, едва мы закончили смотреть первую серию. — Такой лапочка. Но, по-моему, наш Илюха куда симпатичнее и милее!

— Однозначно, — я обняла Илью и поцеловала его в щёку, пользуясь тем, что когда он чуть-чуть выпьет — становится более терпимым к подобным телячьим нежностям.

— А вообще, как ты оцениваешь игру актёра? — подруга с любопытством взглянула на Илью. — Это действительно изображено похоже? Так, как на самом деле? Вы и правда вот так всё чувствуете и воспринимаете?

— Я не знаю, — уклончиво отозвался Илья. Похоже, он ощущал себя не в своей тарелке от подобного сравнения. — К тому же Шон не аспи, у него синдром саванта**, это немного другое.

— Тебе не понравилось? — удивилась я. — Мне казалось, тебе было бы интересно посмотреть что-нибудь про такого же, как ты.

— Мне очень нравится медицинская часть сериала, — ответил он. — А в остальном... Не понимаю, почему Шон должен как-то особо мне нравиться. Всё, что происходит в сериале — это его, а не моя история. Он не представляет собой всех аутистов в мире, потому что мы не похожи друг на друга. Например, один-единственный нейротипик не даёт представление обо всех нейротипичных людях. Нельзя делать выводы обо всех парнях по Русу, а обо всех девушках — по Марише. Все разные.

*“Хороший доктор” (англ. *The Good Doctor*) — американский телесериал в жанре медицинской драмы. Первый сезон стартовал в 2017 году. Главный герой сериала — молодой хирург Шон Мёрфи, у которого диагностирован аутизм и синдром саванта. Он использует свой врождённый талант для того, чтобы спасти жизни пациентов и бросить вызов скептицизму коллег и окружающего мира.

**Синдром саванта, или савантизм (от фр. *savant* — “учёный”) — состояние, при котором лица с отклонениями в развитии (в том числе аутистического характера) имеют “остров гениальности” — выдающиеся способности в одной или нескольких областях знаний, контрастирующие с общей ограниченностью личности. Феномен может быть обусловлен генетически или же приобретён. Состояние впервые описано Джоном Лэнгдоном Дауном в 1887 году под термином “*idiot savant*” (от фр. — “учёный идиот”).

87

На работе все отмечают, что я похорошела и даже похудела. Петька-водитель уже насплетничал, что я больше не живу по своему старому адресу, и, конечно же, все сделали определённые выводы. Коллеги то и дело пытаются раскрутить меня на откровенный разговор — кто же он, мой прекрасный принц?

— Честно говоря, раньше я подозревала, что у вас роман с Руденским, — призналась мне однажды пиарщица Катя. — Переживала за тебя. Ты совсем ещё девчонка, не обижайся, Маришка, но... ты с таким восторгом заглядывала ему в рот и ловила каждое слово, что мне было страшно. Думала — влюбишься, глупая, а потом слёзы лить будешь... Так что я очень рада, что ошибалась на ваш с ним счёт.

Я тогда лишь промычала в ответ что-то маловразумительное.

Что касается Карика, то он больше не преследует меня и не пристаёт с разговорами о чувствах. Изредка я ловлю на себе его тяжёлый давящий взгляд, поэтому всё равно стараюсь лишний раз не задерживаться на работе, когда там Руденский. Он всё так же часто выходит в ночную смену прямо перед моей утренней передачей, поэтому, чтобы не пересечься с ним ненароком, я стараюсь заходить в студию не одна, а вместе со своими гостями. Я по-прежнему уважаю его как профессионала, но как с женщиной и даже просто как с другом больше не желаю иметь ничего общего.

С мамой Ильи отношения складываются прекрасные — не покривлю душой, если скажу, что по-настоящему дружеские. Пару раз я заезжала к ней в гости, однажды она сама привезла нам с Ильёй персиковый пирог, но в целом она не навязывается, всё наше общение в основном проходит по ватсапу. Мы переписываемся с ней, как закадычные подружки, шлём друг другу приколы и шуточки, иногда беззлобно стебём Илью и перемываем ему косточки и обе при этом ржём, как дуры.

Мои родители — единственные, кто не воспринимает всерьёз произошедшую со мной перемену. Они словно затаились в ожидании, что я перебежусь, наиграюсь и вот-вот насовсем вернусь в свою нежную девичью комнатку. Каждый мой визит проходит под безмолвно витающим в воздухе знаком вопроса: “Когда же ты возвратишься домой?”

Родители горят желанием познакомиться с Ильёй, но я боюсь их встречи и оттягиваю этот момент как могу. Мне страшно именно потому, что они до сих не приняли наши отношения, считая их блажью, а Илью — совершенно неподходящей для меня партией. Возможно, личная встреча изменила бы их мнение в лучшую сторону... а может, как раз наоборот, и это меня заранее пугает.

Я уже не представляю, как можно засыпать, не обняв при этом Илью и не уткнувшись носом ему в затылок. Обожаю рассматривать татуировку на его плече, изображающую маленького одинокого человечка на земном шаре...

— Ты чувствуешь себя одиноким? — интересуюсь я.

— Иногда. Но я не страдаю от одиночества. Мне хорошо одному.

— Вот спасибо, — притворно надуваюсь я, хотя прекрасно понимаю, что он имеет в виду — вовсе не то, что я ему надоела.

— Я опять сказал что-то не то? — спрашивает он с беспокойством.

— Всё хорошо, расслабься. Я просто пошутила.

— Ты точно не обиделась?

— Да нет же, с чего ты взял?

— Мне очень трудно распознавать эмоции.

— Тебя это расстраивает?

— Да, потому что я не могу реагировать правильно — так, как все от меня ждут. Хотя это не моя вина, у меня просто дефицит зеркальных нейронов. Нужно постоянно повышать уровень своего EQ*.

— Ай кью? — неуверенно переспрашиваю я.

— Нет, нет, это не про умственный, а про эмоциональный интеллект.

— А бывает такой? — удивляюсь я.

— Конечно.

— И что, его можно повесить?

— Да, это помогает развивать эмпатию. Есть теория об основных базовых эмоциях, присущих людям. У каждой эмоции есть своё характерное мимическое выражение. Необходимо оттачивать навык их распознавания... я занимался с психологом несколько лет назад, она меня и научила.

Мы можем долго лежать в кровати, держаться за руки и разговаривать в темноте. И я при этом чувствую себя самой влюблённой и самой счастливой на свете...

А в конце нашего первого совместного месяца у Ильи случается срыв.

*EQ (от англ. "emotional quotient") — эмоциональный коэффициент.

Позже, анализируя ситуацию, я пришла к выводу, что просто недооценила степень инопланетности Ильи и потому оказалась совершенно не готова к случившемуся. Да, его странности привлекали внимание с первого взгляда, невозможно было не заметить, что он чем-то отличается от остальных, то есть от "нейротипичных", но при этом совместное проживание с Ильёй меня как-то расслабило. Я почему-то решила, что не так уж и велики его проблемы. Банально забыла о том, что обычные, незначительные, привычные для меня вещи могут стать критической точкой для человека с расстройством аутистического спектра.

Илья не просто был "инопланетянином". Он совершенно иначе видел и чувствовал этот мир, причём с самого детства. Подобно любому другому ребёнку, Илья пытался изучить всё, что его окружает, и постоянно обжигался о действительность, потому что был сверхчувствительным. Свет ему казался слишком ярким, звуки слишком громкими — как

будто включили колонки на полную мощность, а большинство прикосновений доставляли довольно болезненные и неприятные ощущения.

— Я чувствовал себя абсолютно незащищённым перед внешним миром, — сказал мне как-то Илья, — но года в три продумал собственную систему защиты: чтобы меньше чувствовать, видеть и слышать.

— Ты построил стенку и спрятался за ней? — пошутила я, на что он серьёзно кивнул:

— Да, очень похоже...

Перфекционизм Ильи, его педантичность и даже занудство были обусловлены одним-единственным фактором: стремлением держать всё под контролем из-за повышенной тревожности. Он знал точное количество шагов из спальни в ванную, а из ванной — в кухню. Помнил, за сколько минут вскипает вода в чайнике, а за сколько — в кастрюле. Вставал в одно и то же время, секунда в секунду, на протяжении многих лет. Продумывал и планировал предстоящие маршруты чуть ли не до миллиметра. Постоянно считал ступеньки, этажи, двери, окна, деревья, остановки... Таким образом он просто пытался побороть волнение и страх. Перед тем как выйти из дома, Илье нужно было ясно представить, какой дорогой он пойдёт, какие ощущения будет испытывать в процессе, что с ним может случиться. Он старался ходить и ездить одними и теми же маршрутами, потому что это давало возможность сохранить силы, затраченные на восприятие новой среды, для каких-то более важных задач.

В тот день стресс начал накапливаться уже с утра, а к вечеру уровень тревожности Ильи буквально зашкаливал. Жаль, что я не сразу это поняла...

За завтраком разбилась тарелка. Отчасти по моей вине: я поставила её на самый край стола, а Илья, не заметив, нечаянно смахнул её на пол. И хотя я быстро убрала осколки и устранила последствия досадной неприятности, Илью это ужасно расстроило. Он несколько раз повторил, что это был комплект из четырёх одинаковых тарелок, а теперь их осталось только три, нечётное количество, и ему очень это не нравится. Я опаздывала на работу, поэтому его занудство в этот раз вызвало сильное раздражение.

— Господи, да перестань ты, ну подумаешь — ерунда какая, тарелку грохнули! — воскликнула я на эмоциях. — Нельзя придавать такое значение пустякам.

Он молча проглотил это и тоже пошёл собираться. Сегодня ему необходимо было появиться в офисе — несмотря на то, что Илья работал по удалёнке, время от времени он должен был показываться на тренингах “g2g”*.

Я волновалась о том, чтобы успеть на радио вовремя, поэтому совершенно не задумывалась, каково сейчас Илье. А ведь ему предстояло несколько часов непосредственного общения с большим количеством людей, он заранее был напряжён и сильно нервничал. Но я не уловила, не почувствовала этого и не сумела его поддержать...

Вечером, когда я вернулась домой, то по своей легкомысленности не заметила в поведении Ильи ничего странного, разве что спиннер вращался в его руках гораздо быстрее и хаотичнее обычного. Мне стоило бы догадаться, что Илья на взводе и очень устал за день, но моя голова была занята другим. Я даже не спросила его, как прошло собрание в офисе — раз он сам мне не сказал, значит, всё хорошо.

— Кстати, только что вспомнила! — воскликнула я. — Сегодня ведь ровно месяц, как мы с тобой стали жить вместе! Не считаешь, что это следует отметить?

— Отметить что? — не понял Илья. — Месяц совместного проживания?

— Ну да.

— Почему месяц — это так важно?

— Просто первая маленькая, но всё равно значимая дата. Своеобразный рубеж, который мы преодолели.

— А почему мы не отмечали две недели совместного проживания? Или двадцать восемь дней? Или семнадцать?

— Илья, не будь занудой, — поморщилась я. — Надо сбегать в магазин, купить какой-нибудь торт и шампанское... Пойдём?

— А мне обязательно идти вместе с тобой? — осторожно спросил он.

Я надула губы:

— Ну, вообще-то это *наш* праздник.

Как я корила себя позже за эти слова! За своё глупое, эгоистичное и инфантильное желание пойти в магазин с ним вместе... А ведь мне было прекрасно известно, что Илья ненавидит всё это. Незапланированные социальные столкновения с чужими людьми были неприятны ему на физическом уровне. Он всегда выбирал автоматическую систему, заказ онлайн, доставку или что-то в этом духе, лишь бы поменьше контактировать с незнакомцами, будь то продавцы или, к примеру, официанты.

**g2g (googler to googler) — буквально “от гуглера к гуглеру”. Это система тренингов, принятая в компании “Google” для того, чтобы коллеги делились друг с другом своими знаниями и опытом, учились и развивались. Тренинги включают учебные курсы, наставничество, разработку материалов, а также неформальное общение: к примеру, каждую пятницу сотрудники “Google Россия” собираются на собрания, где они едят и общаются за бокалом вина или пива, представляют новых сотрудников и делятся профессиональными достижениями за неделю (например, запуск нового продукта).*

89

Не успели мы дойти до ближайшего мини-маркета, как Илья вдруг остановился и в панике воскликнул:

— Я оставил дома свой спиннер!

В его глазах плескался настоящий ужас.

— Ну не возвращаться же за ним... — я с досадой поморщилась. — Тут дел-то на десять минут, закупимся и пойдём домой.

— Мне нужен мой спиннер, — упрямо повторил он. — Я без него не могу.

— Да всё ты прекрасно можешь, что за детский сад! — я со смехом взяла его под руку. — Мы же вместе, ничего страшного не случится. Идём!

В магазине я сразу же схватила шампанское, а вот перед прилавком с готовыми тортами вышла заминка.

— Только не кокосовый, не фисташковый и не шоколадный, — сразу же категорично заявил Илья. — Я их не люблю.

В итоге мы остановились на йогуртовом торте с клубникой и направились с покупками к кассе.

И дёрнул же чёрт Илью проверить сумму на выданном нам чеке...

— Вы пробили неправильную сумму, — сообщил он кассирше. — Этот торт стоит

пятьсот семьдесят рублей, так указано в торговом зале на ценнике. В чеке же цена шестьсот двадцать. Это ошибка.

— Никакой ошибки нет, — с ленцой, даже с некоторым пренебрежением возразила кассирша. — Постоянная цена этого торта — шестьсот двадцать рублей ровно. Несколько дней можно было приобрести его по акции со скидкой, но сейчас сроки акции уже истекли.

— В таком случае вы должны были заменить ценник на прилавке, — сказал Илья. — Вы вводите людей в заблуждение.

— Никого мы не вводим! Вон, читать умеете? — она ткнула наманикюренным ноготком вверх, указывая на красочный рекламный плакат над её головой. — Там русским по белому написано, до какого числа скидка.

— Вы должны были заменить ценник на прилавке, — настойчиво повторил Илья, нервно дёрнув себя за прядь волос. — Иначе получается обман покупателей.

— Вообще-то он прав, — вмещалась я, хотя терпеть не могла все эти публичные разборки. Но тут мне реально стало обидно — пусть разница в цене всего пятьдесят рублей, но почему нас держат за дураков?

— В чём прав? — кассирша неприязненно скривила лицо. — Если вы не заметили рекламу, это не наши проблемы.

— Как раз таки ваши. Вы обязаны были своевременно заменить ценник, поскольку акционное предложение уже сутки неактуально.

— Ну, не успели убрать...

— Это не оправдание! — возмутилась я. — Вы должны вернуть нам разницу в цене.

— Ой, да держите вы свои миллионы, — она чуть ли не с презрением швырнула на кассовое блюдце пять десятирублёвых монет и тихо, но явственно пробормотала себе под нос:

— За копейку ведь удавятся...

— А вот это уже хамство, — заметила я, стараясь держать себя в руках. — Вы вынуждаете меня потребовать книгу жалоб и предложений, чтобы я черкнула там пару строк о вашей своеобразной манере общения с покупателями, а также обратиться к руководству магазина. Либо вы немедленно перед нами извинитесь.

— Люд, лучше и правда извинись, — испуганно сказала девушка на соседней кассе. — А то сейчас начнётся...

“Наша” кассирша поджала губы в тонкую полосочку, несколько секунд собираясь с духом, а затем нехотя выдавила довольно вызывающим тоном:

— Извиняюсь!

За искреннее раскаяние это можно было принять с большой натяжкой, но мне не хотелось и дальше вариться во всём этом негативе и ничем не обоснованном высокомерии.

Я демонстративно пересчитала монетки, собрав их с блюдца, убрала в кошелек и кивнула Илье:

— Пойдём.

— Нет, нет, — он замотал головой. — Они должны заменить ценник прямо сейчас. В зале находятся люди, старая цена может ввести их в заблуждение, как и нас.

— Да заменим, заменим, идите уже! — Люда махнула рукой. — И без вас разберёмся...

— Я не уйду, — Илья нервно схватился за пуговицы на своей рубашке. — Я должен проконтролировать процесс.

— Вы совсем неадекватный, да? — осведомилась кассирша ехидно. — С какой это

статье вы будете нас контролировать? Вы кто — ревизор?

— Не надо грубить, — снова вмешалась я. — И да, вам лучше сделать то, что он сказал.

Но тут на сторону кассирши неожиданно встали люди из очереди.

— Да что вы бучу подняли! — зашумели они. — Раздули проблему из ничего... только задерживаете всех. Парень, тебе что, больше всех надо? Вернули вам деньги — вот и дуйте домой, ценник как-нибудь без вас заменят.

Илья снова с силой дёрнул себя за волосы.

— Я не уйду. Не уйду. Не уйду!!!

— Успокойся, — быстро сказала я, беря его за руку. — Пойдём домой, Илья. Они и правда сами тут разберутся.

Он резко вырвал свою руку из моей и, отчаянно мотая головой, выкрикнул:

— Я сказал, что никуда сейчас не пойду! Я не уйду до тех пор, пока они не заменят ценник!

— Да он какой-то ненормальный. Припадочный, — громко заметил кто-то из очереди. — Не видите, что ли? Похоже, эпилептик...

— Девушка, вы с ним? — спросили у меня. — Уведите его отсюда поскорее, пока он на людей бросаться не начал.

— Да что вы несёте? — чуть не плача, воскликнула я, пытаюсь утихомирить Илью, одновременно готовая провалиться сквозь пол от неловкости, потому что на нас теперь тарасились абсолютно все. Даже из глубины магазина подтягивались любопытные покупатели, привлечённые звуками скандала.

— А чего? Он же у вас буйный, это очевидно... Как вы вообще позволяете ему ходить в магазины? Он же может разбить что-нибудь, сломать или украсть...

— Вы спятили?! — всё казалось каким-то сюрсом, я отказывалась верить, что это происходит сейчас со мной на самом деле.

Илья несколько раз с силой ударил кулаком по стене.

— Я никогда ничего не краду! Это магазин пытается обокрасть своих покупателей, одурачивая их неверной устаревшей ценой. Я — никогда — ничего — не краду!

— Илья, пожалуйста... — я практически повисла на нём, пытаюсь силой увести из этого проклятого места. — Послушай меня, ну пожалуйста! Успокойся! Тебе просто нужно успокоиться...

— Нет, мне нужно, чтобы они заменили ценник! Чтобы они заменили ценник! Чтобы они заменили ценник! — он тяжело дышал и трясся всем телом.

— Илья! — закричала я изо всех сил, хотя этого делать было категорически нельзя, громкие звуки пугали его ещё больше. — Замолчи!!! Успокойся!!! Немедленно! Я сказала, сейчас же успокойся!!!

Он попятился, в ужасе глядя на меня, закрыл уши руками и сел прямо на пол, продолжая бормотать:

— Они должны заменить ценник... они должны заменить ценник...

Опомнившись, я бросилась к нему. Опустилась на колени и крепко обняла, обхватив руками со спины — эти объятия его не пугали и не доставляли неприятных ощущений. Прижавшись щекой к его щеке, я прошептала:

— Всё хорошо. Я с тобой, Илья. Всё хорошо.

— Может, скорую вызвать? — участливо предложил кто-то из покупателей. Я помотала головой.

— Не надо... спасибо. Это сейчас пройдёт. Просто оставьте нас на несколько минут в покое, пожалуйста.

— Бедная девочка, — сердобольно вздохнул кто-то. — Связалась же с идиотом на свою голову...

Я кусала губы, чтобы не расплакаться, и продолжала крепко обнимать Илью.

— Девушка, — с опаской обратилась ко мне вторая кассирша. — Передайте ему, пожалуйста, что мы сейчас же заменим ценник. Через минуту будет готово.

90

Дорога домой проходит в полном молчании.

Илья выглядит абсолютно опустошённым и безвольным, как тряпичная кукла, он в буквальном смысле едва переставляет ноги. Я даже не пытаюсь заговорить с ним сейчас, понимая, что он просто не в состоянии ответить. Потребуется немало времени, чтобы он восполнил утраченную энергию — мне остаётся лишь набраться терпения и постараться не сойти с ума... Илья уязвим в данный момент как никогда — достаточно будет резкого гудка автомобиля или лая собаки, чтобы он снова разнервничался до истерики. Теперь главное — не допустить новых волнений и не позволить ему опять сорваться, иначе последствия могут быть куда более неприятными.

Действую я скорее интуитивно, чем осознанно, но понимаю, что Илью надо отвлечь от неприятных эмоций. Едва мы заходим в квартиру, я сразу же веду его в комнату, укладываю на диван и устраиваю его голову у себя на коленях, после чего начинаю массировать ему плечи, чтобы хоть немного снять напряжение.

— Всё хорошо, — говорю я куда более спокойно, чем себя сейчас чувствую. — Мы дома. Всё в порядке.

Взгляд Ильи наконец проясняется.

— Они исправили ценник, — произносит он неуверенно.

— Да, исправили, — подтверждаю я. — Теперь больше никто не сможет совершить ошибку. Ты молодец, — и тут же увожу тему подальше от неприятных воспоминаний:

— Хочешь, я наберу тебе горячую ванну? Полежишь в пене, расслабишься...

Он кивает.

— Вот и отлично! А потом выпьешь чаю и ляжешь в постель...

О купленных шампанском и торте я стараюсь даже не вспоминать. Они сейчас воспринимаются как горькая насмешка. Отметили первую важную дату, ничего не скажешь...

Ванна готова. Я добавила туда пену с лавандой — говорят, она успокаивает. Помогаю Илье раздеться и уже собираюсь уйти, но он внезапно просит:

— Посидишь со мной?

— Ну конечно, — преувеличенно жизнерадостно откликаюсь я, хотя на душе скребут кошки.

Илья лежит в пене, закрыв глаза и не шевелясь, но судя по тому, как время от времени нервно вздрагивают крылья его носа, он не спит. Я опускаю руку в горячую пенящуюся воду, нащупываю его ладонь и, вытащив её на воздух, прижимаю к своим губам.

Илья открывает глаза.

— Осторожно! Смотри, чтобы пена не попала тебе в рот, она не предназначена для внутреннего употребления. В её состав входят лауретсульфат натрия,

кокамидопропилбетаин, красители и ароматизаторы.

— Прости меня, Илья, — мой голос срывается. — Прости, пожалуйста! Я так испугалась... Я не должна была кричать на тебя, но я правда очень сильно за тебя испугалась.

— Всё хорошо, — отвечает он. — Всё теперь хорошо.

Он засыпает мгновенно, будто падает в обморок. Я ещё некоторое время тихонько сижу рядом с ним в спальне, а затем иду на кухню, наливаю воды в стакан и принимаю две таблетки персена.

Потом сажусь за стол, роняю голову на сложенные руки и начинаю плакать. Я реву взахлёб, с упоением, отчаянно жалея себя и давая наконец выход скопившемуся во мне напряжению. А прорыдавшись от души, тянусь дрожащей рукой к телефону и набираю номер Руса.

91

— Привет, Марин! — его голос бодр и приветлив. Рус пока ещё не подозревает, что я собираюсь ему рассказать. — Какие новости?

— У Ильи... сегодня случился срыв, — выпаливаю я без предисловий. Мой собеседник сразу же серьёзнее.

— Настоящий срыв, то есть мелтдаун? Ты уверена, что он не просто вспылал или устал?

— Такое сложно с чем-то перепутать, — усмехаюсь я невесело. — Нечто подобное было с ним в клубе в тот день, когда мы все познакомились. Помнишь?

— Да, конечно... и как он? — быстро спрашивает Рус.

— Уже лучше. Правда, совершенно без сил. Но сейчас он спит.

— Где это произошло, дома или на улице?

Я вкратце ввожу его в курс истории, случившейся в магазине.

— А как... ты? — интересуется он после паузы. — Ты звонишь, потому что тебя это напугало?

— И как ты догадался? — ехидно спрашиваю я. — Да я чуть не рехнулась от страха.

— Марин, — мягко говорит Рус, — я всё понимаю. Илью заставляет взрываться сенсорная и эмоциональная перегрузка, он совершенно не в силах это контролировать. Но со стороны это действительно выглядит пугающе, даже отталкивающе. Что ты хочешь, чтобы я тебе сейчас сказал? Что такого больше не повторится? Увы, это не так.

Я молчу, и сама толком не зная, какие слова утешения ожидала услышать от Руса.

— Что ты чувствовала в момент его срыва, помимо страха? — внезапно спрашивает он.

— Наверное, растерянность и... беспомощность.

— И только? — недоверчиво уточняет он.

— А этого недостаточно?

— Мне кажется, — мягко говорит Рус, — что ты испытывала стыд и неловкость перед другими людьми. Ты стеснялась Ильи и его поведения, одновременно жалея его.

Кровь приливает к моим щекам.

— Я не...

— Не надо, не спорь. Я знаю, что это правда, — вздыхает Рус. — И это, в общем-то, естественная для тебя реакция.

— Естественная?! То есть это нормально — стыдиться своего молодого человека?

— Я знаю, что ты относишься к нему с большой нежностью. Знаю и то, как сильно Илья тебя любит. Но пойми, эти вещи... срывы, истерики... они останутся с ним навсегда. На всю жизнь! Так что ты должна быть к этому готова. Если, — он мешкает на самый крошечный миг, подбирая нужные слова, — если, конечно, ты планируешь остаться с Ильёй надолго.

— Я... — горло перехватывает спазмом. — Я не знаю! Я люблю его, но меня пугает то, что с ним происходит... Находиться с ним рядом — всё равно что гулять по минному полю, в любой момент может рвануть.

— Любят же всего человека, а не какую-то его часть. Если ты любишь целого Илью, то должна учиться принимать его со всеми особенностями личности, которые он не в силах изменить. Илья *никогда* не изменится, Марина, — повторяет он твёрдо, даже жёстко, словно вколачивая эту простую и ясную мысль в мою глупую башку.

— Ты пытаешься меня напугать?

— Всего лишь объясняю расклад. Илья очень необычный, но при этом очень классный. Я знаю его почти всю свою жизнь. Однако быть с ним рядом постоянно — это всё же достаточно серьёзное испытание. Я никогда не жил с ним и потому не вправе давать тебе советы — ни “за”, ни “против”. Тут уж, извини, решать тебе самой.

— А если... если я сама не знаю, что решить? — мой голос дрожит.

— Тогда возьми паузу и разберись в собственных чувствах и желаниях. Не нужно врать самой себе, что ты справляешься и всё идёт просто прекрасно.

— Я не могу, — всхлипываю прямо в трубку, — мне... мне так его жалко!..

— Жалость — не лучшее чувство для отношений. Так же, как и чувство вины. В конце концов это начнёт тебя тяготить. Может быть, ты даже возненавидишь Илью...

— Но что мне делать?!

— Разберись в себе, — повторяет он. — Мне кажется, вы немного поторопились, решив жить вместе, и сейчас тебе просто неловко вслух заявить о том, что ты совершила ошибку. Ты ещё не готова, хоть тебе и стрёмно в этом признаваться...

Я молчу, понимая в глубине души, что он прав.

— С его стороны всё действительно серьёзно, Илья редко отменяет принятые решения или жалеет о них. А ты... не обижайся, Марин, но ты поддалась глупому романтическому порыву. Причём я сам был обеими руками за ваши с ним отношения. Однако не ожидал, что вы так резво начнёте семейную жизнь... — я слышу по голосу, что он улыбается. — А матери его ты не звонила?

— Нет... а надо?

Он задумывается.

— Пожалуй, не стоит. Всё уже позади, зачем пугать её понапрасну? Она всё равно ничем не поможет.

— Да, пожалуй, — соглашаюсь я.

— Эй, ну ты чего? Судя по голосу, тебе совсем хреново?

— Я просто... запуталась.

— Поезжай на несколько дней к родителям, — предлагает он. — Поживи дома, подумай обо всём хорошенько.

— А Илья?! Как он это воспримет?!

— Необязательно говорить ему всю правду сейчас. Скажи для начала, что у тебя появились дома какие-то неотложные дела, требующие твоего постоянного присутствия. Побудь наедине со своими мыслями.

Я снова всхлипываю. Мне ужасно тяжело даётся это решение, но я понимаю, что Рус абсолютно прав. Нужно время, чтобы всё обдумать.

— Ну ты что там, опять раскисла? — спрашивает он с тревогой. — Перестань. Хочешь, я приеду сейчас?

— Не надо, — гундосо говорю я в трубку. — Мне уже лучше, правда. Спасибо тебе за совет.

— А за Илюху не беспокойся, — добавляет он напоследок. — Если ты уедешь к родителям, я за ним присмотрю. Всё будет под контролем!

92

НАШИ ДНИ

Лиза, октябрь 2019

С некоторых пор Лиза не любила осень. Слишком уж неприятные воспоминания приносило с собой это время года, слишком уж несчастливым оно стало для неё двадцать пять лет тому назад. Теперь же её привычно-депрессивное осеннее состояние усугублялось ещё и проблемами со здоровьем.

Вообще-то она уже около полугода чувствовала себя неважно — утомлённой и разбитой, но к осени всё это обострилось, заставляя Лизу ощущать себя старой развалиной. Она с трудом поднималась с постели по утрам, испытывая слабость, головокружение и лёгкую тошноту. Даже самые простые действия давались ей с трудом — снизилась работоспособность, а вот утомляемость и раздражительность, наоборот, повысились. Волосы стали слабыми и выпадали, часто болела голова, в ушах возникал звон, а перед глазами мельтешили мушки. В довершение всех этих неприятностей начал “плясать” менструальный цикл, и в конце концов в разговоре с тётёй Аллой Лиза даже предположила:

— А может, у меня просто ранний климакс?

— Совсем ты сбрендила, рыба моя, — с негодованием отозвалась начальница. — Сколько тебе, сорок? Сорок один? Да ты вполне ещё можешь родить, многие в твоём возрасте за первенцем собираются!

— Ну какое рожать, скажете тоже... Куда мне? Да и от кого, — засмеялась Лиза.

— Вот то-то и оно! — тётя Алла подняла указательный палец. — Мужика тебе надо, хоть ты и не любишь подобные разговоры. И все твои болячки — именно от недо... — она запнулась на долю секунды, — от недостатка секса, вот!

Лиза лишь отмахнулась от этого предположения — тётя Алла была в своём репертуаре.

— Нечего тут на меня руками махать! — возмутилась та. — Ты выглядишь очень измождённой и слабой, Лизавета, и я сейчас не шучу. Тебе нужно отдохнуть. Поехать в отпуск куда-нибудь к морю, в тёплую страну. Например, в Египет — там сейчас самый сезон. Купи тур “всё включено”, будешь только и делать, что плавать, загорать, жрать и спать. Заодно снимешь себе какого-нибудь араба!

— Действительно, вот только араба мне и не хватало для полного счастья, — Лиза не собиралась ехать ни в какой отпуск, но всё-таки понимала, что ей жизненно необходим отдых. Хотя бы просто для того, чтобы выспаться... она постоянно ощущала сонливость.

— Значит, так. Слушай сюда и не спорь! — тётя Алла решительно встряхнула головой. — Я тебя прогоняю ровно на две недели. Чтобы духу твоего на работе не было! И не

вздумай мне врать, отсиживаясь в городе — по возвращении предъявишь морской загар. Иначе уволю к чертям собачьим! Я понятно излагаю?

— Слушайте, да вы просто мегера*, — Лиза поёжилась.

— Пиши заявление на отпуск, — тётя Алла подвинула к ней листок. — Я тебя предупредила.

А вечером после работы, направляясь в гости к маме, Лиза упала в обморок прямо в метро и поняла, что визит к врачу откладывать больше нельзя.

Мама тоже обратила внимание на её болезненный внешний вид.

— Ты какая-то бледненькая... прямо восковая. Обязательно сходи в больницу и обследуйся. А ещё... — она замялась, явно чувствуя неловкость, не связанную с плохим самочувствием дочери. — Ты надолго у меня задержишься?

— В смысле? — не поняла Лиза. — Если мешаю, могу прямо сейчас уйти. Могла бы и утром сказать, когда мы созванивались, чтобы мне не пришлось зря тащиться через весь город.

— Да понимаешь... — глаза матери забегали. — Лариса звонила, она тоже собиралась ко мне заскочить.

— Ах, вон оно что, — Лиза сощурилась. — Боишься признаться любимой Лорочке в том, что поддерживаешь отношения с её ужасной младшей сестрой?

Мама всплеснула руками.

— Ну вот, опять... Да что же вы вечно как кошка с собакой?! За что же вы с ней друг друга так ненавидите?!

Лиза округлила глаза в непритворном удивлении.

— Мам, ты сейчас серьёзно?! Это Лариска вычеркнула нас с Ильёй из своей жизни, это *она* предпочла не иметь с нами ничего общего, я с ней даже не ссорилась. Ты скрываешь от неё, что много лет подряд тайком общаешься со мной и внуком, поддерживаешь Лариску в её самодурстве, буквально в попу ей дуешь... Но я-то тут при чём?!

— Она нервничает... переживает... у неё мигрени... и личные проблемы, нужно быть к ней снисходительнее и мягче, — залепетала мама.

— Да сколько я помню Лариску, она всю жизнь переживает, всю жизнь у неё личные проблемы, а вы с отцом вечно боялись и слово поперёк ей сказать! “Бедненькая Лорочка”, “несчастненькая Лорочка”... да твоя любимая Лорочка по трупам готова идти ради достижения собственных целей!

— Как ты можешь такое говорить! — ахнула мама. — Она всё-таки твоя сестра, родная кровь... Ты бы позвонила ей как-нибудь, попросила прощения... глядишь, и стали бы снова общаться.

— Господи, — прошептала Лиза, — *за что* я должна просить у неё прощения? А ты хоть раз просила об этом Лариску? Почему не она, а я?

— А тебе это так принципиально? Забыла бы о своей гордости и первая руку протянула...

Лиза помотала головой, точно пытаясь вытрясти из неё всё, что мать только что ей сказала.

— Извини, мам, но дальше выслушивать этот бред я не намерена. Я поеду домой. Вот здесь в сумке продукты, сама разберёшь... и немного денег. Пока.

С Лариской они столкнулись на лестнице. Лиза была подсознательно готова к этой встрече, а вот старшая сестра растерялась на миг, опешила... но, приостановившись, быстро пришла в себя и окинула Лизу привычным насмешливым взглядом.

— Давно не виделись, — протянула она. — Хреново выглядишь.

— Ну, не всем же цвести и пахнуть подобно тебе, — отозвалась Лиза. Подколки сестры давно не задевали и не обижали её, она просто не придавала им значения. Но сейчас Лариска интуитивно ударила точно в цель:

— И бледность такая нездоровая... ты в больнице давно была? Не проверялась?

— А с чего это вдруг ты беспокоишься о моём здоровье?

— Да не то чтобы беспокоюсь... так, предостерегаю, — уголок Ларискиного рта дрогнул в кривой усмешке. — Возраст у тебя сейчас такой... опасный, женщины после сорока очень уязвимы! Онкология, опять же...

Лизу передёрнуло.

— Это ты сейчас тоже предостерегаешь? Или желаешь мне этого в глубине души?

Лариска пожалала плечами.

— Понимай как хочешь, — и, не сказав больше ни слова, царственно поплыла вверх по лестнице.

93

Врач предварительно выявил у Лизы железодефицитную анемию, но сразу же предупредил, что это всего лишь следствие какой-либо проблемы, возможно даже не одной.

— Само по себе малокровие не развивается, но сопровождает очень много заболеваний.

— Каких? — спросила Лиза с опаской. Он неопределённо пожал плечами:

— Не хотелось бы делать голословных выводов, пока вы не прошли полное обследование и не сдали все анализы. Это может быть и вирусная инфекция, и онкологическое заболевание... Да не пугайтесь вы так, — быстро добавил он, заметив, как помертвело Лизино лицо, и без того белое как мел, — я просто обозначил разброс вариантов — от лучшего к худшему. Вот точно выясним, что с вами, и лишь затем назначим лечение.

Но прежде чем начать сдавать анализы, Лиза решила всё-таки последовать совету тёти Аллы и съездить в отпуск. Она и правда давно уже не отдыхала и не была на море. Наверное, с тех самых пор, как они перестали ездить вдвоём с Ильёй. В последний раз они были вместе в Сочи, когда сыну едва исполнилось семнадцать — сразу после окончания им одиннадцатого класса. В Крым Лиза поехать так больше и не рискнула, ещё очень долго болела душа... А за границей она ни разу не была, хотя и сделала загранпаспорт три года назад на всякий случай. Видимо, тот самый случай как раз настал. Теперь необходимо было заехать домой за паспортом и немедленно обратиться в турагентство, чтобы ей быстренько подобрали любой горящий тур...

Лиза меланхолично брела через парк, лениво пиная носком ботинка жёлтые листья, и размышляла, сумеет ли отыскать в недрах шкафа свой купальник, который валялся там без дела уже семь лет. Может, вообще стоит купить новый, зачем позориться в допотопном старье? Гулять — так гулять... Что там тётя Алла говорила насчёт арабов? Лиза даже фыркнула, подумав о подобной перспективе. Нет, конечно, арабы — это всё-таки перебор, но если случится курортный роман... пожалуй, она даже не будет особо противиться. Она так устала быть одна, постоянно одна...

По небу пролетел самолёт — так низко, что казалось, будто он вот-вот заденет кроны

деревьев, и Лиза застыла на месте как вкопанная, захваченная ощущением дежавю. Это всё уже было с ней когда-то, давным-давно, четверть века назад. И осенний парк, и груда опавших золотых листьев, и самолёт над головой... и огненная, пылающая шевелюра Берендеева, который доверчиво рассказывал ей о своих тайных мечтах. Воспоминание возникло в голове ярко и отчётливо, словно картинка из диснеевского мультфильма... и когда Лиза увидела на скамейке Тимкину мать, то даже не очень удивилась.

94

— Лиза Лизюкова? — уточнила мать бывшего одноклассника; впрочем, интонации у неё были больше утвердительные, чем вопросительные. — Ну конечно же, Лиза! Тебя довольно легко узнать. А меня ты не помнишь? Я — мама Тимура Берендеева, Нина Аркадьевна.

В последний раз они виделись более двадцати пяти лет тому назад, обе с тех пор значительно изменились. Но голос... оказалось, он глубоко отпечатался в Лизином подсознании. А может, дело было даже не в самом голосе, а в характерных интонациях, свойственных и Тимке, а также в мимике, тоже весьма узнаваемой.

— Я сразу поняла, кто вы, — Лиза вежливо улыбнулась.

— Не хочешь присесть? — женщина кивнула на свободное место на скамье. — Или ты торопишься?

И хотя Лиза действительно торопилась, любопытство пересилило. Как ни уговаривала она себя все эти годы, что и думать забыла о Тимке, а всё же ей было интересно, как он сейчас, где и с кем.

В первые несколько минут они светски говорили об отвлечённых вещах — “как летит время”, “какая прекрасная погода” и так далее. Лизе неудобно было с места в карьер начать расспрашивать о Берендееве. К тому же она вдруг припомнила, при каких обстоятельствах состоялась её последняя встреча с Тимкиной матерью — и тут же мучительно покраснела. Лиза тогда вообще ничего не соображала, пребывая в состоянии шока и алкогольной интоксикации, но ведь Нина Аркадьевна должна была прекрасно помнить тот вечер. И как она раздевала и мыла Лизу, и как стирала её перепачканные вещи, и как укладывала спать...

Заметив, что собеседница вспыхнула и опустила голову, Тимкина мать мягко прикоснулась к её руке.

— Мне очень жаль, что ты так быстро сбежала тем утром домой, не дождавшись моего возвращения, — деликатно сказала она, безошибочно угадав её мысли.

— Почему? — испытывая страшную неловкость, всё-таки спросила Лиза. — Зачем вам нужна была эта головная боль?

— Мне показалось... — Нина Аркадьевна старательно подбирала слова, — показалось, что у себя дома ты не найдёшь ни понимания, ни сочувствия, ни поддержки.

— С чего вдруг такие выводы? Вы ведь даже не знаете мою семью.

Женщина не обиделась.

— Сужу как минимум по тому обстоятельству, что Тимур привёл тебя именно к нам, а не к твоим родителям.

“Точнее — принёс, а не привёл”, — подумала Лиза сконфуженно.

— А зачем вы хотели увидеть меня на следующее утро? — спросила она. — Чтобы прочитать мораль?

Нина Аркадьевна звонко рассмеялась.

— Упаси боже... Просто планировала поговорить. Может быть, чем чёрт не шутит, помочь каким-нибудь советом... чисто по-женски, понимаешь. А нет — так просто выслушала бы. Я же поняла, что... — она на секунду замешкалась, — поняла, что с тобой случилась беда, хоть Тимур мне ничего толком и не рассказывал.

— Ладно... — Лиза подняла голову, встретилась с участливым понимающим взглядом. — Чего уж теперь-то. Что было — то было. А вам — запоздалое спасибо за гостеприимство и помощь.

Тимкина мать некоторое время сидела молча, а затем уголки её губ тронула еле заметная улыбка.

— У нас дома до сих пор хранится твоя фотография.

Лиза вытаращила глаза.

— Моя?.. Нет, это какая-то ошибка. Я не дарила Тимке своих фото. Никогда.

— Не дарила, — с усмешкой подтвердила Нина Аркадьевна. — Тимур как-то был у тебя в гостях и сам стащил снимок из вашего семейного альбома.

На несколько секунд Лиза потеряла дар речи.

— Серьёзно?! Вот это новости... Я впервые слышу об этом.

— Он был влюблён в тебя, — спокойно пояснила женщина. — Думаю, ты и сама в курсе. Сложно было этого не заметить.

А ведь она действительно ничего не замечала. Ничегошеньки... Вплоть до той самой встречи в Крыму.

— Как он? — осторожно поинтересовалась Лиза; теперь-то она имела полное право задать этот вопрос.

— Похоронил жену три недели назад, — помолчав, откликнулась Берендеева.

— О... я не знала, — пробормотала Лиза в смятении. — Мои соболезнования.

— Ну что ты. В его случае это было скорее избавлением, хоть и нехорошо так говорить. Тимур не одобрил бы мои слова, я знаю, но...

— А что случилось?

— Это очень давняя и страшная история. Тимур тебе совсем ничего не рассказывал? Я знаю, что вы виделись десять лет назад в Ялте, — добавила Нина Аркадьевна извиняющимся тоном.

— Он только упомянул о больной жене, но не вдавался в подробности, — смутившись, пробормотала Лиза.

— Её сбил пьяный водитель грузовика. Тащил за собой по дороге несколько метров... Она получила перелом позвоночника и тяжёлую травму головы. Тимур — врач, он сразу понял, что восстановиться после подобных травм невозможно. Она была молода, со здоровым сердцем... а значит, могла пролежать так и десять, и пятнадцать, и двадцать лет. Она всё-всё понимала, просто не могла двигаться и разговаривать. Лежала без малейшей надежды на то, что когда-нибудь встанет. Фактически это было молчаливое ожидание конца, просто никто не признавал этого вслух. Не дай бог тебе испытать, что это такое — лежачий больной в доме. Тимур, конечно, нанял сиделку, он ведь не мог целыми днями просиживать у постели жены, его ждала работа... Но всё равно он словно похоронил себя заживо. Работал до полного изнеможения, а поздно вечером возвращался домой, чтобы сменить сиделку. Ни друзей, ни развлечений, ни, разумеется, женщин. Я иногда, честно признаюсь, советовала ему завязать мимолётную интрижку хоть с кем-нибудь, чтобы немного расслабиться. Он неизменно отвечал, что это не в его принципах.

Лиза закрыла глаза. Простила бы она себя когда-нибудь, если бы всё-таки завела с Тимкой лёгкий, ни к чему не обязывающий курортный роман?.. А он бы — простил?..

— Он сейчас снова с головой нырнул в работу, — произнесла Берендеева. — Это единственная возможность отвлечься и не сойти с ума. Ты... ты могла бы ему позвонить, если хочешь, — нерешительно добавила она. — Я думаю, он был бы рад услышать твой голос.

— У меня нет его телефона, — Лиза багрово покраснела, вспомнив, что удалила его ещё тогда, в Ялте, чтобы не было искушения когда-нибудь позвонить. Хотя с тех пор, наверное, Тимка и так сменил номер — ведь прошло уже десять лет... Вероятно, это будет выглядеть не слишком-то красиво — словно Лиза только и выжидала того момента, когда его жена умрёт. Но ей вдруг и самой отчаянно захотелось услышать голос Берендеева...

— Номер я тебе дам, — с готовностью отозвалась Нина Аркадьевна.

— Постойте! — воскликнула вдруг Лиза, сама в шоке от того, что собирается сейчас сказать. — Не надо телефон. Давайте... давайте сразу адрес. У меня как раз отпуск... так почему бы не провести его в Крыму, чёрт побери?!

Брови Тимкиной матери удивлённо приподнялись.

— Так проще, — пояснила Лиза с нервным смешком. — Предварительно позвонив, я могу затем струсить и передумать.

95

НАШИ ДНИ

Марина, октябрь 2019

Больше всего на свете я боялась предстоящего объяснения с Ильёй, однако на деле мне даже не пришлось выдумывать уважительную причину своего внезапного возвращения к родителям. Илья сразу же поверил мне на слово: я просто сказала, что должна провести некоторое время в родном доме, что мне это сейчас очень важно и необходимо. Он не стал интересоваться, почему это так важно и чем, собственно говоря, я собираюсь там заниматься — просто кивнул, выражая согласие, и уточнил:

— Сколько именно дней ты собираешься отсутствовать?

— Пока не могу тебе точно сказать, — осторожно отозвалась я. — Полагаю, никак не меньше трёх. Возможно, чуть дольше.

— И мы не будем видеться с тобой в эти дни?

— Думаю, нет.

Он снова отреагировал на удивление спокойно, деловито поинтересовавшись:

— А писать в ватсап я тебе могу?

— Ну конечно! — воскликнула я, с облегчением выдохнув. — Пиши в любое время... я и сама буду тебе писать!

Он принял это к сведению.

И всё-таки на сердце у меня была тяжесть, когда я целовала Илью на прощание: словно я обманывала его, заранее зная, что в любом случае не вернусь. Однако это было не так! Я честно планировала разобраться в собственных чувствах и откровенно поговорить с Ильёй, если решение будет не в его пользу... и уж точно не собиралась трусливо отсиживаться в кустах, боясь сказать ему правду.

А вот уладить этот вопрос с родителями оказалось не так-то легко.

Они категорически отказались принять тот факт, что я просто взяла небольшой тайм-аут и моё появление дома вовсе не означает окончательного разрыва с Ильёй. Лица матери и отца так и сияли торжеством и осознанием собственной правоты.

— Мы тебе говорили... мы тебе говорили... мы ведь тебе говорили!.. — постоянно зудели родители — так навязчиво, что в конце концов я психанула:

— Предлагаю нарисовать транспарант с этими словами и повесить его у меня над дверью — чтобы, входя в свою комнату, я всегда об этом вспоминала!

— Ну что ты ёрничаешь, детка? — мягко произнесла мама. — Ведь мы с папой желаем тебе добра, и только добра... Знаешь, как у меня болело за тебя сердце весь этот месяц, что ты жила *с ним*?

В её голосе послышалось едва ли не отвращение. А ведь они с Ильёй даже не были знакомы...

— Наверное, ты думала, что Илья меня убьёт, расчленит и засунет в морозильную камеру, чтобы позже устроить пир для своих друзей-аутистов? — невинно хлопая глазами, поинтересовалась я. — Аутисты же такие страшные люди, нужно держаться от них подальше... А ещё аутизм передаётся воздушно-капельным путём, не говоря уж о половом!

— Не передёргивай, — мама поморщилась. — Маришка, ты у нас девочка хорошая, умная, красивая... Всё-таки тебе нужен такой же славный, интеллигентный и спокойный мальчик, а не какой-то там... аутист. Мало ли чего от него можно ожидать, ты же совершенно его не знаешь! А хочешь, я скажу Глебу, чтобы он позвонил тебе? Сходите куда-нибудь, развеетесь... в кафе или кино. Он совсем не обижается на тебя за тот инцидент, — торопливо добавила она.

Я закатила глаза:

— Мама! Честное слово, я уже жалею, что приехала. Не вынуждай меня перебираться в гостиницу, ладно? Мне просто нужно побыть наедине с собой и своими мыслями. Полагаю, я имею на это право? Не заставляй меня думать, что я ошибалась, считая этот дом тем местом, где всегда смогу найти тепло, защиту и понимание.

— И в самом деле, что ты пристала, — рассердилась вдруг и бабушка, до этого молча прислушивающаяся к нашему разговору. — Неужели ты не видишь, что меньше всего на свете девочке сейчас нужны осуждение и сватовство?! Да и Глеб этот ваш... прилизанный и чистенький, как херувимчик. Никогда он мне не нравился, — она презрительно поджала губы. — А вдруг этот Илюша не так и плох? Ведь не могла же моя внучка полюбить совсем уж негодного и пропащего человека!

Эта неожиданная поддержка едва не заставила меня расплакаться.

— Спасибо тебе, бабуленька, — крепко обняв её и вдыхая сладкий аромат сдобы, пробормотала я, с трудом сдерживая слёзы. Бабушка погладила меня по голове и поцеловала в макушку:

— Ну хватит, Маринушка, горевать. Пойдём на кухню, я тебе вкусенького испекла! Попьём чайку, поговорим по душам... Глядишь — и полегчает.

Первая ночь без Ильи прошла скверно.

Я ворочалась на кровати в своей комнате, тщетно пытаюсь заснуть, но в голову упорно лезли мысли и воспоминания о тех ночах, которые мы провели вместе. Я обняла подушку и

уткнулась в неё носом, пытаясь сымитировать его присутствие, но это, разумеется, было совсем не то.

Мне не хватало его тела. Его тепла. Его запаха. Звука его дыхания. Да, я понимала, что у меня просто выработалась привычка засыпать с ним рядом. Это всего лишь слабость. И всё-таки мне чертовски его не хватало...

Во втором часу ночи я сдалась, взяла телефон и написала ему:

“Думаю о тебе. Скучаю”.

Галочки тут же окрасились в голубой цвет, означающий, что сообщение прочитано, словно Илья держал телефон наготове и ждал от меня вестей.

“Я тоже, — написал он в ответ. — Придётся сегодня заменить секс мастурбацией”.

“Скажи, а ты скучаешь именно по мне или тебе просто не хватает регулярного секса?” — поинтересовалась я.

“Секс с тобой был приятным, но дело не только в этом. Мне не хватает тебя дома. Без тебя здесь пусто и холодно”.

Я быстро смахнула предательскую слезинку, скатившуюся по щеке. Стоп, Марина! Ты здесь для того, чтобы разобраться в себе, а значит — никаких сантиментов, тебе нужна ясная и трезвая голова. Я хлопнула носом и торопливо набрала:

“Доброй ночи”.

“Доброй ночи” — откликнулся Илья. Он больше не допускал промашек и научился правильно реагировать на все эти раздражающие его пожелания, признания и правила хорошего тона.

“Я люблю тебя...” — уже почти дописав фразу, я остановилась, подумала и стёрла набранное. Не нужно пустых надежд, громких слов и необдуманных обещаний — как минимум до тех пор, пока я не буду на сто процентов уверена в нашем с ним будущем.

96

НАШИ ДНИ

Лиза, октябрь 2019

Куртку пришлось снять ещё в аэропорту Симферополя и засунуть в чемодан. В самой Ялте тоже было тепло и солнечно — даже не верилось, что осень перевалила за середину. Впрочем, толп туристов, которые запомнились Лизе с прошлого посещения, уже не наблюдалось: в городе явно наступило затишье после бурного курортного сезона, улицы выглядели приятно малоллюдными.

Нужный ей дом оказался расположен у самого моря — так, как Тимка всегда и мечтал. Лиза живо представила, что каждое утро Берендеев выходит босиком в собственный сад, ест невымытый виноград прямо с куста и слушает шум волн в отдалении... Вот только пирожки с орехами и абрикосами на завтрак ему никто не печёт.

Хозяина не оказалось дома, но Лиза была к этому готова и специально попросила таксиста пока не уезжать. Для верности она позвонила ещё несколько раз, но никто так и не вышел, чтобы открыть ей ворота. Вероятнее всего, Тимка был на работе. От Нины Аркадьевны Лиза узнала, что он вернулся в хирургию несколько лет назад и теперь работает в частной клинике: сначала просто консультировал молодых коллег во время сложных операций, а затем и сам взялся за скальпель.

— Девушка, ну вы поедете ещё куда-нибудь или передумали? — нетерпеливо окликнул её таксист. — Чего стоим, кого ждём?

— Да, конечно, мне нужно в больницу... вот адрес, — Лиза протянула ему листок. — И спасибо большое за “девушку”.

— Тимур Андреевич на плановой операции, — сообщила ей приветливая молоденькая блондинка за стойкой ресепшн. — Если хотите, можете подождать его в фойе. Когда он освободится, я извещу его о вашем приходе. Как вас представить?

— Не надо, я... я сама представляюсь, — сконфуженно пробормотала Лиза, впервые подумав о том, а уместно ли в принципе её появление здесь, в разгар напряжённого рабочего дня, да ещё и без предварительного звонка?

— Может быть, я пока могу вам чем-нибудь помочь? — покосившись на Лизин чемодан, предложила девушка. — Записать вас на приём или рассказать об услугах, которые предоставляет наша клиника...

— Нет-нет, спасибо. Я по личному вопросу, — вырвалось у Лизы нечаянно. Её собеседница с любопытством вскинула татуированные брови, пристально и беззастенчиво разглядывая странную посетительницу, явившуюся к Берендееву “по личному вопросу”. Похоже, Лиза произвела на неё достаточно благоприятное впечатление, потому что, закончив осмотр и явно смягчившись, девушка добавила со всем радушием:

— Если хотите кофе, можете воспользоваться автоматом. А если проголодаетесь — у нас есть кафетерий. Только бахилы наденьте.

— Спасибо, — кивнула Лиза. — Спасибо большое!

Она в самом деле с удовольствием выпила бы кофе, да и бутерброд ей сейчас точно не помешал бы. С самого утра её подташнивало то ли от волнения, то ли от голода, но в самолёте Лиза не смогла заставить себя проглотить ни крошки. В голове всё ещё звучали слова Тимкиной мамы, сказанные на прощание: *“Мне показалось, что он до сих пор любит тебя...”* Лиза не верила, просто боялась верить, ведь так не бывает. Но в Крым она летела с замирающим сердцем, боясь предстоящей встречи и отчаянно желая её — немудрено, что кусок не лез ей в горло. Сейчас же желудок жалобно урчал, намекая, что протестует против подобного варварского обращения.

— Могу я оставить тут чемодан? — спросила она у девушки. — Собираюсь сходить пообедать.

Та явно заколебалась, прикидывая, не скрывается ли за добропорядочной личиной какая-нибудь террористка.

— Если хотите, могу его открыть, — поняв её затруднения, предложила Лиза. — Я просто прилетела несколько часов назад, ещё не успела заселиться в гостиницу.

— А откуда вы? — поинтересовалась блондинка.

— Из Москвы.

— Из Москвы-ы-ы, — протянула та с непонятным выражением. — Ну хорошо, ставьте свой чемодан здесь, только не в проходе, чтобы он никому не мешал!

Лиза быстро нашла кафетерий, оказавшийся обычным буфетом с ограниченным ассортиментом. Впрочем, она и не планировала заказывать лосося с трюфелями, её вполне устроила бы какая-нибудь ватрушка. В итоге Лиза остановила свой выбор на маленькой

замороженной пицце, которую для неё разогрели в микроволновке. А ещё не удержалась и купила батончик “Snickers” и ананасовый сок, так вдруг потянуло на сладкое...

Она неторопливо жевала пиццу, запивая её соком, и втыкала в телефон. Немного попереписывалась с сыном, послала Марине несколько фотографий моря, сделанных на ходу из окна такси, отправила сообщение тёте Алле... в общем, так увлеклась, что заслышав знакомый голос, вздрогнула от неожиданности.

— Эх, Лизюкова, вот никогда ты меня не замечает!

Она вскинула глаза и увидела, что над её столиком навис Берендеев. Тон его был чуточку насмешливым, а вот глаза — абсолютно серьёзными, и ей показалось, что слова эти относятся не только к данному моменту.

— Уф, — выдохнула Лиза, моментально краснея, — да ты просто мастер эффектных появлений!

— Кто бы говорил, — усмехнулся тот. — Ты тоже всегда возникаешь в моей жизни неожиданно, да ещё и после многолетних перерывов.

Он уселся напротив неё, положив руки на стол. От него неуловимо пахло чем-то медицинским, Лиза не слишком разбиралась во всех этих лекарственных препаратах... но если в детстве запах больницы пугал её до одури, то теперь показался каким-то родным, уютным, *своим*.

— Аня сказала, что меня разыскивает прекрасная таинственная незнакомка с чемоданом, явившаяся из самой Москвы. Я почему-то так и подумал, что это ты... Что же ты не позвонила?

— Чтобы ты отговорил меня приезжать? — пошутила Лиза.

— Наоборот. Помчался бы встречать с цветами и оркестром... — серьёзно ответил Тимка.

Они сидели и рассматривали друг друга. Он похудел, отметила Лиза, морщинок возле глаз прибавилось, вид уставший, но это и немудрено — он же только что после операции... Наконец уголки его губ дрогнули и приподнялись в знакомой доброй улыбке.

— Как жаль, что я на работе и кругом мои коллеги с пациентами, — негромко, чтобы было слышно только ей, произнёс Берендеев. — Я бы очень хотел тебя сейчас крепко обнять. Так, чтобы у тебя все косточки затрещали. И, может быть, даже поцеловать, если бы ты позволила.

— Ты сможешь сделать это позже, — смутившись как первоклассница, отозвалась Лиза.

— Обязательно сделаю, — пообещал Тимка, не отрывая от неё взгляда. — Но скажи мне, Лизюкова... ты ведь приехала ко мне? Не просто в отпуск, а именно *ко мне*?

— Да. Твоя мама сдала мне все явки и пароли, — повинулась Лиза. — Прости, если это неуместно и не вовремя, я в курсе твоей утраты...

— Перестань, — он покачал головой. — Если честно, я и сам собирался лететь в Москву. Правда, не прямо сейчас, а перед Новым годом. Но раз уж ты приехала... я рад. Я ужасно рад, Лизка.

Он протянул руку и быстро погладил её ладонь.

— Ты выглядишь бледной. Устала с дороги?

— Нет, не устала.

— Всё равно тебе надо отдохнуть. Я дам тебе ключи, ты можешь поехать ко мне домой, разобрать свои вещи, выспаться, принять душ, съесть что-нибудь нормальное... правда, сомневаюсь, есть ли у меня что-нибудь нормальное, — смутился он, — я и сам забыл, когда

в последний раз готовил и ел дома.

— Нет, — испугалась Лиза. — Что ты, Тимка, конечно же нет! Я поеду в какой-нибудь отель... в гостиницу... я не могу остановиться у тебя. В конце концов, это просто неудобно.

— Ты же сама сказала, что приехала ко мне.

— Ну... да. Но...

— В таком случае, — перебил Берендеев, — ничего неудобного. Ты будешь жить у меня. Со мной. Я так хочу, — решительно добавил он.

— Это угроза? — пошутила Лиза.

— Понимай как хочешь. Можешь даже считать это похищением, но я тебя теперь никому не отдам и не отпущу. Я слишком долго ждал, Лизюкова.

98

НАШИ ДНИ

Марина, октябрь 2019

Уже на вторые сутки я близка к тому, чтобы действительно сбежать в какой-нибудь отель или хотя бы к Лёльке, иначе мне грозит нервный срыв.

Атмосфера в родительском доме царит просто невыносимая. Мне обидно, горько и непонятно: почему это происходит именно с нами? Я всегда считала маму и папу самыми близкими людьми, доверяла им и бесконечно любила, и они неизменно платили мне тем же. Но, как оказалось, любили они только “хорошую” и “удобную” меня, а чуть только я посмела взбрыкнуть — от их мнимой поддержки не осталось и следа. Они даже не попытались разобраться, что происходит у меня в душе, понять мои чувства, страхи и колебания... В их глазах я просто ненадолго слетела с катушек, когда увлеклась “ненормальным” парнем, но вскоре пришла в себя и вернулась домой, поджав хвост. А меня бесит, бесит, бесит, что они воспринимают ситуацию именно так!!!

К счастью, в пятницу вечером родители внезапно сваливают на базу семейного отдыха в Подмосковье, чтобы провести последние относительно тёплые деньки на природе, насытиться свежим воздухом и закрыть пашлычный сезон. Они даже зовут меня с собой, уверяя, что будет весело. Однако интуиция подсказывает мне, что на базе я совершенно “случайно” могу встретить друзей семьи — Логиновых (вместе с Глебом, разумеется), поэтому я благоразумно отказываюсь и желаю им приятно провести время.

Ближе к ночи ко мне с ночёвкой приезжает Лёлька, нагруженная пакетами из индийского ресторана, от которых за версту одуряюще несёт специями. Подруга всерьёз намерена устроить сеанс психоанализа на дому и разогнать мою хандру к чертям собачьим.

— В любой непонятной ситуации — жри! — авторитетно заявляет она, по-хозяйски хлопая дверцами кухонного шкафчика, деловито расставляя тарелки и выдвигая ящики стола в поисках вилок.

— Ты прямо как моя бабушка говоришь. Это её девиз по жизни, — вздыхаю я.

— А я всегда знала, что Евдокия Тимофеевна — мудрый человек! Кстати, где у вас штопор? Вино я тоже привезла...

Лёлька раскладывает на блюде румяные куски курочки тандури*. От головокружительного запаха рот тут же наполняется слюной, а кот Веник натурально сходит

с ума — он трётся о наши с Лёлькой ноги, издаёт сладострастные звуки, умильно щурит глаза и всячески демонстрирует, что ради кусочка этого восхитительного кушанья готов на всё. Я кидаю ему в миску немного сочного куриного мяса, и Веник, подвывая, алчно взгрызается в него. Ему нипочём даже острый перец чили, которым изобилуют все индийские блюда — кот морщится, брезгливо трясёт усами, но при попытке отобрать у него угощение начинает утробно рычать, демонстрируя, что если надо — он умрёт за эту пищу богов!

— Так что там с твоими предками, я не совсем поняла, — Лёлька разламывает пополам ароматный горячий наан** и протягивает мне мою долю. — Они решили, что ты вернулась домой навсегда?

Удручённо вздыхаю.

— Их как будто подменили. Мне всегда казалось, что родители — мои лучшие друзья, а теперь я их совершенно не узнаю! Выходит, они готовы поддерживать меня только до тех пор, пока я не выбиваюсь из-под их влияния и не осмеливаюсь принимать никаких самостоятельных решений. Представляешь, они до сих пор не выкинули из головы идею свести меня с Глебом! — я изображаю, что меня тошнит. — Они, кажется, вообразили, что живут в девятнадцатом веке и обязаны лично организовать этот брак, о котором договорились с семьёй жениха сразу после моего рождения...

От специй горит рот. Я поспешно делаю огромный глоток вина, чтобы не закашляться, а Лёлька тем временем задумчиво отправляет в рот ложку варёного риса с зирой.

— Кстати, я слышала, что в Индии до сих пор родители выбирают пару для своих детей...

— Но мы-то не в Индии! — психую я, взмахнув рукой. Веник, изловчившись, делает кульбит в воздухе и срывает с моей вилки очередной кусок курицы.

— Тише, — шипит Лёлька, — Евдокию Тимофеевну разбудишь... Лучше выпей ещё вина!

— Ты хочешь меня спойть?

— Почему нет? По пьяни порой принимаются самые лучшие и гениальные решения.

— А что тут решать? — вздыхаю я. — Родителей не выбирают...

— Да с ними всё и так более-менее понятно: просто их надежды не оправдались, они расстроены и разочарованы... Тут уж ничего не поделаешь, либо они примут новую тебя, либо нет. Давай лучше проанализируем ситуацию с Ильёй, — предлагает Лёлька. — Здесь выбор действительно за тобой. Поддай-ка мне вон ту ручку с подоконника... нужно подробно выписать все плюсы и минусы ваших отношений.

— Зачем это? — морщусь я. — Что за бухучёт?

— Чтобы ты наконец определилась, что получаешь, оставаясь с ним, и что теряешь.

*Курица тандури — одно из самых популярных блюд индийской кухни. Представляет собой маринованных в йогурте и специях цыплят, запечённых в специальной печи тандури.

**Наан — одна из разновидностей индийских лепёшек. Готовится из пресного пшеничного теста и подаётся обычно к мясным и рыбным блюдам. Иногда нааны натираются сливочным маслом, посыпаются сыром и рубленым чесноком и представляют собой самостоятельное блюдо. Порой в них добавляют сухофрукты и орешки — тогда они превращаются в десерт к чаю.

— Итак! — Лёлька торжественно делит лист бумаги пополам кривоватой вертикальной линией. — Что мы имеем?.. Отсутствие романтики — явный минус. Но зато реальная, а не показная забота — это плюс. Как насчёт секса? — спрашивает она.

— Секс... классный, — я пожимаю плечами.

— Плюс! — одобрительно кивает Лёлька. — Кстати, ты же говорила, что Илья не любит целоваться?

— В принципе любит, только если перед этим хорошенько почистить зубы, — поправляю я.

— Хм... отсутствие спонтанности — минус. Но при этом чистоплотность — это явный плюс...

— Да ерунда всё это, — фыркаю я. — Так мы с тобой можем и до утра просидеть со списком, разбирая Илью по косточкам. В чём наша с ним главная проблема, я и так знаю и могу прекрасно это сформулировать: мне не хочется быть вечной нянькой в отношениях с любимым человеком.

— Принято, — кивает Лёлька. — Но, справедливости ради, он ведь и не просил тебя становиться его нянькой?.. Я, конечно, не знаю Илью так же хорошо, как ты. Но он производит впечатление очень независимого и самостоятельного человека. С чего ты взяла, что тебе придётся с ним нянчиться? Что ты вообще подразумеваешь под этим словом — кормить с ложечки или утирать ему сопельки?

— Меня беспокоят эти срывы...

— А кто тебе сказал, что они будут регулярными? — Лёлька округляет глаза в искреннем недоумении. — Ты просто с непривычки не разглядела признаков приближающейся грозы. Скоро будешь безошибочно их считывать и предотвращать!

Я с досадой морщусь:

— Каково это — жить в постоянном напряге, “считывая и предотвращая”, можешь себе представить?

Лёлька снова доликает нам вина.

— Почему в напряге? — философски уточняет она. — Ты же жила с ним совершенно нормально целый месяц. Тебя это напрягало?

— Да нет. В общем-то, в этот месяц мне в основном было хорошо. Очень, — вынуждена признать я.

— Вот видишь! — Лёлька торжествующе делает глоток из своего бокала. — А теперь случилась одна-единственная осечка — и ты сразу вопишь и причитаешь, что не справишься?

— Я не воплю и не причитаю. Просто меня это очень напугало, и... и я боюсь повторения.

— Представь, что ты впервые надела коньки, — с воодушевлением предлагает Лёлька. — Только вышла на лёд — и сразу же упала, больно ударившись.

— Что-то я потеряла нить разговора...

— Означает ли это, что ты теперь всегда будешь падать и чувствовать боль? Или же всё-таки научишься этим управлять и получишь массу незабываемого удовольствия от фигурного катания? Это зависит только от тебя. От твоего терпения и желания.

Я ехидно фыркаю:

— Ты не у Руса, случайно, научилась ораторскому мастерству и дару убеждения?

— А что, эти навыки и способности передаются через постель? — со смехом парирует Лёлька.

Снова глубоко задумываюсь, сцепив пальцы в замок.

— На самом деле я просто боюсь, что не смогу всю свою жизнь прожить вот *так*... то есть с таким, как Илья. Он всё-таки не совсем обычный.

— Да брось! — отмахивается Лёлька. — Это смотря что понимать под обычностью. Женщины впрягаются в заведомо провальные отношения с бабниками, алкоголиками, абьюзерами, домашними тиранами, ревнивцами, чайлдфри, женатиками, — она старательно загибает пальцы. — Но при этом общество называет их всех “нормальными” и “здоровыми” по сравнению с теми же аутистами. А чем, если разобраться, они нормальнее твоего Ильи? Я уж молчу про случаи, когда и вовсе выходят замуж за инвалидов — без рук, без ног, слепых, глухих или немых...

— Ну, не знаю, — с сомнением тяну я. — По-моему, так себе сравнение.

— Вот скажи мне, — глаза у Лёльки вспыхивают. — Часто ли Карик спрашивал тебя о том, чего ты хочешь в постели?

От неожиданности я смущаюсь.

— Ну... на самом деле... не помню... кажется... нет. Вообще не спрашивал, — вынуждена признать я. — Он просто всегда делал то, что ему хотелось. Но я ему всецело доверяла, он ведь опытнее и старше, мне это нравилось.

— И он всегда был обеспокоен прежде всего твоим удовольствием?

— Н-нет...

На самом деле, я иногда подыгрывала Карику, симулируя разрядку, но Лёльке это знать совсем необязательно.

— Вот! — подруга торжествующе поднимает палец вверх. — При этом Карик — нормальный *нейротипичный* мужчина, как сказал бы Илюха. Что касается твоего нынешнего партнёра... *аутиста*, — подчёркивает она, — то он всегда идёт навстречу твоим желаниям в постели и настроен на то, чтобы тебе было хорошо. Так почему же в этой ситуации безэмоциональным и бесчувственным наше общество считает именно Илью, а не Карика?

Я не могу не признать её правоту.

— Так что не путай понятия, дорогая, — наставительно произносит Лёлька. — Тебя пугает не совместная жизнь с Ильёй в принципе, вы вполне можете с ним уживаться, как показала практика. Тебя испугал его срыв... как пугает молодую влюблённую жену первая серьёзная ссора с мужем. А ведь ссоры в этой семье вспыхнут ещё не раз. Но они уже не будут восприниматься так трагично. Более того — вчерашние молодожёны научатся их предотвращать...

— За это надо выпить, — оживлённо предлагаю я. Проблема уже не кажется мне такой уж страшной и непреодолимой.

— Чин-чин! — Лёлька улыбается голливудской улыбкой и легонько стучает своим бокалом о краешек моего.

— Ты скучаешь по Илье?

— Очень, — честно отзываюсь я.

— Ты любишь его?

— Конечно же люблю!

— Тебе хорошо с ним или плохо? Или без него лучше и спокойнее?

— С ним мне определённо лучше, чем когда я без него, — поразмыслив, признаю я.

Лёлька рассматривает меня с неподдельным удивлением и стучит костяшками пальцев по своему лбу.

— Ну и чего ты тогда выпендриваешься, подруга?

— Не знаю... видимо, с непривычки.

Тем временем мой телефон начинает подавать признаки жизни. Илья что-то прислал!

— Видишь, — довольно изрекает Лёлька. — Он как чувствует, что ты о нём думаешь.

Срочно пиши, что любишь его!

Я открываю сообщение и пробегаю его глазами несколько раз, прежде чем до меня доходит смысл написанного.

— Что там? — пугается Лёлька, заметив наконец, как изменилось выражение моего лица.

— Илья пишет... пишет, что ему поступило предложение о новой работе. Более интересной, с куда более высоким окладом, чем сейчас... Это пойдёт только на пользу его карьере...

— И почему ты так скисла? — не понимает Лёлька. — Это же здорово. В чём подвох?

В горле у меня как будто застрял бульжник. Я судорожно сглатываю и хрипло отвечаю:

— Для этого ему придётся переехать в США.

100

НАШИ ДНИ

Лиза, октябрь 2019

Она и правда безумно устала. Только добравшись до Тимкиного дома, Лиза отчётливо это поняла.

Еёхватило лишь на то, чтобы достать из чемодана кое-какую одежду на смену и принять душ. Сил доползти до кухни и поставить чайник уже не было. Лиза даже не стала осматривать дом, да и неудобно было делать это в отсутствие хозяина.

Она присела на диван в гостиной, борясь со слабостью и головокружением, потом откинула голову на мягкую спинку, закрыла глаза... ей показалось, что всего лишь на секундочку... а открыла их, когда за окном уже стемнело.

Лиза обнаружила, что кто-то заботливо накрыл её пледом. Впрочем, почему “кто-то”? Она сразу же разглядела в полумраке Тимку. Он беззвучно сидел рядом на диване, почему-то всё ещё в куртке, и смотрел на неё. Заметив, что Лиза проснулась, он протянул руку и провёл чуть шершавыми подушечками пальцев по её горячей щеке.

— Давно ты приехал? — хриплым со сна голосом спросила Лиза. — Я, кажется, отключилась... сама не заметила, как и когда.

— С полчаса назад.

— И что ты делал всё это время в темноте?

— Сидел тут и смотрел, как ты спишь, — серьёзно ответил он. — Честно говоря, я ужасно боялся, что ты струсил и в самый последний момент удерёшь от меня. Чуть с ума не сошёл, когда подъехал к дому и увидел тёмные окна... так и решил, что ты уже на пути в аэропорт.

— Как я могла уехать, оставив тебя без ключей от собственного дома? — пошутила Лиза.

— Я же говорил тебе, что у меня есть запасные. А этот комплект ты могла просто бросить в почтовый ящик... с тебя стало бы. В общем... не пугай меня так больше, Лизюкова, — выдохнул он.

Лизе очень хотелось, чтобы он наконец исполнил свою угрозу, а именно — крепко-крепко обнял и поцеловал её, но попросить об этом она не решилась. Ждала, когда Берендеев сам догадается, как сильно она мечтает об объятиях и поцелуях своего бывшего одноклассника...

Тем временем Тимка встал с дивана, снял куртку и щёлкнул выключателем. Гостиную залил мягкий тёплый свет, отчего вокруг сразу стало как-то по-особенному уютно.

— Что-то мне не нравится твоя бледность, — он покачал головой, снова присаживаясь рядом. — Я ещё днём обратил внимание... Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — пожалала плечами она, но Берендеев, не поверив, взял её за руку и принялся измерять пульс, слегка надавив пальцами на Лизино запястье.

— А мне не нравится, что ты заставил меня жить здесь, — поспешно уводя его мысли в сторону от её здоровья, быстро выговорила Лиза. — Точнее, не то чтобы не нравится... меня это очень смущает. Что скажут твои соседи?

— Что скажут мои соседи?.. — задумчиво переспросил Тимка. — Да плевать на соседей, на самом-то деле. Кто мне важнее — они или ты?

— В своё время родители заставили меня выйти замуж только ради того, чтобы заткнуть рты соседским сплетникам, — вспомнила Лиза, невесело усмехнувшись.

Лоб Берендеева пересекла недоумевающая морщинка.

— Заставили? — переспросил он со странным выражением. — Разве ты не хотела этого сама? Ты же с ума сходила по Тошину.

— Сходила... потому что была дурой, — отозвалась она. — Но то, что случилось на осеннем балу... здорово меня отрезвило, знаешь ли. Я ненавидела этот брак и ненавидела Тошина. И я... я ни разу его к себе не подпустила, если тебе это интересно, — тихо добавила она, краснея.

Тимка закрыл глаза ладонями и помотал головой.

— Идиот. Ну какой же я непроходимый идио-от... — простонал он сквозь стиснутые зубы. — Надо было уже тогда хватать вас с Илюхой в охапку и везти сюда, в Крым. Мы с тобой поженились бы... я так же поступил бы в медицинский... и мы не потеряли бы столько времени.

— Не думаю, что в тот период я готова была выйти за тебя замуж, — осторожно заметила Лиза. — Я тогда вообще не думала ни о каких отношениях. Просто не до этого было...

— Да неважно, всё неважно! — упрямо возразил он. — Ты бы привыкла ко мне...

постепенно. Я бы потерпел. Я бы не торопил тебя, но мне хотя бы не пришлось ждать двадцать пять грёбаных лет!

— Зачем тебе это надо было в твои семнадцать? Ты мог выбрать любую, а не “с прицепом”, как говорят мужчины... Всё-таки, чужой ребёнок. К тому же родившийся недоношенным, слабым и больным.

— Ну какую ерунду ты несёшь, Лизка, — выдохнул он. — Мне не нужна была любая, мне нужна была только ты. Какой ещё “чужой ребёнок”? Он был *твоим*, вот что главное. Я слишком... слишком любил его мать. Так что моей любви ему бы тоже хватило.

— Илью даже родной отец не любит, — отвернувшись, сказала Лиза сухо. — Видел его в последний раз лет пятнадцать назад и не горит желанием общаться. Даже на выпускной не пришёл... Не то чтобы Илья так уж жаждал его общества, скорее — совсем наоборот. Но просто удивительно... быть настолько равнодушным к собственному сыну.

101

— Кстати! — вспомнил вдруг Берендеев. — Я, кажется, ещё не рассказывал... — он потёр виски. — В прошлом году мы случайно встретились тут с Динкой Старцевой. Ну, то есть Тошиной. Они же с Олегом поженились, — он искоса взглянул на Лизу, словно не был уверен, стоит ли тревожить её этой новостью.

Лиза совершенно не удивилась.

— Олег всегда её любил. По-своему, но любил. И она его тоже.

— Она приезжала в местный санаторий. Жаловалась, что много лет не может забеременеть, какие-то женские проблемы. Спрашивала у меня неофициального врачебного совета. Но что я мог ей сказать? Я же не гинеколог.

— Так получается, что Илья — единственный сын Олега? — задумчиво перепросила Лиза.

— Видимо, так.

Наверное, Лиза должна была испытывать сейчас что-то вроде злорадного удовлетворения из серии “*так им обоим и надо!*”. На деле же в её душе ничего не шевельнулось. Когда-то Старцева желала ей родить больного ребёнка, а теперь сама не могла стать матерью, но Лизе не хотелось упиваться этой новостью, благодарить мироздание и чувствовать себя отмщённой. Ей было просто по-человечески, по-женски очень жаль Динку...

— Ладно, — решительно заявил вдруг Берендеев, — хватит о других: о соседях, о детях, о бывших... Давай наконец поговорим о нас с тобой, — его ладони легли на Лизины плечи и властно притянули её к себе.

— Уверен, что хочешь именно... поговорить? — поддразнила она его. Тимка выдохнул нечто нечленораздельное и тут же накрыл её губы поцелуем — горячим, почти обжигающим. Лиза чуть не задохнулась, однако тут же с благодарностью откликнулась: обвила руками его шею, запустила пальцы в его рыжие волосы, гладила их, ерошила, в то время как его губы и язык творили с ней что-то невероятное. Лиза даже испугалась на миг нахлынувшей на неё полноты ощущений, ей вдруг стало по-настоящему трудно дышать.

— Подожди... — она мягко упёрлась ладонями Тимке в грудь и отстранилась, пытаясь сделать вдох. Он тоже едва справлялся со сбившимся дыханием, но сейчас его глаза смотрели встревоженно, с беспокойством.

— Что случилось?

Лиза неуверенно прикоснулась пальцами ко лбу. Голова кружилась, как в детстве на карусели, перед глазами всё плыло.

— Мне нужно воды... — выговорила она слабым голосом и поднялась с дивана. Вернее, сделала попытку подняться. В ту же секунду колени её подогнулись, в глазах совершенно потемнело, и Лиза упала.

102

НАШИ ДНИ

Марина, октябрь 2019

Несмотря на попытки верной Лёльки взбодрить меня преувеличенно жизнерадостными уверениями, что на самом деле всё не так уж и плохо, я реву всю ночь. Илья мало что успел рассказать по ватсапу, мы намерееваемся обсудить всё детально уже при личной встрече, но главное я поняла: он всерьёз намеревается ехать. Ему нужна эта работа, более того — он страшно рад, что его пригласили и утверждает, что буквально мечтал об этом!

— Вот куда он собрался? — рыдаю я под аккомпанемент оглушающего бабушкиного храпа, доносящегося из соседней комнаты, в то время как сочувствующая Лёлька суёт мне бумажные носовые платочки и подливает вина (пришлось откупорить новую бутылку из домашних запасов). — Как будто ничего ближе, чем Америка, не нашлось! Ведь у него была нормальная работа, его всё здесь устраивало...

— Ну, видимо, не всё, раз он так рвался получить то место, — осторожно замечает Лёлька.

Оказывается, пару месяцев назад Илья принял участие в каком-то конкурсе для айтишников, организованном американской компанией. Он просто увидел объявление на форуме программистов и отправил заявку, после чего получил допуск, выполнил несколько заданий разной степени сложности, прошёл онлайн-интервью и вуаля — в итоге набрал больше всего баллов среди остальных претендентов.

— Но он же не может вот так взять и уехать! Бросить всё и всех: маму, Руса...

— ...тебя, — договаривает Лёлька услужливо, и мне хочется стукнуть её винной пробкой по лбу за такую догадливость. — Но как минимум один плюс в сложившейся ситуации я точно вижу: ты больше не терзаешься ни малейшими сомнениями, нужен ли тебя Илья. Судя по тому, как ты рыдаешь от перспективы его потерять...

— Это ни фига не перспектива! — ору я, и храп бабушки внезапно стихает. Лёлька торопливо зажимает мне рот и прикладывает палец к своим губам, давая знак молчать. Я послушно затыкаюсь, продолжая при этом молча орошать горячими слезами подругину ладонь. Храп постепенно возобновляется, набирает силу и вскоре продолжается как ни в чём не бывало.

— Это не перспектива, — повторяю я, чуть сбавив тон. — Это реальное будущее! Илья, наверное, уже чемоданы пакует, я его знаю...

— Ну какие ещё чемоданы, что ты паникуешь раньше времени? Эти дела так быстро не делаются. Впереди куча бумажной волокиты, улаживание формальностей, получение визы...

— Но потом он всё равно уедет! — снова всхлипываю я.

— А если... если он позовёт тебя с собой? — робко предполагает Лёлька. Я отрицательно мотаю головой.

— Не верю этому ни секунды... но даже если бы и позвал — не могу же я с ним в самом деле поехать!

— Почему нет-то? Если вы поженитесь...

— С ума сошла, что ли?! — перебиваю я с досадой.

— Ты ведь любишь Илью.

— Но не настолько, чтобы бросать учёбу, работу, семью, друзей и тащиться в страну, в которую никогда прежде не стремилась и где меня ждёт очень увлекательная жизнь: то ли домохозяйки при гении-муже, то ли, если сильно повезёт, кассирши в “МакДональдсе”!

Я не лукавлю сейчас и не набиваю себе цену в подружкиных глазах: Америка никогда не была страной моей мечты. И хотя у меня нет к ней предубеждения или отвращения, как у многих моих соотечественников, слепого восхищения с идеализированием тоже нет. Мне не близок тамошний менталитет, я действительно никогда туда не рвалась.

— Ты преувеличиваешь... — Лёлька отводит взгляд. Я издаю горький смешок в ответ.

— Скорее уж преуменьшаю. Я никому не нужна в США, понимаешь, Лёль? Ну, разве что самому Илье, да и то сомнительно. Он будет весь по уши в своей новой интереснейшей работе, ему будет банально не до меня... Я начну хандрить и депрессовать, методично выносить ему мозг, тоннами жрать на нервной почве всякие хот-доги с гамбургерами и вскоре превращусь в озлобленную, страшную, жирную тётку-неудачницу. В конце концов мы с Ильёй друг друга просто возненавидим.

— Вообще, ты права, — нехотя признаёт наконец Лёлька. — Я, наверное, тоже не поехала бы при таком раскладе. Но я надеюсь... надеюсь, у тебя хватит ума и великодушия не требовать у Ильи делать выбор между тобой и новой работой?

От неожиданности я даже прекращаю плакать.

— Ты что, сбрендилла? Я похожа на махровую эгоистку? Сама не смогла сделать выбор в его пользу, а его заставляю?! Да Илья и не такой человек, чтобы им можно было манипулировать...

Лёлька смотрит на меня, скорбно сведя брови домиком, и кажется, что вот-вот — и она сама сейчас заплачет.

— Может быть, Рус сумеет его как-то переубедить? Отговорить? Ну неужели же ты вот так просто возьмёшь и отпустишь его?..

— А что мне ещё остаётся?

— Маришка... — тянет Лёлька с таким неприкрытым состраданием, что меня накрывает новой волной рыданий и жалости к себе. Подруга заботливо обнимает меня, позволяя выплакаться у неё на груди, а я крепко зажмуриваюсь и вижу перед собой глаза Ильи — светлые, с тёмным ободком вокруг радужки... Как я буду без них жить?

Я очень-очень сильно люблю его, но прекрасно понимаю, что не смогу удерживать возле себя.

Я отпущу его...

Честное слово, я его туда отпущу.

103

НАШИ ДНИ

Лиза, октябрь 2019

Она очнулась от мерзкого запаха нашатырного спирта, невольно дёрнулась и открыла глаза.

— Лиза, слышишь меня? — над ней склонилось встревоженное Тимкино лицо. — Как ты? Что-нибудь болит?

— Нет, я... всё в порядке. Не переживай, я уже пришла в себя, — Лиза виновато улыбнулась ему и храбро попробовала приподняться, но Берендеев немедленно уложил её обратно:

— Нет-нет, пока даже не пытайся встать. Ты слишком слабая сейчас, не дай бог опять грохнешься, — он привычно нащупал её пульс.

— Запах... такой противный, — пожаловалась она, поморщившись.

— Я растёр тебе виски нашатырём, — пояснил он, показывая мокрую ватку. — Сейчас выкину, не переживай. И давно это с тобой, Лизюкова?

Он окинул её серьёзным и пристальным, по-настоящему профессиональным — *докторским* — взглядом, пронизывающим как рентген. Невольно поёжившись, Лиза поняла, что долго скрывать правду всё равно не получится, да и смысла не было.

— Слабость давно, уже несколько месяцев. А обмороки начались несколько дней назад. Собственно, сегодня — второй раз. А до этого я в метро упала.

— Ты... — он запнулся на мгновение. — Ты не беременна?

— Нет!!! — вскинулась Лиза. — Нет, ну что ты!

— Просто уточнил, — он отвёл глаза, а затем продолжил озабоченно перечислять симптомы:

— Тошнота, сонливость, чувство усталости, одышка, головная боль, раздражительность, головокружения, боль в груди, изменение вкусовых предпочтений?..

— Да, всё это есть. Не одновременно конечно, и не каждую минуту, но... есть, — признала она.

— Ты ведь понимаешь, что это не шутки? — серьёзно спросил Берендеев, снова проверяя её пульс и хмурясь. — Ещё и аритмия до кучи... В больницу ходила?

— Ходила. Сказали, что у меня железодефицитная анемия.

— Так-то и без анализов видно, что у тебя гемоглобин критически низкий. Но анемия — это же следствие, а не причина. Нужно было обследоваться и понять, почему это с тобой происходит, — Тимка укоризненно покачал головой.

— Я знаю. Я и собиралась обследоваться, честно! А потом случайно встретила твою маму, мы поговорили... и я решила сначала съездить в Крым, — она развела руками.

— Нет, обследование откладывать больше нельзя, — взволнованно заявил он. — Вот завтра прямо с утра и начнём. У нас в клинике, если ты не возражаешь. Сделаем всё оперативно и подробно: общие анализы, детальную лабораторную диагностику, УЗИ...

— Это может быть что-то плохое? — спросила она дрогнувшим голосом.

— Плохо уже то, что ты так запустила собственное здоровье. Но мы в любом случае разберёмся и справимся... вместе.

— Уверен?

— Обещаю, Лизюкова, — Тимка наклонился и коснулся губами её лба. — Что бы это ни было — я тебя вытащу. Тебе теперь никуда от меня не деться.

— Я и не возражаю... — слабо улыбнулась она.

— А сейчас лежи и отдыхай. Я открыл окно, тебе нужен свежий воздух... Не слишком холодно?

— Нет, наоборот — очень хорошо.

— Отлично. Пойду поставлю чайник и приготовлю ужин. Тебе необходимо съесть что-нибудь лёгкое и питательное. Как насчёт рыбы с овощами?

— Не уходи, пожалуйста, — взмолилась Лиза. — Я не хочу оставаться одна.

Берендеев, приподнявшийся было, снова послушно сел рядом и, взяв Лизу за руку, крепко сжал её пальцы.

— Подожди совсем немного. Я просто заварю чай и закину продукты в мультиварку. Хочешь, включу пока телевизор или принесу какую-нибудь книгу? Не надо бояться и паниковать, — добавил он, нежно отводя с Лизиного лба тёмные кудрявые пряди. — Ты здесь, со мной. Пока я рядом — ты в полной безопасности. Запомни: ты больше никогда не будешь одна.

104

НАШИ ДНИ

Марина, октябрь 2019

С того момента, как я узнала о новой работе Ильи, прошло всего пять дней, но сколько же эмоций, разговоров, нервов и слёз они в себя вместили!..

До отлёта в США остаётся менее двух месяцев. Работодатели оплачивают Илье визу, авиабилет и аренду квартиры. Новый год мы встретим уже порознь.

Иногда мне кажется, что я свыклась с этой мыслью и вполне сносно реагирую на происходящее. Мы с Ильёй обсудили сложившуюся ситуацию и приняли решение провести вместе то время, которое у нас осталось. У нас не будет больше упреков, рыданий, скандалов, обещаний или эмоционального шантажа... Мы просто подарим друг другу эти два месяца, чтобы навсегда запомнить их как особенные дни нашей жизни. Дни, когда мы были молоды, влюблены и счастливы.

Я стараюсь адекватно реагировать на воодушевлённые рассказы Ильи о будущем месте работы, хотя в горле у меня в такие моменты ворочаются булыжники — ведь он рад, действительно рад, не буду же я портить ему эту искреннюю радость своей кислой физиономией!

Рус с Лёлькой подбадривают меня, но я вижу, что и они в смятении. Особенно растерян Рус, ведь он отпускает в Америку своего лучшего друга... Он и гордится успехами Ильи, и ужасно не хочет его терять.

Мать Ильи отреагировала на новость довольно сдержанно. Хотя, возможно, я ошибаюсь — мы давно с ней не виделись, к тому же она сейчас отдыхает в Крыму, а по переписке в ватсапе сложно сделать правильный вывод об эмоциональном состоянии человека. Быть может, у неё в душе сейчас тоже бушуют ураганы.

Что касается моих родителей, то они тихо сияют, радуясь, что проблема решилась сама собой: Илья уедет из страны и навсегда оставит меня в покое. Они даже не возражают против того, что я снова живу у него — ведь через два месяца всё закончится.

Всё закончится...

Помимо самого факта, что у нас с Ильёй нет совместного будущего, меня беспокоят ещё и насущные, чисто бытовые вопросы: как он справится там один? Как перенесёт длительный

перелёт? Как будет ориентироваться в новой, непривычной обстановке, общаться с огромным количеством незнакомых людей, да ещё и на английском языке?

— По-моему, ты зря нагнетаешь, — рассудительно замечает Рус. — Конкретно в этом плане я бы за Илью не беспокоился. Он постоянно, ещё со школы, пытается доказать окружающим свою независимость и самостоятельность. Жаль, мало кто принимает его всерьёз, начиная с собственной матери и заканчивая тобой...

Илья занят заполнением каких-то очередных документов онлайн, а мы с Русом сидим за кухонным столом и старательно скрываем друг от друга, в каком душевном раздоре пребываем. В ответ на его слова я возмущённо вскидываюсь:

— Я очень даже принимаю его всерьёз! Но согласись, переезд в другую страну всегда даётся тяжело...

— Вот как раз потому, что Илья заиклен на своём внутреннем мире, ему намного легче будет перенести внешние изменения, — возражает Рус. — Он просто зафиксирует новые данные и сохранит их в голове, как в компьютере, без излишнего нагнетания и драматизирования. Ну и согласись... отношение к аутистам и прочим людям “с особенностями” в Америке всё же не в пример лучше, чем у нас.

Вынужденно признаю его правоту.

— Работодатели в курсе, что он аспи, но это ни на секунду не повлияло на их решение, — говорю я. — Напротив — ждут его с распростёртыми объятиями и обещают создать все условия для того, чтобы ему жилось и работалось комфортно.

— Вот видишь... А здесь, как ни крути, большинство так и будет смотреть на него как на ненормашу.

— Ты преувеличиваешь... — возражаю я неуверенно.

— Преувеличиваю? — Рус выразительно играет бровями. — А почему твои родители восприняли ваш роман в штыки? Не по этой ли самой причине?

Я моментально сникаю. Он опять прав, тысячу раз прав! Может быть, Илье и в самом деле будет там лучше: новая работа, новые увлечения, новые возможности. А ещё, вероятно, новые друзья и новая девушка...

Мои губы начинают дрожать.

— Эй, ну что ты, — Рус легонько щёлкает меня по носу. — К чему такой похоронный вид? Ты же сама приняла решение.

— Илья принял! — упрямо возражаю я и передразниваю:

— “Я очень хотел этого. Это прекрасная и интересная работа”.

— Но он же звал тебя с собой!

— Ну как “звал”? Просто сказал, что его предложение пожениться остаётся в силе и мы можем успеть всё оформить, если я тоже захочу поехать.

— Слушай, ну по-другому выразить своё желание он и не сумел бы... Это — максимум, который можно было от него ожидать. Чего тебе ещё надо?

— Мне? — я замираю посреди кухни, прижав к груди заварочный чайник. — Наверное, действительно невозможного: проявления хоть каких-то эмоций...

— Хочешь, чтобы он страдал и убивался? — шутит Рус.

— Мог бы и поубиваться немного, — ворчу я.

— Марин, — произносит Рус с каким-то решительным отчаянием, — а может, всё-таки передумаешь?.. Я знаю Илью, если он не демонстрирует налево и направо, что опечален, это ещё не значит, что ему не будет без тебя плохо. Я уверен, он очень переживает... и будет

безумно скучать по тебе.

— Однако он не сделал ни единой попытки уговорить меня! — обиженно отзываюсь я. — Спокойно принял к сведению, что мне осталось ещё полтора года учёбы, плюс я не хочу бросать работу на радио... К тому же — ну кому нужна русская журналистка в Штатах?!

— Вот именно потому, что ты так логично ему всё объяснила и разложила по полочкам, он и не стал тебя разубеждать, — вздыхает Рус.

Я резко опускаю заварочный чайник на стол, едва не разбив.

— Что мне делать, Рус? — шепчу я обречённо. — Я не знаю, как справлюсь... И справлюсь ли?

— Справишься, — он поднимается со стула, делает шаг ко мне и обнимает. — В конце концов, у тебя есть я... и Лёлька... мы не дадим тебе постоянно предаваться хандре и унынию.

— Спасибо... — я с благодарностью утыкаюсь ему в плечо.

В этот момент в кухне появляется Илья. Выражение его лица редко меняется, вот и сейчас он взирает на происходящее с видимым спокойствием, но я каким-то внутренним чутьём понимаю, что увиденное не особо ему нравится.

— Илюха, когда ты уедешь, разрешишь приударить за твоей девушкой? — шутит Рус, чтобы разрядить обстановку. — Марина давно мне нравится...

Илья как обычно не считывает иронии и серьёзно отвечает:

— Я думаю, что это плохая идея. Мне бы этого не хотелось.

105

На следующее утро во время прямого эфира я беру интервью у Макса Ионеску, знаменитого виолончелиста*. Никогда не была особой поклонницей классической музыки, но Ионеску известен тем, что совмещает несовместимое — он исполняет не только строгую классику, но и рок, и попсу, и известные мелодии из мюзиклов... У него куча поклонниц по всему миру, и сейчас, общаясь с ним лицом к лицу, я понимаю — почему. Дело даже не в красоте, у Макса совершенно не тот мужской типаж, который мне обычно нравится, но его харизма буквально зашкаливает. Отвечая на вопросы радиослушательниц, он и юморит, и философствует, и даже соглашается сыграть на виолончели, которую принёс с собой в студию и шутя называет своей любимой женщиной.

— Макс, а это правда, что вы с женой знаете друг друга с самого детства? — спрашивает одна из дозвонившихся.

— Да, мы познакомились в первом классе, — отзывается музыкант.

— И вы вот так сразу поняли, что она — ваша судьба?

— Это вряд ли, — смеётся Макс. — Наш путь друг к другу был долог, извилист и тернист. Мы с женой непохожи и в то же время в чём-то абсолютно одинаковы, поэтому всю жизнь нас то притягивало друг к другу, то отталкивало и снова надолго разделяло. Нужно было научиться главному — отпускать без сожалений. Если это... — он подыскивает подходящее слово, — *твоё*, то оно обязательно к тебе вернётся.

— И как вы с ней выдержали все эти разлуки? — вмешиваюсь я в разговор.

— А у нас просто не было выбора, — Ионеску пожимает плечами. — Оба упрямые как ослы... я занимался своей карьерой, Лера своей — и никто не хотел уступить.

— Но в итоге кому-то всё же пришлось пойти на уступки? Например, вы переехали в Москву из родного Петербурга...

— Я не считаю это уступкой, — возражает Макс. — На тот момент так жизнь повернулась, что иначе сложиться просто не могло. Мы окончательно поняли, что друг без друга нам никак. А что касается переезда... я вообще человек мира, — он обаятельно улыбается. — Чувствую себя дома и в Москве, и в Питере, и в Лондоне, и в Портофино...

— Иногда очень сложно бывает сделать правильный выбор, — говорю я тихо. Макс понимает, что я вкладываю в эту фразу что-то своё, личное. Он внимательно смотрит на меня и, подмигнув, снова тепло улыбается:

— Жизнь — это не экзамен, где результат зависит от правильного или неправильного ответа. Можно пробовать снова и снова... и делать ошибки... и искать другие пути решения... и откладывать трудную задачу, чтобы вернуться к ней под настроение какое-то время спустя. В конце концов решение обязательно найдётся. То, которое станет верным именно для вас.

Мне хочется, так сильно хочется ему верить!..

— Хотите, сыграю специально для вас? — предлагает он. Разумеется, я соглашаюсь.

Макс исполняет на виолончели “A Thousand Years”, а я вслушиваюсь в чудесную мелодию, закрыв глаза, и думаю о нас с Ильёй.

How to be brave?

How can I love when I'm afraid to fall?

But watching you stand alone

All of my doubt

Suddenly goes away somehow

One step closer...

I have died every day waiting for you

Darling, don't be afraid

I have loved you for a thousand years

*I'll love you for a thousand more... ***

Как ни странно, этот разговор с Ионеску немного вправляет мне мозги. Я ухожу с работы вполне успокоенная, улыбаясь и мурлыча себе под нос “A Thousand Years”.

Делаю шаг на тротуар и сразу же поёживаюсь от налетевшего ветра — сырого, промозглого, неуютного... Ужасно не хочется ехать на учёбу, но я и так уже возмутительно много пропустила, Лёлька устала меня прикрывать.

В этот момент путь мне преграждает молодая женщина с эрго-рюкзаком. Самого малыша не видно, но я понимаю, что он сладко спит, уткнувшись личиком в материнскую грудь. Лицо женщины кажется мне смутно знакомым, но прежде чем я вспоминаю, где могла её раньше видеть, она сама делает шаг мне навстречу и неуверенно спрашивает:

— Простите, вы — Марина? Марина Белозёрова?

И в тот же миг я соображаю, что это жена Руденского.

**Макс Ионеску — главный герой романа “Виолончелист”.*

***Как мне набраться смелости?*

Как я могу любить, если всё время боюсь упасть?

*Но когда я вижу тебя, стоящего в одиночестве,
Все мои сомнения и колебания
Вдруг куда-то исчезают.
Всего лишь на один шаг ближе...
Я умирала каждый день в ожидании тебя.
Любимый, не бойся -
Я любила тебя тысячу лет
И буду любить ещё тысячу...
(перевод с англ. песни Кристины Перри)*

106

НАШИ ДНИ

Лиза, октябрь 2019

Тимка окружил Лизу такой заботой, что она даже чувствовала себя неловко. Ей порою казалось, что будь его воля — он в буквальном смысле носил бы её на руках (от дверей дома — к машине, от машины — к больничному крыльцу), не позволяя и шагу лишнего ступить, чтобы его драгоценная Лизюкова, не дай бог, не переутомилась.

В клинике многозначительно перешёптывались относительно “протеже Тимура Андреевича”, которая проходила у них полное обследование, но личных границ не нарушали, за рамки не переступали и вслух при ней ехидно не высказывались. Впрочем, Лизе было плевать, что они подумают и о чём будут судачить за глаза. Единственное, что её саму в данный момент заботило — это здоровье. Она вдруг впервые по-настоящему испугалась — а что, если с ней и впрямь что-нибудь серьёзное?.. Берендеев, конечно, обещал быть рядом и вытащить её из любой передрыги, но он же не всемогущий боженька.

А ещё у Лизы болело сердце за Илью — оказывается, за время её недолгого отсутствия он получил предложение о работе в США и сейчас начал активно готовиться к переезду. Лиза знала, что он подавал заявку на участие несколько месяцев назад, сын ей рассказывал. О работе он вообще мог говорить часами — взхлёб, с упоением и маниакальным блеском в глазах, но Лиза и подумать не могла, что из той авантюры с конкурсом действительно выйдет что-нибудь стоящее. А вот поди ж ты... выбрали именно Илью! Она и гордилась им — до слёз, до щемящей боли в груди — и ужасно не хотела отпускать, прекрасно понимая, что отпустить всё равно придётся. Он давно уже отцепился от маменькиной юбки, как бы тяжело ей ни было это признавать. Илья постоянно пытался доказать матери, что всё сможет и всего добьётся самостоятельно... и действительно делал это. Несмотря на то, что у него было полно трудностей в общении с другими людьми, он, чёрт возьми, брал и делал! И подтверждал свою профессиональную значимость раз за разом. Но... господи, Америка — это же так далеко. Даже теперь, когда они жили в одном городе, но в разных квартирах, Лиза безумно по нему скучала, если не видела хотя бы неделю. Чего уж говорить о другом конце земли?!

Ну и настоящей вишенкой на торте стали переживания из-за того, что, приведя Лизу в свой дом, Тимка упорно избегал спать с ней в одной постели. Глупо, но Лиза расстраивалась до слёз.

В первый день она не слишком загрузилась по этому поводу — чувствовала себя неважно после обморока, а когда Берендеев накормил её ужином, сразу же начала клевать носом. Он проводил её до спальни, где Лиза уснула, едва коснувшись головой подушки.

Но и завтра, и послезавтра, и на следующий день всё в точности повторилось. Тимка заботился о Лизе, готовил для неё еду, выводил на прогулки в сад и к морю, чтобы она дышала свежим воздухом, сопровождал практически на всех осмотрах и УЗИ, дотошно инспектировал каждую бумажку из лаборатории... а дома, пожелав спокойной ночи перед сном, просто удалялся спать в гостиную.

Лиза вся извелась по этому поводу, недоумевая, что происходит. Он её совсем-совсем не хочет? Она не интересуется его как женщина?.. Однако всё его прошлое поведение свидетельствовало об обратном. Тогда в чём дело теперь? Ему не хочется связываться с больной и немощной женщиной, которой она сама себе сейчас казалась?

Это было обидно, неприятно и больно. Лиза совсем потеряла уверенность в себе, каждый вечер загадывая, чтобы Берендеев никуда не уходил, а остался с ней в спальне, но... он неизменно покидал её.

107

В одну из таких ночей ей приснился кошмар. Возможно, она слишком громко вскрикнула или даже заплакала во сне — а очнулась от того, что Тимка нежно баюкал её в своих объятиях и шептал что-то ласковое и успокаивающее:

— Ш-ш-ш... Это просто плохой сон. Я здесь, с тобой.

Лиза прижалась к нему изо всех сил, отчаянно не желая никуда отпускать, и почувствовала, как напряглись мускулы на его руках и груди.

— Тимка... — прошептала она. — Не уходи, пожалуйста... Мне страшно одной.

Он ласково взъерошил её кудри, и без того взлохмаченные со сна.

— Не надо бояться, глупенькая. Ты не одна, я же здесь, через стенку!

Лиза, внезапно разозлившись, резко высвободилась из его объятий и несильно толкнула ладонью в плечо.

— Ну и вали тогда спать, Берендеев. Сопельки утирать мне точно не надо, сама справлюсь!

— Что с тобой? — удивился он такой резкой перемене в её настроении. — Я тебя обидел чем-то?

А она отчаянно злилась на него, на себя и на то, что не могла толком сформулировать свои мысли.

— Мне не нужна твоя жалость, — отчеканила Лиза, — и забота твоя уже вот где сидит!.. Надоело до чёртиков.

— Лизюкова, какая муха тебя укусила? — ошеломлённый этим внезапным натиском неприязни, с недоумением произнёс он.

— Муха? — переспросила она язвительно. — Да ты бесишь уже, Берендеев, своим равнодушием! Тоже мне, айсберг в океане... такой же холодный.

— Ты о чём? — спросил он напряжённо, а Лизу уже понесло.

— Я никогда ещё не чувствовала себя такой ненужной... и всё из-за тебя!

— Да ты что, спятила?! — поразился Тимка. — Я только о тебе и думаю, о какой ненужности идёт речь?! У меня вся голова забита мыслями о том, чтобы с тобой всё было хорошо...

— Нет, нет, я не про это, — она решительно замотала головой. — Я не про твою *врачебную* заботу! Ты совершенно не заинтересован во мне как в женщине!

На глазах выступили унизительные сердитые слёзы. Тимка замер на несколько мгновений, а затем осторожно переспросил:

— Ты... что сейчас сказала?

— Я не интересую тебя в качестве сексуального объекта, — отчеканила она — погибать, так с музыкой. — С тех пор, как я приехала, ты ни разу не дал мне понять, что хочешь заняться со мной любовью. Ты. Меня. Не хочешь!

Он застонал, обхватив голову руками, а затем без паузы расхохотался.

— Лизюко-о-ова... вот ты дурища! С чего такие странные выводы?! Я тебя не хочу? Да я еле сдерживаюсь каждую ночь, чтобы не вломиться к тебе в спальню и не...

— Но зачем? Зачем, чёрт побери, ты держишь себя в руках? — закричала она возмущённо. — Я ежедневно как дура жду, что ты сделаешь шаг навстречу, а ты целуешь меня в лобик и удаляешься!!! Я хочу заняться сексом с тобой, Берендеев, если ты ещё не понял!

— О господи... — снова простонал он и через секунду впился ей в рот острым, обжигающим и жадным поцелуем. Лиза лихорадочно гладила его ладошками по спине, позволяла его рукам тоже гладить её спину, плечи... Наконец он отстранился. В полутьме было слышно лишь тяжёлое возбуждённое дыхание.

— Я же тебя берегу, дурочка, — выговорил Тимка через силу. — Нам нельзя пока...

— Да почему нельзя-то?!

— До тех пор, пока мы не узнаем, что точно с тобой не так. Боюсь навредить, вдруг это спровоцирует ухудшение. Анемия же может быть вызвана и какими-то женскими проблемами, тебе после секса может стать только хуже. Я... не ручаюсь, что смогу себя контролировать, вот и удираю каждый раз, как последний трус, чтобы не поддаться искушению.

— Но это не потому, что я тебе противна? Что я кажусь тебе непривлекательной? Больной и старой? — подозрительно уточнила она. Берендеев снова от души расхохотался.

— Лизюкова, что ты такое несёшь? Да я лежу в соседней комнате и грызу подушку, чтобы не сорваться и не кинуться к тебе. Я... я только об этом и думаю.

— А почему ни разу не сказал мне об этом, даже не намекнул?

— Боялся, что ты примешь меня за озабоченного сексуального маньяка, — Тимка смущённо фыркнул.

— Тогда поцелуй меня ещё раз. Пожалуйста, — попросила Лиза. Он не заставил себя долго упрашивать. Это был долгий, упоительный, сладкий и нежный поцелуй, и хотя в нём уже не было тех страсти, силы и напора, что в предыдущий раз, Лиза всё равно чувствовала, что Тимка вздрагивает от желания, и ей хотелось, чтобы это длилось вечно.

— Нам... точно-точно сейчас нельзя? — прошептала она ему прямо в губы.

— Ну ты и провокаторша... как врач я бы рекомендовал воздержание до тех пор, пока не станет известен точный диагноз, — с трудом отрываясь от неё, отозвался он. — А как мужчина... блин, я сейчас сдохну!

— Ладно, — тихонько засмеялась она, разгорячённая поцелуями и совершенно успокоенная. — Тогда уходи. Иди в свою комнату...

И, поскольку Тимка всё ещё медлил, она добавила:

— Я очень надеюсь, что скоро все ограничения будут сняты... И тогда ты точно

пожалеешь, что так долго ждал.

— Опять меня провоцируешь, — он со смехом поднялся с кровати. — Опасная ты женщина, Лизюкова.

А она уже свернулась клубочком на постели и довольно мурлыкнула:

— Спокойной ночи, Берендеев.

— Да уж, после такого ночка явно будет “спокойной”, — проворчал он, удаляясь.

108

В тот день, когда были готовы результаты последних анализов, Лиза не находила себе места. Предварительные исследования не выявили ни опухолей в каких-либо органах, ни скрытых кровотечений, которые могли бы спровоцировать малокровие, но они с Тимкой на всякий случай пока не расслаблялись.

Берендеев оставил Лизу у себя в кабинете и сам пошёл в лабораторию за заключительными результатами. Она ёрзала в кресле, пытаясь убедить себя, что ни капельки не волнуется, а на самом-то деле тряслась от ужаса как овечий хвостик.

Когда дверь распахнулась и в кабинет вошёл Тимка, она впиалась испытывающим взглядом в его лицо, пытаясь по выражению глаз определить главное — будет она жить или нет. Берендеев резко опустился в соседнее кресло, бросил листы с результатами анализов на стол и закрыл глаза ладонью. У Лизы внутри всё просто оборвалось.

— Что? — выговорила она онемевшими губами. — Совсем плохо, да?..

Он отнял руку от лица, и Лиза увидела его покрасневшие глаза.

— Всё хорошо, Лизюкова, — выдохнул он. — Вернее... проблемы есть, но они вполне решаемы.

— Тогда почему у тебя такой вид, если всё хорошо? — не поверив ему ни на секунду, ещё больше испугалась она. — Или ты чего-то недоговариваешь?

Он резко встал, подошёл к Лизе и опустился перед ней на корточки, обняв её ноги и не заботясь о том, что полы его белого халата подметают пол.

— Я переволновался, — признался он шёпотом, виновато уткнувшись лицом в её колени. — Чуть с ума не сошёл, думая, что... в общем, чего только себе не навоображал! Я ужасно боялся, что опять тебя потеряю. Очень страшно было. Я бы не вынес этого... снова. Понимаешь? Извини, если напугал тебя. Проговорил это вслух, осознал... и меня накрыло. Прости ещё раз, я правда не хотел. Всё хорошо. Теперь точно всё хорошо! — твёрдо повторил он.

— Так в чём причина моей анемии? — всё ещё не веря, боясь поверить в то, что помилована, дрогнувшим голосом уточнила Лиза.

— Причина банальна — плохое и нерегулярное питание, которое вызвало проблемы с желудочно-кишечным трактом. Нарушение всасывания железа, фолиевой кислоты и белка... в общем, это неприятно, но не смертельно, всё можно поправить лекарствами, витаминами и специальной сбалансированной диетой. Ты... совсем не думала о себе, Лизюкова, — укоризненно добавил он. — Ты хоть что-нибудь ешь вообще, в принципе? В школе-то, помню, мне постоянно приходилось напоминать тебе об этом и подкармливать. Неужели до сих пор ничего не изменилось?

— Когда Илья стал жить отдельно, я действительно потеряла интерес к готовке исключительно ради себя одной, — вздохнув, призналась Лиза. — Перехватывала что-то на бегу, на ходу... но не думала, что дойдёт до такого.

— Ну, теперь-то я тебе подобных глупостей не позволю, — уверенно пообещал он. — Буду лично следить за твоим питанием. Свежие овощи, рыба, печень, абрикосы, земляника и яблоки, сливовый и гранатовый соки, мёд...

— Я бы сейчас с удовольствием слопала чебурек или беляш из *нашего* ларька на рынке, помнишь?.. — вспомнила вдруг Лиза. Тимка улыбнулся:

— Кстати, в свой последний приезд в Москву я туда заглядывал.

— Как там всё теперь?.. Я сто лет в том районе не была, специально обхожу десятой дорогой школу и окрестности.

— Рынок давно уже снесли, а вот чебуречную открыли — примерно на том же самом месте. Я даже купил себе один чебурек для пробы...

— Ну и как?

— Совсем не то, — покачал головой Тимка. — То ли, знаешь, в детстве всё по умолчанию кажется вкуснее, то ли и правда это была какая-то ерунда на постном масле. А может, дело даже не в самих чебуреках, а в компании...

— Надо как-нибудь снова слопать по чебуреку вместе! — предложила Лиза. — Вдвоём...

— Обязательно, — он прижался губами к её щеке. — Включим чебураки в свадебное меню.

— Свадебное? — переспросила она.

— Ну, ты же выйдешь за меня замуж, надеюсь?

— Если бы ты не спросил, я бы сама сделала тебе предложение, — призналась Лиза. — Сил уже нет ждать!

Глаза Берендеева лукаво блеснули.

— О, я мечтал бы услышать это из твоих уст... а сделай сейчас?

— Женись на мне, Берендеев, — серьёзно глядя ему в лицо, сказала она. — Чтобы и в болезни, и в здравии... и так далее, но лучше без болезни.

Тимка тоже посерьёзnel и, крепче сжав её пальцы, коротко кивнул.

— Я согласен, Лизюкова.

109

НАШИ ДНИ

Марина, октябрь 2019

Я растерянно таращусь на эту женщину, знакомую мне по многочисленным фотографиям в соцсетях: в своё время я изучила её лицо и фигуру до чёрточки.

Рождение ребёнка заметно изменило жену Руденского. В ней больше нет лоска и искусственного глянца, теперь Вероника (её ведь, кажется, зовут Вероникой?) менее эффектна, но более естественна, и эту естественность даже нельзя назвать неухоженностью. Просто молодая мама. Просто немного уставшая. Её большие тёмные глаза смотрят встревоженно и печально, углы ненакрашенных губ опущены, а роскошные волосы собраны в “конский хвост” на затылке.

Интересно, откуда она узнала?.. Между мной и её мужем уже больше месяца ничего нет, мы не общаемся вне работы, а пересекаясь в студии, просто дежурно здороваемся и прощаемся, сохраняя вежливый нейтралитет, как будто едва знакомы друг с другом.

Молчание длится несколько неловких мгновений. Я даже успеваю прикинуть, что она сейчас со мной сделает: оттаскает за волосы или отхлещет испачканным памперсом по лицу? Но вместо этого она вдруг моргает, чуточку виновато улыбается и произносит:

— Извините, что сама не представилась... Я — Вероника Руденская, жена Макара. Вы же его знаете?

— З-знаю, — отзываюсь я негромко. — А в чём дело?

— Мне бы хотелось поговорить с вами о нём, — она быстро озирается по сторонам, точно проверяя, не подслушивает ли нас кто-нибудь. — Только не здесь! Не хочу, чтобы он случайно застукал меня возле своей работы... Ещё подумает, что я шпионю за ним и выслеживаю.

— Кто, Кар... то есть, Макар? — уточняю я. — Так он давно уехал, ещё с утра, сразу после ночного эфира. Его сейчас нет в студии.

— Как нет? — переспрашивает Вероника. Лицо её делается совершенно беспомощным. — Он же уверял меня, что целыми днями пропадает на работе!

— Рабочая смена ведущего не может длиться круглые сутки, — отвечаю я. — Банально голос не выдержит.

— Да, но... он говорил, что занят какими-то бумажными отчётами... составлением сетки эфира... планированием новых тем и передач... архивированием фонотеки...

— Это не входит в обязанности ведущего, — я смотрю на неё с искренним сочувствием, понимая, что Руденский просто водит свою жёнушку за нос, говоря, что торчит на радио дни и ночи напролёт, а сам... даже думать не хочу, где он на самом деле в данный момент находится и чем занимается. Мне дико стыдно сейчас, стыдно и неловко, хотя я уже начинаю понимать, что жена Карика настроена ко мне весьма доброжелательно, без всякой агрессии.

— Тогда я тем более хотела бы поговорить, — Руденская решительно встряхивает головой. — Давайте зайдём вот в это кафе, если вы, конечно, не против и никуда не торопитесь, — она кивает в сторону того самого заведения, где мы встречались с Русом.

Я бросаю быстрый взгляд на часы.

— Вообще-то у меня занятия в универе, но... полчаса, думаю, я смогу вам уделить.

— Больше и не надо! — её лицо озаряется благодарной улыбкой — такой искренней, что я ощущаю себя последней свиньёй. — Всё равно Илюшка скоро проснётся.

При упоминании этого имени я вздрагиваю.

— Кто проснётся?

Она кивает на ребёнка, спящего в эрго-рюкзачке.

— Илья. Наш сын.

— Простите, — чувствую себя полной идиоткой, — и как это я сразу не сообразила.

Значит, Руденский назвал своего сына Ильёй. Впрочем, быть может, имя ребёнку выбирала Вероника. В любом случае это забавное совпадение... если, конечно, во всей этой ситуации может быть хоть что-то забавное.

— Ну хорошо, — киваю я, — давайте зайдём в кафе.

110

— Вы простите, что я вот так к вам кинулась, — говорит она, сидя за столиком и рассеянно кроша пальцами булочку, которую взяла себе к чаю. У меня тоже нет аппетита, поэтому я просто нервно взбалтываю ложечкой свой кофе.

— Я видела ваше фото на сайте “Молодёжки FM”, — продолжает Вероника, — у вас наиболее располагающее к себе и доброе лицо... Вот я и решила поговорить именно с вами.

“Доброе лицо”... Знала бы она правду, от которой мне и самой сейчас так горько, что хочется завывать в голос.

— Надеюсь, всё сказанное останется между нами? — спрашивает она озабоченно. Я молча киваю.

— Понимаете, мы с Макаром знаем друг друга тысячу лет. Мы учились вместе. Для обоих это стало первыми серьёзными отношениями. Я не представляю своей жизни без него. Мы просто... как бы это сказать, буквально проросли друг в друга. Это чувство, когда человек становится тебе настолько родным, что...

— Понимаю.

— Но у него... у него очень увлекающаяся натура, — Вероника слегка краснеет. — Уже неоднократно бывало, что в его окружении появлялась какая-нибудь новенькая девушка — смазливенькая, неискушённая... и он сразу же принимался с ней флиртовать. Я не обольщалась на его счёт и подозревала, что далеко не всегда дело ограничивалось одним лишь невинным флиртом. Но... сейчас всё зашло слишком далеко.

— Что вы имеете в виду? — голос мне отказывает, из горла вырывается какой-то хрип, и я вынуждена прокашляться.

— У него кто-то появился, — с болью произносит она. — Кто-то серьёзный, я точно это знаю. Это началось вскоре после рождения Ильи. В последние недели я вообще практически не вижу собственного мужа. Его постоянно нет дома — он врёт мне, что проводит время на работе. Однако вы только что подтвердили, что это не так...

— Насколько мне известно, его рабочий график не изменился, — сухо говорю я.

— Как вы думаете, это может быть роман с кем-нибудь из “своих”? В смысле, с радио? — уточняет она.

— А почему вы решили, что непременно кто-то из наших? — боже, я сейчас сгорю со стыда.

— Ну... у вас работает много симпатичных женщин и девушек. К тому же это было бы удобно... не отрываясь от рабочего процесса, так сказать, — она невесело усмехается.

Вспоминаю злосчастную “Богемскую рапсодию” и чувствую себя ещё более скверно.

— Я ничего не знаю. И вообще... я, наверное, ничем не смогу вам помочь, — решительно произношу я. — Вы зря потратили на меня время, простите. Я абсолютно не в курсе романов вашего мужа.

Она заметно сникает.

— То есть вы думаете, что это не служебный роман?

— Без понятия. Правда. А почему бы вам самой откровенно не поговорить с Макаром?

— Когда он дома, то ссылается на усталость и сразу же идёт спать. Я почти забыла, как он выглядит, — она пытается улыбнуться собственной грустной шутке, но улыбка выходит жалкой. — Если я начну лезть к нему с разговорами по душам, он только разозлится.

— Зачем вы с ним? — задаю я давно мучающий меня вопрос. — Почему? В смысле, почему вы с ним так долго? Тем более если знаете, что он позволяет себе... романы на стороне.

— Потому что люблю его, — отвечает она просто. — И я отдаю себе отчёт в том, что он яркий, интересный, талантливый человек, который всегда будет привлекать внимание других женщин. Так было всегда, ещё с института, и это неизбежно.

— Вы так спокойно об этом говорите...

— О нет, я не спокойна, — вздыхает Вероника. — Просто... что толку горевать, если он всё равно не изменится.

— Но *вы* можете всё изменить. Уходите от него! — возмущённо заявляю я. — К чему вам человек, который не ценит вас и ваш брак?

— Я люблю его, — твёрдо поворачивает она. — Очень люблю.

— Настолько любите, что готовы всё ему простить?

— Да. Мне без него... просто не справиться. Да и он ко мне тоже очень привязан, хоть и позволяет себе время от времени... Нет, он никогда не захочет меня отпустить, — добавляет она уверенно. — Как ни крути, а мы предназначены друг для друга. Вы даже не представляете, каким он бывает любящим, нежным и заботливым. Какие слова говорит, какими комплиментами осыпает!

— Рада за вас, — я встаю, давая понять, что моё время истекло. — И... простите за совет, о котором вы меня не просили, но на вашем месте я бы прогнала этого козла немедленно. Грош цена его словам и комплиментам, если в них нет ни слова правды. Подумайте о сыне. Какой пример отношений будет у него перед глазами с самых ранних лет?

— У вас просто слишком мало опыта, — печально говорит она. — Вы ещё очень молоды, Марина. Кому она нужна, эта проклятая правда? Она порою только ранит.

— Но вы сейчас занимаетесь самообманом, — говорю я с жалостью. Вероника качает головой и тихонько цитирует пушкинские строки:

— “Ах, обмануть меня нетрудно!.. Я сам обманываться рад!”

Во мне бушует целый ураган эмоций. Я еду на учёбу в институт и вся киплю, меня буквально распирает: от злости на Карика, который пустился в особо циничный и практически открытый загул по бабам, даже не пытаюсь это завуалировать перед не так давно родившей женой. От обиды за эту дурёху Веронику, которая много лет терпит скотское отношение мужа, подбирая те крохи его внимания, что ей достаются, и не претендуя на то, чтобы быть в его судьбе одной-единственной. От стыда за свой роман... точнее, романом это назвать сложно... скорее — за *недороман* с Руденским, за эти неловкие и торопливые совокупления в квартирах друзей, после которых я так же, как и Вероника, убеждала себя в том, что это и есть настоящая любовь, большое и светлое чувство... Но больше всего мне хочется плакать от жгучего, пронзительного чувства благодарности за то, что жизнь подарила мне Илью — такого предельно честного и прямолинейного, неспособного на подлость и двуличие, который не делает красивых киношных жестов и не совершает романтических поступков, как в женских романах, но ясно выражает свою любовь и заботу простыми словами и не менее простыми поступками. Нелегко существовать бок о бок с таким искренним человеком, но... это намного лучше, чем потихоньку, год за годом, по капле впитывать яд лживых речей и неискренних комплиментов, подобно Веронике Руденской.

И пусть наше с Ильёй будущее всё ещё туманно (да и есть ли оно вообще, это совместное будущее?), но планка у меня теперь стоит слишком высоко. Я никогда больше не позволю себе отношений, замешанных на лжи. Никогда...

Под влиянием порыва хватаюсь за телефон и набираю сообщение Илье с кучей сердечек:

“Ты самый лучший. Мой единственный. Инопланетный. Я очень тебя люблю. Ты даже не представляешь, насколько ты замечательный”.

“Спасибо, — прилетает в ответ. — Я знаю. Я и в самом деле хороший человек. Умный, добрый и сексуально привлекательный”.

“О да. И скромный к тому же”, — печатаю я.

Он, как обычно, воспринимает всё буквально и отвечает:

“Тебе со мной повезло”.

“Безусловно”.

“Как насчёт секса в ванной сегодня? Говорят, это бывает неплохо”.

“Что ж, — улыбаюсь я, — давай попробуем”.

111

НАШИ ДНИ

Лиза, декабрь 2019

В эти предпраздничные дни Шереметьево напоминал гигантский муравейник, кишущий людьми.

По всему аэропорту были установлены украшенные ёлки, сверкали и переливались традиционные рождественские шары, мерцали электрическими огоньками гирлянды, пестрели пряничные декорации, предназначенные для того, чтобы создавать у пассажиров и провожающих новогоднее настроение. Дети тащили своих родителей в фотозоны, чтобы запечатлеться со сказочными оленями, медведями и зайцами, а по территории аэропорта разгуливал “настоящий” Дед Мороз.

Илья уже прошёл онлайн-регистрацию, так что у них всех ещё оставалось немного времени на то, чтобы попрощаться. Ему предстоял длительный суточный перелёт до Сиэтла с пересадкой в Нью-Йорке, а затем — совершенно новая, неизведанная жизнь... Уже с начала января он должен был приступить к работе.

Лиза то и дело принималась заливаться слезами, но тут же торопливо стирала их ладошками и преувеличенно весело улыбалась. Муж заботливо обнимал её за плечи, прижимая к себе и успокаивая.

Лиза и Тимка специально прилетели из Крыма, чтобы проводить Илью, а затем планировали задержаться в Москве до конца новогодних праздников. Они собирались наверстать упущенное за все те годы, что провели порознь: гулять по городу и устраивать себе романтические свидания, забредать в кинотеатры на первый попавшийся сеанс и самозабвенно целоваться на последнем ряду, как озабоченные школяры, перекусывать в кафе, пить вино из пластиковых стаканчиков, сидя на заснеженной скамейке в парке, кататься с горки и на коньках...

Они расписались в прошлом месяце, шокировав всех родных и друзей подобной прытью. “Вам не понять, — смеялся Берендеев, даже не пытаюсь скрыть того, как неприлично счастлив и как безумно влюблён в собственную жену, — мы шли к этому целых двадцать пять лет и просто не могли больше ждать!” Только Лизина свекровь, казалось, ни капли не была удивлена.

Лариска, узнав о том, что сестра вышла замуж и насовсем перебралась в Крым, пребывала в настоящем трансе, изо всех сил пытаюсь скрыть зависть. Мама шепнула

младшей дочери потихоньку, что “бедненькая Лорочка” закатила истерику на предмет того, что Лизе всегда везло по жизни и даром доставалось то, за что другие бьются годами. Лиза в ответ на это только пожала плечами, не зная, то ли плакать, то ли смеяться в голос.

Мама тоже приехала в аэропорт — она не могла не проводить в Америку единственного внука, хоть и тряслась от ужаса, представив, что Лариска прознает обо всём и наверняка расценит это как предательство. Лиза уже даже не обижалась, у неё давно всё переболело и перегорело. Весь недостаток любви, недополученной ею в жизни, сейчас с лихвой компенсировал Берендеев — тот, кому по-настоящему была небезразлична Лизина судьба. С мужем ей несказанно повезло, чего уж лукавить... Лиза не могла надыхаться на Тимку и часто, просыпаясь ночами в холодном поту от очередного кошмара, тут же ощущала надёжное тепло его объятий и моментально снова засыпала — абсолютно счастливая и успокоенная.

Руслан со своей девушкой Лёлькой тоже приехали в Шереметьево, но всё внимание Ильи в данный момент было приковано к Марине. Лиза знала своего сына как никто другой и понимала, что ему сейчас очень и очень нелегко, несмотря на непроницаемое выражение лица. Он очень привязался к этой девочке, по-настоящему привязался, и разлука с ней была непростым испытанием.

— Можно мне тебя обнять? — спросила Марина, заглядывая Илье в лицо. Он молча кивнул, и она прижалась к нему так крепко, словно боялась, что их вот-вот силой оттащат друг от друга. Слезы текли по её лицу ручьями — так же, как и у Лизы, и было видно, что свитер на груди Ильи промок буквально насквозь.

— Ты плачешь, — сказал Илья.

— Сейчас перестану, извини, — торопливо выговорила Марина.

— Я буду писать тебе каждый день и присылать фотографии.

— Я тоже... — всхлипнула она. — И надеюсь, что ты будешь там по-настоящему счастлив.

— Я очень постараюсь, — серьёзно ответил Илья. — Хотя без тебя это будет не так-то легко.

Марина прошептала что-то, Лиза не расслышала, но Илья ответил внятно и чётко:

— Я тоже тебя люблю.

Тимка деликатно кашлянул и потянул жену в сторону.

— Давай отойдём на пару шагов, — тихонько сказал он. — Дадим Илье и Марине нормально попрощаться...

— Конечно! — Лиза смутилась, кляня себя за недогадливость.

Наконец были сказаны последние прощальные слова, произнесены последние слова напутствия, подарены последние торопливые поцелуи и взяты последние обещания. Илья ушёл, а Лиза, повинувшись какому-то порыву, вдруг обняла Марину за плечи.

— Ну всё, хватит, успокойся, — сказала она, глядя на её зарёванную мордашку, впрочем, хорошенькую даже сейчас. — Илья не хотел бы, чтобы ты плакала из-за него.

Марина послушно кивнула и вытащила из сумки упаковку бумажных платочков.

— Ты не пропадай, ладно? — попросила Лиза совершенно искренне. — Пиши, звони, заходи в гости, пока мы в Москве... я всегда буду тебе рада.

Марина недоверчиво посмотрела на свою несостоявшуюся свекровь.

— Правда?.. И вы на меня не сердитесь?

Лиза даже рассмеялась от такого предположения:

— Господи, да за что? Ну, не получилось у вас с моим сыном... что с того. Ты не должна чувствовать свою вину и ответственность за это. На тебя легло слишком тяжёлое решение.

— Вы же переехали в Крым к любимому человеку, — осторожно возразила Марина, покосившись на Берендеева.

— Я — это другое. Во-первых, Ялта не так далеко от Москвы, как Сиэтл. У меня не было интересной работы, как у тебя, а также незаконченной учёбы и прочего, что могло бы удержать меня в Москве. Но, девочка моя... ты всё равно дала Илье очень многое, — Лиза от души улыбнулась ей. — Он был счастлив с тобой, потому что чувствовал твою любовь — ту, которую прежде не дарил ему никто. Так за что мне на тебя сердиться?.. Я признательна как минимум за то, что благодаря тебе мой сын узнал, что такое настоящие, нормальные отношения с девушкой. Пусть и ненадолго...

— Спасибо... — прошептала Марина и тоже порывисто обняла её.

— Мы на машине. Подвезти тебя? — предложил Тимка, но Марина обернулась в сторону Руса с Лёлькой и покачала головой.

— Нет, спасибо, я на аэроэкспрессе с друзьями доберусь. Так быстрее.

Лиза ещё некоторое время стояла и смотрела им вслед.

— О чём задумалась? — спросил муж.

— О том, что они такие молодые... и такие счастливые, несмотря ни на что, — улыбнувшись, отозвалась она. — А ещё о том, что иногда требуется слишком много времени на то, чтобы понять, без кого твоя жизнь просто не имеет смысла.

— Потянуло на философию? Вероятно, ты проголодалась, — подмигнул Тимка.

— О-о-о, включился режим “строгий доктор”? — Лиза засмеялась и потёрлась своей щекой о его щёку.

— А как иначе, Берендеева? — поддел он её, хотя Лиза не стала менять документы, слишком много хлопот. Просто Тимке очень нравилось “примерять” свою фамилию на жену, словно он пометил территорию: “Моё! Не трогать!”

— Значит, поедem кормить тебя и гулять, — пообещал он, беря жену под руку и заботливо поправляя на ней шапку.

— Слушаюсь и повинуюсь, мой господин, — отозвалась она.

— Зачем ты это сказала? — застонал он в притворном страдании. — У меня же фантазия сразу в определённую сторону свернула...

— Фантазёр, — расхохоталась Лиза, — извращенец!

— А я думал, тебе нравятся все мои извращения.

— Угу, обожаю, — Лиза взъерошила его волосы. — Господи, Берендеев, как же сильно я тебя люблю, ты даже представить себе не можешь.

— Могу, — серьёзно отозвался он, перехватывая её руку и поднося к своим губам. — И очень даже представляю.

— Ladies and gentlemen, welcome onboard Flight SU102 with service from Moscow to New York. We are currently third in line for take-off and are expected to be in the air in approximately ten minutes time...*

Илья откинулся на спинку кресла, вставил в уши наушники, закрыл глаза и крепче сжал

в руках спиннер.

**Дамы и господа, добро пожаловать на борт рейса SU102 с обслуживанием из Москвы в Нью-Йорк. В настоящий момент мы являемся третьими в очереди на взлёт и, как ожидается, будем в воздухе примерно через десять минут... (англ.)*

Эпилог

*Сиэтл, штат Вашингтон, Соединённые Штаты Америки
Два года спустя*

Когда меня просят охарактеризовать Сиэтл одним словом, в голову только и приходит, что “дождливый”. Девять месяцев в году здесь сыро и пасмурно, а снега я не видел ни разу, хотя это уже моя третья американская зима.

Не то чтобы я сильно тосковал по морозам и снегопадам, но в преддверии Рождества и Нового года, когда венки омелы появляются на двери каждого дома, всюду звучат рождественские гимны и сверкает иллюминация, а многочисленные ёлочные базары наполняют воздух смолистым хвойным ароматом, я иногда вспоминаю о снеге.

Хотя, скорее всего, грущу я не по самому снегу как таковому, просто в эти дни как никогда хочется быть рядом с любимыми и родными людьми. У американцев есть понятие “*family get-togethers*” — семейные посиделки, когда все близкие съезжаются издалека, чтобы собраться вместе за праздничным столом. Меня нельзя назвать слишком общительным и компанейским, но в этот период даже я скучаю по тем, кто мне дорог. По тем, кто остался в России...

В остальное время скучать мне не приходится: я люблю свою работу, мне хорошо и спокойно в Сиэтле. Как ни странно, но здесь я практически не ощущаю себя “чужаком” или “инопланетянином”. Новые знакомые, соседи и коллеги общаются со мной на равных, все очень дружелюбны и приветливы. К слову, я не единственный аутист в нашем офисе, но никому нет дела до того, что я аспи, к тому же ещё и русский. Прежде всего я интересую их как человек, как личность... что очень непривычно и довольно приятно. Нет ощущения того, что ты один-одинёшенек в целом мире. При этом никто не пытается залезть в душу, если видит, что я держу дистанцию — а меня это более чем устраивает.

Говорят, в Сиэтл ежедневно приезжает около восьмидесяти новых жителей. Это похоже на правду: город стремительно растёт и развивается. Он расположен между заливом Пьюджет-Саунд и озером Вашингтон, а с другой стороны окружён цепью гор, поэтому может увеличиваться только в длину, не расширяясь. Это сказывается на трафике — в Сиэтле постоянные кошмарные пробки. Правда, обосновавшись на новом месте, я практически сразу купил себе спортивный велосипед и теперь всюду добираюсь без проблем и вовремя.

В целом город очень красив: кругом вода, горы и вечнозелёные леса, недаром неофициальное название Сиэтла — Изумрудный город. К сожалению, купаться в океане можно только пару месяцев летом, всё остальное время он жутко холодный. Впрочем, зимы всё равно мягкие, поэтому в городе полно бомжей, особенно в центре.

Здесь готовят лучший в стране кофе — кстати, первая кофейня “Старбакс” открылась

именно в Сиэтле. А ещё тут множество азиатских ресторанов и магазинов, которыми владеют китайцы или индийцы. Время от времени я беру у последних различные специи и еду на вынос. Можно делать это и чаще, но, к сожалению, индийцы ужасно болтливы и назойливы, а это раздражает — мне необходимы определённые эмоциональные ресурсы, чтобы настроиться на очередной визит.

Провизией я предпочитаю закупаться на рынке Пайк-Плейс на побережье, который считается не только старейшим местом городской торговли, но и полноправной достопримечательностью. Здесь продают свои товары мелкие фермеры, мастера и ремесленники, сюда стекаются уличные музыканты и артисты, местные жители и туристы.

Самая отвратительная, но очень популярная часть рынка — стена жевательной резинки, куда жители Сиэтла и приезжие наклеивают жёваную жвачку. На мой взгляд, омерзительное и тошнотворное зрелище, но судя по количеству селфи на фоне этой самой стены, отчистят её ещё не скоро. Что ж, должны быть и у американцев свои странности...

Лучшее время для посещения рынка — семь утра. В этот ранний час там можно застать лишь торговцев цветами да рыбой. Цветы мне без надобности, а вот свежие морепродукты прямо с Аляски — то, что меня интересует. Лосось, палтус, нерка, минтай, морской окунь, сельдь и камбала, крабы, осьминоги и красная икра... Зимой выбор не так разнообразен, зато в ассортимент добавляется вяленая и копчёная рыба, приготовленная по старинным индейским рецептам.

— Хай, Илия! — из-за рыбного прилавка машет рукой мой приятель Макки, самый настоящий индеец. Ему пятьдесят лет, и он уверяет, что все их провёл в буквальном смысле на этом рынке. Его мать работала здесь ещё до его рождения; она нередко укладывала младенца спать в ящик из-под бананов и продолжала вести торговлю. Когда Макки немного подрос, он сам надел фартук и сделался полноценным помощником матери, приходя на рынок каждый день после школы.

— Хай, Макки, — откликаюсь я.

— Форель сегодня просто обалденная! — говорит тот. — И даже несколько щук есть. Ты как знал, когда заглянуть, хитрец...

Торговцы сноровисто перебрасывают друг другу через прилавок свежую провизию — кажется, будто рыба сама взмывает в воздух. Затем её рассортировывают и обкладывают со всех сторон льдом.

— Хочешь сам поймать? — Макки, широко улыбаясь, машет мне хвостом большой скользкой рыбины, предлагая присоединиться к этой немудрёной забаве. Я отказываюсь: хватать сырую рыбу голыми руками не особо приятно, я не выношу резкий рыбный запах и всегда прошу завернуть мне покупки в несколько слоёв толстой бумаги.

— Ну, какие планы на праздники? — спрашивает Макки, подмигивая. — Будешь развлекаться с кем-нибудь?

— Никаких. Останусь дома.

— Какой ты зануда, Илия! В твои годы парни обычно только и думают о том, как бы склеить какую-нибудь симпатичную девчонку... Я в этом возрасте был уже дважды отцом!

— Меня это не интересует.

— Но ты ведь не гей?

— Нет.

— Тогда почему у тебя нет подружки?

“Есть”, — собираюсь было возразить я, но осекаюсь, понимая, что мне нечего ответить. Я всё ещё по привычке считаю Маришу своей, но ведь прошло уже достаточно много времени. Мы больше не вместе, ужасно глупо продолжать думать, что эта девушка до сих пор мне принадлежит.

— Моя подружка осталась в России, — только и говорю я.

— Она небось красотка? Русские девушки все хорошенькие, — он ухмыляется. — А как её зовут? Наверное, Наташа?..

Помимо рыбных рядов, я иногда заглядываю в пекарню “Pirozhky”, которую основала семья эмигрантов из Латвии. Популяризация пирожков среди местного населения проходит успешно — в клиентах недостатка нет. Хозяйка пекарни Дайна за два года уже изучила мои вкусы и сейчас, не спрашивая, кладёт в бумажный пакет несколько ватрушек и вишнёвый пирог.

— Весёлого Рождества, Илья, — говорит она на прощание по-русски. На голове у неё — красный колпак Санты.

— И тебе весёлого Рождества, Дайна! — отвечаю я. Это всего лишь дань вежливости, никакого “весёлого Рождества” у меня не будет: просто очередной день — такой же, как и в будни. Не плохой, но и ничем не выдающийся.

Я еду домой и думаю о Марише.

Я вообще часто и много о ней думаю, хотя, наверное, не должен этого делать. Мне очень не хватает её, хотя во всех статьях на тему расставаний пишут, что самое трудное — пережить первые месяцы. Я скучаю по ней так же сильно, как скучал два года назад после переезда, и ужасно хочу её увидеть. Могу часами рассматривать фотографии в её инстаграме и те, что Мариша сама мне присылает. Она пишет, что тоже скучает. Должно быть, это ненормально, но мне совершенно не хочется начинать отношения с кем-нибудь другим, хотя, как ни странно, местные девушки постоянно со мной флиртуют. Я просто не могу вообразить рядом с собой никого, кроме Мариши...

Вероятно, нужно ещё какое-то количество времени — недель, месяцев или даже лет, чтобы меня отпустило. Когда-нибудь обязательно отпустит. А пока я всё так же ежедневно слушаю онлайн её программу на радио — правда, из-за разницы во времени иногда пропускаю отдельные выпуски, потому что не всегда в тот момент нахожусь за компьютером.

Мой отпуск слишком короткий для того, чтобы проводить его в России, но я надеюсь, что в следующем году мне это непременно удастся. Я ещё ни разу не видел младшую сестру вживую, только на фото, которые присылает мама. Тимур уверяет, что Настя — самая красивая девочка на свете. Мне сложно судить, все маленькие дети выглядят на одно лицо, но, по-моему, сестра похожа на своего отца — такая же рыжая и улыбчивая.

А ещё я скучаю по Русу. Он расстался со своей девушкой Лёлькой и сейчас немного хандрит, но в целом дела у него идут отлично. Собирается прилететь ко мне в гости весной, чтобы “затусить как в старые добрые времена”, говорит он.

Я проезжаю мимо штаб-квартиры компании “Амазон”, которую называют одной из самых необычных архитектурных построек в мире корпораций. Напротив расположился Banana Stand, где каждый прохожий может получить банан совершенно бесплатно. Завидев меня, чернокожий *баниста* делает приглашающий жест, но я только качаю головой: не люблю бананы.

А уже за следующим поворотом — дом, в котором я живу.

Работодатели оплачивают мне съёмную квартиру с одной спальней — в России она считалась бы “двушкой”, а здесь принято оценивать жильё по количеству спален. Гостиная соединена с кухней: зона, где готовят еду, отделена от жилого помещения небольшой стойкой, которую называют *breakfast counter*, потому что за ней действительно удобно завтракать на скорую руку, не накрывая на стол. Мне очень нравится, что все американские раковины оборудованы диспоузером — измельчителем бытовых отходов. Этот прибор, установленный в слив мойки, за секунды превращает остатки пищи в порошкообразную массу, которая смывается в канализацию вместе с водой. Это удобно и экологично.

Прачечная находится в подвале, там же расположены электросушилки для белья. Для всех жильцов дома установлены свои правила: не шуметь после одиннадцати ночи, не плавать голышом в общественном бассейне, не менять замки без согласия собственника, не курить в помещении и убирать за своими собаками. За два года у меня ни разу не возникло желания нарушить какое-либо из этих правил, а Рус смеётся и говорит, что я просто до безумия скучно живу.

Останавливаю велосипед и вдруг замечаю возле дома девушку, чем-то напоминающую Маришу. Нет, не так — она выглядит *настолько* Маришей, что у меня пересыхает во рту. Те же волосы, та же фигура... Я подхожу ближе и начинаю сомневаться, не галлюцинация ли это. На девушке пушистый голубой свитер, которого у Мариши точно раньше не было, но при этом абсолютно такая же улыбка и ямочки на щеках. Более того, она делает шаг навстречу и произносит по-русски *тем самым* голосом:

— Привет, Илья.

Я замираю на месте, пытаюсь осознать тот факт, что это действительно она.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я.

Мариша пожимает плечами:

— Хотела устроить сюрприз...

— Ты же знаешь, что я не люблю сюрпризы, — зачем-то говорю я, хотя на самом деле мне сейчас хочется орать во всё горло, смеяться, подпрыгивать на месте и вообще совершать одновременно кучу глупых вещей, несвойственных моему возрасту.

— Знаю, — кивает она. — Так ты... не рад?

— Очень рад... — не успеваю я договорить до конца, как в ту же самую секунду она меня обнимает.

Я не испытываю желания отстраниться или отшатнуться — наоборот, сам крепко обнимаю её в ответ.

Где-то в груди у меня всё сжимается и болит, а в глаза словно насыпали песка, но в то же время я чувствую себя очень хорошо. Странное сочетание ощущений... Как будто ешь одновременно и горькое, и сладкое.

— Визу дали в самый последний момент, — бормочет она, уткнувшись лицом мне в шею. Её лёгкое дыхание согревает кожу. — Я не хотела тебя напрасно обнадеживать, боялась, но... очень мечтала встретить этот новый год вместе с тобой.

— У тебя не будет неприятностей на работе? — спрашиваю я, хотя, откровенно говоря, мне наплевать.

— Не будет. Я уволилась, — говорит она просто.

— Значит, “Утреннего кофе с Маришей” больше не существует?

— Зато есть “Утренний кофе с Катрин”. Будешь слушать новую ведущую и влюбишься в её голос? — Мариша улыбается.

Я подозреваю, что она просто шутит, но всё равно отвечаю:

— Нет. Не буду. Есть всего один голос — твой. Другие мне не нужны.

— Только голос? А как насчёт меня самой?

— Ты мне нужна, ничего не изменилось, — отвечаю я.

Мариша отстраняется и пытается поймать мой взгляд.

— Как тебе здесь? — спрашивает она наконец. Мне кажется, что на самом деле она хотела спросить что-то другое.

— Хорошо. Мне здесь очень хорошо. Был только один минус — отсутствие тебя. Но теперь вообще всё идеально.

— Ты встречаешься... встречался с кем-нибудь? — спрашивает она после паузы. — Даже не полноценные отношения, а хотя бы... просто секс?

— Нет, — отзываюсь я. — Всё равно лучше, чем с тобой, мне не будет ни с кем.

Из чьего-то распахнутого окна до нас доносятся звуки старой песни Мэрайи Кэри:

— *I don't want a lot for Christmas*

There is just one thing I need

I don't care about the presents

Underneath the Christmas tree

I just want you for my own

More than you could ever know

Make my wish come true

All I want for Christmas is you...

— Ты понимаешь, о чём она поёт? — спрашивает Мариша очень серьёзно. Я послушно перевожу:

— “Я не прошу на Рождество слишком многого, есть только одно, что по-настоящему мне необходимо. Мне не нужны подарки под ёлкой, я просто хочу себе — тебя, сильнее, чем ты даже можешь вообразить. осуществи мою мечту... Ты — это всё, чего мне хочется на Рождество”.

— All I want for Christmas is you... — шепчет она, и я наконец делаю то, что давно надо было сделать: я её целую.

Целую так, как никогда раньше не целовал, сходя с ума от неожиданно острого удовольствия.

Мне всё равно, что за десять секунд поцелуя партнёры передают друг другу около восьмидесяти миллионов бактерий. Меня не волнует, почистила ли она зубы, и по фигу на количество слюны, которой мы сейчас обменяемся. Мне нравится сам вкус этого поцелуя. Губы Мариши пахнут шоколадом и кофе, а дыхание — сливочным мороженым.

Кажется... кажется, это моё самое любимое на свете сочетание.

КОНЕЦ